Н. А. Рубакинъ.

2859

ПИСЬМА КЪ ЧИТАТЕЛЯМЪ О САМООБРАЗОВАНІИ.

Какъ начинающіе читатели должны приступать къ нему и какъ вести его.

1. Знаменіе нашего времени. 2. Всякій желающій можетъ сдѣлать изъ себя дѣйствительно образованнаго человѣка. 3. Что такое образованный интеллигентный человѣкъ? 4. Общій планъ самообразованія. 5. Самообразованіе и личныя особенности читателя. 6 и 7. Кое-что о способности и неспособности къ самообразованію и о количественной и качественной сторонѣ чтенія. 8. Что такое хорошая книга? 9. Что такое подходящая книга? 10. Воля и ея дѣло въ процессѣ самообразованія. 11. Кое-что о разныхъ практическихъ вопросахъ и трудностяхъ самообразованія. 12. Кое-что о вниманіи къ окружающей жизни. 13. Кое-что о смыслѣ и цѣли жизни. 14. Какія книги слѣдовало бы прочесть во всякомъ случаѣ.

ДОПОЛНЕНІЕ. Распространеніе высшаго образованія въ народной средѣ. Основныя задачи библіотечнаго дѣла.

87485
19/1 35 р.
356950

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе Н. П. Карбасникова.
1913.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	стр.
ПРЕДИСЛОВІЕ	1
ГЛАВА I. Знаменіе нашего времени	20
ГЛАВА II. Всякій желающій можетъ сдѣлать изъ себя дѣйствительно образованнаго человѣка.	28
ГЛАВА III. Что такое *образованный, интеллигентный человѣкъ?*	39
ГЛАВА IV. Общій планъ самообразованія	52
ГЛАВА V. Самообразованіе и личныя особенности читателя	92
ГЛАВА VI и VII. Кое-что о способности и неспособности къ самообразованію и о количественной и качественной сторонѣ чтенія	112
ГЛАВА VIII. Что такое хорошая книга?	135
ГЛАВА IX. Что такое подходящая книга?	154
ГЛАВА X. Воля и ея дѣло въ процессѣ самообразованія.	188
ГЛАВА XI. Кое-что о разныхъ практическихъ вопросахъ и трудностяхъ самообразованія	207
ГЛАВА XII. Кое-что о вниманіи къ окружающей жизни	231
ГЛАВА XIII. Кое-что о смыслѣ и цѣли жизни.	241
ГЛАВА XIV. Какія книги слѣдовало бы прочесть во всякомъ случаѣ.	272
ДОПОЛНЕНІЕ I. Гдѣ и какъ началась работа надъ распространеніемъ высшаго образованія въ народныхъ массахъ.	299
ДОПОЛНЕНІЕ II. Основныя задачи библіотечнаго дѣла	330

ОТЪ АВТОРА.

Первоначально авторъ предполагалъ издать „Письма къ читателямъ о самообразованіи“ въ одномъ томѣ, включивъ въ него, въ видѣ приложенія, краткіе списки книгъ, служащихъ для достиженія тѣхъ цѣлей, которыя въ этихъ „Письмахъ“ формулированы. Непосредственная переписка съ читателями и запросы этихъ послѣднихъ, обращенные къ автору, показали, что одними списками книгъ, хотя бы такими, какіе приведены въ XIV главѣ, нельзя ограничиться. Необходимы возможно полныя и ясныя описанія книгъ, такъ, чтобы съ ихъ помощью читатель, еще не знакомый съ указываемыми книгами, могъ получить болѣе или менѣе отчетливое понятіе о нихъ. Къ составленію такихъ описательныхъ списковъ и приступилъ авторъ, стремясь при этомъ быть возможно краткимъ въ своихъ характеристикахъ. Тѣмъ не менѣе, намѣченная такимъ образомъ задача оказалась и болѣе обширной, и болѣе трудной для исполненія, чѣмъ какой она представлялась съ перваго взгляда. Описательный каталогъ, вмѣсто 2 — 3 листовъ, разросся до 10 — 12. Включить его въ нынѣ выпускаемую книгу оказалось невозможнымъ, — это значило бы слишкомъ удорожить ее и такимъ образомъ затруднить ея пріобрѣтеніе. Поэтому всѣ намѣченныя въ этой книгѣ приложенія пришлось выдѣлить въ особую книгу, которая и появится, немедленно вслѣдъ за этой, подъ заглавіемъ „Среди книгъ и читателей; система самообразовательнаго чтенія примѣнительно къ личнымъ особенностямъ читателей, съ описаніемъ 400 книгъ по главнѣйшимъ отраслямъ знанія“. Въ эту книгу и войдутъ всѣ приложенія, ссылки на которыя сдѣланы на страницахъ нынѣ выпускаемыхъ „Писемъ“.

Н. Рубакинъ.

Clarens, Suisse.
1912.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Цѣль этой книжки состоитъ не въ томъ, чтобы напомнить читателямъ, получившимъ образованія ниже средняго, о существованіи цѣлаго ряда хорошихъ книгъ, которыя имъ, быть можетъ, до сихъ поръ еще неизвѣстны. Разныхъ указателей хорошихъ книгъ и въ настоящее время существуетъ не мало, да и хорошія книги, въ нихъ перечисляемыя, извѣстны болѣе или менѣе многимъ. Цѣль этой книжки практическая, въ ней идетъ рѣчь о томъ, какъ экономизировать время и трудъ и вообще свои силы, работая надъ самообразованіемъ, какъ подходить къ этой работѣ не со стороны книги, а со стороны жизни, обыденщины, и вести ее въ тѣхъ самыхъ условіяхъ, въ какихъ приходится волей-неволей существовать, — не поступаясь при этомъ ни цѣлью, ни смысломъ своей жизни, которую каждый человѣкъ, кто бы онъ ни былъ, долженъ изо всѣхъ своихъ силъ и способностей, и прежде всего собственными своими силами, сдѣлать возможно разностороннѣе, полнѣе, шире, глубже, возвышеннѣе, напряженнѣе и красивѣе. Въ основѣ этой книжки, какъ и въ основѣ большого труда „Среди книгъ“ того же автора, лежитъ непосредственное изученіе не только книжныхъ богатствъ, но и читателей, читающей толпы, составленной изъ самыхъ разнообразныхъ,—соціальныхъ, психическихъ и антропологическихъ типовъ. Замѣтки и наблюденія, накопленныя авторомъ въ теченіе многихъ лѣтъ, послужили главнымъ матеріаломъ для теоретическихъ и практическихъ выводовъ, которые

онъ дѣлаетъ въ этой книжкѣ. Эта послѣдняя отнюдь не представляетъ изъ себя систематическаго руководства для самообразованія, надъ составленіемъ котораго авторъ уже нѣсколько лѣтъ работаетъ. Скорѣе это сборникъ статей и замѣтокъ, написанныхъ на одну и ту же тему, преслѣдующихъ одну и ту же цѣль, одухотворенныхъ, по мнѣнію автора, однимъ и тѣмъ же настроеніемъ, — настроеніемъ борьбы противъ одного изъ гнуснѣйшихъ видовъ современнаго неравенства, — именно неравенства образованія и умственнаго развитія, отъ котораго до сихъ поръ многіе милліоны людей еще отгорожены бѣдностью, безправіемъ и другими препятствіями, по нашему глубокому убѣжденію, отнюдь не-непреодолимыми, и во всякомъ случаѣ такими, бороться съ которыми долженъ такъ или иначе каждый, кто какъ можетъ и кто какъ умѣетъ.

Помогать распространенію образованія въ самыхъ широкихъ кругахъ населенія, и прежде всего въ тѣхъ кругахъ, гдѣ живется особенно тяжело, гдѣ недостатокъ образованія отзывается особенно мучительно, гдѣ стремленія къ свѣту обыкновенно бываютъ сопряжены съ особенными трудностями, — помогать всѣми силами, всѣми доступными средствами, авторъ этой книжки поставилъ себѣ цѣлью еще на гимназической скамьѣ.

Двадцать пять лѣтъ работы не только не заставили измѣнить позиціи, но еще болѣе укрѣпили на ней, и наглядѣе нагляднаго показали, что и цѣль жизни, и точка приложенія имѣющихся въ распоряженіи силъ выбраны были правильно. Много на свѣтѣ разныхъ дѣлъ, и неотложныхъ и важныхъ, плодотворныхъ и желательныхъ. Всячески помогать самообразованію возможно большаго числа людей, особенно нуждающихся, — одно изъ такихъ дѣлъ, и если не самое главное, то во всякомъ случаѣ одно изъ главныхъ. Кругъ такихъ читателей, какъ извѣстно, чрезвычайно великъ, а въ этомъ кругу, — мы это знаемъ непосредственно изъ сношеній съ читателями, — много, очень много людей несомнѣнно даровитыхъ, способныхъ, а главное, бодрыхъ,

жизнедѣятельныхъ, и которымъ научное знаніе и сознательное отношеніе къ жизни особенно нужны. А эти люди, такіе люди, и остаются нерѣдко не только внѣ круга образованія и умственнаго развитія, но и внѣ возможности работать надъ самообразованіемъ. Иные дѣйствительно не могутъ, другіе просто на просто не знаютъ, что и для нихъ вѣдь тоже доступно образованіе собственными средствами, третьи знаютъ и это, но не понимаютъ, съ чего начать и какъ вести дѣло. Иныхъ останавливаетъ слабоволіе, другіе просто на просто россійскіе „распустёхи“,—ихъ ужасаетъ якобы безконечно большая работа. А есть и такіе, которые ничего не дѣлаютъ потому, что „еще не собрались“. А иные и работаютъ, но кое какъ, блуждая словно въ дремучемъ лѣсу, путаясь, сбиваясь, теряя и силы, и средства, и время... И въ результатѣ—свѣтлыя и несомнѣнно полезныя силы пропадаютъ зря и для себя, и для другихъ. И жизнь проходитъ и проходитъ, сѣрая и безсмысленно пустая и безконечно безплодная.

Попытка помочь этому кругу читателей, которую мы дѣлаемъ, выпуская въ свѣтъ эту книжку, далеко не первая и имѣетъ свою исторію.

Въ 1891 г., по почину, между прочимъ, и пишущаго эти строки [1]), и при самомъ душевномъ сочувствіи и горячей поддержкѣ проф. Н. И. Карѣева, В. А. Мякотина, В. И. Семевскаго и при содѣйствіи генер. Н. А. Макарова, затѣмъ многихъ другихъ, въ С.-Петербургѣ при Педагогическомъ музеѣ Военно-учебныхъ заведеній возникъ особый „Отдѣлъ Самообразованія“, который поставилъ своею цѣлью содѣйствовать самообразованію посредствомъ составленія особыхъ программъ для чтенія съ указаніями научной литературы и сталъ издавать съ этого момента энциклопедическія „Программы чтенія для самообразованія“. По мысли иниціаторовъ, этотъ отдѣлъ имѣлъ въ виду по-

---

[1]) См. „Энц. Слов.“ Брокгауза-Ефрона, т. 53, стр. 190. Ст. С. Венгерова, „Больш. Энциклопедіи“ т. 16, стр 559.

могать, при помощи составленія этихъ программъ, тѣмъ читателямъ, которымъ оказались не по силамъ московскія „Программы домашняго чтенія“, изд. Комиссіей домашняго чтенія при Обществѣ Распространенія Техн. знаній. Да и московская комиссія, по ея собственному признанію [1]), сама видѣла, что ея программы оказываются трудными и болѣе или менѣе недоступными для многихъ желающихъ пополнить свое образованіе и, опираясь на это соображеніе, постановила въ 1907 г. расширить свою дѣятельность, приступивъ къ выработкѣ программъ новаго типа,—подготовительныхъ, соотвѣтствующихъ курсу средняго образованія. Первый отдѣлъ „Программъ домашняго чтенія въ размѣрахъ курса средняго образованія“ [2]) представляетъ изъ себя нѣчто болѣе краткое и упрощенное, сравнительно съ основными программами, изд. той же Комиссіей. Но и эти упрощенныя программы требуютъ отъ читателя довольно высокой подготовки, а значитъ, оставляютъ внѣ своего круга тѣхъ читателей, которыхъ всегда и прежде всего имѣлъ въ виду пишущій эти статьи.

Въ 1900—901 г.г. при Спб. Отдѣлѣ Самообразованія работала особая комиссія, поставившая своей цѣлью изданіе общеобразовательной программы для читателей изъ народа, но событія, наступившія въ томъ же году и повлекшія за собой невольный отъѣздъ многихъ членовъ комиссіи изъ Петербурга, въ томъ числѣ и автора этой книжки, прервали это дѣло въ самомъ началѣ. Такъ вышеупомянутая комиссія и заглохла окончательно, ничего не опубликовавъ. Да и публиковать было тогда почти нечего, потому что во всей русской литературѣ, по многимъ отраслямъ знанія и по очень многимъ вопросамъ вовсе не было и книгъ, доступныхъ этому кругу читателей. Такія книги стали появляться лишь съ 1904 г., а главнымъ образомъ, съ 1905 г.

---

[1]) Программы домашняго чтенія. Курсъ средняго образованія. М. 1910 г. стр. I.

[2]) Изданъ пока лишь I отдѣлъ (философія, математика, естествознаніе). М. 1910 г. 30 коп.

Все, что можно было сдѣлать для этихъ читателей до 1904 г., сдѣлалъ безвременно умершій Александръ Васильевичъ Пановъ, въ своей брошюрѣ „Домашняя библіотека“ (1-е и 2-е изд. въ 1903 и 3-е изд. въ 1906 г., передѣланное и искаженное тогдашнимъ Товариществомъ „Обществ. Польза“). Какъ видно изъ этого перечисленія и повторныхъ изданій, брошюра А. Панова имѣла большой успѣхъ, ею вполнѣ заслуженный. Это было своего рода письмо къ читателямъ, дѣйствительно дошедшее по адресу.

Послѣ этого, для систематическаго самообразованія наиболѣе широкихъ круговъ грамотной Россіи не было сдѣлано ничего или почти ничего до 1905 г., когда появился цѣлый рядъ всякаго рода „указателей“ и рекомендательныхъ каталоговъ какъ въ видѣ брошюръ, такъ и въ видѣ болѣе или менѣе толстыхъ книжекъ, преслѣдовавшихъ чаще всего злободневную, но сомнительную по своимъ результатамъ цѣль,—возможно скорѣе вооружить широкіе круги читателей прежде всего пониманіемъ нѣкоторыхъ общественныхъ отношеній, затѣмъ кой-какими, по большей части односторонними, знаніями, а больше всего настроеніемъ, котораго въ тотъ моментъ и безъ того было много и которое, какъ мы теперь знаемъ по опыту, мѣшало и пониманію и распространенію научныхъ систематическихъ знаній. При такихъ условіяхъ серьезная работа надъ самообразованіемъ врядъ ли была мыслима. Да ея и не было. Не было и особенно глубокаго пониманія сложныхъ соціальныхъ отношеній, что тоже не замедлило сказаться на дѣлѣ. Но и цѣль всѣхъ злободневныхъ каталоговъ и указателей, за самыми малыми исключеніями, вовсе была не та, какую должны преслѣдовать „Программы для самообразованія“. Послѣднія, по самой своей основѣ, во-первыхъ, не должны быть односторонни, во-вторыхъ, не должны быть узко-тенденціозны и партійны, въ-третьихъ, должны быть энциклопедичны, охватывая не одинъ какой либо кругъ науки и жизни, а всѣ главнѣйшіе ихъ круги. Съ этой точкой зрѣнія и въ 1905—7 г.г.

собственно для народнаго самообразованія тоже не было сдѣлано почти ничего.

Въ іюлѣ 1905 г. появилась въ свѣтъ моя большая работа—первое (относительно краткое) изданіе „Среди книгъ", гдѣ 1) была дана подробная классификація всѣхъ отраслей знанія, 2) по каждой отрасли знанія указаны были лучшія книги, имѣющіяся на русскомъ языкѣ, 3) всѣ указанныя книги были распредѣлены по степенямъ ихъ относительной трудности для пониманія и усвоенія, 4) при этомъ указаны были въ каждомъ отдѣлѣ и книги для широкаго круга читателей, о которомъ здѣсь только что шла рѣчь. 5) Указывались книги, во первыхъ, дающія знаніе фактовъ, во вторыхъ, дающія знаніе идей, теорій. 6) Для ознакомленія читателей съ разными теоріями всячески избѣгались односторонность и тенденціозность. Указывались теоріи разнородныя, даже прямо противоположныя, но каждая изъ нихъ обставлялась указаніями критическихъ статей, ставилась, такъ сказать, подъ перекрестный огонь противниковъ, такъ, чтобы самъ читатель могъ отнестись критически къ каждой теоріи и, такимъ способомъ, разобраться въ нихъ, выбрать для себя ту, которая показалась бы ему самому наиболѣе близкой къ идеалу справедливости и истины. Въ 1911 г. вышло второе изданіе того-же труда „Среди книгъ", въ основѣ котораго лежатъ тѣ же принципы, но только получившіе дальнѣйшее развитіе и еще болѣе приближенные къ жизни. Въ этомъ второмъ изданіи дана не только общая схема знаній, и не только указаны и перечислены лучшія русскія книги по всѣмъ отраслямъ знанія, но почти всѣ эти книги описаны, характеризованы съ внутренней ихъ стороны, независимо отъ заголовковъ, всѣ распредѣлены по кругамъ читателей и по главнѣйшимъ теченіямъ и направленіямъ научно-философской и литературно-общественной мысли. Такимъ образомъ, читатель, пользуясь вторымъ, новымъ изданіемъ „Среди книгъ", по мысли составителя, получаетъ возможность выбирать себѣ книги для чтенія не въ слѣпую, не по заголовкамъ, которые обыкно-

венно говорятъ ему очень мало, а по существу,—выбирать именно тѣ книги, которыя содержатъ отвѣтъ на тотъ или иной вопросъ, возникшій въ душѣ читателя, или даютъ матеріалъ для его рѣшенія. И не только даютъ матеріалъ, но и помогаютъ разобраться въ точкахъ зрѣнія разныхъ авторовъ указываемыхъ книгъ, отвѣчая на вопросы: „кто они, эти авторы, что они и какимъ именно богамъ служатъ"? Что касается того вопроса, который же изъ этихъ „боговъ" лучше, который хуже, объ этомъ, по мнѣнію автора „Среди книгъ", можетъ судить только самъ читатель.

Разумѣется, знакомство съ содержаніемъ и характеромъ разныхъ книгъ, независимо отъ ихъ заголовковъ, крайне важно для всякаго читателя, и многіе составители разныхъ „указателей" даютъ въ своихъ трудахъ не только заголовки, но и описанія книгъ. Отъ этихъ „указателей" „Среди книгъ" отличается тѣмъ, что книжныя описанія и характеристики даются тамъ съ точки зрѣнія исторіи идей, исторіи наукъ и общественной жизни, и читатель получаетъ возможность оцѣнивать книгу, знакомясь съ ея мѣстомъ въ исторіи.

Но и этого еще мало. То, о чемъ было сказано выше, все это лишь первыя ступени въ дѣлѣ огромной и сложной помощи тѣмъ, кто идетъ къ свѣту только путемъ самообразованія, внѣ всякой школы. Такія изданія, какъ „Среди книгъ", хотя и заключаютъ въ себѣ не мало матеріала и вообще разныхъ указаній, все таки черезчуръ громоздки и дороги для того круга читателей, о которомъ шла рѣчь выше. Кромѣ того, „Среди книгъ" лишь ставитъ, но еще не разрѣшаетъ, крайне важный вопросъ громаднаго практическаго значенія. Этотъ вопросъ состоитъ вотъ въ чемъ:

Одно дѣло — книга хорошая, книга удовлетворяющая научнымъ и т. п. требованіямъ, и совсѣмъ другое дѣло — книга подходящая — подходящая для даннаго читателя, со всѣми его личными особенностями, съ его образовательной подготовкой и въ той обстановкѣ, гдѣ ему волей-

неволей приходится жить. Какъ выбирать книги не только хорошія, но и подходящія? Вотъ вопросъ, въ отвѣтѣ на который заключается самая трудность дѣла самообразованія при помощи чтенія. Учитель, и вообще руководитель, такъ или иначе, въ той или иной степени, можетъ узнать личныя особенности ученика и приспособляться къ нимъ. Книга, разъ написанная, сама ни къ кому не приспособляется. Она требуетъ отъ читателя, чтобы онъ самъ приспособлялся къ ней, къ такой, какая она ни на есть. Читатель же, волей-неволей, долженъ при этомъ дѣйствовать по извѣстному правилу пророка Магомета, который говорилъ, что „если гора не идетъ къ пророку, пусть пророкъ идетъ къ горѣ". Но и тутъ является вопросъ, — какимъ же образомъ можетъ читатель приспособиться къ книгѣ? Это легко сказать, но очень трудно сдѣлать.

Каждый читатель, работающій надъ своимъ самообразованіемъ, отлично знаетъ, что на этотъ-то вопросъ и труднѣе всего найти отвѣтъ; а этотъ-то отвѣтъ особенно и необходимъ такому читателю, который еще не привыкъ ни къ книгамъ вообще, ни къ чтенію, и не имѣетъ ни общаго кругозора, ни даже элементарной подготовки, ни практическаго навыка къ самому процессу чтенія и къ выбору книгъ, ни знакомства съ ними. И какъ ему получить все это, только читая и читая книги, дающія ему знаніе и пониманіе? Для этого ему нужна особая книга, которая подошла бы къ нему не какъ книга, а какъ руководитель-другъ, взглянула бы на него не какъ на читателя вообще, а какъ на такую-то личность, и сказала бы ему примѣрно то, о чемъ будетъ говориться на слѣдующихъ страницахъ этой книги.

Сказала бы кое что не только о знаніяхъ и о книгахъ, дающихъ ихъ, но побесѣдовала бы возможно просто, а главное—душевно, съ самимъ читателемъ о немъ самомъ, какой онъ тамъ ни на есть.

Составлять превосходные списки даже самыхъ лучшихъ книгъ, даже обставляя ихъ кой-какими разъясненіями, этого еще недостаточно, чтобы приблизить къ читателю тѣ зна-

нія, то пониманіе и даже то настроеніе, которое ему дѣйствительно могутъ дать такія-то превосходныя книги. Московскія и петербургскія программы и другія нынѣ существующія представляютъ изъ себя не что иное, какъ списки „вообще хорошихъ книгъ“, предназначенныхъ для „читателей вообще“. Повторяемъ, этого мало. Необходимо индивидуализировать рекомендацію книгъ, необходимо указывать читателямъ именно такую книгу, которая наиболѣе соотвѣтствуетъ ему по характеру ея изложенія. Другими словами, въ дѣло составленія рекомендательныхъ программъ должна быть введена еще одна мѣрка, мѣрка личныхъ качествъ читателя. Какимъ складомъ ума, памяти, эмоцій, настроеній, какими стремленіями, какой подготовкой и разными другими особенностями долженъ обладать читатель, чтобы дѣйствительно понять и усвоить содержаніе такой-то, ему рекомендуемой книги? Вотъ вопросъ, котораго на практикѣ не могутъ не задавать себѣ всѣ руководители чтеніемъ, но значеніе котораго до сихъ поръ далеко не оцѣнено, а для научнаго разрѣшенія котораго до сихъ поръ почти ничего еще не сдѣлано.

Въ 1911 г. пишущій эти строки, приступивъ къ печатанію своихъ „Этюдовъ по психологіи читательства“ [1]), вмѣстѣ съ тѣмъ рѣшилъ сдѣлать попытку осуществить на практикѣ свою идею индивидуализаціи чтенія, т.-е. приспособленія списковъ рекомендуемыхъ книгъ къ личностямъ тѣхъ читателей, которымъ онѣ указываются. Въ „Новомъ журналѣ для всѣхъ“ при дружеской поддержкѣ и полномъ сочувствіи П. А. Берлина, по моему предложенію, былъ открытъ особый отдѣлъ самообразованія, о желательности котораго высказалось и большинство подписчиковъ этого журнала, приславшихъ свои отвѣты на произведенную его редакціей анкету. При организаціи даннаго отдѣла цен-

---

[1]) Отрывки изъ этого большого труда появились въ „Рус. школѣ“ 1910 г. № 11—12, а основныя идеи вкратцѣ изложены въ § 82 и слѣд. въ I т. „Среди книгъ“, также въ статьѣ „Психологія книжнаго вліянія“ въ „Нов. жизни“ 1910 г. Декабрь.

читателямъ“ откликнулись и все продолжаютъ откликаться изъ разныхъ уголковъ русской земли, и близкихъ, и дальнихъ, все новыя и новыя лица, которымъ надоѣло и которымъ, наконецъ, не въ моготу жить и жить изо дня въ день, все глубже и глубже погрязая въ болото унынія, хандры, разброда, безсмысленнаго и безцѣльнаго опусканія рукъ. Такая отзывчивость нашихъ читателей показываетъ, что мы не ошиблись, адресуя нашъ призывъ къ тѣмъ читательскимъ кругамъ, которые болѣе всѣхъ другихъ русскихъ людей являются въ настоящее время, такъ сказать, пасынками просвѣщенія и науки. Письма, нами полученныя, въ достаточной степени показали намъ, съ какимъ кругомъ читателей мы будемъ главнымъ образомъ имѣть дѣло и какіе именно особенно нуждаются въ нашей помощи. На всѣ письма, нами полученныя, мы дали болѣе или менѣе подробные отвѣты. Нѣкоторымъ авторамъ этихъ писемъ мы сдѣлали, въ свою очередь, кое-какіе добавочные вопросы, необходимые для насъ въ цѣляхъ дальнѣйшаго содѣйствія ихъ занятіямъ съ нашей стороны. Мы не намѣрены были въ нашихъ статьяхъ навязывать читателямъ какое-либо, напр., наше личное міросозерцаніе. Всякій человѣкъ самъ долженъ выработать свое. Мы хотѣли лишь помогать читателю въ этой его работѣ, руководствуясь его собственными потребностями, принимая въ разсчетъ прежде всего его собственные запросы и указанія. При этомъ, мы не ожидали, да и не ожидаемъ, что наша работа въ данномъ направленіи можетъ принять широкіе размѣры. Но для насъ она важна, какъ провѣрка на о п ы т ѣ тѣхъ теоретическихъ соображеній, на которыя натолкнула насъ сама жизнь. Мы не закрывали глаза и на другія темныя стороны нашего начинанія, и въ отвѣтъ одному изъ нашихъ читателей (г. Бондаренко), справедливо указывающему намъ на трудность, а во многихъ случаяхъ и на безплодность самообразовательной работы при нынѣшнихъ истинно-русскихъ условіяхъ, мы не могли не отвѣтить слѣдующаго: мы отнюдь не считаемъ эту нашу

работу за какую-то панацею, какъ это онъ и можетъ видѣть изъ другихъ нашихъ работъ; мы говоримъ только: нужна и эта работа, надо и ее осмыслить и облегчить, а что будетъ дальше, — посмотримъ. Нытиковъ и безъ того много на свѣтѣ. Не приближается ли пора ихъ отступанія на задній планъ? Но есть на свѣтѣ и бодрые люди, и свѣжія силы. Безъ прояснѣнія-же народнаго сознанія посредствомъ возможно глубокихъ и широкихъ знаній, пониманія и бодраго настроенія никакія перемѣны въ жизни, какъ личной, такъ и общественной, во всякомъ случаѣ невозможны.

Съ фактами и цифрами въ рукахъ мы имѣемъ теперь возможность сказать нашимъ читателямъ: періодъ разброда и унынія несомнѣнно проходитъ. Мало-мальски живыя души встрепенулись. Уже начался во многихъ и многихъ углахъ періодъ исканія, за которымъ скоро послѣдуетъ, разумѣется, періодъ работы и дѣятельнаго осуществленія. Заговорили, зашевелились, каждый по своему, даже слабые изъ слабыхъ. А о сильныхъ и бодрыхъ и говорить не приходится. Жизнь беретъ свое, а жить надо всѣмъ. И каждый жаждетъ жить возможно полной, широкой, глубокой, интенсивной жизнью, и каждый стремится къ своему счастію и ищетъ именно его, и каждый по своему реагируетъ на всѣ тѣ помѣхи, которыя ставитъ ему жизнь въ этомъ стремленіи; а помѣхи общаго характера, „общераспространенныя“, естественно вызываютъ противъ себя все большій и большій и общій отпоръ массъ. Только бы люди не сидѣли сложа руки и не опускали бы рукъ; только бы души живыя перестали твердить о себѣ самихъ: „мы мертвыя, мертвыя“. Неправда! хотѣлось бы намъ крикнуть всѣмъ такимъ замершимъ, но не мертвымъ душамъ: „вы живыя, — вѣдь вы-же страдаете отъ вашего замиранія, даже временнаго, вѣдь вы даже въ такіе моменты ищете и ищете выхода. И ищете серьезно и глубоко, не отвлекаясь ходячими фразами. И эта самая серьезность и, если можно такъ выразиться, глубокость вашего исканія уже доказываетъ, что оно будетъ во всякомъ случаѣ плодотворно и успѣшно и приведетъ именно къ

тому концу, котораго такъ жаждутъ милліоны изстрадавшихся и измученныхъ людей. И мы говоримъ поэтому: ищите выхода, всѣ ищите! Еще ищите и еще. Онъ есть, этотъ пока невѣдомый выходъ: порукой этому — старушка исторія, видавшая много-много разныхъ видовъ и неожиданностей на своемъ вѣку.

Письма, нами получаемыя, говорятъ о поразительной серьезности и глубинѣ этого исканія. Съ удивительной напряженностью, съ мучительной страстностью оно идетъ, можно сказать, во всѣхъ кругахъ русскаго народа, быть можетъ, за исключеніемъ небольшой и, въ сущности отрѣзанной отъ населенія, изолированной группы нынѣшнихъ именинниковъ. Эти именинники довольны, — имъ скоро не придется бояться даже ревизій,—этимъ искать нечего: имъ остается только прятать и прятать, скрывать и скрывать, актерствуя на всѣ лады, чтобы выставить себя благороднѣйшими друзьями человѣчества, а не волками въ казенной или полу-казенной шкурѣ. Но и въ этомъ отношеніи пѣсенка прошлыхъ временъ спѣта, и тѣ, которые ее до сихъ поръ поютъ, кромѣ себя самихъ никого ею не очаровываютъ уже. Народныя массы ищутъ, серьезно ищутъ. Ищутъ, во-первыхъ, истины,—пониманія окружающей дѣйствительности такою, какова она есть, помимо втираемыхъ очковъ, во-вторыхъ, — хотя бы самой элементарной справедливости.

Мы должны теперь сказать нѣсколько словъ объ этихъ исканіяхъ, прежде чѣмъ перейти къ той темѣ, которой посвящена эта наша книжка. Мы должны еще и еще разъ сказать нашимъ читателямъ, что эти ихъ исканія, — это та же работа надъ самообразованіемъ, это центръ тяжести ея, — ея сила, значеніе, ея смыслъ. Нѣкоторыя письма, нами полученныя, орошены глубоко искренними,— святыми слезами тѣхъ, кто ихъ писалъ. Въ другихъ письмахъ слышатся не только слезы, но и болѣе сильныя, дрожащія, полныя отчаянія, нотки (какъ знать?)—быть можетъ, кандидатовъ на самоубійцъ. Вѣдь исканія, особенно искреннія и глубокія исканія, — этотъ признакъ чистой и высокой

души, — такъ мучительны! Наконецъ, въ третьихъ письмахъ чувствуется иная мрачная сила, такая же мрачная, какъ отчаяніе, — сила злобы и ненависти, — злоба и на себя, и на другихъ, и на всю жизнь, и на весь укладъ ея. Но такія письма — это лишь одиночные голоса. Большинство ихъ не таково. Огромная масса ихъ авторовъ — по существу люди добрые, люди крѣпкіе, сильные духомъ и лишь временно поддавшіеся общему распаду. Уныніе такихъ не страшно и не зловредно. Оно даже полезно, такъ какъ заставляетъ ихъ задумываться надъ тѣмъ, что раньше времени было неправильно рѣшено или считалось рѣшеннымъ, и избавляться отъ догматовъ, запасаться любовью къ истинѣ, а не къ словамъ... Съ бодрыми людьми работать — великое счастіе. Но не меньшее счастіе видѣть, что люди, ошибочно считавшіе себя слабыми, все больше и все быстрѣе сами отрѣшаются отъ такого дѣйствительно зловреднаго самообмана... Словомъ сказать, наша общая работа несомнѣнно наладилась съ первыхъ же шаговъ, а силъ и желанія вести ее все прибываетъ и въ нашихъ читателяхъ, и въ насъ.

Съ марта 1911 г. до 1 января 1912 г. нами было получено 1204 письма. Съ конца февраля 1912 г. мы перенесли нашу работу на страницы большой московской газеты „Русское Слово“, гдѣ она сразу же развернулась въ ширину, и въ одинъ мѣсяцъ дала намъ еще нѣсколько сотъ новыхъ писемъ. Изъ нихъ огромное большинство изъ провинціи и лишь очень немногія изъ столицы. На *всѣ* эти письма были нами даны отвѣты заказными письмами (за исключеніемъ 8). Лишь четыремъ [1]) лицамъ мы не могли дать никакого отвѣта, и то не по нашей винѣ.

---

[1]) Мы особенно жалѣемъ объ этомъ, такъ какъ среди этихъ четырехъ есть два лица, съ которыми намъ очень хотѣлось бы поддержать переписку: во 1-хъ, съ артисткой изъ Москвы (№ 63, почтамтъ, до востребованія: письмо наше, посланное ей заказнымъ въ мартѣ, вернулось обратно, не найдя адресата), во 2-хъ, г-жи Эм. Х. (изъ Иркутска о литературныхъ опытахъ; авторъ этого письма не написалъ своего адреса на письмѣ, а приложилъ отдѣльно, и адресъ

Письма, нами полученныя, можно раздѣлить на слѣдующія главныя категоріи: 1. Большинство читателей ставитъ намъ вопросъ о своемъ самообразованіи вообще, не задавая какихъ либо спеціальныхъ вопросовъ о тѣхъ или иныхъ областяхъ знанія. 2. Значительно меньше число такихъ читателей, которые сами указываютъ намъ тѣ отдѣлы наукъ, или области жизни, или вопросы, съ которыми имъ хотѣлось бы познакомиться обстоятельнѣе и подробнѣе. 3. Немногіе обращаются къ намъ за частными справками практическаго характера (напр., о поступленіи въ разныя учебныя заведенія и т. п.). Въ нашу задачу не входитъ давать такого рода практическія справки, т. к., проживая, по болѣзни, далеко отъ Россіи, мы не можемъ слѣдить за всѣми текущими измѣненіями въ условіяхъ поступленія и т. п. Что касается до читателей первой категоріи, нерѣдко намъ приходилось указывать имъ на наши, уже напечатанныя „Письма къ читателямъ“, которыя именно общимъ вопросамъ самообразованія и посвящаются. Случалось при этомъ нерѣдко, что читатели ставили намъ вопросъ, на который уже давался отвѣтъ въ письмѣ, уже написанномъ нами, но еще не появившемся въ журналѣ; съ другой стороны, руководствуясь такими вопросами, идущими отъ самихъ читателей, мы приспособляли къ нимъ дальнѣйшую нашу работу, и потому такого рода ихъ вопросы имѣли для нашего дѣла весьма серьезное значеніе и много помогли намъ въ работѣ надъ этой книжкой. Но и помимо общихъ отвѣтовъ, даваемыхъ въ

затерялся въ конторѣ „Нов. журн. для всѣхъ“, затерявшей и не мало другихъ писемъ). Покорнѣйше просимъ всѣхъ нашихъ читателей сообщить намъ свои адреса, а всѣхъ прочихъ нашихъ корреспондентовъ повторять свои адреса въ каждомъ своемъ письмѣ. Иногда письма читателей, адресованныя въ редакціи „Н. Ж.“ пересылались къ намъ съ большимъ запозданіемъ, а нѣкоторыя и вовсе не пересылались (напр., письма Вихрева, Цивкина, Островскаго и др.). Иногда письма затеривались вслѣдствіе того, что нашъ адресъ былъ написанъ неправильно отправителемъ или же потому, что письмо было послано не заказнымъ.

нашихъ статьяхъ, подробные, обстоятельно изложенные запросы, идущіе отъ читателей, позволили намъ обстоятельно отвѣчать имъ, приспособляя нашъ отвѣтъ къ личности, потребностямъ и къ жизни даннаго читателя, автора даннаго письма и мы и теперь просимъ не скупиться на такія свѣдѣнія. Эта сторона дѣла имѣетъ огромное значеніе для всей его постановки. Повторяемъ, — чтобы рекомендовать не только хорошую, но именно подходящую хорошую книгу для даннаго читателя, необходимо по возможности знать этого послѣдняго, — типъ его ума, памяти, его характеръ, темпераментъ, его научную подготовку, степень развитія, обстановку его жизни, родъ занятій. Всѣми такими свѣдѣніями о данномъ читателѣ мы и руководствуемся на основаніи тѣхъ соображеній, которыя, какъ уже было упомянуто, нами подробно изложены во-1-хъ въ нашемъ большомъ трудѣ „Среди книгъ“, а во-2-хъ, также въ нашихъ „Этюдахъ по психологіи читательства“. Читателей, интересующихся внутренней постановкой нашего дѣла, отсылаемъ къ этимъ трудамъ, въ особенности къ первому изъ нихъ („Среди книгъ“), въ которомъ они найдутъ, между прочимъ, и распредѣленіе книгъ по кругамъ (а значитъ, и по интересамъ и типамъ) читателей и по степенямъ относительной трудности пониманія.

Такимъ образомъ, мы основываемъ наши „Письма къ читателямъ“ на предварительномъ изученіи, во-первыхъ, душевныхъ свойствъ, т. е. психологіи читателей въ связи съ условіями ихъ общественной жизни въ данный историческій моментъ, во-вторыхъ, на изученіи книгъ съ точки зрѣнія той же психологіи и соціологіи. Переписка наша съ читателями показываетъ, что эта постановка дѣла по существу правильна, и, за очень немногими исключеніями, рекомендаціи книгъ были нами сдѣланы удачно. Изъ 970 вторичныхъ отвѣтовъ на наши частныя письма 946 читателей подтверждаютъ, что въ книгахъ, нами указанныхъ имъ, они нашли именно то, что имъ было нужно, и въ той формѣ изложенія, которая имъ доступна и интересна.

Но, какъ мы не разъ повторяемъ въ этой книжкѣ, чтеніе книгъ—это лишь начало дѣла. Творчество жизни — вотъ цѣль.

По поводу нашихъ статей мы получили нѣсколько писемъ, доказывающихъ и то, что нѣкоторые изъ нашихъ читателей находятъ наши „Письма“ слишкомъ элементарными. Съ этимъ замѣчаніемъ мы вполнѣ согласны, потому что цѣль нашихъ писемъ — именно элементарный кругъ читателей: для нихъ-то прежде всего мы и желаемъ работать. Болѣе подготовленные читатели могутъ найти то, что имъ нужно, въ московскихъ или петербургскихъ „Программахъ домашняго чтенія“. Далѣе, не всѣми читателями даже и эти наши статьи, въ томъ черезчуръ сжатомъ видѣ, въ какомъ онѣ были напечатаны въ „Новомъ журналѣ для всѣхъ“, были вполнѣ усвоены и не всѣмъ дали то, что должны бы дать. Это неизбѣжно и должно было случиться при той сжатости изложенія, на которую насъ обязывалъ тогда недостатокъ мѣста. Это снова заставляетъ насъ просить читателей возможно подробнѣе сообщать намъ о всѣхъ своихъ недоумѣніяхъ и не бояться писать длинныхъ писемъ [1]). Чѣмъ ближе мы познакомимся съ этими недоумѣніями, тѣмъ легче будетъ бороться съ ними. Вѣдь въ нихъ-то и познается личность читателя, которой мы и желаемъ служить по мѣрѣ силъ. А исходя изъ такого отношенія къ личности, мы не

---

[1]) Во избѣжаніе возможныхъ промедленій съ отвѣтомъ, сообщаемъ нашъ постоянный адресъ: Швейцарія, Кларанъ, мнѣ (Suisse, Clarens, N. Roubakine). Просимъ писать заказными письмами. На каждое полученное письмо мы, въ большинствѣ случаевъ, даемъ отвѣтъ не позже, какъ черезъ три недѣли по его полученіи. При отсутствіи нашего отвѣта въ этотъ срокъ просимъ наводить справки.

Въ случаѣ неполученія отвѣта, покорнѣйше просимъ подавать на почту заявленіе о пропажѣ письма и увѣдомлять насъ объ этомъ. Всѣ отвѣты, на которыя приложены марки, посылаются нами заказными письмами и потому затеряться на почтѣ не могутъ. Неполученіе отъ насъ отвѣта втеченіе четырехъ недѣль уже свидѣтельствуетъ, что письмо читателя до насъ не дошло.

только не можемъ быть недовольны,—напротивъ, мы лишь радуемся, если нашъ другъ-читатель считаетъ для себя возможнымъ (какъ это и дѣлаютъ уже многіе) дѣлиться съ нами въ своихъ письмахъ тѣми подробностями своей жизни, которыя непосредственно какъ будто и не касаются вопросовъ самообразованія, но на самомъ дѣлѣ имѣютъ очень глубокую и прямую связь съ нимъ, такъ какъ кладутъ отпечатокъ на все состояніе души. Горе, уныніе, тоска, неувѣренность въ своихъ силахъ, болѣзнь, отчаяніе, наконецъ думы о самоубійствѣ — плохіе помощники въ дѣлѣ самообразованія, и если нѣсколько нашихъ писемъ, написанныхъ отъ глубины души, хотя-бы немного помогли тому или иному одинокому и отчаявшемуся человѣку въ тяжелую минуту его жизни,—сознаніе этой дружеской помощи доставило бы лично намъ нѣсколько счастливѣйшихъ минутъ въ нашей кропотливой книжной работѣ. И мы пользуемся случаемъ, чтобы сказать сердечное спасибо всѣмъ тѣмъ, кто, почтивъ насъ своимъ дружескимъ довѣріемъ, своими глубоко искренними, задушевными письмами, позволилъ намъ пережить такія минуты. Личность человѣка — единое, нераздѣльное цѣлое. Дѣло самообразованія не есть только дѣло интеллекта (разума). Это дѣло всей личности цѣликомъ, со всѣми ея переживаніями, думами, напастями, страданіями, горемъ, радостью и т. д. Это дѣло всей жизни. Наконецъ, это дѣло не только улучшенія, упорядоченія жизни, но, быть можетъ, и ея спасенія. Нѣмецкій поэтъ Рюккертъ правильно сказалъ, что насаждать свѣтлое можно лишь считаясь съ темнымъ и борясь съ нимъ. И нашу помощь дѣлу самообразованія мы строимъ не на рекомендаціи книгъ, а на борьбѣ со всякаго рода страданіями личности человѣческой; среди же этихъ страданій незнаніе, непониманіе хотя и занимаетъ одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ, но во всякомъ случаѣ не самое видное.

Мѣсто не позволяетъ намъ использовать здѣсь нашу переписку съ читателями и сдѣлать выдержки изъ ихъ

писемъ, среди которыхъ цѣлыя сотни такихъ, которыя, какъ глубоко искренніе и трогательные стоны души, не только могли-бы, но и должны бы быть доведены до общества.

Впрочемъ это будетъ сдѣлано въ особыхъ, большихъ трудахъ о „Народной интеллигенціи“ и въ „Руководствѣ для самообразованія“, которые мы приготовляемъ къ печати.

Для отдѣльнаго изданія „Письма“, печатавшіяся въ „Нов. журналѣ для всѣхъ“, нами пересмотрѣны и сильно дополнены. Нѣкоторыя написаны вновь.

Введены въ текстъ и наши статьи „Психологія самообразованія“ (появившіяся въ журналѣ „Школа и Жизнь“ 1911 г. №№ 17 и 23) и „Что такое хорошая книга“ (изъ журнала „Новая Жизнь“ 1911 г.). Выпуская въ свѣтъ наши „Письма о самообразованіи“ отдѣльнымъ изданіемъ, мы и въ этомъ случаѣ считаемъ центромъ нашего дѣла не самый текстъ книжки, а личную переписку съ читателями и непосредственную помощь ихъ самообразованію, содѣйствіе ихъ самообразовательной работѣ, примѣненіе нашихъ указаній къ особенностямъ ихъ индивидуальностей, личностей. Теоретическія указанія, о которыхъ идетъ рѣчь на страницахъ этой книги, не что иное какъ вступленіе или введеніе въ самую работу, которая должна вестись по вѣковѣчному правилу: „намъ никто не поможетъ, если мы себѣ не поможемъ сами“. Находиться въ постоянномъ общеніи со своими читателями—великое счастье и несомнѣнная необходимость для каждаго писателя, въ особенности же публициста, дорожащаго прежде всего воплощеніемъ знаній и идей въ жизнь.

I.

Знаменіе нашего времени.

Въ настоящее время въ Западной Европѣ, можно сказать на нашихъ глазахъ, медленно, но непрерывно совершается замѣчательный переломъ въ области народнаго образованія,—переломъ, въ высшей степени ярко характеризующій тотъ историческій моментъ, который мы переживаемъ.

Нашъ вѣкъ называютъ вѣкомъ открытій и изобрѣтеній въ области всевозможныхъ наукъ и искусствъ, и это названіе, какъ извѣстно, онъ вполнѣ заслуживаетъ. Но еще съ большимъ правомъ можно назвать нашъ вѣкъ вѣкомъ распространенія наукъ и искусствъ, распространенія знаній въ массахъ народа. Науки не только идутъ впередъ, но онѣ находятъ все больше и больше путей и способовъ проникнуть въ народную массу, въ толпу. Изобрѣтенія и открытія, равно какъ и успѣхи теоретической мысли, не только не остаются въ заключеніи въ кабинетахъ ученыхъ, въ лабораторіяхъ и библіотекахъ, но они выходятъ, даже неудержимо стремятся выйти оттуда и дѣлаются достояніемъ многихъ людей, правда еще не всѣхъ, но уже многихъ, нерѣдко даже десятковъ и сотенъ милліоновъ людей. Люди науки, передовые бойцы мысли и знанія, какъ авангардъ великой арміи, несмотря на безконечныя препятствія, представляющіяся на каждомъ шагу, дружно и бодро подвигаются впередъ, въ область Непознаннаго и Неизвѣстнаго, идутъ шагъ за шагомъ, но зато и не отступая ни на шагъ. За ними, идутъ, на разномъ отъ нихъ разстояніи, многочисленныя толпы народа, все человѣчество. Одни толпятся около передовыхъ бойцовъ мысли и знанія, другіе нѣсколько отстали, иные отстали еще больше, оттертые и измятые, и изломанные той обстановкой, гдѣ имъ приходится идти.

И чѣмъ дальше отъ авангарда, тѣмъ больше число отставшихъ, тѣмъ больпе такихъ, до которыхъ доходятъ лишь самые ничтожные результаты отъ завоеваній передовыхъ бойцовъ, а многочисленный, многомилліонный арьергардъ человѣчества теряется и теперь, какъ много вѣковъ тому назадъ, въ грозной густой темнотѣ...

Такова общая картина движенія современнаго человѣчества къ свѣту и знанію. Много въ ней есть сходнаго съ тѣмъ, что было и тысячу и двѣ тысячи лѣтъ тому назадъ; но у каждаго вѣка, въ каждой странѣ есть и свои особенности. Если двигается впередъ авангардъ, то и арьергардъ тоже не остается неподвижнымъ. Каждый годъ выходитъ изъ его среды на свѣтъ и становится ближе, хоть на одинъ шагъ ближе къ передовымъ бойцамъ, все большее и большее число людей. И никогда еще не выходило ихъ такъ много, какъ въ это столѣтіе, когда намъ приходится жить и работать, и это не только въ Зап. Европѣ, но и у насъ, въ Россіи, особенно же за послѣдніе 10 лѣтъ. Явленіе это замѣчательно само по себѣ. На немъ не только интересно, но и необходимо остановить свое вниманіе по тому неизмѣримо важному значенію, какое имѣетъ для каждаго человѣка вопросъ объ образованіи вообще. Мы всѣ—участники вышеописаннаго шествія; мы всѣ стоимъ на томъ или иномъ разстояніи отъ передовыхъ бойцовъ авангарда съ одной стороны и арьергарда—съ другой; мы сами служимъ авангардомъ для однихъ и арьергардомъ — для другихъ. Словомъ, мы вполнѣ, всецѣло охвачены общимъ движеніемъ вѣка. Мы не можемъ, если-бы и хотѣли, стоять отъ него въ сторонѣ. Мы связаны съ нимъ милліонами видимыхъ и невидимыхъ связей и отношеній, и никакія силы не могутъ насъ оторвать отъ него... Намъ остается только хорошенько вдуматься въ свое положеніе, осмотрѣться и опредѣлить, куда идти намъ самимъ и какъ помогать тѣмъ, кто идетъ за нами...

Отношенія авангарда къ арьергарду и обратно—арьергарда къ авангарду—въ разные вѣка бываютъ разныя. Не-

рѣдко бывало такъ, что, двигаясь хотя и къ одной цѣли, они враждовали между собой: толпа избивала передовыхъ людей, а эти послѣдніе презирали толпу и не хотѣли имѣть съ нею никакого общенія... Не рискуя впасть ни въ какія преувеличенія, можно утверждать, что нѣтъ лучшаго способа характеризовать историческій періодъ, какъ разсмотрѣть, въ какихъ отношеніяхъ находится авангардъ къ арьергарду.

Можно безошибочно сказать, что въ настоящее время стремленіе къ образованію проявляется въ массахъ до такой степени напряженно, какъ не проявлялось еще ни въ какія времена, и съ каждымъ годомъ напряженіе это возрастаетъ. Сама жизнь неизбѣжнымъ, роковымъ образомъ побуждаетъ каждаго человѣка вооружать себя знаніемъ и пониманіемъ. Чтобы жить, чтобы не умереть съ голоду, чтобы не погибнуть въ общемъ водоворотѣ, чтобы приспособиться къ этой сутолокѣ, идущей всюду вокругъ, нужно не только знать какое-либо ремесло или художество (т. е. имѣть образованіе спеціальное), но еще нужно имѣть образованіе общее, нужно умѣть разобраться во всемъ, что совершается вокругъ, а для этого нужно, если можно такъ выразиться, умѣнье мыслить и понимать, нужна извѣстная широта кругозора, извѣстная высота развитія. Спеціальное образованіе сообщаетъ человѣку нѣкоторый болѣе или менѣе ограниченный кругъ знаній и нѣкоторую совокупность навыковъ. Общее образованіе даетъ человѣку широкое и цѣльное міровоззрѣніе, оно даетъ ему пониманіе различныхъ сторонъ міровой жизни, отъ безконечно-малыхъ атомовъ до безконечно-необъятныхъ небесныхъ пространствъ, отъ микроскопическихъ клѣточекъ, изъ которыхъ составлены организмы, до народовъ и племенъ, составляющихъ человѣчество. Какъ міръ единъ, такъ и общее образованіе едино. Правда, для удобства изученія и усвоенія, одинъ и тотъ же предметъ, одно и то же явленіе изучается разными науками съ разныхъ сторонъ, но только совокупность наукъ даетъ возможность понять

весь фактъ, все явленіе. Какъ ни чужды, повидимому, одна другой физіологія и исторія, но только знаніе и пониманіе той и другой даютъ возможность понять человѣка, который представляетъ изъ себя не только организмъ, но и сознательнаго историческаго дѣятеля, и котораго, кромѣ того, изучаютъ и химики, и физики, и психологи, и экономисты и т. д. Очевидно, безъ общаго образованія человѣкъ не можетъ достигнуть должнаго пониманія какого бы то ни было явленія, а значитъ—онъ не можетъ быть и хорошимъ спеціалистомъ. Спеціалистъ-химикъ долженъ знать и физику, и математику, и исторію этихъ наукъ, и физіологію, наконецъ долженъ имѣть способность къ обобщеніямъ, если онъ не желаетъ только оставаться въ области однихъ фактовъ. Стремленіе проникнуть въ глубину своей спеціальности выводитъ человѣка за предѣлы ея. Такимъ образомъ, чтобы быть хорошимъ спеціалистомъ, нужно имѣть общее образованіе; но чтобы жить—нужно быть спеціалистомъ.

Древніе и средніе вѣка не знали той спеціализаціи занятій, какую видимъ мы. Обезпеченные трудомъ низшихъ классовъ, нѣкоторые, очень немногіе люди имѣли полную возможность заниматься лишь самоусовершенствованіемъ. Новые вѣка представляютъ совершенно иную картину: общее образованіе отступаетъ нерѣдко на второй планъ передъ спеціальнымъ, которое стало въ настоящее время ничѣмъ инымъ, какъ способомъ добывать хлѣбъ, а погоня за хлѣбомъ и борьба за существованіе отодвигаетъ вопросъ о самоусовершенствованіи чуть ли не въ область мечтаній. Между тѣмъ спеціальное образованіе должно не заглушать, а дополнять общее. Одно для другого необходимо; одно безъ другого немыслимо. Вотъ почему стремленіе къ общему образованію то въ большей, то въ меньшей степени пробивается на свѣтъ даже въ средѣ пасынковъ современнаго строя, т. е. тѣхъ классовъ, которые называются „рабочими“, въ средѣ людей физическаго труда, подавленныхъ и даже раздавленныхъ этимъ трудомъ,

продолжающимся всю жизнь, чуть не отъ колыбели до могилы, по 12—16 часовъ въ сутки. Усталые, утомленные, измученные работой, и эти люди неудержимо рвутся къ свѣту, жаждутъ понимать окружающее[1]), и нерѣдко еще съ большей любовью, чѣмъ сытые и пресыщенные счастливчики изъ обезпеченныхъ классовъ.

Самая жизнь возбуждаетъ въ массѣ интересъ къ общему образованію. Въ Западной Европѣ, гдѣ съ каждымъ годомъ участіе народныхъ массъ въ общественной и государственной жизни расширяется, гдѣ всѣ классы общества выбираютъ и посылаютъ своихъ представителей въ парламентъ, потребность въ общемъ образованіи тѣмъ настоятельнѣе требуетъ удовлетворенія. То же самое происходитъ теперь и въ Россіи. Хотя россійская Государственная Дума послѣ 3 іюня 1907 г., по справедливому замѣчанію В. Коковцева, „слава Богу, не парламентъ", тѣмъ не менѣе, и русскимъ людямъ приходится теперь участвовать въ государственной жизни больше, чѣмъ прежде. „Въ Англіи,—пишетъ проф. Янжулъ,—за послѣднія тридцать лѣтъ, вмѣстѣ съ расширеніемъ политическихъ правъ рабочихъ, замѣтно проснулась потребность образованія и пробудилось чувство неудовлетворенности полученіемъ его лишь въ видѣ однихъ начатковъ". Какъ извѣстно, въ Англіи товарищемъ министра внутреннихъ дѣлъ въ 1892 году состоялъ бывшій рабочій. „Въ шведскомъ парламентѣ, пишетъ г-жа Ковалевская, число крестьянъ увеличивается съ каждымъ годомъ". Въ Германіи число представителей рабочихъ въ парламентѣ тоже увеличивается съ каждыми выборами. То же явленіе, хотя и не въ одинаковой степени, мы наблюдаемъ и въ другихъ странахъ Западной Европы: во Франціи, Норвегіи, Италіи, Даніи. О Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ

---

[1]) Объ этомъ см. подробно въ книгѣ А. Пругавина: „Запросы народа и обязанности интеллигенціи". Спб. 95 г. 2 р. и Н. Рубакина: „Этюды о русской читающей публикѣ". Спб. 95 г. 1 р. 50 к.

Штатахъ, гдѣ жизнь идетъ съ быстротой и напряженностью, мало извѣстной европейцу, нечего и говорить. „Можно, не боясь преувеличеній, сказать, что три четверти американцевъ, пріобрѣвшихъ общенародный почетъ, уваженіе и извѣстность, произошли изъ бѣдныхъ рабочихъ семей".

„Надо жить!" Вотъ они, роковыя слова!
„Надо жить"! Вотъ она, роковая задача!

Подъ напоромъ этихъ требованій среды интересъ къ общимъ вопросамъ государственной жизни, къ явленіямъ жизни общественной, къ успѣхамъ мысли въ области науки, философіи, политики и т. д. постепенно и непрерывно возрастаетъ въ массахъ. Въ нихъ не только увеличивается стремленіе къ образованію, — въ нихъ быстро пробудилось стремленіе къ высшему образованію, къ продолженію того образованія, которое они получаютъ въ низшей элементарной или профессіональной школѣ. Вотъ это-то пробужденіе стремленій къ высшему образованію въ массахъ и составляетъ одно изъ самыхъ характерныхъ явленій нашего вѣка.

Высшее образованіе массъ! Можно ли говорить о немъ, когда въ каждой странѣ Европы еще существуютъ люди, не умѣющіе ни читать, ни писать? Можно ли говорить о немъ при чрезвычайно маломъ числѣ университетовъ? Въ Германіи считается 22 университета, въ Италіи 17, въ Англіи 16, Австро-Венгріи 11, Россіи 9. На каждый милліонъ населенія въ Финляндіи приходится 750 студентовъ, въ Даніи 700, Швейцаріи 685, Германіи 534, Франціи 460, Великобританіи 362, Австро Венгріи 328, Россіи 152. Какъ ни мало утѣшительны эти цифры и какъ ни странно звучатъ слова „высшее образованіе массъ", особенно въ ушахъ русскаго человѣка, но такое образованіе въ Западной Европѣ и С. Америкѣ—не миѳъ, а достовѣрный фактъ; другими словами—оно возможно.

Въ настоящее время масса удовлетворяетъ свою потребность въ высшемъ образованіи различными путями и

средствами—случайными, разбросанными, не систематизированными.

Всѣ эти средства можно назвать средствами образованія внѣшкольнаго, которое продолжается всю жизнь. Только при крайне неблагопріятныхъ условіяхъ общественной жизни образованіе прекращается для большинства людей тотчасъ по окончаніи курса школы. Тамъ, гдѣ общественная жизнь идетъ вяло и медленно, тамъ, весьма возможно, сѣренькая, однообразная дѣйствительность постепенно втягиваетъ и засасываетъ человѣка какъ болото, и человѣкъ начинаетъ разсуждать, что онъ „проживетъ и такъ“. Къ счастью, это бываетъ не всегда и не вездѣ, и, разъ начавшись въ школѣ, образованіе продолжается затѣмъ и внѣ школы. „Жажда знаній,— говоритъ проф. Карѣевъ [1]),—никогда не можетъ быть удовлетворена при помощи одной школы, да и по многимъ причинамъ нежелательно было бы, чтобы послѣдней принадлежала такая монополія“. Область образованія внѣшкольнаго гораздо шире, чѣмъ область образованія школьнаго. Существуютъ не только разныя пособія, помогающія человѣку пріобрѣтать образованіе помимо школы, но и цѣлыя учрежденія, служащія именно этой цѣли. Таковы, напр., библіотеки и читальни, музеи, публичныя лекціи, курсы, вечернія и воскресныя школы, гдѣ занятія идутъ по нѣскольку часовъ въ недѣлю, чтенія съ туманными картинами и пр. и пр. Внѣшкольное образованіе не ограничено никакой программой и по существу своему разностороннее, какъ разностороння самая жизнь. Внѣшкольное образованіе не есть отрицаніе образованія школьнаго, а лишь необходимое дополненіе и расширеніе его. Внѣшкольное образованіе имѣетъ свои учрежденія, своихъ педагоговъ, свои пособія, къ которымъ начальная школа лишь открываетъ доступъ. У внѣшкольнаго образованія обыкновенно нѣтъ лишь одного—системы.

---

[1]) „Русс. Школа“, 1891 г., октябрь: „Что такое общее образованіе“?

Оно представляетъ изъ себя во многихъ отношеніяхъ хаосъ, пособія здѣсь– случайны, учителя—разнохарактерны, учрежденія — разбросанны. Но масса людей пользуется всѣмъ этимъ, а, какъ необходимое слѣдствіе безсистематичности, являются сплошь и рядомъ излишнія затраты труда и усилій, при скромныхъ результатахъ. Тѣмъ не менѣе, внѣшкольное образованіе открываетъ доступъ къ высшимъ областямъ знанія всѣмъ желающимъ, къ какому бы классу населенія они ни принадлежали, чѣмъ бы ни занимались.

Одна изъ насущнѣйшихъ задачъ настоящаго времени— это созданіе такой системы народнаго образованія, которая открывала бы доступъ къ высшимъ областямъ знанія людямъ всѣхъ общественныхъ слоевъ и положеній и давала бы практическую возможность дѣйствительно получать его. Новая исторія дала право на образованіе всѣмъ людямъ. Теперь нужно дать имъ возможность получать образованіе въ томъ размѣрѣ, въ какомъ они сами хотятъ, вплоть до высшаго... Если современная постановка внѣшкольнаго образованія, неорганизованнаго, несистематичнаго, приноситъ уже замѣчательные плоды, то что же можно ожидать отъ него, если дать ему правильную организацію, привести его въ систему, превратить всѣ эти раскиданныя повсюду образовательныя учрежденія въ огромный университетъ для народа, а въ руки самого читателя дать способъ позволяющій ему экономизировать и его силы, и время, и трудъ? Возможность широкаго образованія для народа,—образованія, несравненно болѣе высокаго, чѣмъ то, которое даетъ элементарная школа,—видна уже изъ краткаго знакомства съ областью внѣшкольнаго образованія. Это фундаментъ, на которомъ можно выстроить обширное зданіе лучшаго будущаго, если только найдутся искусные строители въ народныхъ массахъ, именно въ нихъ.

Мысль о томъ, что народу нужно и возможно дать не только элементарное, но и высшее систематическое образованіе, всецѣло принадлежитъ XIX столѣтію и, можно сказать, составляетъ его славу. Въ этомъ заключается ко-

ренное отличіе нашего времени отъ древнихъ и среднихъ вѣковъ. Мысль эта не только многими сознана, но и мало-по-малу осуществляется на дѣлѣ. Всякій можетъ, всякій долженъ помогать ея осуществленію, работая по мѣрѣ всѣхъ своихъ силъ, и для себя, и для другихъ.

II.

Всякій желающій можетъ сдѣлать изъ себя дѣйствительно образованнаго человѣка.

Да, всякій желающій, кто-бы онъ ни былъ, гдѣ-бы онъ ни жилъ, какими-бы способностями ни обладалъ, можетъ сдѣлать изъ себя, своими собственными усиліями и разумно организованнымъ трудомъ, дѣйствительно образованнаго, свѣдущаго и понимающаго человѣка — общественно-полезнаго и незамѣнимаго работника.

Эту истину и, вмѣстѣ съ тѣмъ, вѣру въ эту истину мы и кладемъ въ основу нашей работы. Мы вѣримъ въ человѣка, въ современнаго культурнаго человѣка, который потому самому можетъ сдѣлаться еще культурнѣе, что вокругъ него уже существуютъ, уже созданы и постоянно создаются коллективнымъ трудомъ человѣчества безконечно многочисленныя средства для саморазвитія и вырабатываются безконечно разнообразные методы, способы, пріемы, ведущіе къ той-же цѣли. Не вѣрить въ такую возможность, подняться все выше и выше—это то-же, что отрицать всю современную культуру. Мы этого не въ силахъ сдѣлать. Мы не хотимъ отрицать ея.

Но и не въ вѣрѣ самая суть дѣла. Всякую вѣру можно считать только тогда разумной и вообще справедливой и правильной, когда она подтверждается фактами. Наша вѣра въ полную возможность для всякаго желающаго сдѣлаться

образованнымъ человѣкомъ тоже основана на фактахъ, свидѣтелями которыхъ и участниками въ созданіи которыхъ, волею судьбы, пришлось быть въ теченіе многихъ лѣтъ и намъ лично и притомъ въ самой разнообразной обстановкѣ, въ самыхъ разнообразныхъ условіяхъ. Передъ нами прошли тысячи людей, не только стремившихся къ свѣту, но и требовавшихъ его отъ жизни,— требовавшихъ властно и настойчиво и, въ концѣ концовъ, дѣйствительно получившихъ его. Нѣтъ, даже не только „получившихъ“, а взявшихъ, именно взявшихъ его съ бою. И изъ такихъ людей выходили творцы своей и общественной жизни, выдающіеся своимъ образованіемъ и серьезнымъ отношеніемъ и любовью къ нему. Да и не могло быть иначе, такъ какъ, по выраженію древнихъ мудрецовъ, то что намъ дано, то не наше, потому именно, что оно *дано*. Дѣйствительно наше—только то, что взято нами съ бою, — и этого уже не такъ-то легко отнять у насъ. Мы видѣли крестьянъ, сдѣлавшихся писателями, учеными, виднѣйшими общественными дѣятелями, народными представителями, фабрично-заводскихъ рабочихъ, замѣчательныхъ борцовъ и организаторовъ, мы знаемъ учителей и учительницъ, не только быстро развивавшихъ свою дотолѣ спавшую силу, но и блестяще проявившихъ ее на дѣлѣ. Мы видѣли поэтовъ, складывавшихъ свои бодрыя и смѣлыя пѣсни около машинъ и станковъ, философовъ, записывавшихъ свои завѣтныя думы на портняжномъ станкѣ или на сапожномъ табуретѣ. Мы видѣли гимназистовъ и гимназистокъ, юношей и дѣвушекъ, расцвѣтавшихъ какъ майскій день, разгоравшихся какъ майское солнце, подъ лучами свѣта и знанія и круто порывавшихъ съ рутиной и спячкой прошлаго [1]).

---

[1]) Факты, нами собранные, могущіе служить богатой иллюстраціей только что сказанному, изложены въ слѣдующихъ нашихъ книгахъ: Этюды о русской читающей публикѣ“, „Искорки“ (ч. I. „Чистая публика и интеллигенція изъ народа“, ч. II. „Среди борцовъ“), а также

И, вспоминая всѣ эти наши встрѣчи и знакомства, очныя и заочныя, мы, на основаніи многочисленныхъ фактовъ, считаемъ себя въ правѣ сказать съ увѣренностью и опредѣленностью: нѣтъ такого ума, даже темнаго изъ темныхъ, нѣтъ такого положенія, даже тяжелаго изъ тяжелыхъ, изъ котораго и самый средній, самый обыденный, самый сѣренькій человѣкъ не могъ бы двинуться „вверхъ и впередъ“ Всякій человѣкъ, кто бы онъ ни былъ, въ концѣ концовъ, можетъ, правда иной разъ хотя и не безъ усиленной борьбы, а всетаки можетъ встать на свою дорогу. Но вѣдь у кого въ душѣ уже теплится,—не скажемъ даже „горитъ“,—этотъ огонекъ стремленія къ свѣту и на просторъ, — тотъ уже не сѣренькій и не средній, — тотъ выше средняго. Такому остается только раздувать свое собственное пламя и превратить его въ источникъ свѣта для себя и для другихъ.

Такихъ людей по нынѣшнимъ временамъ много на святой Руси. Гдѣ есть неудовлетворенность своею жизнью, сознаніе ея нелѣпости, безцѣльности, пустоты, сознаніе, что она, въ сущности, проходитъ зря и неизвѣстно для чего, тамъ есть и такіе люди. А страданій-ли мало у насъ теперь? Нѣтъ другой страны на свѣтѣ, гдѣ ихъ было бы столько же, сколько у насъ въ Россіи. А среди неудовлетворенныхъ людей не всѣ-же хныксы и нытики. Люди бодрые, крѣпкіе духомъ не всѣ-же погибли, сколько ихъ ни истребляли. А такіе не ноютъ и не скулятъ, такіе ищутъ выхода, добиваются его, не жалѣя силъ. И не мало такихъ, которые этотъ выходъ и находятъ.

И главный и самый основной выходъ вотъ въ чемъ:

въ статьяхъ: „Читатели-писатали-самоучки, (Русск. Мысль — 1898 № 4), „Битые читатели“ („Начало“—99 г. № 4), и т. д. Въ этихъ книгахъ, и статьяхъ написанныхъ на основаніи рукописныхъ документовъ, автобіографій, писемъ, сочиненій и дневниковъ такихъ людей, выведены живые, въ большинствѣ случаевъ понынѣ здравствующіе, заочные друзья пишущаго эти строки. Всего такихъ матеріаловъ получено нами съ 1889 г. отъ 3612 человѣкъ.

Надо прежде всего самому сдѣлаться крѣпкимъ и сильнымъ,—накопить въ себѣ силу,—силу мысли, силу знанія, силу воли, силу любви къ людямъ [1]).

Не будетъ преувеличеніемъ, если мы скажемъ, что такихъ искателей выхода, — и вмѣстѣ съ тѣмъ искателей правды и счастія — многіе милліоны. Это исканіе чувствуется повсюду. Духомъ и трепетомъ такого исканія проникнуты восемьсотъ отвѣтовъ читателей на вопросы, имъ предложенные редакціей „Новаго журнала для всѣхъ“, шестьсотъ отвѣтовъ на вопросы „Вѣстника Знанія“ „Совр. Міра“, корреспондентовъ М. Горькаго и т. д. Солидная груда такихъ отвѣтовъ лежитъ теперь и передъ нами. А о письмахъ читателей и говорить нечего. И, читая эти отвѣты, невольно проникаешься этимъ же трепетаніемъ и чувствуешь, что живъ, живъ курилка. И не только живъ, но и дѣйствуетъ. Но вѣдь эти тысячи фактовъ, дошедшихъ до насъ, говорятъ о милліонахъ, не дошедшихъ. Знаемые говорятъ о незнаемыхъ. И какая-то сила чувствуется въ нихъ,—сила, подготовляющая къ лучшему будущему. А нужно ли говорить, что предъ ея лицомъ унывать не приходится? Уныніе нелѣпо и непрактично. Уныніе есть отрицаніе жизни, а не жизнь. Нужны теперь смѣлые призывы — они-то и найдутъ отзвукъ въ сердцахъ. Мы кладемъ доброе, жизнедѣятельное и жизнерадостное настроеніе и бодрость и смѣлое исканіе въ психологическую основу этой книжки. Читатель въ ней не услышитъ унылыхъ и кислыхъ нотокъ. Мы всѣхъ и каждаго зовемъ сознательно, планомѣрно, упорно запасаться силою,—силою духа прежде всего. „Работа надъ самообразованіемъ“—одно изъ средствъ для этого, и къ тому же средство разумное и испытанное.

Наша личная практика и многолѣтнія странствованія по фабрикамъ, заводамъ и деревнямъ, и работа въ библіо-

---

1) Интересный историческій примѣръ этого накопленія даетъ біографія Гренвиля Шарпа, см. „Исторія маленькаго человѣка“. Изд. Посредника. М. 1910 г.—12 к.

текѣ и другихъ просвѣтительныхъ учрежденіяхъ, гдѣ приходится поневолѣ сталкиваться съ цѣлой толпой ищущихъ, а главное—наша переписка съ самими читателями поставила насъ лицомъ къ лицу съ цѣлымъ рядомъ чисто практическихъ вопросовъ, которые мы и постараемся разработать здѣсь. Одно изъ такихъ крайне интересныхъ и важныхъ наблюденій, которыя можно сдѣлать чуть не на каждомъ шагу, заключается въ слѣдующемъ: ищущіе не только ищутъ, но, не рѣдко, и опускаютъ быстро руки, сопровождая это опусканіе рукъ избитыми и изъѣзженными афоризмами: „ничего не подѣлаешь“, или: „наше время прошло“, или еще: „сила солому ломитъ“ и т. п. Но почему-же опускаются руки, и къ тому-же очень быстро? Очевидно, искатели неумѣютъ осуществлять своихъ стремленій и, пускаясь въ работу надъ самими собою, сначала „съ мѣста въ карьеръ“, скоро натыкаются на тѣ или иныя препятствія, и не только на внѣшнія (объ этихъ кто не знаетъ!), а, главнымъ образомъ, на внутреннія, отъ нихъ самихъ, отъ ихъ личности зависящія: эти послѣднія оказываются страшнѣе внѣшнихъ. На эту сторону дѣла необходимо обратить особое вниманіе, чтобы выяснить первый, въ сущности самый трудный шагъ въ дѣлѣ самообразованія.

Вотъ одинъ изъ очень распространенныхъ примѣровъ такой неудачи по внутреннимъ причинамъ. Читатель N. N. искренне стремится къ свѣту. Съ величайшимъ трудомъ онъ добивается до той или иной книги, которая рекомендуется напримѣръ въ „Программахъ домашняго чтенія“, или въ какомъ нибудь „Указателѣ лучшихъ книгъ“, или въ газетной и журнальной рецензіи. Добившись до желательной книги, читатель начинаетъ читать ее. Читаетъ,—и, къ своему удивленію, сразу же огорчается: онъ находитъ столь усиленно и повсюду рекомендованную книгу и непонятной, а, можетъ быть, и скучной, и неинтересной и вообще не соотвѣтствующей его запросамъ. Но, вѣря въ рекомендацію, читатель все-же читаетъ такую книгу,—онъ ломаетъ голову, онъ дѣлаетъ надъ собой невѣроятныя усилія. И

вотъ черезъ нѣкоторое время оказывается, что эта, съ такимъ трудомъ давшаяся работа, въ сущности никчему: въ головѣ читателя, послѣ такого чтенія, не остается ничего или почти ничего: то, что вычитано, неясно и словно въ туманѣ; какъ будто бы то да не то; и быть можетъ „недоказательно“, а то и „чуждо“. Во всякомъ случаѣ, время и силы затрачены въ полномъ несоотвѣтствіи съ результатомъ чтенія. Неужели же, въ такомъ случаѣ, и дальше такъ читать? Вѣдь такое чтеніе становится уже очень скучнымъ, оно сводится къ тяжелымъ усиліямъ и потугамъ... Стоитъ такой исторіи повториться два-три раза, много разъ,—немудрено, что человѣкъ, въ концѣ концовъ, начинаетъ сомнѣваться въ своихъ способностяхъ и силахъ. Одинъ такой читатель писалъ намъ однажды: „хорошую книгу рекомендовали мнѣ многіе хорошіе люди. А я читалъ-читалъ ее,— и ничего не могу вложить изъ нея въ свою голову. Значитъ, я—неспособный человѣкъ“ Это „значитъ“ очень характерно: человѣкъ винитъ не книгу,— про нее вѣдь понимающіе люди сказали, и всѣ говорятъ, что она хороша. И не выборъ книги тутъ виною,—вѣдь „читаютъ же ее такіе, какъ я“. Нѣтъ, виною „моя „неспособность“, „тупость“, „невѣжество“.... И вотъ начинается разочарованіе въ себѣ самомъ, и въ концѣ концовъ руки опускаются подъ бременемъ предвзятой идеи о недостаточности собственныхъ силъ и способностей. Мы лично были свидѣтелями, какъ на цѣлый рядъ очень умныхъ и способныхъ людей оказывали такое разочаровывающее вліяніе и московскія „Программы домашнихъ чтеній“, и петербургская „Программа чтенія для самообразованія“, и даже вообще „совѣты умныхъ и свѣдущихъ людей“

Исходя изъ всѣхъ вышеизложенныхъ соображеній, мы намѣрены поставить вопросъ о самообразованіи въ нашей книжкѣ на нѣсколько иную почву, чѣмъ на какую обыкновенно это дѣло ставится. Мы не ставимъ своей задачей помогать самообразованію „читателей вообще“. Мы не

будемъ давать имъ и широкихъ и обширныхъ программъ „университетскихъ“ и даже „гимназическихъ“, приглашая всякаго желающаго пользоваться ими въ дальнѣйшей своей работѣ надъ самообразованіемъ. Мы намѣрены сдѣлать опытъ индивидуализаціи самообразованія, т. е. его, наивозможно полнаго приспособленія къ личности читателя. Читателей вообще не существуетъ, — вѣдь есть только отдѣльные читатели, — Иванъ, Петръ и т. д., словомъ сказать, опредѣленныя личности, съ опредѣленными личными качествами. „Хорошая книга вообще“ тоже миѳъ, — подробнѣе объ этомъ мы еще будемъ говорить ниже. Суть вопроса не въ книгѣ и не въ читателѣ, а въ ихъ взаимномъ соотвѣтствіи.

Поэтому помогать самообразованію, по нашему мнѣнію, это значитъ помогать отдѣльнымъ людямъ, и къ тому-же такъ помогать, какъ именно требуютъ этого личныя особенности даннаго читателя. Правда, много въ разныхъ людяхъ и сходства, но есть-же и различія, видоизмѣняющія вліяніе одной и той же книги на двухъ различныхъ людей. Необходимо, думается намъ, принимать въ разсчетъ и то, и другое. Читателю, стремящемуся къ самообразованію, необходимо помогать такъ, чтобы именно онъ, такой каковъ онъ ни на есть, съ его силами, его обстановкой жизни, его особенностями ума, понятій, чувствъ, его волей, его матеріальными и иными средствами и интересами, смогъ-бы и сумѣлъ-бы добиться до своей собственной цѣли и своими бы силами выяснилъ и опредѣлилъ смыслъ своей жизни. Поэтому-то мы, обращаясь къ каждому изъ нашихъ читателей въ отдѣльности, и говоримъ имъ: „другъ-читатель, если вы серьезно стремитесь къ самообразованію, вы уже по этому самому дороги намъ, кто-бы вы ни были, гдѣ-бы вы ни жили. Лично вамъ, такому каковы вы есть, мы хотѣли-бы помочь въ вашемъ дѣлѣ, потому что это дѣло — и наше дѣло, дѣло нашей жизни, нашихъ самыхъ задушевныхъ интересовъ и стремленій. Мы беремъ васъ съ достоинствами вашими и съ недостатками, съ вашими работами, заботами и

тоской, если и она не чужда вамъ. Мы хотѣли бы помочь вамъ, принимая въ расчетъ всѣ ваши особенности, равнокакъ и обстоятельства вашей жизни, и постараемся, основываясь на знакомствѣ со всѣмъ этимъ, содѣйствовать вашему самообразованію тѣми способами, какія имѣются въ нашемъ распоряженія, напр.: рекомендовать вамъ именно тѣ книги, которые лишь вамъ, какъ таковому, въ особенности пригодятся; давать указанія и совѣты о достиженіи образованія, которые нужны именно вамъ, и къ тому же такіе, которые именно вы въ силахъ исполнить, буде признаете ихъ правильными. Мы хотимъ быть другомъ читателей, хотя-бы только потому, что, какъ показываютъ и ихъ письма, и документы, нами собранные, и анкеты, у насъ есть и среди читателей друзья и друзья. „Въ единеніи сила“,—это еще давно сказано. Ну и будемъ сообща стремиться къ силѣ.

Сведя все предыдущее къ одному, мы переносимъ центръ тяжести нашей работы со страницъ книги въ личную переписку съ нашими читателями. Мы приглашаемъ читателей, работающихъ надъ своимъ самообразованіемъ, писать намъ обо всемъ, что они считаютъ необходимымъ и полезнымъ для успѣшнаго хода ихъ работы; приглашаемъ читателей писать о всѣхъ, имъ встрѣчающихся трудностяхъ, недоумѣніяхъ, о неудовлетворенныхъ запросахъ, о причинахъ такой неудовлетворенности, — приглашаемъ спрашивать насъ обо всемъ, о чемъ они найдутъ нужнымъ спросить, и разсказывать о томъ, о чемъ они сочтутъ нужнымъ разсказать, себя называя или не называя. Списокъ вопросовъ, отвѣты на которые помогаютъ рекомендаціи книгъ, мы даемъ въ приложеніи къ книжкѣ. Руководясь указаніями самихъ читателей, мы будемъ отвѣчать на всѣ запросы читателей по мѣрѣ нашихъ силъ, непосредственно письмами или на страницахъ тѣхъ періодическихъ изданій, гдѣ мы работаемъ[1])

---

[1]) Съ февраля 1912 г. на страницахъ моск. газ „Русское Слово“ мы ведемъ ежемѣсячный отдѣлъ „Среди книгъ и читателей“.

и вообще постараемся помогать, какъ можемъ и какъ умѣемъ, пользуясь не только нашими личными знаніями, но и знаніями болѣе опытныхъ спеціалистовъ, нашихъ друзей, сочувствующихъ начатому дѣлу.

На страницахъ этой книжки, размѣръ которой все-таки очень ограниченъ, мы будемъ бесѣдовать съ читателями лишь по нѣкоторымъ общимъ и принципіальнымъ, руководящимъ вопросамъ и очень кратко, только въ самыхъ основныхъ чертахъ, мы изложимъ общій планъ самообразовательной работы.

Правда, литература по теоріи самообразованія довольно обширна даже на русскомъ языкѣ. Лучшее, что въ ней есть, мы указываемъ въ приложеніи къ этой книжкѣ. Но главная суть дѣла все таки не въ литературѣ, а въ практикѣ. Поэтому наша первая задача практически помочь читателямъ. Мы не будемъ печатать длинныхъ списковъ книгъ и дадимъ лишь самые краткіе, съ самыми необходимыми указаніями. Болѣе подробные списки уже существуютъ, представляя изъ себя вторую и послѣдующія ступени въ области самообразованія. Въ составленіи этихъ, болѣе подробныхъ списковъ и мы лично не разъ принимали близкое участіе[1]). Хорошія книги извѣстны, онѣ болѣе или менѣе всѣ на перечетъ. Неизвѣстны-же каждому читателю въ отдѣльности хорошія книги, лично для него подходящія. Эти-то послѣднія мы и стараемся

---

[1]) См. „Программы чтенія для самообразованія“, затѣмъ „Среди книгъ“, 2-ое изд. 1911 г., „Кругъ знаній“, далѣе А. Мезіеръ, „Русск. Словесность XI—XIX в.“, подъ ред. Н. Рубакина, Ея-же „Указатель историческихъ романовъ“ со ст. Н. Рубакина: „Указатель переводной беллетристики въ связи съ исторіей литературы и критикой“. Списокъ книгъ по политической экономіи (прилож. къ „Пол. Экон.“ Конрада, изд. Сытина), „Указатель книгъ по русск. рабоч. вопросу“, (прилож. къ книгѣ Дементьева—„Фабрика“). По исторіи религій (приложеніе къ „Исторіи религій“ Шантепи де ля Соссей, подъ ред. С. Трубецкого), каталоги-указатели библіотеки Л. Т. Рубакиной (нынѣ библіотеки общ. „Образованіе“ въ СПБ.) и др..

указывать нашимъ читателямъ въ перепискѣ съ ними. Дѣло каждаго читателя — ставить намъ запросы, лично ему интересные, лично для него важные. Наше-же дѣло — приспособлять наши указанія къ индивидуальности даннаго читателя. Въ слѣдующихъ главахъ мы попробуемъ формулировать основныя задачи самообразованія и перенести дѣло этого послѣдняго на индивидуальную почву, и съ этою цѣлью выяснить основныя условія, которыя необходимы для такой постановки дѣла. Отвѣты на письма нашихъ читателей мы будемъ давать главнымъ образомъ въ письмахъ.

Чтобы разобраться въ теоретическихъ и практическихъ трудностяхъ, встрѣчающихся на пути самообразованія, мы поведемъ наше изложеніе слѣдующимъ образомъ:

Прежде всего мы намѣтимъ цѣль, къ которой не можетъ не идти человѣкъ, желающій сдѣлаться дѣйствительно образованнымъ.

Затѣмъ мы будемъ говорить о томъ, что собственно долженъ совершить человѣкъ, рѣшившійся добиться намѣченной цѣли. Другими словами, мы попробуемъ намѣтить общій планъ самообразовательной работы, начертимъ, такъ сказать, планъ крѣпости, которую прицется въ такомъ случаѣ брать.

Далѣе мы будемъ говорить о томъ, какъ, какимъ образомъ осуществлять и осуществить намѣченный планъ на практикѣ,—осуществить дѣйствительно, реально, не кое какъ, не верхоглядно. Мы попробуемъ выяснить, при помощи какихъ именно практическихъ пріемовъ это мыслимо сдѣлать возможно быстрѣе и совершеннѣе, и какіе именно пріемы прямѣе ведутъ къ намѣченной выше цѣли.

Наконецъ, въ заключеніе мы будемъ говорить о жизни, о практической жизни, для которой, въ сущности, и необходимы и работа надъ самообразованіемъ, и люди дѣйствительно образованные. Мы будемъ говорить о томъ, какъ проявить себя въ жизни, внося въ нее свѣтъ, разумность, тепло, энергію, красоту.

Намъ предстоитъ, такимъ образомъ, отвѣтить на слѣдующій рядъ вопросовъ, мимо которыхъ никто не можетъ пройти, стремясь къ образованію:

1. Что такое человѣкъ дѣйствительно образованный?

2. Какой же смыслъ, какая же цѣль жизни такого человѣка?

3. Работая надъ самообразованіемъ, какія именно знанія долженъ читатель усвоить, чтобы развернуть свой кругозоръ, расширить и углубить свое пониманіе жизни, обосновать свою практическую работу въ жизни?

4. Какъ использовать въ цѣляхъ самообразованія свои всѣ способности и особенности?

5. Какія книги считать хорошими, какія плохими?

6. Какъ выбирать для себя книги не только хорошія, но и подходящія, т. е. соотвѣтствующія личнымъ особенностямъ читателя?

7. Какъ всматриваться въ окружающую жизнь и какъ изучать ее, чтобы использовать, утилизировать въ жизни и для жизни пріобрѣтаемыя знанія?

8. Какъ воспитывать, въ самообразовательной работѣ, не только свой разумъ, но и волю?

9. Съ какого конца этой общей схемы приступать къ работѣ?

10. Съ какой области знанія данному читателю лучше всего, цѣлесообразнѣе, практичнѣе начинать самообразованіе и какъ войти въ самый курсъ дѣла?

11. Какія книги прочесть, чтобы познакомиться съ главнѣйшими фактами во всѣхъ областяхъ жизни? Изъ какихъ книгъ составить свою собственную библіотечку, возможно небольшую, недорогую и наиболѣе содержательную?

На эти вопросы мы и постараемся поискать отвѣтовъ, точнѣе говоря, постараемся навести самого читателя на ихъ исканіе.

Въ приложеніи мы дадимъ:

А. Списокъ тѣхъ книгъ по беллетристикѣ, русской и иностранной, которыхъ нельзя не прочесть.

Б. Примѣрный каталогъ научнаго отдѣла, составленнаго изъ возможно небольшого числа книгъ и примѣнительно къ читателямъ съ различнымъ складомъ ума и характера.

В. Списокъ книгъ, знакомящихъ читателя съ современнымъ научно-философскимъ міросозерцаніемъ.

III.

Что такое образованный, интеллигентный человѣкъ?

Итакъ, первый вопросъ, который встаетъ передъ нами, это вопросъ о цѣли самообразованія,—о его основной задачѣ, о его конечномъ результатѣ, достигнуть котораго необходимо во чтобы то ни стало.

Цѣль и задача самообразованія, если ее выразить въ общихъ словахъ, заключается вотъ въ чемъ: сдѣлать изъ себя и надѣясь только или главнымъ образомъ на себя, и своими средствами, человѣка дѣйствительно образованнаго. Но за этимъ вопросомъ неизбѣжно встаетъ другой,—слѣдующій, а вмѣстѣ съ нимъ—третій, неразрывно съ нимъ связанный:

Во первыхъ, что такое образованный человѣкъ и, во вторыхъ, ради чего дѣлать изъ себя такового?

На эти вопросы прежде всего и надо отвѣтить самому себѣ.

Отъ отвѣтовъ на нихъ зависитъ и планъ, и размѣры, и напряженность и, вообще, характеръ всей самообразовательной работы.

Дѣйствительно образованный человѣкъ—не тотъ, кто считаетъ себя „образованнымъ“. Даже неграмотные лавочники и урядники, и многіе изъ тѣхъ, кто имѣетъ возможнось покупать себѣ „нѣмецкія платья“ и при его помощи

причисляться къ „чистой публикѣ", даже такіе считаютъ себя образованными, хотя ихъ душа — тьма кромѣшная. Дѣйствительно образованный человѣкъ не тотъ, кто окончилъ какое-либо, хотя бы даже высшее, учебное заведеніе,— мало ли неучей, узкихъ спеціалистовъ или ловкихъ карьеристовъ изъ нихъ выходитъ! Не тотъ, кто перечиталъ на своемъ вѣку много, даже очень много, хотя бы самыхъ хорошихъ книгъ. Не тотъ, кто накопилъ въ себѣ тѣми или другими способами нѣкоторый запасъ, хотя бы и очень большой, разныхъ знаній. Вовсе не въ этомъ самая суть образованія.

Самая его суть—въ томъ вліяніи, которое оно можетъ и должно производить на окружающую жизнь,—въ той силѣ, которую даетъ образованіе человѣку для передѣлки окружающей жизни, во внесеніи въ нее чего-то новаго, своего въ ту или иную ея область, въ тотъ или иной ея уголокъ. Будь это образованіе общее, или будь это образованіе спеціальное,—все равно, его критерій—передѣлка жизни, перемѣны, въ ней производимыя при его помощи.

Величайшее счастье для человѣка — чувствовать себя сильнымъ. Разумѣется, мы говоримъ не о физической силѣ, а о силѣ духа. Величайшіе реформаторы въ наукѣ и въ философіи,—Ньютонъ, Паскаль, Спенсеръ, Дарвинъ, физически были людьми слабыми. Такихъ было не мало и среди общественныхъ дѣятелей. Вся суть въ силѣ духа. Безъ силы духа—нѣтъ силы и образованія. Безъ образованія, по нынѣшнимъ временамъ, безсиленъ и духъ. Этого еще мало, чтобы образованный человѣкъ имѣлъ твердыя, опредѣленныя, точныя знанія и твердыя, обоснованныя, на нихъ опирающіяся мнѣнія. Нужно прежде всего, чтобы онъ былъ и борцомъ за свои мнѣнія. Мнѣніе, котораго онъ не умѣетъ доказывать, защищать отъ нападокъ или проводить въ жизнь (широко ли, глубоко ли—это другой вопросъ),—не имѣетъ особенной цѣнности. Особенно важно для насъ, русскихъ, для нашего родного народа, загнаннаго слѣпой и корыстной силой прошлаго въ мрачный тупикъ, понимать образованіе въ смыслѣ дѣятельной, реформирующей силы, и именно

такой силы, потому-что безъ этого грошъ ему цѣна. Мы всѣ должны понимать образованіе, какъ силу дѣятельную и свѣтлую не только самое по себѣ (этого еще мало!), но именно по ея примѣненію въ общественной жизни.

Наибольшую цѣнность имѣетъ для насъ, для нашей родины въ данный историческій моментъ не тотъ человѣкъ, который обладаетъ болѣе или менѣе обширными, глубокими, разносторонними, точными и достовѣрными знаніями; и даже не тотъ, кто умѣетъ критически мыслить и вникать въ окружающую жизнь, понимать ее въ ея цѣломъ и въ частностяхъ,—этого тоже еще мало! Особенно цѣнны для насъ тѣ образованные люди, у которыхъ есть отзывчивость, сила чувства, энергія, воля,—тѣ, кто умѣетъ проникнуться до самыхъ своихъ основъ духомъ общественности. Этихъ то, и только этихъ образованныхъ людей мы и можемъ назвать людьми интеллигентными въ лучшемъ смыслѣ этого слова. „Что намъ эти образованные, которые образованы лишь для себя и про себя! — пишетъ намъ одинъ рабочій. — Намъ отъ такихъ ни тепло, ни холодно!“ Совершенно правильно. Не такіе нужны Россіи. Послѣднее десятилѣтіе русской жизни показало достаточно ясно, какихъ именно образованныхъ людей ждетъ народъ, и какими стараются сдѣлаться многіе наиболѣе умные, способные, отзывчивые люди изъ самыхъ разнообразныхъ слоевъ населенія. Интеллигентный человѣкъ — это такой человѣкъ, который настолько знаетъ и понимаетъ жизнь, и ея ходъ, и ея потребности, и ея нужды, что въ любой моментъ можетъ проявить себя ихъ дѣйствительнымъ выразителемъ.

Понимать окружающую жизнь,—вотъ первая задача образованнаго человѣка. Служеніе окружающей жизни, характеръ этого служенія—вотъ пробный камень для оцѣнки его. Кто бы вы ни были, читатель, молодой или старый, русскій или инородецъ, мужчина или женщина,—не забывайте общественнаго значенія вашего образованія и тѣмъ

болѣе самообразованія. Русская исторія своеобразна и измѣнчива. Всякаго изъ васъ она можетъ заставить въ любой моментъ сдѣлаться преставителемъ жизни, ея интересовъ и потребностей, стремленій и надеждъ, выразителемъ ея насущнѣйшихъ требованій и работникомъ и борцомъ за удовлетвореніе ихъ.

Человѣкъ дѣйствительно образованный долженъ быть всегда готовымъ и заранѣе готовиться къ тому, чтобы въ любой моментъ, въ случаѣ нужды, явиться выразителемъ потребностей и нуждъ окружающей общественной жизни. Никакое образованіе, никакое самообразованіе не должно оставлять безъ вниманія прежде всего этой возможности. Разумѣется, не только о представительствѣ въ Государственной Думѣ или иномъ выборномъ учрежденіи мы здѣсь говоримъ, хотя и о нихъ нельзя не думать,—вѣдь исторія, ничего не сдѣлавшая сегодня, можетъ завтра же двинуться дальше и снова вдвинетъ въ общій оборотъ всѣхъ маломальски сознательныхъ людей. Но даже и не въ этомъ дѣло. Можно быть представителемъ самыхъ жизненныхъ интересовъ и самыхъ широкихъ слоевъ населенія и не по закону 3-го іюня, а будучи хотя бы самымъ заурядным обывателемъ, живущимъ хотя бы въ самомъ глухомъ уголкѣ и дѣлающимъ хотя бы самое скромное дѣло.

Не въ этомъ его дѣлѣ, т. е. не въ профессіи и занятіи самая суть человѣка, а въ самомъ человѣкѣ, въ его отношеніи къ этому своему дѣлу.

Въ очень темномъ уголкѣ даже самая обыкновенная свѣча—явленіе крайне важное и въ буквальномъ смыслѣ слова—свѣтлое, и дѣлаетъ важное дѣло, и даже можетъ гордиться тѣмъ, что дѣлаетъ,—тѣмъ, что вотъ она разливаетъ свѣтъ тамъ, куда еще не проникли никакія электрическія лампы, да и проникнутъ ли, и когда?

Гдѣ есть свѣтъ,—тамъ не можетъ не быть и распространенія свѣта на другихъ. Если есть образованный, мыслящій, понимающій, вдумчивый, общественно настроенный человѣкъ, онъ не можетъ обойтись безъ общественнаго

служенія и, во всякомъ случаѣ, человѣкъ, неспособный выражать интересы жизни, не есть дѣйствительно образованный человѣкъ въ самомъ лучшемъ, самомъ высокомъ смыслѣ этого слова.

Такое наше опредѣленіе его нѣсколько расходится съ обычнымъ опредѣленіемъ образованности. Намъ могутъ возразить, что нельзя не отнести къ числу образованныхъ и людей ученыхъ, чуждающихся общественной дѣятельности На это мы можемъ сказать словами Евангелія: „Могій вмѣстити да вмѣститъ". Разносторонняя кабинетная ученость—тоже образованіе. Но еще выше стоитъ та ученость, хотя бы тоже кабинетная, которая за вѣчной истиной не забываетъ и злобы дня. Въ нашей книжкѣ „Вѣчная слава" мы имѣли случай подробнѣе отвѣтить на возраженіе такого рода.

Образованный человѣкъ—прежде всего слуга жизни. Но не только окружающей жизни, не только своего уголка, своего круга, своей семьи, своей личности. Образованность, понимаемая въ лучшемъ смыслѣ этого слова, исключаетъ узость,—узость мысли, знаній, пониманія, настроенія. Узость духа за деталями, за частностями не видитъ, забываетъ цѣлое, многое, разнообразное, великое. Узость партійная, какъ извѣстно, сыграла, громадную отрицательную роль за послѣднія шесть лѣтъ русской жизни. Разумѣется, этими словами мы не хотимъ сказать, что никакихъ партій не должно быть вовсе на свѣтѣ. Нѣтъ, тамъ, гдѣ есть народное представительство и борьба классовъ,—не можетъ не быть и партій. Но можно быть даже человѣкомъ партіи, не будучи узко-партійнымъ человѣкомъ, и за партійными программами все таки не забывать надъ-партійнаго фундамента, того общаго образованія, которое необходимо и, по нашему мнѣнію, даже обязательно для людей всѣхъ партій. Образованный человѣкъ—непремѣнно разносторонній, а значитъ и терпимый человѣкъ. Онъ долженъ быть совершенно чуждымъ духу нетерпимости и идейной исключительности, и на каждое съ нимъ несогласное мнѣніе онъ

не можетъ не смотрѣть прежде всего, какъ на фактъ, который нужно узнать и признать, какъ таковой. Факты требуютъ вдумчиваго изученія, обсужденія и разносторонней оцѣнки. Такимъ образомъ, первая задача дѣйствительно образованнаго человѣка—не быть узкимъ, выработать въ себѣ разностороннее знаніе и пониманіе жизни и умѣніе оцѣнивать чужія мнѣнія о жизни, имѣя свои собственныя, фактически обоснованныя.

„Каждый отдѣльный человѣкъ, говоритъ Ф. Паульсенъ, живетъ духовной жизнью лишь въ качествѣ сына и сочлена какого либо народа“, вообще составной части какой либо общественной группы. „Способность полно и всесторонне участвовать въ духовной исторической жизни своего народа и своего времени, способность благопріобрѣтенная, благодаря воспитанію и обученію,—это и есть образованіе“.

„Міросозерцаніе и жизненная задача и цѣль жизни каждаго человѣка опредѣляется его исторической обстановкой“, условіями того времени и того мѣста, той общественной и народной среды, въ которой мы живемъ, хотя и не должны слѣпо подчиняться этимъ условіямъ. Задача образованія можетъ быть вкратцѣ выражена слѣдующими словами: оно должно „такъ направлять развитіе человѣка, чтобы онъ сталъ способенъ понимать свою естественную и историческую обстановку и дѣйствовать въ ней.“ „Образованъ тотъ, кто умѣетъ вполнѣ сознательно и убѣжденно опредѣлять свое отношеніе къ мыслямъ и идеямъ, къ жизненнымъ формамъ и стремленіямъ своей жизненной среды“.

Но вѣдь каждый народъ, въ свою очередь, распадается на различные круги, и въ каждомъ изъ нихъ—своя жизнь, свои интересы, свои нравы, свой укладъ, словомъ сказать—свое содержаніе, своя болѣе или менѣе особая жизнь. У разныхъ людей далеко не одинаковы и задачи жизни, на которую особый отпечатокъ кладутъ и родъ занятій, и общественное положеніе, и полъ, и возрастъ, и т. д. Говоря о своемъ образованіи, а тѣмъ болѣе самообразованіи, ни

одинъ изъ насъ не можетъ не принимать въ расчетъ всего этого. Безспорно, каждый изъ насъ, если онъ желаетъ быть дѣйствительно образованнымъ, долженъ выработать въ себѣ способность принимать сознательное участіе въ общей и мѣстной жизни народа; но кто именно и какое именно участіе сможетъ принять въ ней,—это другой вопросъ, который каждый человѣкъ можетъ рѣшить для самого себя особымъ образомъ. Это задача частная, хотя и не менѣе важная, чѣмъ задача общая. „Образованіе, совершенно справедливо говоритъ тотъ же Паульсенъ, должно быть приноровлено и къ той частной задачѣ, которую приходится той или иной личности исполнять въ общей жизни. Въ дѣлѣ образованія, какъ и вездѣ, не однородность нужна и полезна въ наибольшей степени, а разносторонность и разнообразіе".

„Истинно образованнымъ мы должны признать всякаго, кто пріобрѣлъ способность съ того мѣста, на которомъ онъ поставленъ природой и судьбой, оріентироваться въ окружающей дѣйствительности и создать себѣ собственный гармоническій духовный міръ, великій или малый — безразлично. Не количествомъ того, что знаетъ или что изучилъ человѣкъ, опредѣляется образованность, но силой и самобытностью, съ которыми онъ усвоилъ изученное и которыми пользуется для уразумѣнія и оцѣнки представляющихся ему явленій. Поэтому нельзя не назвать образованнымъ и крестьянина, прошедшаго лишь курсъ народной школы, и, быть можетъ, даже никогда не слыхавшаго именъ Гете и Шиллера, если онъ, разумно воспользовавшись тѣми средствами, какія были предоставлены ему обстоятельствами, создалъ себѣ цѣльное воззрѣніе на естественный и историческій міръ, въ которомъ онъ живетъ, и если онъ умѣетъ самостоятельно разбираться въ своей сферѣ. Наоборотъ, мужчину или женщину, умѣющихъ говорить о чемъ угодно, но только заученными фразами и чужими словами, мы не постѣснимся назвать необразованными, хотя бы они представили свидѣтельство отъ всѣхъ учебныхъ

заведеній и испытательныхъ комиссій міра. Образованность опредѣляется не матеріаломъ, а формою знаній".

Какъ извѣстно, до сихъ поръ встрѣчаются, особенно въ глухихъ провинціальныхъ и столичныхъ уголкахъ (есть таковые и въ столицахъ!), очень странныя мнѣнія объ образованіи. До сихъ поръ не перевелись на Руси такіе люди, которые считаютъ образованными тѣхъ, кто не работаетъ руками, кто носитъ нѣмецкое платье, перчатки и шляпы, у кого бѣлыя руки и чистые ногти, кто умѣетъ болѣе или менѣе „прилично" себя вести и поддерживать разговоръ обо всемъ, о чемъ говорятъ въ обществѣ. Иные считаютъ признакомъ образованности употребленіе иностранныхъ словъ, знаніе иностранныхъ языковъ, наконецъ имѣнье какого-либо диплома. Всѣ эти „признаки образованности" должны быть совершенно отброшены въ сторону, не только какъ никуда негодные, но и какъ просто напросто смѣшные, нелѣпые, вредные. Образованность вовсе не тождественна ни съ модной лавкой, ни съ какимъ либо „привилегированнымъ сословіемъ", среди котораго тоже не мало безнадежнѣйшихъ и нахальныхъ неучей, о чемъ наглядно свидѣтельствуетъ хотя бы и III Государственная Дума; образованность не тождественна и съ учебными заведеніями, и школьными знаніями, и дипломами, которыми нѣкоторые господа отличаются отъ „народа". „Чистую публику", во всякомъ случаѣ, не приходится смѣшивать съ людьми дѣйствительно образованными. Даже количество знаній, даже величайшая ученость не должна приниматься въ расчетъ, при опредѣленіи того, что такое образованный человѣкъ.

„Еслибы кто нибудь зналъ наизустъ всѣ 90 томовъ „Энциклоп. Словаря" Брокгауза,—говоритъ Паульсенъ, такъ и это не заставило бы насъ признать его образованнымъ. Напротивъ, мы предположили бы, что такой ученый человѣкъ внутренно безформенъ или необразованъ, такъ какъ умъ его не въ силахъ дѣйствительно усвоить и переварить въ себѣ этотъ неизмѣримый матеріалъ. Наоборотъ, мы не можемъ не назвать духовно вполнѣ образованнымъ и про-

стого человѣка, дѣятельность котораго ограничена, хотя бы даже узкими рамками, но который выработалъ въ себѣ цѣльный и прочный внутренній укладъ, дающій ему возможность ясно и твердо опредѣлять свое отношеніе къ вещамъ и людямъ. Правда, иной человѣкъ, образованный въ нашемъ смыслѣ слова, иной разъ даже не умѣетъ и говорить о своемъ воззрѣніи на міръ и жизнь, онъ и вообще немного говоритъ, но у него всетаки есть міровоззрѣніе, и, что еще важнѣе, онъ живетъ согласно съ нимъ [1]). А тутъ же рядомъ—элегантные господа въ шляпахъ и перчаткахъ и съ дипломами, занимающіе хотя бы даже важныя мѣста и командующіе тысячами людей, „ввѣренныхъ имъ“ несправедливой злодѣйкой-судьбой, господа, которые, въ сущности, кромѣ своего ремесла (есть ремесло, состоящее въ командованіи) ничего не знаютъ, не понимаютъ, да и понимать не хотятъ, а то и не могутъ...

Слѣдующіе признаки опредѣляютъ образованнаго человѣка, но не каждый признакъ въ отдѣльности, а всѣ они въ совокупности.

1) Умѣнье вдумываться, оцѣнивать, понимать окружающую дѣйствительность, оріентироваться въ ней въ любой моментъ и на любомъ мѣстѣ, не теряя самостоятельности своего мышленія, соблюдая возможное безпристрастіе въ своей оцѣнкѣ и стремясь проникнуть мыслью не только въ форму явленій, и даже не только въ формы жизни вообще, а въ ея глубины, ея основы.

2) Разностороннія, точныя, достовѣрныя знанія, на которыхъ должно всегда опираться это умѣнье вдумываться, оцѣнивать и понимать.—Разносторонность знаній, какъ мы увидимъ ниже, необходима потому, что сама жизнь имѣетъ многое множество сторонъ, тѣсно между собой связанныхъ, слитыхъ. Имѣя дѣло всегда съ жизнью, какъ таковой,

---

[1]) Цитаты, которыя мы дѣлаемъ въ этой главѣ, взяты нами изъ прекрасной брошюры Ф. Паульсена „Образованіе“. Изд. Сабашниковыхъ. М. 900 г. 40 коп. Рекомендуемъ читателямъ эту превосходную книжку.

нельзя же судить о многихъ сторонахъ по какой либо одной. Достовѣрность знанія необходима для того, чтобы не ошибаться при оцѣнкѣ качественной стороны, а точность ихъ— при оцѣнкѣ количественной стороны тѣхъ явленій жизни, съ которыми приходится на своемъ вѣку встрѣчаться.

3) Активность, — умѣнье дѣйствовать, вообще жить, проявлять себя во внѣ не какъ мертвую, пассивную силу, а какъ мыслящую, чувствующую, сознательную личность, которая вовсе не должна представлять изъ себя какую-то глину, изъ которой обстоятельства могутъ лѣпить какого угодно звѣря. Активность заключается не въ томъ, чтобы приспосабливаться къ окружающей средѣ и дѣлаться такимъ способомъ какъ „всѣ многіе, которыхъ ужъ слишкомъ много“ (vielzuvielen, по выраженію Ницще), а чтобы, напротивъ, въ этой самой средѣ и даже въ любой средѣ прокладывать дорогу для проявленія своего ума, чувства, воли, творчества, вообще для работы, для жизни. Активность—это наступательное отношеніе къ жизни, способность реагировать на нее такимъ способомъ, чтобы раздвигать ея, подчасъ непомѣрно тѣсныя, а то и безсмысленно узкія рамки, воплощая, при всѣхъ возможныхъ условіяхъ, въ самой жизни, то, что уже накоплено въ душѣ. Разумѣется, рамки жизни становятся шире только подъ напоромъ активности, и потому активность, въ конечномъ итогѣ, сводится къ умѣнью вести свою линію, не считаясь съ препятствіями, обходя ихъ, а то и устраняя путемъ борьбы. Активность— это и есть жизнь. Безъ активности нѣтъ образованности потому, что только путемъ активности можетъ она оставить слѣдъ въ жизни. Безъ этого всякая образованность, въ конечномъ итогѣ, сводится не иначе какъ къ нулю.

4) Отзывчивость, способность не только видѣть и понимать окружающую жизнь, но и чувствовать, переживать ее, умѣнье ставить самого себя въ положеніе тѣхъ, съ кѣмъ сталкиваешься въ жизни, принимать въ расчетъ чужія переживанія,—будь это чужое горе или чужая радость, любовь или ненависть, апатія или гнѣвъ. Отзывчивость, — это

умѣнье „не дѣлать другимъ того, чего не желаешь, чтобы тебѣ дѣлали“. Отзывчивость — это чуткость къ окружающей жизни, это своего рода „образованность чувства“, какъ симпатіи, такъ и антипатіи, тонкость, умѣнье улавливать въ другихъ людяхъ и во всемъ окружающемъ не только рѣзко бросающіяся въ глаза черты, но и едва замѣтные оттѣнки, и переливы ихъ въ пространствѣ и во времени. Отзывчивость, тонкость—это противоположность „дубинности“, благодаря которой иной даже очень ученый человѣкъ больше похожъ на какое-то грубое животное, чѣмъ на человѣка въ лучшемъ смыслѣ этого слова. Отзывчивость лежитъ въ основѣ любви къ людямъ, она же мѣшаетъ человѣческой личности „превратиться въ толстокожее“. При посредствѣ той же отзывчивости, личность, ею обладающая, какъ бы сливается съ окружающей жизнью, съ людьми, съ обществомъ, человѣчествомъ, становится выразителемъ чего-то большого, стоящаго за предѣлами отдѣльнаго человѣка, и что выше его...

Если въ комъ либо всѣ эти четыре качества на лицо, это и значитъ, что человѣкъ, имѣющій ихъ—не только образованный, но и интеллигентный въ лучшемъ смыслѣ этого слова, независимо отъ того, много или мало онъ прочелъ книгъ, имѣетъ или не имѣетъ онъ того или иного диплома. Такой человѣкъ дѣйствительно сила, съ которой не могутъ не считаться другіе люди, и которая не можетъ не оставить свѣтлаго слѣда въ той средѣ, гдѣ она на лицо.

Въ нашемъ дальнѣйшемъ изложеніи мы подробнѣе будемъ говорить объ этихъ четырехъ сторонахъ дѣйствительно образованнаго человѣка и постараемся намѣтить способы, при помощи которыхъ всякій человѣкъ, кто бы онъ ни былъ и гдѣ бы ни жилъ, можетъ дѣйствительно, реально приблизиться къ вышенамѣченному идеалу.

Выводъ изъ этой главы таковъ: дѣйствительно образованный и интеллигентный человѣкъ не можетъ быть образованнымъ про себя и только для себя. Онъ—образованный для всѣхъ, онъ—одно изъ свѣтлыхъ явленій въ

томъ уголкѣ, гдѣ онъ живетъ; онъ источникъ, онъ естественный распространитель свѣта и вообще добра въ своемъ уголкѣ. Но вѣдь на такихъ-то людяхъ и держится подъемъ, развитіе, прогрессъ общественной и вообще исторической жизни. Еще давно было сказано, что иной разъ какъ ни бываетъ „малъ прогрессъ человѣчества, но и то, что есть, лежитъ исключительно на такихъ людяхъ. Безъ нихъ онъ безусловно невозможенъ, безъ ихъ стремленія распространить его онъ крайне непроченъ". Такіе-то люди, всюду и всегда, и дѣлали и дѣлаютъ, правда, въ огромномъ большинствѣ случаевъ незамѣтно, великое и святое дѣло—„дѣло внесенія научнаго пониманія и справедливости въ общественныя формы, распространенія умственнаго и нравственнаго развитія на большинство".

Это—работа чисто практическая, которую дѣйствительно образованный человѣкъ не можетъ не исполнять. Такимъ образомъ, повторяемъ, самая суть образованности не только въ количествѣ знаній и правильности и глубинѣ пониманія, а въ практическомъ служеніи окружающей жизни, въ активномъ и отзывчивомъ отношеній къ ней. Припомните слова Фауста:

Все книги, книги,—что мнѣ въ нихъ?
И долженъ ли прочесть я эти сотни книгъ,
Чтобъ убѣдиться въ томъ, что въ мірѣ все страдало
Всегда, какъ и теперь и что счастливыхъ мало?
Я думалъ,—къ истинѣ вы—ключъ надежный мой.
Но если ключъ блеститъ отдѣлкой мастерской,
Всежъ, бѣдному, ему не разрѣшить вопроса.
При свѣтѣ дня покрыта тайна мглой.
Природа свой покровъ не сниметъ передъ нами.
Коль ты чего не могъ постигнуть всей душой,—
Не объяснить тебѣ винтомъ и рычагами...

„Посмотрите, сколько сдѣлала наука для выработки раціональныхъ основъ физической, нравственной и общественной гигіены, писалъ когда-то одинъ выдающійся русскій ученый. Наука учитъ насъ, какъ устроить жизнь, чтобы сохранить здоровье, какъ поддерживать въ хорошемъ со-

стояніи людскія сообщества, она указываетъ намъ путь къ умственному и нравственному благосостоянію. И вся эта огромная умственная работа остается мертвой буквой и не выходитъ изъ кабинета ученаго! А почему? Потому что наука существуетъ сейчасъ только для привилегированныхъ, потому что соціальное неравенство, раздѣляющее людей на капиталистовъ и наемниковъ, обращаетъ всѣ научныя указанія относительно улучшенія условій жизни въ издѣвательство надъ девятью десятыми человѣчества. Выйдете только изъ кабинета Фауста, уставленнаго книгами, и съ запыленными окнами, не пропускающими дневного свѣта, и посмотрите на все то, что дѣлается вокругъ васъ. Въ наше время дѣло идетъ не о накопленіи истинъ и научныхъ открытій. Нѣтъ, намъ нужно распространять и вложить въ жизнь истины, добытыя уже наукой сдѣлать ихъ всеобщимъ достояніемъ. Мы должны стремиться къ тому, чтобы все человѣчество стало способнымъ ихъ воспринимать, для того чтобы наука стала основой жизни, вмѣсто того, чтобы быть предметомъ роскоши". Этого вѣдь требуетъ справедливость. И даже больше того: это въ интересахъ самой науки. Наука только тогда прогрессируетъ, когда новыя истины попадаютъ въ среду, способную ихъ воспринять. „Слѣдуетъ немножко больше думать о томъ строѣ всей жизни", при которомъ ученые изобилуютъ научными истинами, между тѣмъ какъ большая часть человѣчества обречена оставаться тѣмъ, чѣмъ она была пять, десять вѣковъ тому назадъ: рабами и машинами. Въ тотъ день, когда вы проникнетесь этой широкой, гуманной и глубоко научной идеей, у васъ самихъ пропадетъ желаніе заниматься только чистой наукой. Вы скажете: довольно работать на услажденіе жизни тѣхъ, которымъ и такъ хорошо живется; посвятимъ свои знанія, способности и силы тѣмъ, кому живется тяжело, у кого вся жизнь проходитъ въ темнотѣ, въ униженіи и вообще въ жизненныхъ тискахъ".

IV.

Общій планъ самообразованія.

Тотъ кто начинаетъ работать надъ самообразованіемъ, этимъ самымъ уже расширяетъ свою жизнь во всѣ стороны.

Если онъ принимается за эту, не столько трудную, сколько пріятно-жгучую работу, этимъ самымъ онъ уже показываетъ, что въ немъ есть сила, есть кипѣніе жизни, есть работа мысли, есть живое чувство, есть, наконецъ, воля, которая не позволяетъ ему „жить какъ всѣ“, прозябая въ обыденщинѣ и безпомощно сложивъ руки.

У разныхъ людей самообразовательная работа начинается по разному, съ разныхъ концовъ, то подъ вліяніемъ побужденій умственныхъ, то подъ вліяніемъ чувствъ, по соображеніямъ то идеальнымъ, то практическимъ. Но чтобы ни побуждало къ ней, самая работа требуетъ о б щ а г о п л а̀ н а, общей схемы, — требуетъ отвѣта на такіе вопросы:

1. Что предстоитъ совершить?
2. Съ чего начать?

На первый изъ этихъ вопросовъ мы даемъ отвѣтъ въ этой главѣ, на второй—въ одной изъ слѣдующихъ.

Человѣку, который работаетъ надъ самообразованіемъ, предстоитъ прежде всего раздвинуть свой кругозоръ, выйти изъ своего угла, въ которомъ онъ до сихъ поръ сидѣлъ, и, такъ сказать, осмотрѣться во Вселенной, въ томъ безконечно громадномъ зданіи, въ которомъ ему приходится жить волей неволей.

Надо прежде всего узнать: да какія же отдѣленія существуютъ въ этомъ гигантскомъ зданіи? И каковы особенности каждаго этого отдѣленія,—что онѣ представляютъ каждое въ отдѣльности и всѣ вмѣстѣ? Изъ какого мате-

ріала зданіе построено? Какія силы въ немъ дѣйствуютъ? И какъ дѣйствуютъ, по какимъ правиламъ? Какъ распредѣлились эти матеріалы и въ пространствѣ и во времени? Какія перемѣны съ ними и съ ихъ распредѣленіемъ совершаются и совершались? И что находится, что происходитъ и происходило въ томъ отдѣленіи, въ которомъ я самъ живу и борюсь? Наконецъ, нужно еще узнать, какимъ же способомъ получить на всѣ эти вопросы дѣйствительно достовѣрные и точные отвѣты? Какими способами и методами провѣрить ихъ правильность? Какъ убѣдиться, наконецъ, что въ данномъ случаѣ не ошибается ни мой глазъ, ни мой умъ? Во всѣ эти вопросы необходимо вдуматься и на нихъ поискать отвѣтъ.

Обыкновенно они даются такъ:

Все существующее, и близкое и далекое, и настоящее и прошлое, возможно тщательно изучается разными способами, идеалъ которыхъ—точность и достовѣрность. Для удобства, все существующее изучается по частямъ и по отдѣльнымъ сторонамъ, напр.: строеніе и дѣятельность человѣческаго тѣла и психики („души“) особо, законы человѣческіе особо, вещества, изъ которыхъ состоитъ тоже самое тѣло, и ихъ свойства—тоже особо, движеніе и законы движенія мельчайшихъ частичекъ этого вещества — атомовъ и крупнѣйшихъ—звѣздъ и другихъ свѣтилъ—тоже особо и т. д. Все распредѣлено, разсортировано, изслѣдованіе и изученіе всякой области, всякой стороны жизни находится въ рукахъ особыхъ спеціалистовъ, главнымъ образомъ и сосредоточивающихъ свое вниманіе на какой либо одной сторонѣ или на нѣсколькихъ, смежныхъ. То, что спеціалистами узнано о той или другой сторонѣ жизни съ большей или меньшей точностью и достовѣрностью, и что ими формулировано, называется наукой. Наукъ, какъ извѣстно очень много,—и съ теченіемъ времени становится все больше и больше. Правда, всѣ онѣ, въ своей совокупности, говорятъ объ одной и той же, все о той же Вселенной и о ея жизни, но, благодаря раздѣльности науки отъ науки, нерѣдко кажется, что всѣ

онѣ говорятъ какъ будто о разномъ,—не о разныхъ сторонахъ, а о разныхъ областяхъ, лежащихъ вродѣ какъ рядомъ одна съ другой, но между собой не совпадающихъ.

И всѣ къ этому привыкли. Всѣ думаютъ, убѣждены, что такъ и быть должно, что иначе и быть не можетъ, — какъ же такъ сразу обнять необъятное и изучить все и со всѣхъ сторонъ?

А, такимъ образомъ и благодаря этому, происходитъ вотъ что: изученіе Вселенной, изученіе жизни въ ея цѣломъ сводится, въ конечномъ итогѣ, къ изученію лишь нѣкоторыхъ отдѣльныхъ ея сторонъ, а изученіе этихъ сторонъ сводится къ изученію отдѣльныхъ наукъ. Другими словами, разностороннее изученіе сводится къ одностороннему, неразложимая по существу Вселенная и ея жизнь мысленно разсѣкаются, разлагаются.

Все это, разумѣется, и очень полезно, и необходимо, и вообще разумно въ цѣляхъ удобства и точности изученія. Но не хорошо вотъ что: распредѣлять Вселенную по наукамъ — къ этому всѣ привыкли, но мысленно слагать все узнанное и изученное снова въ единое неразрывное цѣлое—вотъ объ этомъ-то заботятся гораздо меньше. Односторонніе науки такъ и остаются отдѣльными науками, когда ихъ изучаютъ одну за другой. Но вѣдь чтобы вновь построить изъ нихъ Вселенную, какъ нѣчто единое и слитое, для этого недостаточно изучить хотя бы даже всѣ науки. Необходимо еще изучить и понять ихъ объединенность, ихъ совпаденіе, ихъ склейку, ихъ соединеніе, ихъ сообщество—систему. Словомъ, необходимо такъ соединить въ своемъ умѣ все, что добыто отдѣльными науками, чтобы о раздѣльности разныхъ сторонъ одной и той же вселенной и помину не было, потому что эта раздѣльность на самомъ-то дѣлѣ не существуетъ, — она выдумка человѣческаго ума, миражъ, видѣніе...

Вотъ одинъ изъ многихъ примѣровъ, доказывающій эту, въ сущности простую истину, которая перестала быть

очевидной главнымъ образомъ потому, что всѣ мы еще на школьной скамьѣ изучаемъ не Вселенную, а отдѣльныя науки, словно готовясь подходить къ ней только съ одной или нѣсколькихъ сторонъ, и самымъ ученымъ способомъ забыть о ней, какъ о единомъ цѣломъ.

Вы сами, читатель, можете служить для себя самого такимъ примѣромъ. Вы—личность, вы—единое цѣлое. И тѣмъ не менѣе, въ себѣ самомъ вы отличаете великое множество сторонъ, какъ и во всякомъ другомъ несомнѣнно существующемъ фактѣ. На вашемъ примѣрѣ вы лучше всего можете уяснить себѣ отношеніе науки къ жизни, отношеніе отдѣльныхъ сторонъ и ихъ частичнаго изученія къ ихъ цѣлому. И правда,—васъ изучаютъ съ самыхъ различныхъ сторонъ десятки, если не сотни отдѣльныхъ наукъ, а вы, тѣмъ не менѣе, по прежнему представляете изъ себя нераздѣльное цѣлое, а не одну какую либо сторону вашего существованія. Да вѣдь ее, въ вашемъ лицѣ, отъ другихъ вашихъ сторонъ даже и вы сами не отдѣлите,—такъ она слита съ другими вашими-же свойствами и качествами. Такъ напримѣръ, вы—гражданинъ, членъ общества, государства. Какія у васъ права? Въ какихъ отношеніяхъ находятся эти ваши права къ правамъ другихъ такихъ-же людей, какъ вы? Какія права у васъ могутъ быть, а какихъ, пока что, не можетъ, — въ семьѣ, въ обществѣ, въ государствѣ? Нуженъ цѣлый рядъ юридическихъ наукъ, чтобы освѣтить только одну эту сторону вашей жизни и вашей личности, какъ и другихъ, такихъ-же людей. Но какъ же оторвать эту вашу сторону отъ матеріальной стороны вашей жизни? Ваша матеріальная жизнь, какъ и всякаго другого человѣка, тоже изучается цѣлымъ рядомъ наукъ экономическихъ, напр. политической экономіей, науками о государственномъ хозяйствѣ, о финансахъ, о промышленности, торговлѣ и т. д. и т. д. Богаты вы или бѣдны? Каковъ вашъ доходъ? Большой или малый? Почему-же онъ такой, а не иной? Причиной этому вы сами или общія условія жизни, общественное устройство вообще, или особенности того общественнаго класса, къ которому вы

принадлежите, той профессіи, которая кормитъ васъ? Все это вопросы, касающіеся васъ лично, и цѣлый рядъ наукъ изучаетъ экономическую сторону вашей жизни, распутываетъ какъ житейскія мелочи, такъ и сложнѣйшіе факты экономической жизни и далеко еще не можетъ распутать ихъ окончательно. Но дѣло еще сложнѣе, потому что юридическая сторона вашей жизни, въ сущности, неотдѣлима, тѣсно связана съ экономической; по просту сказать, ваши права тѣсно связаны съ вашими доходами, а ваши доходы съ вашими правами. Можно отдѣлить, отграничить юридическія науки отъ экономическихъ, но такую-же ясную границу между доходомъ и правами не очень-то и не всегда и не вездѣ проведешь. Другими словами, на бумагѣ, въ книгѣ науки раздѣльны, а въ жизни—слиты. Изученіе самого себя, своей жизни, общественнаго положенія только съ одной экономической точки зрѣнія лишь запутываетъ пониманіе жизни въ ея цѣломъ и очень мало уясняетъ ее. Изучите подробно хоть всѣ политическія экономіи, — онѣ вамъ ничего не уяснятъ, если вы только ими и ограничите „просвѣтлѣніе своего ума“ Но тоже самое и съ другими науками, и съ группами наукъ. Вы, какъ гражданинъ, мыслите, чувствуете, дѣйствуете, участвуете въ общественной жизни, отстаиваете свои интересы, добиваетесь для себя, да и для своего класса или сословія новыхъ правъ. Кто вы такой и какъ вы сдѣлались такимъ? Отвѣтъ на эти вопросы даетъ опять таки цѣлый кругъ наукъ, -- исторія, географія, психологія, антропологія и т. д., и т. д. Съ общимъ ходомъ исторической жизни, какъ извѣстно, переходятъ изъ страны въ страну и идеи, и учрежденія, и нравы, и обычаи, и вѣрованія, привычки и даже инстинкты. Въ каждомъ изъ насъ есть что нибудь пришедшее къ намъ и изъ Франціи, и изъ Англіи, и съ Востока, изъ глубокой древности, и изъ греко-римскихъ и даже изъ доисторическихъ временъ. Что же именно и откуда пришло? Что въ васъ своего, національнаго, и что чужого, не-національнаго или интернаціональнаго? Иногда кажется, что изучать исторію,—это тоже, что лѣзть въ ка-

кую-то особую область, отъ васъ далекую. Но нѣтъ,—это значитъ,—изучать самого же себя; и то, что вы о себѣ узнаете и какъ себя разберете и оцѣните съ исторической точки зрѣнія, въ сущности, неотдѣлимо отъ другихъ вашихъ сторонъ. У васъ такія-то права и доходы, — но вѣдь они стали такими не сразу,—ихъ сдѣлалъ такими ходъ исторіи. Въ зависимости отъ вашего матеріальнаго и юридическаго положенія вы воспринимали то такія, то иныя заграничныя вліянія. Такъ наприм., въ XVIII в. французское вліяніе коснулось только помѣщиковъ и вообще богатыхъ людей, въ XIX в. идеи соціализма изъ Франціи и Германіи сильнѣе всего дѣйствуютъ на рабочій людъ, уясняя ему его положеніе по существу. Вмѣстѣ съ изученіемъ закона Божія, въ наши головы входитъ много такого, что произведено Византіей, а вмѣстѣ съ латинскимъ и греческимъ языкомъ,—идеи и чувства древнихъ римлянъ и грековъ. Знакомство съ литературой другихъ народовъ даетъ каждому изъ насъ элементы всѣхъ странъ и всѣхъ вѣковъ. И все это ассимилируется, сливается, спаивается, дѣлается составной частью каждаго изъ насъ, вліяя на всѣ прочія стороны нашей духовной жизни. Нечего и говорить, что и духовная сторона нашего я, изучаемая отдѣльно отъ другихъ сторонъ особой наукой—психологіей, вовсе не отдѣлима отъ этихъ послѣднихъ, потому что всѣ наши дѣйствія, наши мысли, чувства, желанія, побужденія и т. д. всегда съ нами и въ насъ и вліяютъ и на правовую, и на экономическую, матеріальную нашу жизнь. Тутъ ужъ не приходится говорить, что „психологія“ далека, наприм., отъ „политической экономіи“ или „государственнаго права“. Въ вашемъ лицѣ, читатель, все это соединено вмѣстѣ, и первое, что вы должны сдѣлать, это не забывать, что за о т д ѣ л ь н ы м и науками стоитъ не что иное, какъ е д и н с т в о ж и з н и. Но тоже самое можно сказать и про науки, изучающія ваше тѣло. Изучать т о л ь к о его, не обращая вниманія ни на ваше матеріальное и вообще общественное положеніе, на состояніе вашей души, не можетъ ни одинъ докторъ. Правда, когда-то вся-

кій докторъ, готовясь къ экзамену, изучалъ устройство и жизнь человѣческаго тѣла вообще, независимо отъ того, ваше оно или не ваше. Но и тогда, даже при такомъ самомъ изученіи вообще, доктору пришлось изучать гигіену, науку о сохраненіи здоровья, которая очень подробно изучаетъ тѣ условія жизни, при какихъ человѣкъ бываетъ здоровъ или нездоровъ. Гигіена, а въ особенности гигіена общественная, трактующая объ общественномъ устройствѣ съ точки зрѣнія народнаго здоровья, — это своего рода мостикъ между анатоміей и физіологіей и политической экономіей и правомъ. Такіе мостики, т. е. какъ бы переходныя науки, существуютъ между всѣми ея отдѣлами. Кажется, астрономія очень ужъ далека отъ физіологіи и психологіи. Но на дѣлѣ оказывается, что всякій человѣкъ, въ какой бы области онъ ни дѣйствовалъ, нуждается во всѣхъ наукахъ. Найдено, наприм., что анатомическое устройство глаза и мозга и психическое состояніе астронома сильно отражается на качествѣ астрономическихъ наблюденій, на работѣ при помощи телескопа, на ея точности и достовѣрности. Между науками общественными и астрономіей въ жизни опять таки тѣсная связь. Всякій наприм. знаетъ, что жизнь идетъ по календарю и часамъ, а точность календаря и часовъ, которыми и вы, читатель, не можете не пользоваться, устанавливается астрономіей,—это ея великое историческое дѣло, глубоко жизненное и практическое. Значеніе календаря и часовъ особенно сказывается во время путешествій, — а кто же теперь не путешествуетъ,—волей или неволей? Но идемъ дальше. Химія изучаетъ разныя вещества, ихъ взаимодѣйствія, ихъ превращенія, физика изучаетъ свѣтъ, теплоту, электричество и разныя другія виды энергіи. Что же вы представляете изъ себя, читатель? Вы—своего рода комокъ такихъ-то и такихъ-то веществъ, которыя являются носителями и тепла, и электричества, и разныхъ другихъ видовъ энергіи. Въ то самое время, когда вы сидите за столомъ, читая газету или книгу, или дѣлая ту работу, которая васъ кормитъ, въ вашемъ тѣлѣ происходитъ безконечно сложный рядъ явленій.

Работаетъ ваша психика, т. е. каждая клѣточка вашего мозга, каждая нервная нить, работаютъ всѣ другіе органы и ихъ клѣточки, всѣ частицы, изъ которыхъ эти клѣточки составлены, всѣ атомы, составляющіе каждую изъ этихъ частицъ. Внутри васъ, въ эту самую минуту, вещество превращается въ вещество, одинъ видъ энергіи въ другой. И всѣ эти явленія вліяютъ одно на другое, наглядно показывая и доказывая полное единство чрезвычайно сложной и нераздѣльной жизни. Человѣкъ—это какъ бы центръ всѣхъ наукъ; даже такихъ, какъ зоологія и ботаника. Поскольку человѣкъ—животное, его изучаетъ, какъ извѣстно, зоологія, однимъ изъ пріемовъ которой является сравненіе, — сравненіе той или иной стороны человѣка съ тѣми же сторонами другихъ животныхъ. Но въ изученіи животныхъ, особенно низшихъ, играетъ очень важную роль ихъ сравненіе съ растеніями, — организмами другого порядка. Только путемъ изученія организмовъ животныхъ и растительныхъ идетъ наука къ пониманію жизни вообще, — такихъ основныхъ явленій ея, какъ питаніе, ростъ, размноженіе, движеніе, чувствительность и т. д. Но ботаника, какъ и зоологія, имѣютъ близкое отношеніе къ каждому изъ насъ и инымъ способомъ,—черезъ кухню и аптеку и т. д. Эта наука касается насъ постольку, поскольку человѣчество пользуется въ настоящее время животными и растительными продуктами въ своей жизни: давно сказано, что каждый человѣкъ „есть то, что онъ ѣстъ“. А сводя все предыдущее къ одному, скажемъ,—каждый человѣкъ есть клубокъ жизни,—та точка Вселенной, гдѣ сливаются во едино всѣ науки. Желаете вы знать самого себя и свою жизнь, и среду, въ которой вы ее проводите? Ставьте въ такомъ случаѣ не ту цѣль, которую обыкновенно ставятъ и которая состоитъ въ изученіи такого-то количества такихъ-то отдѣльныхъ наукъ. Нѣтъ, цѣль вашего самообразованія—изученіе и того, какъ всѣ эти науки сливаются, какъ изъ разныхъ наукъ образуется одна единая, а эта послѣдняя — не гдѣ-то тамъ, въ шкафу или книжкѣ, или въ верхнемъ этажѣ

вашей головы, или даже надъ вашей головой. Нѣтъ, она въ васъ. Она — это вы сами, ваше пониманіе васъ самого, пониманіе вашей и всей окружающей жизни.

Какъ уже было выше сказано, каждая изъ наукъ по необходимости односторонняя и однобока. Сколько ни изучайте какую угодно изъ нихъ, вы, благодаря ей одной, не узнаете жизни. Иные читатели думаютъ: „вотъ я изучу исторію, политическую экономію, астрономію (кто что, смотря по вкусу)— и пойму жизнь“. Оставимъ въ сторонѣ эти иллюзіи и надежды Отъ изученія какой-либо науки, отъ усвоенія ея истинъ, усвоенія даже самаго отчетливаго, вы, кромѣ односторонняго отношенія къ жизни, ничего не пріобрѣтете. Вы, такимъ способомъ, даже пріучитесь къ односторонности пониманія. Вы станете терять чутье жизни и ея правды, какъ теряютъ ее всѣ спеціалисты, не имѣющіе общаго образованія. Вы станете забывать о другихъ сторонахъ того же самаго цѣлаго, станете мысленно раздѣлять нераздѣльное. Но вѣдь въ этомъ-то и заключается слабость книжнаго пониманія, мышленія, знанія, и вообще слабость книги. А намъ всѣмъ не слабость нужна, а сила, другими словами, разносторонность, вниканіе не въ книгу, и даже не въ науку, а въ жизнь. На это мы обращаемъ особое вниманіе читателя, въ отличіе отъ всякой другой постановки дѣла самообразованія. Не забывайте односторонности всякой науки въ отдѣльности, не забывайте за книгой самой жизни. Поэтому дѣло самообразованія нужно вести такъ: выясните предъ собою, хотя бы въ самыхъ общихъ чертахъ, вопросы или области жизни, особенно нужные, важные, интересные, жгучіе для даннаго читателя, и затѣмъ изучайте любой вопросъ при помощи многихъ наукъ, возможно большаго ихъ числа, даже всѣхъ наукъ. Только тогда вы дойдете до свѣта знанія и пониманія. Науки, вродѣ какъ цвѣта спектра,—у каждой науки свой особый цвѣтъ, а всѣ онѣ вмѣстѣ, весь ихъ рядъ и составляетъ спектръ. Всѣ онѣ недостаточно свѣтлы, каждая въ отдѣльности. Но наложите всѣ цвѣта спектра одинъ на другой — и получите бѣлый цвѣтъ,—са-

мый свѣтлый изъ всѣхъ. Иногда и изъ двухъ-трехъ цвѣтовъ (дополнительныхъ) можно получить бѣлый цвѣтъ, налагая одинъ на другой. Тоже и среди наукъ, какъ мы увидимъ дальше, можно различать такія (двѣ, три или нѣсколько), которыя, въ своей совокупности, дадутъ данному читателю опредѣленно достаточный для него свѣтъ знанія.

Такимъ образомъ, отдѣлять понятіе наук и отъ понятія знанія и пониманія крайне важно и практически полезно.

Каковы же выводы изъ всего предыдущаго? Съ практической, какъ и теоретической точки зрѣнія это выводы тоже очень важные. Состоятъ они въ слѣдующемъ.

1. Цѣль образованія, какъ и самообразованія, вовсе не заключается въ изученіи отдѣльныхъ наукъ,—такихъ-то и въ такомъ-то количествѣ. Многіе говорятъ: я изучу такія-то науки—и буду образованнымъ человѣкомъ. На это можно отвѣтить: сколько ни изучайте вы ихъ,—вы никогда не сдѣлаетесь дѣйствительно образованнымъ человѣкомъ, если изучите хотя-бы подробно-подробно, какъ самый заядлый спеціалистъ, только отдѣльныя науки.

2. Цѣль самообразованія—въ знаніи и пониманіи единой нераздѣльной жизни,—жизни, какъ единаго цѣлаго, жизни, которая течетъ и въ васъ, и вокругъ васъ, унося насъ всѣхъ вмѣстѣ съ собою. Каждое явленіе, каждая область жизни имѣетъ множество разныхъ сторонъ, изучаемыхъ разными отдѣльными науками. Изучать эти послѣднія отдѣльно — необходимо лишь для того чтобы возможно скорѣе сложить ихъ всѣ вмѣстѣ, ради знанія и пониманія жизни, какъ единаго цѣлаго. Такимъ образомъ:

3. Изученіе отдѣльныхъ наукъ—это не болѣе, какъ первая изъ первыхъ ступеней къ этому знанію и пониманію. Это пріемъ, если, въ одномъ смыслѣ, и удобный и даже необходимый, то въ другомъ опасный, такъ какъ пріучаетъ къ односторонности мышленія, односторонности знанія, односторонности пониманія, иначе говоря, къ методическому искаженію дѣйствительности.

Практическій же выводъ изъ вышесказаннаго таковъ:

4. Принимаясь за работу надъ самообразованіемъ, гораздо выгоднѣе, въ цѣляхъ общаго развитія, а также и практической жизни, вести свою работу по вопросамъ, а не по наукамъ, но всякій вопросъ освѣщая данными всѣхъ главнѣйшихъ или вообще многихъ наукъ. Только такимъ способомъ можно дѣйствительно оріентироваться въ той или иной области, „осмотрѣть ее во всѣхъ смыслахъ", и понять ее возможно ближе къ тому, что она изъ себя дѣйствительно представляетъ.

Выражая все вышесказанное короче, приходимъ къ такому выводу:

Цѣль самообразованія — синтезъ. Что касается до анализа, то онъ не болѣе, какъ средство къ синтезу.

* * *

Но этимъ вопросъ еще далеко не исчерпывается. Онъ вызываетъ за собою слѣдующіе:

Можно ли достигнуть цѣли, т. е. синтеза, не овладѣвъ средствомъ, т. е. анализомъ?

Въ школахъ нашихъ намъ говорятъ: „нельзя": Насъ натаскиваютъ тамъ иногда даже по многимъ наукамъ, каждый преподаватель старается сдѣлать каждаго изъ насъ вродѣ какъ спеціалиста по своей наукѣ,—уча подходить къ жизни по своему: химикъ — со стороны химической, физикъ — со стороны физической, историкъ — со стороны исторической, „батюшка"—со стороны церковной и т. д. А кто же думаетъ о синтезѣ, объ объединеніи, сліяніи всѣхъ этихъ наукъ въ единое пониманіе единой жизни?

Никто! Это предоставляется самому ученику.

Но вѣдь это слитіе, синтезъ и представляетъ изъ себя труднѣйшую задачу образованія и самообразованія. Отъ ея-то разрѣшенія и зависитъ дѣятельность, то есть жизнь человѣка. И не всякій въ силахъ исполнить эту задачу соб-

ственными средствами. Помощь необходима и здѣсь. Но ея-то и не оказывается...

Въ дѣлѣ самообразованія, думается намъ, необходима иная постановка. Правильная постановка самообразованія должна быть съ первыхъ же шаговъ направлена къ синтезу.

И она не только должна, но и можетъ быть направлена къ нему, и къ тому же безъ всякаго ущерба какъ и для количественной, такъ и для качественной стороны дѣла.

То, что мы будемъ говорить дальше, заключаетъ въ себѣ отвѣтъ на вопросъ,—„какимъ же способомъ это сдѣлать“.

* * *

Намѣтимъ прежде всего тѣ области жизни, съ которыми предстоитъ основательно познакомиться тому, кто работаетъ надъ самообразованіемъ.

Прежде всего передъ нами три вопроса:

1. Что же именно мы будемъ изучать (объ объектѣ знаній и изученія).

2. Какъ изучать, какими способами, методами, пріемами?

3. Кто же именно будетъ изучать (о субъектѣ знанія и изученія).

Уже это одно раздѣленіе даетъ намъ путеводную нить для занятій. Всѣ три вопроса сами по себѣ ясны и точны, и въ дальнѣйшемъ изложеніи мы не будемъ забывать ни того, ни другого, ни третьяго. Но сколь-бы отчетливымъ и достаточнымъ для нашей цѣли ни казалось нижеслѣдующее изложеніе общаго плана занятій, не слѣдуетъ забывать, что по существу оно далеко не точно. И неточность его для многихъ можетъ показаться неожиданной. То, что изучается нами, обыкновенно называется „внѣшнимъ міромъ“. Говоря же объ изученіи и о человѣкѣ изучающемъ, мы имѣемъ въ виду внутренній міръ. Между міромъ внутреннимъ и внѣшнимъ повидимому существуетъ цѣлая про-

пасть, и переходъ отъ одного къ другому—рѣзкій и опредѣленный. Но такъ ли это? Что представляетъ изъ себя въ дѣйствительности т. наз. „внѣшній міръ“? Въ каждый данный моментъ онъ состоитъ, какъ извѣстно, изъ „предметовъ“ или „тѣлъ“, съ которыми происходятъ разнаго рода перемѣны,—то, что называется „явленіями“. Все появляется, „происходитъ“, существуетъ, мѣняется, исчезаетъ, уничтожается, принимая новый видъ, переходя изъ одной формы въ другую. Но присмотримся къ любому предмету, любому явленію. Почему мы знаемъ, что оно существуетъ? Потому что всякій нормальный человѣкъ можетъ ощущать его существованіе при помощи своихъ органовъ чувствъ, можетъ его видѣть, слышать, обонять, осязать и т. д.; все это ощущенія его свойствъ, и не будь этихъ нашихъ ощущеній, мы ничего бы не знали ни о какомъ предметѣ внѣшняго міра. Предметъ—это значитъ наши ощущенія его свойствъ плюсъ дальнѣйшая переработка этихъ ощущеній нашей психикой. Такимъ образомъ, весь внѣшній міръ,—это наши-же ощущенія внѣшняго міра и ихъ переработка. Въ такомъ случаѣ, уже не приходится говорить, что онъ—одна статья, а человѣкъ, его познающій—совсѣмъ другая, ничего общаго съ нимъ не имѣющая. Нѣтъ, и въ томъ и въ другомъ случаѣ мы имѣемъ дѣло все съ тѣмъ же человѣкомъ. Границы между нимъ и внѣшнимъ міромъ не существуетъ. Это лишній разъ показываетъ, какъ легко ошибиться, рѣшая съ плеча вопросы повидимому даже самые обыденные, ясные и безспорные. Все относительно, все условно, и если мы будемъ въ дальнѣйшимъ изложеніи говорить о мірѣ внутреннемъ и о мірѣ внѣшнемъ, о субъектѣ и объектѣ познанія,—это тоже будетъ условное раздѣленіе и условная форма выраженія, удобная въ практическомъ отношеніи, для распланировки занятій.

И такъ міръ внѣшній и міръ внутренній подлежатъ изученію. Попробуемъ разобраться и въ томъ, и другомъ болѣе обстоятельно, въ тѣхъ же практическихъ цѣляхъ самообразованія. Попробуемъ намѣтить общую схему изученія

для того и другого, представить тотъ и другой въ видѣ нѣкоторой системы, удовлетворяющей нашей цѣли.

О какой собственно системѣ должна идти рѣчь [1])? Что собственно называть системой? Существуетъ и можетъ существовать одна единственная система, и имя ей — жизнь. Если вы къ ней поглубже присмотритесь, то увидите въ ней дѣйствительно настоящую систему, иначе говоря, очень сложное, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, по своему стройное цѣлое, состоящее изъ цѣлаго ряда опредѣленныхъ сторонъ, опредѣленно расположенныхъ, одна съ другой крѣпко связанныхъ, другъ отъ друга неразрывныхъ. Попробуемъ намѣтить ихъ, чтобы набросать, по схемѣ жизни, схему знанія и пониманія ея, а, значитъ, и общій планъ занятій, ни на минуту не забывая единства жизни и ея недѣлимости.

Прежде всего передъ каждымъ человѣкомъ три круга жизни, три главныхъ области ея (о нихъ мы уже упоминали въ прошломъ письмѣ), очень близко затрагивающихъ все существованіе каждаго изъ насъ: во 1-хъ, жизнь интимная, во 2-хъ, жизнь соціальная, въ 3-хъ, жизнь космическая. Это раздѣленіе, какъ и то, о которомъ шла рѣчь, опять таки условно и относительно, потому что въ область интимныхъ, личныхъ переживаній могутъ входить и переживанія всякаго рода общественныхъ неурядицъ, и восхищеніе природой, космосомъ. Да и мышленіе и чувство, охватывающее жизнь въ ея цѣломъ, — представляетъ изъ себя явленіе жизни интимной. Тѣмъ не менѣе, и вышеприведенное раздѣленіе жизни на три круга представляетъ, по нашему мнѣнію, довольно удобный пріемъ для самообразованія. Всякое мое переживаніе, поскольку оно касается меня, постольку оно и относится къ кругу интимной жизни. Міръ интимный — это міръ чувствъ, хотѣній и стремленій, міръ моей любви, моей не-

---

[1]) Подробно объ этомъ вопросѣ см. нашъ большой трудъ „Среди книгъ“, Т. I. Введеніе. Изд. кн. маг. „Наука“ М. 911 г. Читатель найдетъ тамъ подробный обзоръ вопроса и классификацію разныхъ сторонъ и явленій жизни, а также и всѣхъ наукъ, ее изучающихъ.

нависти, моихъ симпатій и антипатій, моихъ чаяній, стремленій и надеждъ, моей вѣры, моихъ идеаловъ, моихъ вкусовъ, инстинктовъ и привычекъ. Въ этомъ мірѣ — я самъ хозяинъ, со всѣми моими пристрастіями, и эти пристрастія въ этомъ мірѣ — имѣютъ полное право на существованіе: они и составляютъ самую суть и основу моего Я. Въ этомъ мірѣ то, что я считаю должнымъ и желательнымъ, важнѣе для меня, чѣмъ то, что хоть и существуетъ, но не желательно. За этимъ-же міромъ интимной жизни лежатъ остальные круги, къ которымъ я долженъ подходить уже совершенно съ иною мѣркою, возможно безпристрастной и объективной. Жизнь „задушевная“, личная,—самый узкій и самый тѣсный кругъ, если только человѣкъ не присматривается къ самымъ основамъ и глубинамъ этой жизни; а, присматриваясь къ нимъ, онъ нашелъ бы въ своей личной жизни элементы жизни соціальной, общественной, а также и космической, міровой, жизни Вселенной въ ея цѣломъ. Ни одинъ человѣкъ не можетъ быть чуждъ ни той, ни другой, ни третьей. Каждый человѣкъ, чтобы жить, долженъ ихъ знать и понимать. Этого требуетъ простое самосохраненіе. Касаются же они его очень близко. Внѣ общественной жизни каждый изъ насъ былъ-бы дикаремъ. Нашъ языкъ, нравы, нравственность, религія, государственная и хозяйственная жизнь, все это создано жизнью всѣхъ, жизнью общественной. И отъ всего этого въ высокой степени и очень реально зависитъ каждый изъ насъ въ самой интимной своей жизни. Наше же тѣло и явленія, въ немъ совершающіяся,—процессы питанія, размноженія, процессы, происходящіе въ мозгу и нервахъ, жизнь клѣточекъ нашего тѣла, частицъ и атомовъ, составляющихъ ихъ, зависимость всѣхъ этихъ явленій отъ всей окружающей среды,—окружающей насъ природы, міра растеній, животныхъ, отъ устройства поверхности нашей планеты, наконецъ, отъ положенія этой послѣдней въ солнечной системѣ и вообще Вселенной,—все это явленія жизни природы вообще, т. е. жизни космической. Изъ одного этого перечисленія всѣхъ основныхъ

сторонъ жизни въ вышеприведенномъ порядкѣ, читатель ужъ видитъ систему жизни, — ея основныя стороны, этапы въ ея развертываніи. Вдумайтесь хорошенько въ себя, — и увидите общество и природу, космосъ, и самого себя, свой собственный, все изучающій разумъ, съ его логикой, его чувствами, его волей. Передъ вами дѣйствительно система. И если вы серьезно работаете надъ своимъ самообразованіемъ, вы этой системы не минуете никогда. Порядокъ вашихъ занятій по существу уже опредѣленъ ею заранѣе. Вы не минуете этихъ трехъ круговъ жизни,—интимнаго, соціальнаго, космическаго. И вотъ что особенно важно: каждый изъ этихъ круговъ изучается не одною, а нѣсколькими, даже многими науками. Каждый настолько сложенъ, что сразу его не узнаешь, не обнимешь и не поймешь. И ни одна наука въ отдѣльности не обнимаетъ его.

I. Я желаю знать, я должен знать переживанія, идеалы, страсти, стремленія другихъ людей. Вплоть до переживаній самыхъ тонкихъ, даже смутныхъ и неопредѣленныхъ,—вѣдь такихъ не мало и во мнѣ самомъ. Всѣ они мнѣ безконечно интересны, потому что я, присматриваясь и вообще знакомясь съ чужими идеалами и стремленіями, вырабатываю и свои собственные. Всякому извѣстно, что жизнь интимная и обыденная близка каждому человѣку. Разобраться-же въ переживаніяхъ и обыденщинѣ не такъ-то легко, и даже гораздо труднѣе, чѣмъ въ иномъ научномъ вопросѣ. Для огромнаго большинства людей на первомъ планѣ стоятъ именно разговоры о жизни, обыденной жизни, со всѣми ея мелочами, непріятностями, сутолокой, безтолковщиной. И не въ отдѣльныхъ сторонахъ ея, а какъ въ единомъ цѣломъ. Обыденщина — это есть то, что для человѣка представляетъ изъ себя самое жгучее и притягивающее, ярко будорожащее самыя глубины человѣческой души. Какія же книги полнѣе и сильнѣе всего затрагиваютъ именно эту область? Несомнѣнно книги по беллетристикѣ, раскрывающія передъ нами 1) „жизнь такою, какова она есть", 2) въ яркихъ образахъ и типахъ, и 3) не только съ внѣшней,

но и съ внутренней стороны, съ ея чувствами, идеями, стремленіями, настроеніями, мечтами, со всѣми неурядицами, промахами, ошибками... Къ этой области должны быть отнесены романы, повѣсти, стихотворенія и т. п., которыя, по вышесказанной причинѣ, и находятъ наиболѣе широкій кругъ читателей... Книга, затрагивающая эту сторону человѣка, не можетъ не находить самаго широкаго круга читателей. Относительная легкость пониманія беллетристическихъ произведеній, разумѣется, лишь способствуетъ расширенію ихъ читательскаго круга. Но главное значеніе беллетристики для человѣка не въ этомъ, а въ близости ея къ самымъ интимнымъ его переживаніямъ, къ индивидуальности каждаго изъ насъ, въ стремленіи охватить ее со всѣхъ сторонъ сразу. Съ другой стороны, есть беллетристика описывающая, фотографирующая, которая вводитъ читателя въ жизнь различныхъ общественныхъ круговъ, классовъ, въ жизнь различныхъ слоевъ населенія, разныхъ странъ, разныхъ временъ, и вводитъ въ ихъ обыденщину въ наиболѣе доступной формѣ. Въ этомъ отношеніи беллетристика является ничѣмъ инымъ, какъ слугой знанія, и для людей съ конкретнымъ складомъ ума совершенно незамѣнима ничѣмъ другимъ. Такимъ образомъ, врядъ ли нужно доказывать, что знакомство съ беллетристикой столь же необходимо для человѣка, работающаго надъ самообразованіемъ, какъ и знакомство съ науками. Для огромнаго большинства читателей именно съ этой области легче всего начинать расширеніе своего кругозора и выработку своего Я. То же самое нельзя не сказать и о другихъ, такъ называемыхъ изящныхъ искусствахъ. Искусство—необходимый элементъ самообразованія, незамѣнимый никакимъ другимъ. Было время (въ 60 г.г.), когда изящнымъ искусствамъ не придавали никакого значенія или сводили его почти къ нулю, а „эстетику“ и „эстетиковъ“ осмѣивали. Это время прошло, и искусство заняло подобающее мѣсто въ схемѣ общаго образованія. Внутренній міръ человѣка безконечно сложенъ и многообразенъ. Его сравниваютъ съ своего рода музы-

кальнымъ инструментомъ съ великимъ множествомъ струнъ. Произведенія изящнаго искусства—это своего рода орудія, съ помощью которыхъ только и можно заставить звучать такія струны, на которыя не подѣйствуютъ никакія другія. Жить полною, разностороннею жизнью,—это значитъ жить такъ, чтобы звучали по возможности всѣ струны души, и всѣ стороны человѣческой психики, всѣ силы человѣка имѣли бы случай упражняться, проявляться и расцвѣтать. Выбрасывать искусство изъ своей жизни и даже отодвигать его на задній планъ, — это тоже, что совершать своего рода преступленіе надъ самимъ собою. Нѣтъ такого человѣка, на котораго никакое художественное произведеніе (литературное, музыкальное или скульптурное и т. д.) непроизводило бы никакого впечатлѣнія. Въ каждомъ сердцѣ есть уголокъ, на который сильнѣе всего дѣйствуетъ именно эстетика, красота, воплощенная въ той или иной формѣ. Но если бы она даже на того или иного читателя еще и не дѣйствовала,—она д о л ж н а дѣйствовать. Этого нужно добиться, надо развивать въ себѣ ея пониманіе, ея о щ у щ е н і е для того, чтобы при ея посредствѣ еще болѣе расширять, углублять, возвышать, дѣлать напряженнѣе свою жизнь. Правда, вліяніе различныхъ искусствъ, или, что тоже, различныхъ художественныхъ произведеній, на разныхъ людей далеко не одинаково. На однихъ сильнѣйшее впечатлѣніе производитъ поэзія, на другихъ живопись, на третьихъ архитектура, но особенности каждаго человѣка говорятъ лишь о выборѣ искусствъ, а не объ исключеніи ихъ. Кто-то сказалъ, что изящныя искусства—это особый способъ лелѣять самыя глубины своей души, и это совершенно правильно. Поэтому отдѣлъ этихъ искусствъ, въ который входятъ, кромѣ изящной литературы, музыка, живопись, скульптура, архитектура, драматическое искусство, долженъ въ общей схемѣ образованія занять свое мѣсто рядомъ съ беллетристикой.

Въ интимной жизни человѣка есть еще одна область, имѣющая для него глубочайшее значеніе. Это область его

поведенія вообще, та область, въ которой онъ самъ стоитъ передъ самимъ собою,—безъ лжи и декораціи, безъ одеждъ, напяливаемыхъ на себя „ради другихъ“, ради того, „что скажутъ другіе“,—та область, гдѣ въ каждомъ человѣкѣ живетъ нѣкто, называемый... „я самъ“,„моя совѣсть“. Это интимнѣйшая изъ интимныхъ глубинъ человѣческой души представляетъ изъ себя какъ-бы таинственную лабораторію, гдѣ вырабатываются, сознательно или безсознательно, всѣ поступки человѣка, гдѣ регулируются всѣ его отношенія къ другимъ, гдѣ рѣшаются такіе великіе и безконечно трудные, сложные, отвѣтственные вопросы, какъ напр. такіе: „что я долженъ считать добромъ, а что зломъ, справедливостью или несправедливостью, правдой или неправдой? Какимъ принципамъ я долженъ повиноваться? И что значитъ я „долженъ“. Почему? Зачѣмъ „долженъ“? Какихъ правилъ, принциповъ держаться въ моемъ поведеніи, внѣшнемъ и даже внутреннемъ? Чѣмъ осмысливать и украшать свою жизнь, такъ чтобы не рыдать отъ горя, когда она, неожиданно для меня, пройдетъ, окончившись безсмысленно и нелѣпо? Въ чемъ цѣнность моей жизни? Въ чемъ ея смыслъ? Въ чемъ ея цѣль? Какой идеалъ я долженъ поставить передъ собою въ видѣ этой цѣли и стремиться къ нему и въ моихъ личныхъ переживаніяхъ, и во внѣ,—въ жизни семейной, общественной и т. д.“? Все это вопросы глубочайшей важности, и теоретической и практической, для каждаго человѣка. Ихъ каждый изъ насъ долженъ такъ или иначе разрѣшить. И во всякомъ случаѣ ихъ нельзя не разрѣшать. Здѣсь, въ этихъ глубинахъ интимной жизни, вырабатываетъ каждый изъ насъ свое умѣнье оцѣнивать всѣ явленія въ окружающей жизни съ точки зрѣнія добра и зла (т. е. того, что каждый считаетъ ими), справедливости и несправедливости, ненависти и любви, и вообще съ т. наз. нравственной, этической точки зрѣнія. Хочетъ человѣкъ или не хочетъ, а безъ нравственной мѣрки, которую можетъ выработать лишь онъ самъ, его совѣсть, онъ въ жизни обойтись не можетъ. Надо ее выработать, эту мѣрку, возможно отчет-

ливую, опредѣленную, и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше. Безъ наличности этой мѣрки человѣкъ вовсе не личность,—онъ безпомощная неоформленная масса, протоплазма, нравственный студень, которому грошъ цѣна, ладья безъ руля и безъ вѣтрилъ. Безъ наличности такой мѣрки личная жизнь превращается не въ жизнь, а въ безалаберщину и въ безсмыслицу. Но еще страшнѣе вступать безъ такой мѣрки въ жизнь общественную, выходить „на люди“, вылѣзать изъ своей норы на милліонъ милліоновъ столкновеній съ другими такими же людьми, у которыхъ у каждаго свой темпераментъ, характеръ, свои интересы, права, идеалы, стремленія, ухватки, привычки и т. д. Прокладывать свою дорогу и вести свою линію въ безконечной толчеѣ жизни безъ нравственной мѣрки для оцѣнки событій и людей еще болѣе затруднительно и опасно, чѣмъ жить безъ нея въ одной собственной личной норѣ. Эта мѣрка нужна и для оцѣнки всѣхъ явленій, событій общественной жизни, независимо отъ того, участвуете вы въ нихъ или не участвуете. Для оцѣнки событій жизни не только настоящей, идущей передъ вашими глазами, но и прошлой и даже будущей. Изучать, напримѣръ, всеобщую или русскую исторію, не прилагая къ ней мѣрила добра и зла, справедливости или несправедливости,—этого никто не можетъ сдѣлать, если бы даже и хотѣлъ, и оцѣнка событій дѣлается во время чтенія сама собою, остается лишь осмысливать и упорядочивать ее. Но фактъ остается фактомъ, — изучая напр. исторію, вы производите въ вашей душѣ двойную работу: во первыхъ, знакомитесь съ фактами и съ объясненіями этихъ фактовъ, съ тѣмъ, что было и есть, независимо отъ того, пріятно вамъ это или непріятно:—что было—то и было, фактъ и есть фактъ, если онъ дѣйствительно былъ, его изъ ряда другихъ не выкинешь. Во вторыхъ, вы вмѣстѣ съ тѣмъ производите нравственную оцѣнку каждаго факта съ вашей личной точки зрѣнія,—рѣшаете въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, какъ отражается или отразился-бы тотъ или другой фактъ на васъ и на вашихъ близкихъ, и вообще тѣхъ, кому

вы симпатизируете, и на тѣхъ, кому не симпатизируете; кажется онъ вамъ, съ вашей точки зрѣнія, хорошимъ или дурнымъ, добрымъ или злымъ, симпатичнымъ или антипатичнымъ, справедливымъ или несправедливымъ, честнымъ или безчестнымъ и т. д., и т. д. Васъ не удовлетворитъ вѣдь одно лишь знаніе того, что, такъ или иначе, существуетъ какъ фактъ,—вы являетесь какъ бы судьей существующаго, судьей съ высшей этической точкой зрѣнія, исходя изъ вашихъ взглядовъ на то, что должно быть, что желательно. И это не только относительно исторіи человѣчества вообще, но и другихъ сторонъ общественной жизни. Знакомитесь ли вы съ явленіями жизни экономической, правовой, церковно-религіозной, литературной, научно-философской и со всякой другой, гдѣ главное дѣйствующее лицо—человѣкъ, а содержаніе — его дѣйствія, жизнь, обыкновенно выражающаяся въ страданіи большинства людей, ихъ униженіи и темнотѣ,—вы безъ нравственной оцѣнки фактовъ обойтись не можете. И даже болѣе того,—не должны безъ нея обходиться. Разумѣется, необходимо, насколько только возможно, раздѣлять эти двѣ стороны образованія,—изученіе того, что есть, и его оцѣнку съ этической точки зрѣнія, т. е. вашего идеала,—и эта послѣдняя не должна мѣшать возможной безпристрастности изученія. Но и примиряться съ фактами только потому, что они существуютъ, не оцѣнивая ихъ—еще большее преступленіе, въ силу того-же принципа расширенія жизни, о которомъ уже было упомянуто и еще будетъ не разъ говориться.

Изъ всего предыдущаго слѣдуетъ, что беллетристика, и другія изящныя искусства, а также и этика не только должны входить въ общую систему самообразованія, но и лежать въ основѣ его.

Къ этому отдѣлу еще примыкаютъ, какъ необходимыя составныя его части,—отдѣлъ художественной критики и публицистики, знакомство съ которыми не менѣе необходимо въ цѣляхъ самообразованія, чѣмъ съ предыдущими. Всякое художественное произведеніе, болѣе или менѣе вы-

дающееся, всегда вызывало и вызываетъ цѣлую литературу оцѣнокъ и толкованій,—критическихъ статей, комментарій со всевозможныхъ точекъ зрѣнія, смотря по личности оцѣнщиковъ—критиковъ... Публицистика—это оцѣнка текущей общественной жизни, той самой „злобы дня", которую мы не только переживаемъ—въ каждый моментъ исторіи свою особую, но и которую чувствуемъ на своей спинѣ, и которая вообще очень близко насъ касается. Въ критикѣ и въ публицистикѣ и находитъ свое выраженіе т. наз. общественное мнѣніе, точнѣе говоря, взгляды всевозможныхъ общественныхъ классовъ и другихъ группъ, выраженные въ той или иной степени тѣмъ или инымъ критикомъ и публицистомъ. Знакомиться съ этими оцѣнками и оцѣнщиками, сопоставляя ихъ мнѣнія между собой,—это тоже, что вырабатывать свое собственное мнѣніе, сравнивая его съ другими, углубляя свои переживанія. Это тоже, что вводить себя въ умственную жизнь своей страны и своего времени, причисляться къ этой общей жизни, и, выходя изъ круга интересовъ чисто личныхъ, сливаться съ общественными. Художественный критикъ оцѣниваетъ произведеніе и его автора. Публицистъ даетъ свою оцѣнку самой жизни. И тотъ и другой какъ бы открываютъ намъ двери изъ узкой конуры личной жизни на арену жизни общественной. Передъ нами встаетъ задача выработать нравственный идеалъ не только жизни личной, но и идеалъ соціальный. Публицистика учитъ насъ оцѣнивать текущую жизнь съ точки зрѣнія этого идеала, углублять, расширять наше пониманіе и наше участіе въ злободневной борьбѣ. У насъ въ Россіи, какъ это извѣстно изъ примѣровъ Бѣлинскаго, Добролюбова, Писарева, Михайловскаго,—всѣ наиболѣе выдающіеся русскіе критики были вмѣстѣ съ тѣмъ и публицистами. Критика растолковывала не столько самыя произведенія, сколько русскую общественную жизнь на примѣрѣ этихъ произведеній. Такая критика какъ бы сопричисляетъ русскаго читателя къ злобѣ дня его несчастной многострадальной страны и нагляднѣе нагляднаго доказываетъ этому чи-

тателю, что больше есть свѣта, чѣмъ въ его личномъ окошкѣ и что онъ не можетъ и не долженъ проводить свою жизнь „внѣ общественныхъ интересовъ". Сопричисленіе къ нимъ,— это одинъ изъ самыхъ главныхъ и важнѣйшихъ моментовъ расширенія и возвышенія своей жизни, и отъ ихъ вѣяній, разумѣется, не можетъ укрыться никто и никогда. Къ этому не можетъ не стремиться человѣкъ, дѣйствительно образованный въ томъ смыслѣ, въ какомъ мы употребили это слово въ первой главѣ. Но знакомство съ публицистикой имѣетъ еще одно значеніе, не менѣе важное, и вотъ какое:

Каждый человѣкъ, волей-неволей вышедшій изъ своей норы и вошедшій въ жизнь соціальную, не только долженъ имѣть свой этическій и общественный идеалъ, какъ объ этомъ уже было сказано, но и научиться проводить ихъ въ жизнь и отстаивать его отъ людей другихъ интересовъ и мнѣній. Но чтобы имѣть свой идеалъ, необходимо его выработать, а для этого необходимо познакомиться хотя бы съ главнѣйшими идеалами другихъ людей. Для того-же, чтобы вырабатывать и защищать свой или опровергать чужіе, которые кажутся неправильными, во всякомъ случаѣ нельзя не познакомиться съ этими послѣдними, подвергнувъ и ихъ своей критикѣ,—познакомиться и съ нападками на нихъ со стороны другихъ людей, съ ними не согласныхъ. Эта-то борьба идеаловъ и стремленій, сводящаяся, какъ извѣстно, въ конечномъ итогѣ, къ разницѣ интересовъ, и выражается въ публицистикѣ и публицистикой. Присмотритесь къ любой газетѣ, любому журналу, присмотритесь къ безконечной полемикѣ и даже „грызнѣ", которая тамъ идетъ, можно сказать не переставая. Мимо этой полемики и грызни не слѣдуетъ проходить, не обращая на нее вниманія. Вѣдь она и есть отраженіе злобы дня, борьба мнѣній, точнѣе говоря интересовъ, борьба идеаловъ, стремленій, домогательствъ и т. д. различныхъ общественныхъ классовъ и другихъ группъ въ лицѣ выразителей ихъ мнѣній (т. наз. идеологовъ). Только тѣ общественные идеалы крѣпки, которые выработаны въ борьбѣ и закалены борьбой. Только тѣ

люди не измѣняютъ идеаламъ своей молодости, кто въ самыхъ столкновеніяхъ съ жизнью увидѣлъ неизбѣжность или возможность и благотворность ихъ осуществленія. Расширить свою жизнь,—это значитъ съумѣть распространить свой нравственный идеалъ не только на свою личную, но и на свою общественную жизнь, предъявляя и къ той и другой тѣ же основныя требованія. Оставляя безъ вниманія публицистику, сдѣлать этого во всякомъ случаѣ невозможно. Отсюда слѣдуетъ, какъ неизбѣжное и глубокой важности правило: въ кругъ самообразованія неизбѣжно должна войти періодическая печать—газеты и журналы, которые давали бы читателю возможность слѣдить за общимъ ходомъ текущей жизни, русской и иностранной, и за борьбой интересовъ и мнѣній, въ ней развертывающейся. Читающій періодическую печать вырабатываетъ свои идеалы, не закрывая глазъ на идеалы и домогательства противниковъ, опасаясь и въ этой области какъ узости, такъ и односторонности мнѣній и учась отстаиванію своихъ мнѣній съ одной стороны и терпимости къ чужимъ—съ другой...

II. Переходимъ теперь къ отдѣлу научному. Какъ извѣстно, огромное большинство работающихъ надъ самообразованіемъ, видятъ именно въ этомъ отдѣлѣ центръ своей работы и ставятъ своею главною цѣлью усвоеніе дѣйствительно научныхъ знаній. Изъ всего того, что было нами сказано на предыдущихъ страницахъ, нельзя не видѣть, что такое мнѣніе не совсѣмъ правильно. Какъ извѣстно, всякое знаніе есть орудіе, прекрасное, высоко цѣнное, даже самое цѣнное изъ всѣхъ существующихъ, но, тѣмъ не менѣе, всетаки только орудіе. Если, добиваясь своей цѣли, нельзя не запасаться орудіемъ наиболѣе полезнымъ для ея достиженія, то нельзя же не думать и о томъ, чего же ты, съ его помощью, будешь добиваться, и куда именно пойдешь и за сооруженіе какого же именно зданія примешься.

Сдѣлавъ еще разъ эту оговорку, будемъ говорить теперь о наукѣ, именно какъ объ орудіи. Наука — это зна-

читъ прежде всего изученіе того, что существуетъ. Знакомство съ тѣмъ, что есть, съ фактами, и знаніе ихъ въ томъ самомъ видѣ, каковый они имѣютъ. Узнать окружающую дѣйствительность въ ея настоящемъ видѣ—не такъ легко, какъ кажется, потому что этому мѣшаетъ цѣлый рядъ человѣческихъ свойствъ, какъ прирожденныхъ, такъ и привоспитанныхъ, отъ которыхъ иногда очень мудрено освободиться. Объ этой сторонѣ дѣла мы еще будемъ говорить ниже. Теперь же отмѣтимъ, что наука — это такое знаніе фактовъ, которое, во-первыхъ, точно и отчетливо ясно, во вторыхъ, достовѣрно, въ третьихъ, точность и достовѣрность котораго не можетъ не признать всякій нормальный человѣкъ,—не можетъ, если бы и хотѣлъ, потому что точные и достовѣрные факты сами себя доказывютъ. Но наука состоитъ не только изъ знанія фактовъ. Даже милліоны милліоновъ точныхъ и достовѣрныхъ фактовъ все-таки не есть еще наука. Въ этихъ фактахъ необходимо еще разобраться, подмѣтить и ихъ свойства, и ихъ сходства, и ихъ различія, необходимо затѣмъ, разобравшись въ фактахъ, выразить ихъ въ такой краткой, ясной и точной формѣ или формулѣ, чтобы „любая человѣческая голова могла бы вмѣстить въ себѣ хоть всю Вселенную“. И правда, ни одинъ человѣкъ не въ силахъ держать въ памяти всѣ милліоны милліоновъ фактовъ, прошлыхъ и настоящихъ, будь у него даже самая замѣчательная голова. Нельзя не думать объ экономіи умственныхъ силъ, вкладывая въ свою голову хотя бы самое точное и достовѣрное знаніе того, что есть. Другими словами, необходимо найти какой-нибудь способъ кратко выражать милліоны фактовъ—хоть нѣсколькими словами, но выражать такъ, чтобы даже такое краткое выраженіе ихъ не вредило ни точности, ни достовѣрности знанія. Этого и добивается наука, этого она во многихъ отношеніяхъ и добилась уже. Она факты констатируетъ, изучаетъ, разсматриваетъ, сортируетъ (классифицируетъ), распредѣляетъ по родамъ, видамъ, и разновидностямъ, располагаетъ такимъ способомъ, въ такомъ порядкѣ,

такой системѣ, что ее очень удобно охватывать однимъ взглядомъ и запоминать; и не только удобно запоминать, но вновь замѣченный фактъ удобно и пріурочивать то къ той, то къ другой установленной уже категоріи. Такъ, напримѣръ, существуетъ на землѣ великое множество всевозможныхъ животныхъ и растеній. Сотни, тысячи ихъ видовъ опредѣлены и уже изучены, и всѣ свойства ихъ уже отмѣчены, и всѣ они разсортированы на группы, смотря по ихъ сходствамъ и различіямъ, начиная отъ самыхъ простыхъ до самыхъ сложныхъ, отъ низшихъ до высшихъ. Такимъ образомъ, наука создаетъ не только огромный складъ точныхъ и достовѣрныхъ фактовъ, но еще и систему ихъ, точную и достовѣрную тоже. Правда, эта система людьми придумана и людямъ же и служитъ, но, во всякомъ случаѣ, она вполнѣ соотвѣтствуетъ фактамъ и на нихъ держится крѣпко. Но наука и на этомъ не останавливается. Она стремится къ дальнѣйшему развитію точнаго и достовѣрнаго знанія. Она изучаетъ не только факты, но и отношенія между ними, то есть ихъ взаимную связь, вліяніе однихъ фактовъ на другіе. Такъ, напр., такое-то нагрѣваніе такихъ-то веществъ (желѣза, золота, воздуха), до такихъ-то предѣловъ—фактъ, расширеніе ихъ при нагрѣваніи—тоже фактъ. Въ какомъ же отношеніи находится нагрѣваніе къ расширенію? Иначе говоря, при измѣненіи нагрѣванія какъ измѣняется расширеніе? Тоже и въ другихъ областяхъ знанія. Напримѣръ, съ измѣненіемъ среды какъ измѣняется жизнь животныхъ и растеній? А съ измѣненіемъ ихъ образа жизни какъ измѣняется ихъ строеніе? А съ измѣненіемъ строенія какъ измѣняется ихъ составъ и т. д., и т. д? „Классифицированіе фактовъ, распознаваніе ихъ взаимной связи и относительнаго значенія,—такова функція науки“, т. е. самая суть ея дѣятельности, ея цѣль, говоритъ Пирсонъ.

Разобраться въ фактахъ, составить затѣмъ на основаніи ихъ классификаціи такое сужденіе, которое не зависитъ отъ особенности того или другого лица, отъ его вкусовъ, привычекъ, интересовъ, предразсудковъ, суевѣрій, уродствъ,

инстинктовъ и т. д.—такова цѣль настоящей науки. „Главнѣйшее стремленіе человѣка науки,—это устранить самого себя въ своихъ сужденіяхъ, представить доводы, которые истинны и пригодны не только для него самого, но и для всѣхъ другихъ людей, — составить сужденія, чистыя отъ примѣси личныхъ чувствъ, сужденія, дѣйствительно выражающія собой то, что существуетъ, а не то, что такому-то человѣку кажется истиной. Сужденія же, выведенныя изъ фактовъ и на нихъ опирающіяся, называются обобщеніями тѣхъ фактовъ, изъ которыхъ они выведены. Могутъ существовать и обобщенія этихъ обобщеній, затѣмъ обобщенія дальнѣйшія, слѣдующія одни за другими въ восходящемъ порядкѣ, вплоть до самаго общаго и самаго послѣдняго, дальше котораго некуда и идти, такъ какъ за нимъ начинается Непознаваемое. Такимъ образомъ получается, въ конечномъ итогѣ, цѣлая система научныхъ знаній, своего рода зданіе науки, построенное человѣкомъ и въ человѣческихъ цѣляхъ, но построенное прочно и основательно, по плану самой природы. Соорудить такое же зданіе и въ своемъ собственномъ умѣ,—это и есть главная цѣль самообразованія въ научномъ смыслѣ слова, т. е. цѣль усвоенія наукъ. Научныя знанія—это тоже зданіе, прочное и неимѣющее ничего общаго съ искажающими его человѣческими примѣсями. Только въ такомъ зданіи и должны жить человѣческіе идеалы. Только въ немъ и должны они искать способы для своего воплощенія. Свѣтлые идеалы въ свѣтломъ храмѣ науки, осуществляемые съ ея помощью—таково ихъ взаимодѣйствіе. Есть въ этомъ храмѣ, какъ и въ этихъ идеалахъ нѣчто святое и возвышенное. И въ его отношеніяхъ къ наукѣ у человѣка, стремящагося къ свѣту и правдѣ, не можетъ не быть чего-то религіознаго. И счастливъ тотъ работникъ, кто чувствуетъ въ себѣ это религіозное настроеніе, приступая къ своей работѣ. Разумѣется, мы говоримъ здѣсь о религіозномъ настроеніи не въ богословскомъ смыслѣ слова, а лишь о томъ переживаніи, о томъ чувствѣ, которое уноситъ человѣка куда-то вверхъ и наполняетъ

его душу величайшимъ счастіемъ единенія съ чѣмъ-то безконечно высокимъ, безконечно прекраснымъ, безконечно святымъ и красивымъ.

„Наука едина", говорятъ ученые. „Всѣ отдѣлы науки,— неразрывныя части единаго цѣлаго, которыя, въ конѣчномъ итогѣ, должны представлять изъ себя ту-же Вселенную, отразившуюся, вродѣ какъ въ хорошемъ зеркалѣ, въ умѣ человѣка. Будь эта наука исторіей человѣчества или химіей, психологіей или математикой—все равно,—у всѣхъ наукъ однимъ общимъ качествомъ должна быть точность и достовѣрность изученія того, что есть.

Всѣ науки, какія только существуютъ, можно распредѣлить на три главныхъ группы—во-первыхъ, на науки изучающія соціальную жизнь, во-вторыхъ, на науки изучающія органическую жизнь, въ третьихъ, изучающія неорганическую или космическую жизнь. Всѣ эти три группы ихъ тѣснѣйшимъ образомъ связаны между собой. Гдѣ есть жизнь соціальная, тамъ, въ ея основѣ, необходимо кроется и жизнь органическая (физіологическая и психологическая), и жизнь космическая. Гдѣ есть жизнь органическая, тамъ можетъ еще и не быть соціальной, но должна непремѣнно присутствовать, какъ ея основа, жизнь неорганическая. Эта же послѣдняя существуетъ и тамъ, гдѣ нѣтъ ни соціальной, ни органической жизни. Какъ извѣстно, космическая неорганическая жизнь—самая древняя,—она уже существовала тогда, когда не было никакой другой. Не столь древняго происхожденія жизнь органическая, еще менѣе древняго—соціальная жизнь. Такимъ образомъ, эти три формы жизни представляютъ изъ себя естественную систему и исторически между собою связаны. На эти три отдѣла и раздѣляется общая схема образованія, а, значитъ, и планъ его.

Распредѣляя по этимъ тремъ отдѣламъ всѣ основные вопросы, на которые наводитъ сама жизнь, и отмѣчая главнѣйшія стороны ея, мы имѣемъ возможность набросать общій кругъ знаній въ видѣ такой схемы:

I. **Жизнь соціальная.**

A. Общая картина (синтезъ) ея. Исторія человѣчества (общій обзоръ соціальной жизни; введеніе въ ея пониманіе).

Б. Отдѣльныя стороны ея.

1. Языкъ.

2. Литература.

3. Изящныя искусства (музыка, живопись, скульптура, архитектура, драматическое искусство).

4. Этика (нравы, поведеніе).

5. Религіозно-церковный строй.

6. Строй народнаго образованія.

7. Строй семейный и строй воспитанія.

8. Строй политическій или государственный (въ томъ числѣ административный и международный, въ связи съ національнымъ вопросомъ).

9. Строй юридическій (т. е. строй юридическихъ нормъ, правовыхъ учрежденій, обычно-бытовыхъ, гражданскихъ и уголовныхъ и т. д.).

10. Строй экономическій и соціальный вообще (производство, круговращеніе, распредѣленіе, потребленіе хозяйственныхъ благъ, отношеніе труда къ капиталу во всѣхъ его видахъ, борьба классовъ, рабочій и аграрный вопросы и т. д.).

11. Строй матеріальной культуры (техника).

12. Человѣчество въ его отношеніи къ окружающей природѣ.

а) Страны и народы, ихъ населяющіе (географія человѣчества).

б) Племенной составъ человѣчества. Племена и расы.

II. **Жизнь органическая.**

A. Общая картина органической жизни, какъ единаго цѣлаго.

Б. Отдѣльныя стороны и области ея.

1. Жизнь психическая. Психическій міръ человѣка и животныхъ.

2. Жизнь органическая (біологическая).

а) Человѣкъ. Строеніе и жизнь человѣческаго тѣла.

б) Міръ животныхъ. Ихъ строеніе и жизнь.

в) Міръ растеній. Ихъ строеніе и жизнь.

г) Міръ протистовъ и микробовъ.

III. Жизнь неорганическая (космическая).

А. Общая картина. Неорганическая природа какъ единое цѣлое (физическая географія и динамическая геологія).

Б. Отдѣльныя стороны ея.

1. Строеніе земного шара (пласты, горныя породы, минералы). Ихъ распредѣленіе, явленія, въ нихъ происходящія.

2. Вещества, составляющія Вселенную, ихъ свойства, соотношенія и превращенія.

3. Энергія и ея превращеніе.

4. Космосъ. Распредѣленіе веществъ и энергіи во Вселенной. Небесныя свѣтила и ихъ передвиженія.

Такова общая схема, дающая, въ самыхъ главныхъ чертахъ, нѣкоторое представленіе о Вселенной, какъ о единомъ цѣломъ, и объ основныхъ сторонахъ ея. Эта схема не представляетъ изъ себя классификаціи наукъ. Это классификація явленій, фактовъ, по тремъ основнымъ и по цѣлому ряду мелкихъ отдѣловъ. При этомъ каждый отдѣлъ представляетъ изъ себя болѣе или менѣе опредѣленную и болѣе или менѣе рѣзко разграниченную группу фактовъ, относящихся къ опредѣленной сторонѣ жизни, опредѣленной области ея, опредѣленному вопросу. По этимъ же группамъ фактовъ естественно распредѣляются и всѣ нынѣ существующія науки, причемъ каждая группа фактовъ служитъ предметомъ изслѣдованія нѣсколькихъ наукъ. Такъ напримѣръ, основное явленіе соціальной и психической жизни — языкъ — изучается не только филологіей, но и психологіей, и физіологіей, и исторіей, и т. д. Данныя цѣлаго ряда другихъ наукъ, такъ сказать, стекаются въ этотъ отдѣлъ общей схемы и освѣщаютъ его своимъ собственнымъ свѣтомъ, каждая наука по своему и при помощи своего метода. Религія представляетъ изъ себя опять-таки чрезвычайно сложное явленіе, и ея пониманіе нуж-

дается не только въ услугахъ наукъ спеціально-богословскихъ, но еще болѣе въ услугахъ психологіи, этнографіи, исторіи, права, политической экономіи, физіологіи, даже физической географіи и геологіи (вопросъ о „всемірномъ потопѣ", о гибели Содома и Гоморры), физики, психіатріи и т. д. Астрономія тоже не стоитъ изолированно. Знакомство съ нею требуетъ знакомства съ математикой, физикой, химіей, логикой, исторіей и т. д. Читатель, желающій понять такое-то, интересное для него явленіе жизни, не можетъ подходить къ его пониманію со стороны какой-либо одной науки. Онъ долженъ переворошить многія, даже очень многія области знанія, иной разъ самыя неожиданныя. Извѣстно, напримѣръ, что Ч. Дарвина на его теорію происхожденія животныхъ и растительныхъ организмовъ навело чтеніе политико-экономическаго трактата Мальтуса „Опытъ о народонаселеніи". Знакомство же съ біологическими трактатами Дарвина пролило яркій свѣтъ на изученіе языка, семьи, собственности, государства, перевернувъ всѣ прежнія теоріи ихъ происхожденія и развитія. Только сотрудничество цѣлаго ряда наукъ помогаетъ уясненію жизни. Интересно, что сами читатели, работая надъ самообразованіемъ, безсознательно и сознательно, приходятъ на практикѣ къ тѣмъ же выводамъ. Берясь впервые за учебникъ какой-либо науки, читатель обыкновенно чувствуетъ себя неудовлетвореннымъ. Что же именно его не удовлетворяетъ? Онъ не столько сознаетъ, сколько чувствуетъ, что между жизнью, явленіями жизни, которыя онъ видитъ, и ихъ описаніемъ въ учебникѣ есть какое-то несовпаденіе. Это описаніе неполно, т. е. односторонне, тогда какъ въ жизни они выступаютъ во всей сложности и разносторонности. Нужно нѣкоторое время и нѣкоторая практика, чтобы читатель привыкъ къ односторонности толкованія и подхода. Свѣжему же человѣку, человѣку жизни — она долгое время претитъ. И совершенно правильно. Самое чутье читательское наводитъ на мысль, что дѣло самообразованія надо поставить и вести иначе, т. е. не по наукамъ. Схема, данная нами, указываетъ

возможность иной постановки дѣла. Но не въ самой схемѣ главная ея суть. Каждый читатель можетъ придумать для себя свою собственную схему, расположивъ тѣ же явленія и области жизни въ какомъ-нибудь другомъ порядкѣ, который ему болѣе по вкусу. Самая суть—въ принципѣ, въ нашей основной идеѣ, что для начинающаго самообразованіе по схемѣ вопросовъ практичнѣе, чѣмъ по схемѣ наукъ, т. к. позволяетъ сохранить и время, и трудъ, и, наконецъ, чутье жизни, не разрушаемой анализомъ безъ синтеза. Интересно, что въ настоящее время даже составители учебниковъ начинаютъ считаться съ этимъ психологическимъ (не только педагогическимъ требованіемъ) и вводятъ въ свои учебники данныя изъ другихъ наукъ. Такъ наприм., въ „Общемъ курсѣ языкознанія“ проф. Погодина вы найдете кое-что по физіологіи, въ „Курсѣ русск. исторіи“ В. Ключевскаго—по геологіи, въ курсахъ уголовнаго права—изъ анатоміи, антропологіи и т. д. [1]). То, что въ настоящее время дѣлается такъ случайно, какъ-бы нехотя, должно быть, для пользы дѣла, по нашему глубокому убѣжденію, возведено въ принципъ, и для цѣли самообразованія долженъ быть созданъ рядъ учебниковъ не по наукамъ, а по вопросамъ, съ соотвѣтственной перетасовкой всѣхъ научныхъ данныхъ. Врядъ ли можно сомнѣваться, что это чрезвычайно облегчило бы распространеніе научныхъ данныхъ въ широкихъ кругахъ населенія, помогло бы болѣе быстрому пониманію ими жизни въ ея цѣломъ, помогло бы многимъ людямъ гораздо быстрѣе оріентироваться на томъ мѣстѣ, гдѣ они стоятъ. По крайней мѣрѣ, для огромнаго большинства людей, думается намъ, гораздо легче систематизировать свои знанія по наукамъ послѣ изученія ихъ по вопросамъ или областямъ жизни, чѣмъ обратно. Въ особенности это важно

---

[1]) Пишущій эти строки, исходя изъ вышеизложенныхъ соображеній, еще при самомъ началѣ своей литературной дѣятельности въ 1886 г. сдѣлалъ попытку нарисовать синтетическую картину разныхъ областей знаній для начинающаго читателя въ своей книжкѣ „Дѣдушка Время“, а въ 1906 г. въ „Исторіи русской земли“.

для тѣхъ, кто работаетъ надъ самообразованіемъ въ зрѣлыхъ лѣтахъ, кто уже вошелъ въ жизнь, занялъ въ ней свою позицію, дорожитъ своими силами, не имѣетъ много свободнаго времени для занятій и кому безусловно вредно развивать односторонность въ своемъ мышленіи... Представимъ себѣ какого-нибудь деревенскаго жителя (наприм., крестьянина, учителя, помѣщика) съ „Учебникомъ о деревенской жизни“ въ рукахъ,—съ такимъ учебникомъ, который трактуетъ о всѣхъ сторонахъ этой послѣдней въ ихъ взаимной связи,—о нивѣ, о погодѣ, о землѣ, о земельномъ строѣ, о сельскомъ хозяйствѣ, землевладѣніи, о юридическихъ особенностяхъ разныхъ сельскихъ общественныхъ группъ, словомъ о сельской жизни, со всѣхъ сторонъ; въ первой главѣ составитель такого учебника рисуетъ общую картину, намѣчая отдѣльныя стороны ея, затѣмъ говоритъ о каждой сторонѣ отдѣльно, сообщая то, что наиболѣе существенно и необходимо для пониманія сельской жизни, изъ областей какъ естественныхъ, такъ и общественныхъ наукъ (факты и законы явленій), затѣмъ говоритъ о землепользованіи, землевладѣніи, ихъ исторіи, о современномъ положеніи крестьянъ въ разныхъ краяхъ и т. д., и т. д. Такой учебникъ дѣйствительно ввелъ-бы учащагося въ пониманіе деревенской ж и з н и и далъ бы ему одновременно и синтезъ, и анализъ ея. Гонясь теперь за схемами и системами, свившими себѣ гнѣздо въ наукѣ, мы даже не замѣчаемъ, сколько излишняго балласта входитъ въ головы учащихся и самоучащихся изъ учебниковъ, напр. физики, химіи и т. д., такого, чего никогда не придется и примѣнять въ жизни. Принципъ экономіи силъ, который долженъ лежать въ основѣ всякой работы, долженъ быть осуществленъ прежде всего въ самой постановкѣ дѣла,—въ устраненіи о д н о с т о р о н н о с т и изученія, въ замѣнѣ ея, во-первыхъ, синтезомъ знаній, во-вторыхъ, концентраціей изученія тѣхъ знаній, которыя дѣйствительно помогаютъ уясненію данной среды, данной области, даннаго вопроса. При такой постановкѣ дѣла не страшны будутъ

даже и спеціальныя знанія, вмѣсто которыхъ теперь входятъ въ головы знанія общія, да только ненужныя.

Въ этой книжкѣ мы дѣлаемъ попытку поставить дѣло самообразованія на вышеописанный фундаментъ и ниже дадимъ списокъ книгъ, которыя, по нашему мнѣнію, помогутъ синтетическому самообразованію читателя, не прошедшаго средней школы. Читатель увидитъ, что такая постановка дѣла вполнѣ осуществима практически и не такъ уже объемиста, какъ это, можетъ быть, иному кажется при чтеніи вышеприведенной „таблички знаній".

Переходимъ теперь къ слѣдующему отдѣлу программы, заключительному,—такъ сказать, къ завершенію зданія.

III. Основная задача этого отдѣла заключается въ томъ, чтобы дать отвѣтъ на слѣдующіе вопросы. Вотъ мы, стремясь къ образованію, пріобрѣли такія-то знанія, познакомились съ такимъ-то кругомъ явленій. Но что можетъ и должно убѣдить насъ, что знанія, которыя преподносили намъ такіе-то авторы такихъ-то книгъ—дѣйствительно точныя и достовѣрныя знанія? Что ручается намъ за ихъ точность и достовѣрность? Чтобы отвѣтить на всѣ эти вопросы, необходимо знакомство не только съ методами разныхъ наукъ, но и съ самымъ значеніемъ этихъ методовъ, съ ихъ сотрудничествомъ и ихъ исторіей. Методы изслѣдованія и вообще добыванія точныхъ и достовѣрныхъ знаній бываютъ разные. Существуетъ цѣлый рядъ всевозможныхъ методовъ, болѣе или менѣе пополняющихъ другъ друга. Уже давно было сказано: „если ты кого-нибудь желаешь убѣдить, что ты достигъ до такой-то истины,—объясни, въ такомъ случаѣ, какимъ же способомъ ты до нея дошелъ". Но и этого еще мало. А, быть можетъ, самые-то методы неправильны? Необходимо изслѣдовать и самое основаніе ихъ. Необходима дальнѣйшая критика, дальнѣйшее углубленіе мысли. Истина открывается путемъ критики и изслѣдованія возможно глубокаго и до конца яснаго. Изслѣдованіе же бываетъ двояко: оно идетъ или отъ фактовъ къ истинѣ все болѣе или болѣе общей, или отъ общихъ

истинъ къ истинамъ болѣе или болѣе частнымъ. Такъ напр., зоологъ, стремясь познать законъ животнаго царства, изучаетъ жизнь всевозможныхъ животныхъ и устройство ихъ тѣла, и его дѣятельность и отъ фактовъ идетъ все дальше и дальше по лѣстницѣ обобщеній. Онъ наблюдаетъ, онъ даже дѣлаетъ опыты, онъ обобщаетъ то, что узналъ такимъ способомъ; наконецъ, онъ дѣлаетъ выводы изъ этихъ своихъ обобщеній и затѣмъ провѣряетъ ихъ опять-таки фактами, наблюденіями, опытами. Совсѣмъ не такъ поступаетъ математикъ. Рѣшая какую-нибудь сложную задачу, — онъ разсуждаетъ, онъ разлагаетъ свой вопросъ на части, разбираетъ затѣмъ каждую часть отдѣльно. Отъ истинъ общихъ онъ переходитъ къ истинамъ все болѣе и болѣе частнымъ. Вся его работа состоитъ, главнымъ образомъ, въ томъ, чтобы умозаключать правильно, — разумѣется, тоже провѣряя себя. И зоологъ, и математикъ—представители точнаго знанія. И математика, и зоологія—науки точныя. Но которая же изъ нихъ точнѣе? Всякій знаетъ, что математика—идеалъ научной точности, и что всякое явленіе природы только тогда можетъ считаться познаннымъ, когда изслѣдовано математически точно и выражено въ видѣ математической формулы,—ясно и возможно коротко. Врядъ-ли нужно доказывать, что математика должна быть неизбѣжно введена въ общую схему самообразованія, какъ ея основа и завершеніе. Но и не только она. Въ свою очередь математика основывается на логикѣ,—на наукѣ о правильномъ мышленіи и о методахъ такого мышленія. Но и эта наука, какъ и математика, еще не даетъ отвѣта на одинъ вопросъ глубочайшей важности. Правда, и та и другая говорятъ объ истинѣ и о ея добываніи, и о доказательствахъ истины. Но что же такое сама истина? Что именно мы должны считать истиною? Что всякій человѣкъ долженъ считать ею? Отвѣтъ на этотъ вопросъ приходится искать еще глубже. Для этого необходимо разсмотрѣть, разслѣдовать, изучить не только способы и методы мышленія, но и самое познаніе, его основы, а

также достовѣрность этихъ основъ. Это и дѣлаетъ особая философская наука, называемой гносеологіей, иначе говоря, „наукой о познаніи“ или „теоріей познанія“. Эта наука представляетъ изъ себя какъ бы заключительную часть третьяго отдѣла общей схемы.

Гносеологія — это и есть послѣдній отдѣлъ общей схемы,—круга основныхъ знаній. Познакомившись съ ея отдѣлами, необходимо подвести теперь общій итогъ своей работѣ и, такъ сказать, взглянуть на Вселенную, какъ на единое цѣлое. Необходимо объединить отдѣльно изученныя части ея и привести ихъ въ возможно тѣсную связь, спаять ихъ, слить. Какъ извѣстно, дѣломъ объединенія отдѣльныхъ наукъ и вообще знаній занимается философія, понимая подъ этимъ словомъ сводку воедино всѣхъ отдѣльныхъ наукъ, построеніе изъ нихъ единаго и общаго міросозерцанія. И правда, — одно дѣло пониманіе нѣкоторыхъ областей жизни, и совсѣмъ другое дѣло — общее міросозерцаніе, въ составъ котораго входитъ пониманіе всѣхъ основныхъ явленій и задачъ жизни. Врядъ-ли нужно доказывать, что это общее міросозерцаніе и міропониманіе представляетъ изъ себя итогъ, конечный результатъ всей работы надъ самообразованіемъ, ея цѣль, ея резюме, конечный выводъ. Міросозерцаніе же, если оно дѣйствительно вошло въ плоть и кровь, не со стороны приходитъ въ человѣка, а имъ самимъ вырабатывается,—только имъ самимъ и можетъ быть выработано. Правда, есть люди, которые, приступая къ самообразованію, стараются найти такую книгу, которая бы дала имъ „самую суть“, чтобы поскорѣе прочесть ее и усвоить изъ нея „все что нужно“. Такой книжки нѣтъ на свѣтѣ, и даже быть не можетъ. Міросозерцаніе—это вѣдь не записная книжка въ 4—5 страницъ, а своего рода вѣчно работающая огромная фабрика, въ которой имѣется и громадный и правильно организованный складъ сырыхъ матеріаловъ, и лабораторія для ихъ испытанія и изслѣдованія, и мастерскія для ихъ обработки, работающія изо дня въ день, и такъ всю жизнь. Этотъ

складъ, эти мастерскія и лабораторіи въ душѣ дѣйствительно образованнаго человѣка должны заполнить весь внутренній міръ, его не только сознаніе, но и подъ-сознаніе,— нижній этажъ психики, въ которомъ коренятся безсознательные инстинкты, привычки, навыки и т. д. Только тогда, когда міросозерцаніе человѣка охватитъ и область сознанія, и область подсознанія, — и когда оно станетъ его „второй натурой", войдетъ въ привычку — только тогда имѣетъ право сказать про себя этотъ человѣкъ: „да, я дѣйствительно имѣю міросозерцаніе, и оно дѣйствительно мое".

Безъ этого же внѣдренія міросозерцанія въ самую глубину человѣческой души, человѣкъ—еще не критически мыслящій и образованный человѣкъ, а протоплазма, изъ которой, при мало-мальски энергичномъ натискѣ жизни неизбѣжно вырабатывается хамелеонъ, а то и просто флюгеръ, сума переметная, „грошевое бытіе", какъ опредѣляетъ такихъ людей одинъ мой заочный пріятель-рабочій, не мало страдавшій на своемъ вѣку и всетаки до сего дня оставшійся вѣрнымъ своему, разъ выработанному міросозерцанію.

Это онъ написалъ слѣдующія четыре замѣчательныя строчки, вылившіяся изъ глубины души человѣка, не только выработавшаго, но и выстрадавшаго свое міросозерцаніе:

Тяжко мнѣ... Но не хочу я съ злой судьбой моей мириться.
Я—одинъ... Но не могу я съ силой темною не биться...
Я погибну Ну такъ что-же? Коль мое погибнетъ тѣло,—
Будетъ духъ мой такъ-же биться все за то-жъ святое дѣло...

Выработать свое міросозерцаніе, — это значитъ такъ прочно построить его, чтобы, несмотря ни на какія возраженія и даже страданія въ теченіе всей жизни, оно и не разрушалось, и не передѣлывалось, а только бы пополнялось, совершенствовалось и украшалось. Чтобы никто не смѣлъ сказать про человѣка, что онъ avant trente ans libéral, et après trente ans—canaille (до 30 лѣтъ свободолюбъ, а послѣ 30 лѣтъ—каналья), и чтобы никто не могъ со стороны ни его

размагничивать, ни его намагнѝчивать, и чтобы крѣпость ума и духа говорили сами за себя.

И такихъ крѣпкихъ духомъ теперь не мало. И это счастье Россіи, что не мало ихъ въ ея нѣдрахъ. Иначе бы и жить не стоило, если бы всѣ люди были не люди, и людишки, умѣющіе весь свой вѣкъ только киснуть, не творя жизни...

Общее міросозерцаніе—цѣль самообразованія. Въ понятіе міросозерцанія входятъ не только знанія, не только пониманіе, но и настроеніе, т. е. направленіе симпатій и антипатій, идеалы этическіе и соціальные, а также умѣнье осуществлять ихъ. Дѣлать свою жизнь дѣйствительно полной, глубокой, возвышенной, напряженной, красивой, расширяя и расширяя ее не по какому-нибудь одному, а непремѣнно по всѣмъ этимъ направленіямъ, человѣкъ можетъ въ наибольшей степени именно тогда, когда у него есть такое міросозерцаніе...

Такой человѣкъ дѣйствительно знаетъ и понимаетъ, куда идетъ и зачѣмъ идетъ, какъ живетъ и къ чему живетъ.

И онъ чувствуетъ всю прелесть жизни. Чувствуетъ что живетъ дѣйствительно.

И это ощущеніе такой жизни, вѣчно расширяющейся и расширяющейся и есть то, что называется счастіемъ.

* * *

Изъ всего предыдущаго слѣдуетъ такая схема:

I. Жизнь внутренняя, личная, интимная. Личныя переживанія, оцѣнка своего поведенія и окружающей жизни, идеалы (понятіе о томъ, что „должно быть“). Разбираться въ этомъ помогаетъ знакомство съ беллетристикой и другими изящными искусствами, публицистикой, этикой.

II. Жизнь внѣшняя:

A. Соціальная.
B. Органическая.
C. Космическая.

Устройство общества. Устройство Вселенной. Ихъ жизнь. Ея ходъ въ томъ видѣ, какова она есть. Ея исторія,—ея развитіе и перемѣны, въ ней происшедшія. Разобраться въ этомъ помогаютъ разныя (очень многочисленныя) науки.

D. Методы. Математика. Логика. Теорія познанія.

III. Общее міросозерцаніе, спайка, охватывающая жизнь внутреннюю и внѣшнюю (философія).

Схема эта представляетъ изъ себя опредѣленную систему знаній, ея циклъ, отдѣлы котораго связаны между собой органической, внутренней связью и лишь искусственно расчленяемые, въ интересахъ практическихъ цѣлей изученія. Изъ этой схемы какъ будто видно, что знакомство съ научнымъ отдѣломъ—дѣло повидимому безконечно обширное, настолько обширное, что оно многихъ даже отпугиваетъ. Такое впечатлѣніе произвела эта схема на нѣкоторыхъ читателей, когда мы ее напечатали въ одной изъ нашихъ статей въ „Нов. журналѣ для всѣхъ“. Но не бойтесь, читатель,—одно дѣло—общая схема и другое дѣло—размѣръ и детальность ея усвоенія. Врядъ-ли вы, приступая къ работѣ надъ самообразованіемъ, не знали, что область науки безконечна, и что предѣлы человѣческаго знанія, даже въ его нынѣшнемъ состояніи, очень обширны. Но вѣдь обширно также и невѣжество человѣческое, историческая тьма, держащая, въ той или иной степени, каждаго изъ насъ въ своихъ лапахъ. Первая задача человѣка, стремящагося къ свѣту, состоитъ въ томъ, чтобы выйти изъ темноты, непремѣнно, во что бы то ни стало выйти. Вѣдь тьма тоже имѣетъ свои оттѣнки, отъ безконечно густой и давящей до сумеречной. И одно дѣло блуждать въ ночномъ мракѣ, разставивъ руки и не зная куда идти и даже куда ступить, и совсѣмъ другое дѣло—даже полутьма сумерекъ, когда уже кое-что видно, по крайней мѣрѣ, видна та дорога, на которую слѣдуетъ вступить и затѣмъ шагать, шагать и шагать впередъ, сколько лишь силъ хватитъ. Стремящіеся къ свѣту уже сами рѣшатъ, далеко-ли они съумѣютъ продвинуться по напра-

вленію къ его источнику;—это уже вопросъ личныхъ силъ, энергіи и упорства въ преслѣдованіи своихъ цѣлей. Но первое, что необходимо сдѣлать,—это начать итти и затѣмъ итти не переставая, хотя бы даже всю жизнь, хотя бы шагами маленькими изъ маленькихъ. Только бы не сидѣть на одномъ мѣстѣ, ничего не дѣлая и превращая, этимъ своимъ сидѣньемъ, даже день въ кромѣшную тьму. Схема, даваемая нами, — схема, способная и расширяться, и сокращаться. Каждый отдѣлъ, въ ней указанный, можетъ быть представленъ и одной книгою, и милліонами книгъ. Степень трудности ихъ пониманія можетъ быть чрезвычайно различна тоже. Да и размѣры самыхъ книгъ тоже могутъ быть всевозможные, отъ самыхъ популярныхъ и небольшихъ, до болѣе или менѣе систематическихъ учебниковъ и, наконецъ, до капитальныхъ руководствъ и монографій. Смотря по силамъ, энергіи и желанію занимающихся, а также условіямъ ихъ жизни, вообще,—смотря по индивидуальности даннаго читателя, онъ можетъ познакомиться съ каждымъ отдѣломъ нашей схемы то въ самихъ общихъ чертахъ, а если захочетъ и сможетъ, то и въ деталяхъ; онъ можетъ, буде рѣшитъ, сдѣлаться и спеціалистомъ въ той или иной области знанія. Далѣе, изучать разные отдѣлы схемы можно тоже не въ одинаковыхъ размѣрахъ,— иной больше, иной меньше, смотря по тому, что собственно болѣе всего интересуетъ даннаго читателя и что именно онъ требуетъ для себя, и какія цѣли себѣ ставитъ. Мы, съ своей стороны, исходя изъ нашей общей идеи объ индивидуализаціи самообразованія и о согласованіи всей работы надъ нимъ съ личными особенностями даннаго читателя, можемъ во всякомъ случаѣ утѣшить даже самыхъ пугливыхъ: для каждаго читателя и по каждому отдѣлу схемы, быть можетъ, за несущественными исключеніями, уже теперь имѣются книги, которыя введутъ именно его въ любую область знанія и любой вопросъ ея. И не только введутъ, но и заинтересуютъ, а, быть можетъ, даже увлекутъ, лишь бы читатель не боялся

трудностей,—таковыя навѣрно встрѣтятся тоже, — и, главное, шелъ бы и шелъ впередъ, хоть и медленно, но упорно и не переставая и не покладая рукъ,—и, прежде всего, имѣлъ бы вѣру въ успѣхъ своего дѣла. Каждый стремящійся, къ чему бы онъ ни стремился, не долженъ забывать золотыхъ словъ Гейне, сказанныхъ еще около полувѣка тому назадъ:

Тотъ кто вѣрой обладаетъ
Въ невозможнѣйшія вещи,—
Невозможнѣйшія вещи
Совершать и самъ способенъ.
Гейне. Бимини. Пер. М. Михайлова.

Или, по нѣмецки, сильнѣй и короче:

Wer Unmögliches geglaubt,—
Konnt' Unmögliches verrichten.

(Если кто увѣровалъ въ невозможное, тотъ можетъ и совершать его).

V.

Самообразованіе и личныя особенности читателя [1]).

Въ предыдущихъ нашихъ письмахъ мы говорили о томъ, чего добиваться, работая надъ самообразованіемъ. Въ первомъ письмѣ мы говорили о томъ, что такое образованный человѣкъ, и что сдѣлаться имъ можетъ всякій желающій. Въ предыдущемъ письмѣ мы намѣтили, въ основныхъ чертахъ, общую схему образованія, общій планъ его. Въ дальнѣйшемъ нашемъ изложеніи мы будемъ говорить о

---

[1]) Статья эта, съ нѣкоторыми измѣненіями, первоначально была напечатана въ газ. „Школа и Жизнь“, 1911 г. № 17, затѣмъ, отчасти вошла въ I т. „Среди книгъ“.

достиженіи цѣли, объ осуществленіи плана. Еще недостаточно намѣтить его и сказать, что онъ дѣйствительно достижимъ. Необходимо еще доказать, что это справедливо, а главное,—указать практическіе способы его осуществленія, при томъ такіе способы, которые были бы доступны не только немногимъ, избраннымъ счастливцамъ, отличающимся болѣе или менѣе выдающимися способностями и окруженными самыми благопріятными внѣшними условіями. Нѣтъ, прежде всего будемъ думать о тѣхъ, кто къ числу этихъ счастливцевъ не принадлежитъ, кто въ благопріятныхъ условіяхъ не живетъ,—о тѣхъ, у кого мало свободнаго времени и, быть можетъ, еще меньше возможности затрачивать на самого себя даже гроши изъ своего заработка, и безъ того скуднаго. Такимъ не приходится думать не только объ образованіи школьномъ, но даже и о внѣшкольномъ,—гдѣ ужъ тутъ!

Первый вопросъ, который стоитъ передъ нами,—это вопросъ объ экономіи времени и силъ. Работу надъ самообразованіемъ необходимо поставить такъ, чтобы она достигала наибольшихъ результатовъ при наименьшей затратѣ силъ и времени.

Спрашивается теперь, какъ же это сдѣлать? Какъ осуществить это на практикѣ?

Прежде всего поищемъ основного принципа, который нельзя не положить въ край угла такой постановки, какая позволила-бы достигать данной цѣли, попробуемъ формулировать основное требованіе, которое должно представлять изъ себя какъ бы фундаментъ для всей работы по самообразованію.

Затѣмъ будемъ говорить о его примѣненіи на практикѣ.

Итакъ, намъ необходимо теперь побесѣдовать о самомъ трудномъ и самомъ щекотливомъ вопросѣ читательской психологіи,—о томъ самомъ, о которомъ, какъ извѣстно, до сихъ поръ не говорятъ никакія, даже самыя лучшія „программы домашняго чтенія“, никакіе рекомендательные каталоги, и который педагоги-практики рѣшаютъ обыкновенно

чутьемъ. Между тѣмъ именно въ этомъ вопросѣ лежитъ центръ тяжести самообразованія.

Формулировать этотъ вопросъ можно такъ (точнѣе говоря, именно такъ формулируетъ его каждый читатель самъ для себя):

Какъ приспособлять самые лучшіе совѣты и самыя превосходныя программы самообразованія къ моей собственной личности, — къ такому человѣку, каковъ вотъ, напримѣръ, я, при всѣхъ моихъ достоинствахъ и недостаткахъ при моей, лично моей обстановкѣ жизни и въ тотъ моментъ моей жизни, какой я именно теперь переживаю?

Объ этомъ вопросѣ мы уже упоминали нѣсколько разъ. Многочисленныя письма нашихъ заочныхъ друзей-читателей, нами получаемыя, даютъ превосходный жизненный матеріалъ для нѣкоторыхъ, по нашему мнѣнію, очень важныхъ практическихъ указаній. Въ дальнѣйшемъ изложеніи мы будемъ опираться на эти письма, а читателей приглашаемъ, въ свою очередь, подѣлиться съ нами своими соображеніями и въ дальнѣйшей перепискѣ возможно подробнѣе разсказать намъ о тѣхъ трудностяхъ, которыя даютъ имъ себя знать особенно чувствительно.

Въ настоящее время многія сотни тысячъ, если не милліоны русскихъ людей, самыхъ разнообразныхъ общественныхъ положеній и классовъ, усиленно работаютъ надъ своимъ самообразованіемъ, подготовляясь такимъ способомъ къ подъему и расцвѣту русской общественной жизни, который, какъ объ этомъ думаетъ даже г. Марковъ 2-ой врядъ ли за горами. Какимъ же образомъ идетъ эта работа надъ самообразованіемъ? Она сводится къ чтенію книгъ, причемъ книги эти выбираются при помощи разныхъ рекомендательныхъ каталоговъ, „программъ домашняго чтенія“, „программъ для самообразованія“ и т. п.

Кѣмъ-либо эти книги рекомендуются, какъ хорошія и полезныя въ томъ или иномъ отношеніи, а читатель съ большимъ или меньшимъ рвеніемъ, усиліями и пользой почитываетъ ихъ.

Врядъ ли можно сомнѣваться, что такая постановка дѣла далеко не раціональна и не достигаетъ, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, той цѣли, для которой предназначается. Огромное большинство рекомендуемыхъ книгъ, даже завѣдомо хорошихъ „летятъ надъ головами читателей"; другія не соотвѣтствуютъ ихъ запросамъ, нуждамъ, потребностямъ, темпераментамъ, характерамъ, наконецъ, общему укладу ихъ жизни, въ томъ или иномъ отношеніи отрывающей читателя отъ книги и т. д. Дѣло дѣлается, въ сущности, съ полнымъ пренебреженіемъ къ двумъ основнымъ требованіямъ современной педагогіи, которая уже давно выяснила, что въ основу воспитанія и образованія должна быть положена, во-первыхъ, — идея *индивидуальности*, личности, а значитъ, и индивидуализированіе всей постановки дѣла; во-вторыхъ, принципъ проявленія *воли*,—принципъ дѣланія, примѣненія, проявленія во внѣ того, что пріобрѣтается,—осуществленіе этого въ *дѣятельности* человѣка. Самообразованіе, сводимое только къ чтенію,—оставляя пока въ сторонѣ этотъ другой принципъ,—ошибка, которая и безъ того небольшіе результаты самообразованія дѣлаетъ еще меньшими.

Не настала-ли пора поставить дѣло самообразованія на нѣсколько иную почву, положивъ въ его основу данныя индивидуальной психологіи и принципъ проявленія воли? „Человѣка вообще", какъ мы уже замѣтили не существуетъ. Есть лишь отдѣльныя личности—Иванъ, Петръ, Марья. Знаніе и пониманіе, какъ и вѣра, безъ дѣлъ мертвы суть. Данная личность и дѣятельность этой личности, — вотъ что должно быть принято въ расчетъ прежде всего, когда рѣчь идетъ о наиболѣе цѣлесообразной постановкѣ самообразованія.

Врядъ ли можно сомнѣваться въ желательности и даже необходимости такой постановки. Вопросъ въ томъ, какъ осуществить ее на практикѣ. Современная психологія (общая—теоретическая и прикладная—педагогическая) и экспериментальный методъ современной психологіи представляютъ во всякомъ случаѣ не мало интересныхъ и очень важныхъ

данныхъ для рѣшеній цѣлаго ряда вопросовъ о постановкѣ самообразованія наивозможно цѣлесообразной.

Каждый читатель, каждый человѣкъ, работающій надъ своимъ самообразованіемъ, имѣетъ свою индивидуальность, т. е. одному ему присущія свойства, свои собственныя, личныя особенности, интересы, наконецъ, настроенія, постоянно измѣняющіяся въ зависимости отъ условій личной, общественной, исторической жизни. Нужно ли говорить о томъ, что всѣ эти особенности оказываютъ огромное вліяніе на самую постановку и самый ходъ самообразовательной работы, которая у каждаго человѣка не можетъ не итти на свой образецъ.

Всякій, кто только имѣлъ случай наблюдать, какъ читаются книги, навѣрное знаетъ изъ своего собственнаго опыта, что между читателемъ и книгой, которая ему нравится и которая ему больше всего даетъ, всегда существуетъ опредѣленное соотношеніе, точнѣе говоря, сходство, аналогія—какъ бы сродство. Не всякая хорошая книга нравится всякому. Даже величайшіе писатели иногда бываютъ не по душѣ даже величайшимъ писателямъ, какъ это можно напр. видѣть изъ примѣра Льва Толстого, которому такъ не по вкусу приходился Шекспиръ. Но у каждаго читателя навѣрное есть одинъ или нѣсколько „любимѣйшихъ авторовъ“, производящихъ на этого читателя особенно сильное впечатлѣніе. Почему же именно они производятъ на даннаго читателя такое впечатлѣніе? Какія свойства какъ ихъ, такъ и этого читателя обнаруживаютъ такое сродство? Но такъ или иначе, это самое сродство несомнѣнно представляетъ ту психологическую основу, воспользоваться которою крайне важно для постановки дѣла самообразованія на болѣе плодотворныхъ основаніяхъ. Правда, такое соотношеніе читателя съ авторомъ можетъ быть и минутнымъ, случайнымъ, преходящимъ, но, тѣмъ не менѣе, въ существованіи его сомнѣваться не приходится. Оно фактъ. Далѣе, кромѣ элемента мимолетности существуетъ въ этомъ сродствѣ и элементъ постоянный, длительный и болѣе глубокій.

Ярче всего онъ и выражается въ вышеупомянутомъ фактѣ, что у каждаго читателя, чуть не по каждой наукѣ, обыкновенно, имѣются свои любимые авторы, свои любимыя книги, даже любимыя отрасли знанія и наиболѣе соотвѣтствующій ему типъ міросозерцанія. Спрашивается теперь, почему же это имѣется? Почему разныя книги дѣйствуютъ на людей по разному?

Чтобы дать точный и научный отвѣтъ на этотъ вопросъ, прежде всего необходимо сдѣлать изслѣдованіе,— изслѣдовать читающую публику въ этомъ отношеніи, разобраться въ пестротѣ фактовъ, наконецъ, констатировать самые факты, среди которыхъ, какъ извѣстно, такъ много черезчуръ неопредѣленныхъ. Изслѣдованіе (особенно экспериментальное и статистическое) дѣйствительно можетъ дать отвѣтъ на такой вопросъ: какіе именно люди, какихъ именно авторовъ и какія книги считаютъ своими любимыми? Найдя точный отвѣтъ на этотъ вопросъ (матеріаловъ для его рѣшенія накопилось очень много), можно итти и дальше, а именно, приняться за изученіе, во-первыхъ, самихъ читателей, какъ опредѣленныхъ индивидуальностей, во вторыхъ, за изученіе авторовъ и произведеній ихъ, оказывающихся наиболѣе любимыми или нравящимися даннымъ читателямъ. Такое изслѣдованіе тоже можетъ быть произведено довольно точнымъ пріемомъ. Всякій библіотекарь, книготорговецъ, издатель, педагогъ и т. д., если пороется хоть немного въ своей памяти, вѣроятно найдетъ кой-какіе интересные и важные матеріалы для рѣшенія практически важнаго вопроса о соотношеніи психическихъ свойствъ читателя съ одной стороны и любимыхъ имъ книгъ съ другой. Идеи, въ этой главѣ изложенныя, естественно возникли въ головѣ пишущаго эти строки, [1]) когда онъ, еще будучи студентомъ, присматривался къ би-

---

[1]) Въ нашемъ распоряженіи имѣется переписка съ 3216 самоучками и др. читателями которую мы ведемъ съ 1889 г., данныя произведенной нами анкеты, наблюденія, нами сдѣланныя въ одной изъ СПБ. библіотекъ за время 1875—1907 гг. и др. матеріалы.

бліотечнымъ подписчикамъ, выслушивалъ ихъ, подчасъ удивительныя, сужденія и приговоры и объ авторахъ, и о книгахъ, видѣлъ гримасы, съ которыми отбрасываются въ сторону творенія даже самыхъ выдающихся писателей, а рядомъ съ этимъ наблюдалъ несомнѣнно плодотворное вліяніе, которое производили на иныхъ читателей на его взглядъ далеко не первостепенныя книги. Всѣ эти наблюденія приводили къ одному и тому же выводу: о благотворномъ или неблаготворномъ вліяніи чтенія на читателя нельзя никоимъ образомъ судить съ плеча, не изучая ни книги, ни читателя, ни соотношенія между ними. Это соотношеніе — своего рода преломленіе лучей, исходящихъ изъ данной книги, въ психикѣ даннаго читателя.

Это соотношеніе можно формулировать довольно точнымъ образомъ, а именно такъ:

На читателя сильнѣе всего дѣйствуютъ тѣ свойства автора, которыя имѣются, въ томъ или другомъ количествѣ, у самаго читателя. „На читателя оказываетъ наибольшее впечатлѣніе та книга, психическія качества автора которой аналогичны психическимъ качествамъ даннаго читателя“ [1]).

Такую формулировку этому соотношенію далъ еще въ началѣ 80-хъ годовъ Э. Геннекенъ, и эту формулировку мы имѣемъ полное основаніе назвать закономъ Геннекена, — закономъ, который имѣетъ огромное значеніе не только для книжнаго дѣла, но и вообще для педагогіи. Своею формулировкою Геннекенъ съумѣлъ выразить самую суть, самую основу вліянія книги на читателя. Не всякая книга можетъ оказать на этого послѣдняго такое-то вліяніе, не всякая книга окажетъ одинаково сильное вліяніе на разныхъ читателей. Для наличности этого послѣдняго необходимо психическое сродство, по просту говоря, совпаденіе нѣкоторыхъ качествъ автора съ качествами читателя. Всякая черточка, всякая психическая особенность, имѣющаяся на лицо

---

[1]) Hennequin. Essais sur la critique scientifique.

у автора въ тотъ моментъ, когда онъ пишетъ, не можетъ не отразиться на томъ, что и какъ написалось. То же самое психическое качество, разъ оно имѣется у читателя въ моментъ чтенія, не можетъ не сдѣлать этого послѣдняго наиболѣе чуткимъ къ воспріятію именно этого качества по правилу „рыбакъ рыбака видитъ издалека“. Но свойства души и ея настроенія бываютъ не только мимолетныя, быстро преходящія; есть свойства и настроенія и болѣе устойчивыя, и даже постоянныя. Эта устойчивость и постоянство отнюдь не мѣняютъ дѣла; напротивъ, ихъ-то прежде всего и необходимо принимать во вниманіе и изучать, чтобы поставить дѣло самообразованія на почву индивидуализаціи.

Психологія учитъ, что о психикѣ другихъ людей мы судимъ по своей собственной психикѣ, да иначе судить и не можемъ. Подобно тому, какъ камертонъ опредѣленнаго тона неизбѣжно заставляетъ звучать всякій другой камертонъ того же самаго тона,—такъ звучитъ и психика человѣческая подъ вліяніемъ другой психики, настроенной на тотъ же тонъ. Пфендеръ называетъ это человѣческое свойство, подтверждаемое безчисленнымъ количествомъ фактовъ, „сочувственнымъ переживаніемъ“ [1]). Такое переживаніе проявляется и въ цѣломъ, и частями и бываетъ и преходящимъ, и длительнымъ. Его размѣры, его количественная сторона вообще могутъ быть тоже очень различны, но сущность даннаго явленія всегда остается одна и та же. Это фактъ, доказываемый и опытами, и наблюденіями. Правда, у разныхъ читателей „реакція на данную книгу“, т.-е. реакція, возникающая подъ вліяніемъ ея чтенія, можетъ быть, не одинаково сильной. На ея силу вліяетъ и самое время, когда данная книга читается, и разныя случайныя обстоятельства этого момента, напр., извнѣ приходящія мимолетныя настроенія. Не безъ вліянія остаются, видоизмѣняя результатъ, также и обстоятельства общаго характера, напр., степень

---

[1]) Введеніе въ психологію, стр. 26.

развитія и вообще культурной подготовки читателя, условія соціальной, классовой, профессіональной среды, особенности мѣстной жизни и т. д. Тѣмъ не менѣе, сквозь всѣ эти детали, законъ Геннекена всегда виденъ очень отчетливо, и, насколько намъ извѣстно, нѣтъ такихъ фактовъ, которые опровергали бы самую суть его, опирающуюся какъ на психологію, такъ и на соціологію. Выводы, которые можно сдѣлать изъ этого закона примѣнительно къ индивидуализаціи самообразованія, имѣютъ громадную важность. Законъ Геннекена даетъ возможность поставить это дѣло на научную почву и всѣмъ работающимъ надъ самообразованіемъ сохранить много времени и силъ.

Взглянемъ на любого читателя, какъ на явленіе природы, и какъ на такой-то продуктъ соціальной среды,—какъ на объекгъ, изучаемый психологіей и соціальными науками. Психологія учитъ, что психическая сторона всякаго человѣка, неразрывно связанная съ его физической стороной, представляетъ изъ себя нѣчто цѣльное, интегральное, недѣлимое, очень сложное, разностороннее. Когда-то психологія, подъ вліяніемъ метафизическихъ представленій, учила объ особой „сущности“, о т. н. душѣ и ея особыхъ „способностяхъ“. Теперь и разумъ, и чувство, и воля разсматриваются какъ проявленія и разныя стороны одной и той же психической интегральной природы, между собою тѣснѣйшимъ образомъ связанныя и одно отъ другого неотдѣлимыя, какъ неотдѣлимо отвлеченное представленіе (абстракція) отъ тѣхъ фактовъ, тѣхъ данныхъ опыта, ощущеній, которыя служатъ ея фундаментомъ. Правда, до сихъ поръ удерживаются еще въ наукѣ эти давно устарѣвшія названія,—„разумъ“, „чувство“, „воля“, „память“ и т. п. Но это дѣлается лишь ради удобства, и въ нашемъ дальнѣйшемъ изложеніи мы такъ и будемъ понимать такія слова, когда въ нихъ встрѣтится надобность.

Итакъ, передъ нами читатель, „психическій организимъ, имѣющій опредѣленныя свойства, — и разумъ, и чувства, и волю и т. д. Всякій знаетъ, что у разныхъ личностеій всѣ

эти стороны психической жизни бываютъ различны. Онѣ разныхъ типовъ и разныхъ ступеней развитія. Существуетъ особая отрасль психологіи, такъ называемая индивидуальная психологія, наука о характерахъ, которая изучаетъ ихъ. По разнымъ психическимъ типамъ, по особенностямъ ихъ интеллектуальной, эмоціональной и волевой жизни,—т. е. разума, чувства, воли,—при помощи болѣе или менѣе точныхъ изслѣдованій можно классифицировать всѣхъ людей. Между прочимъ, очень интересную классификацію ихъ дѣлаетъ проф. Малапертъ въ своей книгѣ объ „Элементахъ характера“ [1]), книгѣ, которая, быть можетъ поможетъ и нашимъ читателямъ хорошенько подумать надъ своими собственными черточками ума, чувства, воли и оцѣнить каждую изъ нихъ въ цѣляхъ самообразованія. Далѣе, среди людей встрѣчаются и разные типы антропологическіе, — наука считаетъ антропологическими признаками напр. полъ, возрастъ, принадлежность къ такой-то расѣ и т. п. Эти особенности отдѣльныхъ людей тоже не остаются безъ вліянія и, во всякомъ случаѣ, должны быть приняты въ расчетъ въ дѣлѣ самообразованія. Тоже нужно сказать и объ особенностяхъ профессіональныхъ, и вообще соціальныхъ, обусловленныхъ напр. воспитаніемъ, которому подвергался данный человѣкъ, принадлежностью его къ такому, а не иному общественному классу, что опять таки накладываетъ на человѣка нѣкоторый отпечатокъ, — естественный результатъ опредѣленнаго экономическаго положенія. Всѣ эти особенности не только могутъ быть изучены, но даже и теперь изучаются, и въ этомъ отношеніи наука кое что уже сдѣлала. Такъ или иначе, всякій человѣкъ, со всѣми своими какъ типическими, такъ и индивидуальными особенностями, является предметомъ точнаго изслѣдованія, и здѣсь вопросъ о правильной постановкѣ самообразованія стоитъ опять таки на строго научной почвѣ.

---

[1]) Пер. Л. Бессель, подъ ред. Н. Рубакина. Изд. К. Тихомирова. М. 912 г.

Но пойдемъ дальше и спросимъ себя, что-же такое типы разныхъ личностей? Такимъ типомъ называется нѣкоторая комбинація нѣкототорыхъ отдѣльныхъ свойствъ, наиболѣе часто повторяющаяся не въ одномъ, а во многихъ людяхъ; эти отдѣльныя свойства, въ свою очередь, поддаются точному изученію, и среди нихъ, въ свою очередь, можно различать ихъ собственные типы, т. е. типы отдѣльныхъ свойствъ. Такъ наприм., психологія изучаетъ, какъ извѣстно, не только разные типы личностей, но и разные типы ума, эмоцій, воли. Но и эти послѣдніе представляютъ изъ себя, въ свою очередь, новыя и новыя комбинаціи еще болѣе детальныхъ сторонъ психики, еще болѣе частныхъ качествъ. Возьмемъ, напр., сторону интеллектуальную. Психологія учитъ, что эта сторона психики представляетъ цѣлый рядъ очень важныхъ и своеобразныхъ явленій, и качественно, и количественно различающихся между собою. Съ одной стороны къ интеллекту относятся такія явленія, какъ напр. воспріятіе, память, сужденія и т. п. Частныя проявленія психической жизни, какъ извѣстно, тоже различны у разныхъ людей и въ качественномъ, и въ количественномъ отношеніяхъ, что несомнѣнно зависитъ отъ физіологическихъ и анатомическихъ особенностей организма. Бываютъ различныхъ типовъ и воспріятіе, и память, и вниманіе, и манера мышленія, сужденія, вообще складъ ума и т. д. Есть люди, мышленіе которыхъ начинается съ фактовъ, съ воспріятій, отъ которыхъ они и поднимаются все выше и выше. О такихъ обыкновенно говорятъ, что ихъ „иначе какъ фактами не прошибешь“. Теорія и „большія посылки“ (т. е. истины, изъ которыхъ выводятся, путемъ умозаключенія, другія истины), на нихъ не дѣйствуютъ, и только отъ фактовъ эти люди поднимаются, по лѣстницѣ обобщеній, къ общимъ понятіямъ, теоріямъ и системамъ. Съ другой стороны, есть люди, которымъ совершенно не дается такого рода мышленіе: они, поддаваясь своей природѣ, мыслятъ обыкновенно обратнымъ способомъ,—т. е. идутъ по лѣстницѣ разсужденій внизъ,—

отъ общаго къ частному, отъ имѣющихся въ ихъ головѣ положеній (тезисовъ) къ фактамъ. Эти стараются лишь подтверждать фактами правильность того, до чего они такимъ образомъ додумываются. Таковы два рѣзко различающихся типа ума—индуктивный и дедуктивный. Впрочемъ, встрѣчаются часто и средніе, переходные типы, т. е. болѣе или менѣе не чуждые и индуктивнаго и дедуктивнаго мышленія. Далѣе можно отмѣтить въ интеллектуальной области еще два типа ума, тоже поддающіеся точному изслѣдованію,—типъ аналитическій и синтетическій[1]). Складъ ума синтетическій—это складъ творческій, созидательный, идущій отъ частей къ цѣлому. Напротивъ, складъ анализирующаго ума — это складъ, разлагающій цѣлое на части, разрѣзывающій это цѣлое и, такъ сказать, врѣзывающійся въ предметъ своею мыслью и вѣчно находящій въ немъ все новыя и новыя стороны. И въ этомъ отношеніи всѣ люди могутъ быть классифицированы по этимъ двумъ типамъ (на аналитиковъ и синтетиковъ) и по переходнымъ ступенямъ между ними.

Разные типы ума суть не что иное, какъ разныя комбинаціи тоже разнообразныхъ типовъ памяти, воспріятій сужденія и мышленія и т. д., отдѣльно классифицируемыхъ и изучаемыхъ психологіей не только при помощи точныхъ пріемовъ, но даже при помощи точныхъ приборовъ. Беремъ теперь слѣдующій принципъ классификаціи—по эмоціональнымъ особенностямъ. Здѣсь мы встрѣчаемъ еще большее число типовъ, смотря по количественнымъ и качественнымъ преобладаніямъ тѣхъ или иныхъ эмоцій и по ихъ общимъ свойствамъ (относительной возбудимости, длительности эмоціи и т. д.). То же можно сказать и о волевыхъ типахъ, начиная отъ самаго рефлекторнаго, полусознательнаго

---

[1]) См. объ этомъ въ интересныхъ книгахъ Paulhan'a. Les types intéllectuels. Его же Les analystes et synthétiques. Изд. Alcan. Также Пуанкарэ. Цѣнность науки. Оствальдъ. Grosse Männer (I т. переведенъ на рус. яз.).

и кончая волевымъ и сознательнымъ въ полномъ смыслѣ слова.

Все вышеизложенное позволяетъ намъ сдѣлать такіе выводы. Люди, работающіе надъ своимъ самообразованіемъ, могутъ быть научно классифицированы по психологическимъ, антропологическимъ и соціальнымъ типамъ. Каждый такой типъ представляетъ болѣе или менѣе сложную комбинацію разныхъ психическихъ особенностей, а въ каждой изъ нихъ наблюдаются, въ свою очередь, свои собственные типы. Въ зависимости отъ качественной и количественной сторонъ этихъ частныхъ особенностей читательской психики, находится и самый процессъ чтенія и научныхъ занятій, изученія и результатъ ихъ.

Но такой же самой классификаціи, какъ психологической, такъ и соціологической и т. д., не могутъ не подлежать не только читатели, но и книги, неизбѣжно отражающія типъ своихъ авторовъ. Всякая особенность автора, какъ сказано, кладетъ на книгу свой отпечатокъ,—на манеру изложенія, даже на выборъ и способъ трактованія сюжета. И книги, какъ и люди, бываютъ индуктивныя и дедуктивныя, аналитическія и синтетическія, конкретныя и отвлеченныя, эмоціональныя („съ настроеніемъ“) и разсудочныя („безъ настроенія“, „сухія“); есть типы „неуравновѣшенные“, но есть и уравновѣшенные; одни представляютъ изъ себя наборъ рефлексовъ, шатаній, „безцѣльностей“, тогда какъ въ другихъ, съ первой же страницы, уже ясно чувствуется и воля, и опредѣленность цѣли ея автора; такая книга какъ бы уже подталкиваетъ читателя, заражая и его своею волей. Далѣе, среди книгъ можно различить и типы соціологическіе — классовые, сословные, профессіональные. Есть книги буржуазнаго и пролетарскаго типа (по своему содержанію), интернаціональныя и національныя. Отъ иныхъ вѣетъ фабричнымъ, отъ иныхъ деревенскимъ, казарменнымъ, городскимъ и иными укладами жизни. Но это еще не все. За этими классификаціями слѣдуетъ классификація историческая, по моментамъ и по періодамъ, выра-

женіемъ которыхъ эти книги являются (каждая книга, есть продуктъ своей среды и своего вѣка). Книга средневѣковаго типа не дѣйствуетъ въ желательномъ для нея смыслѣ на якобинца; книга, проникнутая настроеніемъ „свободъ“ 1905 г.— на людей, уже потерявшихъ октябрьское настроеніе и т. д. Теорія И. Тэна о „расѣ, средѣ и моментѣ“ проявляется въ книгахъ самымъ опредѣленнымъ образомъ, равно какъ и теорія Геннекена о писательской психологіи. Ислѣдованія А-ра Веселовскаго, А. Потебни и Д. Овсянико-Куликовскаго служатъ дальнѣйшимъ углубленіемъ этихъ теорій. Объ этой сторонѣ вопроса, за недостаткомъ мѣста, мы говорить не будемъ, отсылая читателя къ другому нашему труду [1]).

Попробуемъ теперь сдѣлать практическіе выводы изъ вышесказаннаго и примѣнить ихъ къ практикѣ самообразованія, и именно къ чтенію и изученію научныхъ книгъ [2]). Это послѣднее ставитъ передъ нами двѣ главныя задачи, которыя можно выразить въ видѣ слѣдующихъ двухъ вопросовъ:

1) Какъ сдѣлать такъ, чтобы человѣкъ, работающій надъ своимъ самообразованіемъ, тратилъ на это дѣло возможно меньше времени, силъ и труда?

2) Какъ сдѣлать такъ, чтобы онъ выносилъ изъ изучаемой или читаемой книги возможно больше?

Изученіе читательской психологіи, — психологіи книжнаго вліянія—даетъ довольно опредѣленный отвѣтъ на этотъ вопросъ. Въ цѣляхъ формулированныхъ выше, въ основу работъ по самообразованію необходимо положить изученіе психологическихъ

---

[1]) Этюды по психологіи читательства. Изд. К. Тихомирова. М. 1913 г. Тоже въ № 11—12 „Рус. Школы“ за 1910—1911 гг.

[2]) О беллетристическихъ книгахъ мы здѣсь не говоримъ, такъ какъ въ ихъ конструкціи играютъ громадную роль эмоціи,—отдѣлъ психологіи, который далеко еще не изученъ. Впрочемъ, Геннекенъ не только распространяетъ свою теорію и на этотъ отдѣлъ, но даже на немъ то ее и основываетъ.

и соціологическихъ типовъ, во первыхъ, самихъ читателей, во-вторыхъ, — книгъ. Нужно дать возможность читателю любого типа найти книгу того-же типа. Сократить время, съэкономизировать силы и трудъ, затрачиваемые обыкновенно на чтеніе научныхъ книгъ, помочь скорѣйшему и болѣе глубокому и детальному усвоенію ихъ содержанія, поставить дѣло самообразовательнаго чтенія на раціональную почву,— задача эта, думается намъ, не только облегчается, но даже разрѣшается той постановкой дѣла, о которой здѣсь идетъ рѣчь.

Практика давнымъ давно наводитъ на нее каждаго работника книжнаго дѣла, педагоговъ въ томъ числѣ. Они знаютъ, что читатель индуктивнаго и конкретнаго типа мышленія, изучающій книгу, изложенную дедуктивно и отвлеченно, затрачиваетъ массу лишнихъ силъ на ея изученіе и усвоеніе, и все-таки, съ ея помощью, не усваиваетъ предмета такъ же быстро и глубоко, какъ если бы онъ усвоилъ его, взявши книгу по тому же предмету, но написанную индуктивно. И обратно. Читателю типа дедуктивнаго и отвлеченнаго больше дадутъ книги дедуктивныя и отвлеченныя. Читатель эмоціональнаго типа засыпаетъ надъ сухой книгой, написанной безъ всякаго настроенія. Читатель разсудочный пренебрегаетъ книгами съ настроеніемъ, которыя кажутся ему обыкновенно „пристрастными“ и „легковѣсными“. Читатель-практикъ, человѣкъ дѣла и борьбы, не удовлетворяется книгой, отражающей нытье и безволіе ея автора. Читатель-буржуа, какъ извѣстно, и духа пролетарскаго въ книгѣ нерѣдко совсѣмъ не выноситъ. Чтобы такой читатель понялъ, что именно эта послѣдняя стоитъ ближе къ идеалу человѣческой солидарности и соціальной справедливости, нужно подойти къ нему съ другого конца,— этическаго, историческаго, хотя бы даже богословскаго, и т. д. и т. д., но всегда такъ, чтобы „истина не пёрла на него быкомъ“, какъ выразился В. И. Савихинъ.

Вышесказанное выясняетъ не только самый принципъ,

но и способы самообразовательной работы. Особенное значеніе имѣетъ такая постановка для людей рѣзко выраженныхъ типовъ, типовъ крайнихъ, которымъ всего труднѣе и дается самообразованіе, если оно ведется по книгамъ не ихъ типа. Что касается до читателей типовъ „смѣшанныхъ", „переходныхъ", „уравновѣшенныхъ", — дѣло ихъ самообразованія, разумѣется, облегчается,—облегчается именно тѣмъ, что, занимая среднюю позицію, они имѣютъ возможность использовать для себя и типы книгъ крайніе, и типы книгъ средніе, которыхъ тоже не мало. Но и здѣсь дѣло не такъ просто, т. к. читатель и книга, которые должны быть отнесены къ среднему типу въ одномъ отношеніи, обыкновенно оказываются въ числѣ крайнихъ типовъ въ другихъ отношеніяхъ. Такимъ образомъ, дѣло сводится къ необходимости возможно разносторонней оцѣнки и читателя, и книгъ, и къ подыскиванію для него такихъ книгъ, которыя, по большинству своихъ техническихъ и соціологическихъ особенностей, наиболѣе соотвѣтствуютъ его собственнымъ типическимъ чертамъ. Этимъ способомъ облегченіе самообразовательной работы будетъ достигнуто, и если почему либо и не вполнѣ, то во всякомъ случаѣ полнѣе, чѣмъ при руководствѣ одними лишь списками „вообще хорошихъ книгъ".

Такая постановка дѣлаетъ еще одно важное дѣло. Она помогаетъ читателю даннаго типа пріобрѣтать качество противоположныхъ, т. е. не его типовъ, — иначе говоря, помогаетъ выработкѣ гармоничной личности, возможно разносторонней и приспособленной къ возможно разнообразнымъ формамъ и пріемамъ умственной работы. И правда, читатель индуктивнаго типа, чтобы сдѣлаться человѣкомъ разносторонне образованнымъ, долженъ вырабатывать въ себѣ способность и къ дедукціямъ, аналитикъ — и къ синтезу, и т. д. Самообразованіе предполагаетъ умѣнье читать всякія книги. Но этого сразу не достигнешь. Кромѣ того, для человѣка опредѣленнаго типа сама природа кладетъ предѣлъ, который врядъ

ли онъ можетъ переступить дальше опредѣленной черты. Подобно тому, какъ человѣку не музыкальному и вообще не „эстетическому“ хотя и нужны и полезны, въ смыслѣ общаго развитія, и музыка, и эстетика, но такіе люди обыкновенно не способны дѣлаться ни музыкантами, ни эстетиками. Правда, нельзя отрицать полезности и необходимости музыкальныхъ и эстетическихъ упражненій для каждаго человѣка, но въ человѣкѣ не-музыкальномъ, не-эстетичномъ отъ природы положенный ему предѣлъ обыкновенно очень скоро даетъ себя чувствовать: во всякомъ случаѣ, гораздо легче обучается музыкѣ человѣкъ музыкальнаго типа, чѣмъ не-музыкальнаго. Подобно этому приходится разсуждать и о всѣхъ другихъ типахъ и типическихъ чертахъ. Человѣкъ дедуктивнаго типа можетъ легче всего усвоить данную науку по дедуктивнымъ книгамъ, а не по книгамъ типа индуктивнаго. Хорошимъ аналитикомъ врядъ ли когда сдѣлается синтетикъ, а аналитикъ лишь въ исключительныхъ случаяхъ ярко проявляетъ способность къ синтезу. Когда же сама жизнь заставляетъ человѣка вооружаться возможно быстрѣе и знаніемъ, и пониманіемъ, и настроеніемъ, тогда передъ нимъ естественно возникаетъ вопросъ: да какимъ-же способомъ возможно скорѣе и прочнѣе это сдѣлать? Жизнь требуетъ также и разносторонняго вооруженія. Пріобрѣтать это послѣднее, какъ учитъ также педагогія, необходимо опираясь опять таки на индивидуальную психологію, — другими словами, теорія психологическихъ и соціологическихъ типовъ является и здѣсь естественнымъ и необходимымъ фундаментомъ.

Спрашивается теперь, какъ же опредѣлять типы читателей и типы книгъ? Отвѣтъ на первый изъ этихъ вопросовъ даетъ опять таки индивидуальная и, прежде всего, экспериментальная психологія. Въ настоящее время, вопросъ объ изученіи личности въ ея типичныхъ, характерныхъ проявленіяхъ привлекаетъ очень большое вниманіе и въ Россіи, и заграницей. Чуть ли не десятками можно считать всякаго

рода программы для его изслѣдованія [1]). Существуютъ даже особые атласы по экспериментальной психологіи, содержащіе цѣлый рядъ таблицъ, при помощи которыхъ не трудно опредѣлять и въ себѣ самомъ, и въ другихъ типы разныхъ психическихъ особенностей и познавать ихъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, не только въ качественномъ, но даже и въ количественномъ отношеніи [2]). Но для того, чтобы дѣло самообразованія поставить на почву индивидуальной психологіи, вовсе и не требуется черезчуръ детальное изслѣдованіе личности или самоизслѣдованіе. Достаточно опредѣлить лишь нѣкоторыя свои черты, наиболѣе характерныя, а именно: память, вниманіе, складъ ума и характеръ мышленія (на которыхъ мы намѣренно остановились нѣсколько выше), эмоціональность и волю. Особенно характеренъ складъ ума. Превосходно помогаетъ оріентироваться въ своихъ собственныхъ (и чужихъ) качествахъ и программа, Лазурскаго (подробная). Уже такое самоформулированіе чрезвычайно помогаетъ дѣлу самообразованія [3]) и, при помощи простѣйшихъ пріемовъ, позволяетъ поставить вопросъ на ту почву, о которой шла рѣчь въ началѣ главы.

Гораздо труднѣе обстоитъ дѣло съ психологической и соціологической оцѣнкою книгъ, точнѣе говоря, пріемовъ, методовъ изложенія даннаго предмета въ той или иной книгѣ. Такая оцѣнка можетъ быть дѣлаема опять-таки не очень детально но во всякомъ случаѣ вполнѣ практично, и

---

[1]) См. Лазурскій. „Очеркъ науки о характерахъ“. Его же — „Школьныя характеристики“. Брошюры Румянцева, Россолимо и др. Подробно литература указано во II т. „Среди книгъ“.

[2]) Таковъ напр. „Атласъ для экспериментально-психологическаго изслѣдованія личности“ съ подробнымъ описаніемъ и объясненіемъ таблицъ. Составленъ примѣнительно къ цѣли педагогическаго и врачебно-діагностическаго изслѣдованія Ѳ. Рыбаковымъ, пр.-доц. моск. унив. Изд. Сытина. М. 1911 г.

[3]) Пишущій эти строки произвелъ и постоянно производитъ такіе опыты опредѣленія надъ читателями, которые характеризуютъ ему себя, сами того не замѣчая.

вполнѣ достаточно, чтобы принести большую пользу на практикѣ. За нее должны были бы взяться прежде всего ученыя и педагогическія комиссіи, составляющія всякаго рода „программы для самообразованія“ и „домашняго чтенія“ и „рекомендательные каталоги“, и имѣющія возможность сосредоточить въ своемъ составѣ компетентныя силы. Какъ извѣстно, вся работа такихъ комиссій сводится въ настоящее время къ составленію списковъ хорошихъ книгъ, которыя и рекомендуются всѣмъ желающимъ. Но составлять только такіе списки,—для людей, работающихъ надъ самообразованіемъ,—этого еще мало. Необходимо составить каталоги не только рекомендательные, но и психологическіе указывая въ нихъ психологическія свойства книгъ, а въ нихъ давать не только общіе отзывы о научныхъ достоинствахъ или недостаткахъ данной книги, но и отмѣчать (напр., условными буквами), какого типа памяти, вниманія, склада ума и проч. требуетъ отъ читателя рекомендуемая книга. Имѣя подъ руками такіе каталоги, читатель будетъ выбирать по нимъ не только книги хорошія, но и для него лично подходящія. Но такъ какъ до сего времени такихъ психологическихъ каталоговъ еще не существуетъ, а работающіе надъ самообразованіемъ считаются сотнями тысячъ, то, пока что, надо поискать какого-либо другого пріема для удовлетворенія той же насущной потребности. Самымъ простѣйшимъ пріемомъ для тѣхъ, кто живетъ въ мѣстности, изобилующей книгами, является рытье въ книгахъ, ихъ пересматриваніе и перелистованіе, наталкивающія иногда именно на ту книгу, которая соотвѣтствуетъ психическому типу даннаго читателя. „Выбираніе книгъ по своему вкусу“—таково вульгарное выраженіе, въ сущности, правильнаго пріема. Поэтому, нѣтъ даже словъ, чтобы рекомендовать и рекомендовать всякому читателю возможно больше и при всякомъ удобномъ случаѣ рыться въ книгахъ, всячески расширяя свое знакомство съ ними на практикѣ. Необходимо книги просматривать, перелистовать, пробовать, читать, искать и искать, хотя бы даже и ощупью,

именно ту книгу, которая подходитъ для твоего типа. Дѣло рецензентовъ — судить и оцѣнивать научность данной книги и описывать ея содержаніе, характеризуя ее съ точки зрѣнія безстрастной истины и соціальной и этической справедливости. Дѣло же читателя — опредѣлить свой собственный типъ и типъ подходящей для него книги. Но, повторяемъ, то что можетъ теперь дѣлаться только ощупью, должно быть поставлено, въ концѣ концовъ, всетаки на правильную и научную почву и перейти въ руки компетентныхъ людей, въ лицѣ разныхъ педагогическихъ и иныхъ комиссій. Впрочемъ, отъ этихъ послѣднихъ рекомендуемое нами новшество, (которое кажется намъ не Богъ вѣсть какъ страшно) не многаго и потребуетъ. Напр., составителямъ самообразовательныхъ московскихъ и Спб. программъ всѣ рекомендуемыя ими книги превосходно извѣстны. Остается лишь выработать типы условныхъ значковъ для характеристики психологическихъ и иныхъ сторонъ книги. Но и это можетъ быть замѣнено краткими описаніями книгъ [1]).

Но можно идти и дальше. Классифицируя по типамъ психическія и иныя стороны людей и книгъ, и обозначая типъ каждаго психическаго качества тѣми же условными значками, мы не можемъ не придти къ мысли о возможности выражать не только книгу, но и любого читателя его собственной формулой, т. к. каждый человѣкъ — не что иное, какъ лично ему свойственная комбинація опредѣленныхъ типическихъ чертъ разныхъ психическихъ проявленій. А если представляется возможность выражать такими же формулами и книгу, и читателя, то, выразивъ ихъ, можно и сопоставить, и сравнить ихъ формулы. А видя пе-

---

[1]) Въ I томѣ 2-го изданія нашего труда „Среди книгъ“ мы даемъ въ § 87 примѣрную программу для оцѣнки психологіи книги. Въ подготовляемомъ нами „Руководствѣ къ самообразованію“, каждую книгу мы снабжаемъ психологической и соціологической формулой. Въ „Этюдахъ по психологіи читательства“ даемъ таблицу для опредѣленія читательскихъ типовъ. Все это — дѣло, хотя еще и далекое отъ совершенства, но практически довольно легко осуществимое.

редъ собою формулы разныхъ книгъ по одному и тому же предмету и зная свою собственную, можно и выбрать, на основаніи такого сравненія формулъ, изъ этихъ книгъ наиболѣе подходящую. И это будетъ книга дѣйствительно подходящая, т. е. такая, которая уже врядъ ли пролетитъ надъ головой читателя не задѣвая ни его чувства, ни его воли и врядъ ли окажется въ полномъ противорѣчіи съ соціальными условіями его жизни. Врядъ ли можно сомнѣваться, что, благодаря этой психологической постановкѣ дѣла, дѣйствительно хорошая книга дѣйствительно приблизится къ жизни, а друзья истины и справедливости, съ помощью книгъ, безконечно выиграютъ въ своей силѣ. А такъ какъ, въ конечномъ итогѣ, всякая идея провѣряется фактами жизни,— жизни въ ея цѣломъ, то ни истина, ни справедливость отъ такой постановки дѣла никакого ущерба не потерпятъ. Отъ нашей постановки школьнаго и внѣшкольнаго чтенія не гг. Передоновы выиграютъ, — выиграетъ жизнь. Эта постановка — не болѣе какъ орудіе, но такое орудіе, которымъ всякій можетъ и долженъ воспользоваться въ защиту собственнаго Я отъ налѣзанія на него всякихъ другихъ Я, въ томъ числѣ и передоновскаго. По нынѣшнимъ временамъ необходимы возможно болѣе доступныя для всѣхъ средства самовооруженія и знаніемъ, и пониманіемъ, и настроеніемъ. Настала пора популяризировать ихъ и примѣнить.

VI.

Кое-что о способности и неспособности къ самообразованію и о количественной и качественной сторонѣ чтенія.

Изложивъ на предыдущихъ страницахъ главныя соображенія, заставляющія насъ положить принципъ индивидуализаціи самообразованія во главу угла, попробуемъ теперь, опираясь на этотъ принципъ, устранить и нѣко-

торыя практическія трудности, встрѣчающіяся на пути въ такой работѣ.

Одна изъ нихъ и, думается намъ, одна изъ главныхъ, такъ какъ она останавливаетъ многихъ и многихъ, заключается въ недовѣріи къ самому себѣ со стороны людей, принимающихся за самообразовательную работу,—недовѣріе къ своимъ силамъ и способностямъ. Такіе самонедовѣрчивые люди то и дѣло говорятъ себѣ: „что я могу для себя сдѣлать? Жизнь моя такъ сложилась, что я вышелъ вотъ какимъ, не больно-то талантливымъ“. Другіе же прямо рѣшаютъ: „Я неспособный, я глупый“. Или: „Время для такой работы уже прошло для меня, — память ослабла, умъ завялъ, жизнь заѣдаетъ, свѣжесть души утеряна“ и т. д.

На основаніи нашей переписки съ тысячами читателей въ теченіе десятковъ лѣтъ, на основаніи многихъ сотенъ примѣровъ, свидѣтелями которыхъ мы были, фактовъ, которые видѣли, признаній, которыя мы слышали и которыя въ нашихъ рукахъ и будутъ въ свое время обнародованы, а отчасти уже и обнародованы [1]), и со всею силой убѣжденія, которая жжетъ нашу душу, мы позволяемъ себѣ сказать такимъ людямъ: неправда! Ни для кого не можетъ пройти время для самообразовательной работы. Нѣтъ такихъ способностей и даже неспособности, которыхъ нельзя бы было пустить въ ходъ и использовать. Нѣтъ такихъ силъ, даже самыхъ маленькихъ и ничтожныхъ, которыя не помогли бы даже скромному отъ скромныхъ хоть немного расширить, углубить, возвысить, украсить свою жизнь и слиться съ тѣмъ, что есть особенно свѣтлаго и святого въ жизни человѣчества. Что значитъ большія или малыя духовныя силы, умъ способный или неспособный? Могутъ тянуть человѣка впередъ и вверхъ какъ тѣ, такъ и другія, подобно тому, какъ на высоту горы ведутъ и крутыя тропинки, и широкія, удобныя для путниковъ дороги.

---

1) См. „Рус. Мысль“, 1898 г., № 4, нашу ст. „Читатели, писатели-самоучки“ и книгу „Этюды о читающей публикѣ“.

Правда, по крутой тропинкѣ труднѣе взбираться иному пѣшеходу на гору, съ высоты которой солнце будетъ видно и ему; но вопросъ не въ томъ, что трудно взбираться— это вопросъ воли и усидчивости. Вопросъ въ томъ,—развѣ лучше не взбираться, а сидѣть внизу горы и вздыхать „на рѣкахъ вавилонскихъ“ и о высотѣ, и о солнцѣ, которое съ высоты видно и тамъ, на высотѣ, и свѣтитъ и грѣетъ. Да одного сознанія этого сидѣнія внизу горы достаточно, чтобы оно всю жизнь грызло душу человѣческую, — вотъ молъ „не попробовалъ хоть что-нибудь сдѣлать для того, чтобы подняться,—не попробовалъ хотя бы ползти вверхъ“. Съ другой стороны, даже сознаніе самаго факта, — этого самаго „хотя бы всползанія“ уже облагораживаетъ, подкрѣпляетъ душу, когда человѣкъ видитъ самого себя не въ видѣ студня расплывчатаго, а въ видѣ существа, не примиряющагося съ затхлостью болота, съ узостью жизни и съ ея шаблонностью, наконецъ со своею безличностью, а все-таки идущаго впередъ и вверхъ и все-таки тянущагося къ свѣту и къ свѣту. Всякій мало мальски живой душѣ человѣческой нуженъ самый фактъ всползанія, независимо отъ вопроса о способностяхъ, нужно дѣланіе, работа самообразовательная, поднимающая духъ и окрыляющая надеждой. Но и этотъ послѣдній вопросъ о способностяхъ нуждается еще въ разъясненіи и во всякомъ случаѣ — въ изслѣдованіи и обсужденіи. Сущность же его заключается вотъ въ чемъ:

Спросимъ себя прежде всего, да что-же это такое — человѣкъ способный и что такое человѣкъ неспособный?

Немало на свѣтѣ такихъ людей, которые сидятъ, сложа руки и ведутъ, если не звѣриную, то куриную жизнь только потому, что не увѣрены въ своихъ способностяхъ. Такихъ можно спросить: а вы пробовали ли, и со всѣхъ ли сторонъ пробовали свои способности использовать? Навѣрно, огромное ихъ большинство, если оно искренно, настоящей и полной пробы своихъ силъ не производило надъ собою и, во всякомъ случаѣ, никто и никогда не можетъ рѣшить и быть увѣреннымъ, что всѣ пробы уже сдѣланы, исчер-

пано уже все возможное. Кромѣ того, вопросъ о способностяхъ, — въ очень значительной степени вопросъ о желаніяхъ и настроеніяхъ. Если я чего-нибудь дѣйствительно сильно и страстно хочу, тогда у меня и способности являются, потому что тогда вся моя душа, весь я горю этимъ желаніемъ. Кислое настроеніе, предвзятыя убѣжденія въ томъ, что моя попытка во всякомъ случаѣ окончится неудачею, ужъ, разумѣется, не могутъ способствовать самой работѣ. Мы лично убѣждены, и экспериментальная психологія, опытнымъ путемъ изслѣдующая душевныя проявленія и способности отдѣльныхъ людей, служитъ опорой этому убѣжденію, что каждый человѣкъ къ чему-нибудь да способенъ. Не о способностяхъ нужно говорить, а о какихъ именно и къ чему именно способностяхъ. Не забудемъ, что гимназическое начальство признало когда-то неспособнымъ и Бѣлинскаго. Къ числу такихъ былъ сопричисленъ гг. педагогами и Глѣбъ Успенскій. Канта его кухарка считала дуракомъ и была права со своей точки зрѣнія, потому что Кантъ, работая надъ „Критикой чистаго разума“, дѣйствительно былъ неспособенъ къ кухонной стряпнѣ и къ домовитому устройству всякихъ жизненныхъ мелочей и обыденныхъ дѣлъ. Милліоны людей числятся и даже сами себя считаютъ неспособными потому, что дѣлаютъ почему-либо то дѣло, къ которому они дѣйствительно непригодны, и не дѣлаютъ того, къ чему несомнѣнно способны. Эта, въ сущности банальная истина, не такъ банальна, какъ кажется, если взглянуть на нее съ точки зрѣнія изслѣдованія способностей. Нерѣдко, напримѣръ, способными людьми называются люди съ хорошей памятью: такіе быстро впитываютъ въ себя отовсюду и факты, и идеи, и дѣлаются богатыми ими. Но присмотритесь къ этой самой памяти,—и окажется, что память памяти рознь: есть люди, которые превосходно запоминаютъ *все*, что придется, но вмѣстѣ съ тѣмъ плохо систематизируютъ, плохо обобщаютъ и обсуждаютъ. Такіе люди, въ одномъ смыслѣ — люди способные, но они же въ другомъ смыслѣ (какъ не умѣющіе ни въ чемъ оріентиро-

ваться) мало чѣмъ отличаются отъ дураковъ. Если они возьмутся за разсужденія или за чтеніе философскихъ книгъ, они ихъ запомнятъ, не понявъ. Типъ зубрилъ тоже всѣмъ извѣстенъ. Другіе люди, напротивъ, отлично запоминаютъ ходъ разсужденій, а изъ фактовъ—только тѣ, которые именно ихъ иллюстрируютъ, но совершенно неспособны запоминать вообще разбросанныхъ пестрыхъ фактовъ, формулъ, годовъ. Читатель этого послѣдняго типа лишь съ величайшимъ трудомъ можетъ читать книги, безконечно пестрящія фактами (напримѣръ, „Исторію“ Вебера, „Химію“ Меншуткина и т. п.). Чему же тутъ удивляться, что такой читатель легко можетъ счесть себя неспособнымъ съ перваго же абцуга, если схватится на первыхъ же порахъ за такую книгу, которая не подходитъ къ складу его памяти? И, дѣйствительно, къ этому чтенію такой книги онъ не способенъ. Но тотъ же самый читатель, какъ объ этомъ было сказано въ предыдущемъ письмѣ, пойметъ и запомнитъ книгу по той же самой всеобщей исторіи и химіи, если попавшаяся ему книга преподнесетъ эти же самыя науки въ видѣ разсужденій, то есть, въ той формѣ, которая именно свойственна складу ума этого читателя въ наибольшей степени. И вотъ человѣкъ, выбравшій себѣ книгу по типу своего ума, вдругъ начинаетъ чувствовать, что о своей собственной „неспособности“ вовсе не приходится и говорить ему. То же самое явленіе наблюдается при выборѣ книгъ съ точки зрѣнія эмоцій, т. е. чувствъ читателя. Громадное большинство начинающихъ читателей — люди болѣе или менѣе цѣльные, то есть такіе, у которыхъ умъ, чувство, воля представляютъ нѣчто нераздѣльное, тѣсно связанное, единое. Читатель не всегда способенъ отдѣлить идею отъ эмоцій, чувствъ, отъ настроеній, ее сопровождающихъ, и, вникая въ какое-либо явленіе или читая какую-либо книгу, довольствоваться лишь тѣмъ, что книга эта затрагиваетъ только интеллектуальную сторону его души. Для него этого недостаточно: онъ требуетъ отъ книги (то безсознательно, то сознательно), чтобы она затрагивала всего его, какъ

личность цѣльную. Книгу, сухо написанную, безъ настроенія, безъ эмоцій онъ, человѣкъ съ эмоціями, читаетъ съ большими усиліями. Такая книга валится у него изъ рукъ, подобно тому, какъ было, напр., и съ Глѣбомъ Успенскимъ, который не могъ читать такого рода сухихъ, жесткихъ, отвлеченныхъ книгъ. Читатель эмоціональнаго типа чувствуетъ себя неспособнымъ читать и отвлеченныя книги сухого, раціоналистическаго типа. И наоборотъ, книги, проникнутыя настроеніемъ, нерѣдко кажутся читателямъ отвлеченнаго склада ума „ненужной болтовней“. Онъ бракуетъ сочиненія цѣлаго ряда общепризнанныхъ, извѣстныхъ авторовъ; онъ чувствуетъ, что они не даютъ ему того, что даютъ многимъ другимъ. Почему? Кто или что причина этому? Читатель думаетъ иной разъ, что этому причиной его „неспособность“. Вовсе нѣтъ. Суть дѣла тутъ все въ томъ же,—не въ неспособности, а въ индивидуальности, то есть въ личныхъ особенностяхъ даннаго читателя. Еще рѣзче несоотвѣтствіе читателей типа практическаго, дѣлового, съ книгами типа теоретическаго, отвлеченнаго. Такого рода книги кажутся читателямъ этого типа „никчемными, заоблачными разсужденіями“, „мечтаніями“, „фантазіями“ „зданіями, построенными на пескѣ“... Выводъ отсюда ясенъ: при работѣ надъ своимъ самообразованіемъ, вопросъ о неспособности упраздняется, если работающій надъ самообразованіемъ построитъ этусвою работу на принципѣ индивидуализаціи чтенія и станетъ искать книгу не только хорошую, а книгу подходящую,—подходящую къ индивидуальности даннаго читателя. Если для него дѣйствительно во всей литературѣ всего міра вовсе не найдется, по интересующему его въ данный моментъ вопросу, какихъ-либо подходящихъ книгъ, ну тогда пусть онъ говоритъ о своей „неспособности“. Но мы лично, на основаніи изученія даже только однихъ русскихъ книжныхъ сокровищъ, опредѣленно можемъ сказать: каждый человѣкъ, какого бы типа онъ ни былъ, по любому во-

просу можетъ найти книгу, которая дастъ ему знанія въ той именно формѣ, которая именно ему, этому читателю, необходима. Такъ мы и поставили нашу переписку съ читателями на эту почву. Прежде всего мы стараемся въ нашей перепискѣ опредѣлить личность читателя — нѣкоторыя его индивидуальныя особенности, а именно память, складъ ума, подготовку, интересъ [1]). По этимъ даннымъ мы стараемся подыскивать для него книги по интересующему его вопросу, и при такой постановкѣ дѣла, по крайней мѣрѣ какъ это выяснила наша практика, людей дѣйствительно неспособныхъ къ самообразованію, въ сущности, не оказалось. Если иногда выходили недоразумѣнія, они были во всякомъ случаѣ скорѣе по нашей, чѣмъ по ихъ винѣ. Правда, преподаватель, не умѣющій приспособиться къ ученику, нерѣдко говоритъ о его „небольшихъ способностяхъ“; но мы на свою душу такого грѣха взять не осмѣлимся и въ неудачныхъ случаяхъ винимъ самихъ себя, а не принципъ индивидуализаціи, и потому, послѣ сдѣланнаго опыта, еще болѣе убѣжденно утверждаемъ, что каждый человѣкъ, хоть немножко, хоть очень тихо, а можетъ идти и впередъ, и вверхъ.

Такимъ образомъ, вопросъ о размѣрахъ способностей самъ собой отпадаетъ и во всякомъ случаѣ отодвигается на задній планъ, теряетъ свое устрашающее значеніе. Вмѣсто него выступаетъ слѣдующій вопросъ,—вопросъ дѣйствительно громадной, практической важности. Это вопросъ о возможно полномъ использованіи своихъ наличныхъ способностей. Жалѣть и плакаться о томъ, что я не имѣю больше того, что у меня есть, дѣло по суще-

---

[1]) Для того, чтобы дѣйствовать болѣе или менѣе безошибочно такимъ способомъ, требуется возможно лучше знать личность читателя, хотя бы въ общихъ чертахъ только, но, разумѣется, чѣмъ подробнѣе знакомство съ нимъ, тѣмъ безошибочнѣе можно руководить его чтеніемъ. Въ приложеніи къ этой книгѣ данъ рядъ вопросовъ, отвѣты на которые помогутъ намъ выбирать подходящія книги читателямъ, къ намъ обращающимся.

ству дѣйствительно праздное и ни къ чему не ведущее. Чего не дано, того и не дано — не природу же проклинать за это. Но вотъ если я не съумѣлъ использовать того, что я дѣйствительно уже имѣю, и не сдѣлалъ никакой попытки развить наличность своихъ силъ, — это уже настоящее преступленіе и противъ общества, въ которомъ я живу, и противъ самого себя, пострадавшаго отъ такого преступленія. Попробуемъ теперь намѣтить въ нѣкоторыхъ основныхъ чертахъ кой-какіе практическіе пріемы такого самоиспользованія, т. е. утилизаціи всѣхъ своихъ наличныхъ способностей.

Мы должны теперь говорить: а) о количественной сторонѣ чтенія, б) о его качественной сторонѣ. Говоря же объ этой послѣдней, мы должны дать отвѣтъ на слѣдующіе вопросы: 1) Какъ выбирать для себя дѣйствительно подходящія книги, т. е. книги, соотвѣтствующія моимъ личнымъ особенностямъ? 2) Какъ разбираться въ этихъ, для меня подходящихъ книгахъ, которыя изъ нихъ считать „хорошими“, которыя „нехорошими“?

А. Кое что о количественной сторонѣ чтенія. Когда говорятъ о работѣ надъ самообразованіемъ, подъ этой работой обыкновенно подразумѣваютъ возможно осмысленное и систематическое чтеніе, прежде всего чтеніе. „Нужно прочитать книги по такимъ-то вопросамъ“. „Нужно одолѣть такія-то науки, просвѣтить себя по такимъ-то отраслямъ знанія“. Такія мнѣнія, хоть и общераспространенныя, нуждаются въ большихъ поправкахъ, — они далеко не такъ справедливы, какими кажутся. Во-первыхъ, нельзя смѣшивать чтенія съ самообразованіемъ. Правда, осмысленное и систематическое прочитываніе книгъ — главнѣйшій способъ самообразованія. Но это послѣднее еще не заключается въ одномъ только чтеніи, о чемъ мы говорили и будемъ говорить. Среди людей образованныхъ не мало такихъ, которымъ больше всего дали не книги, а сама жизнь, — житейскія столкновенія, совмѣстная работа и бесѣды съ умными и образованными людьми, пребываніе, стояніе у хорошаго дѣла и участіе въ немъ, путешествія, хожденіе

по музеямъ и т. д., и т. д. Люди кабинетнаго типа, созерцательные и вдумчивые, предпочитаютъ обыкновенно самообразованіе книжное; люди же типа двигательнаго, активнаго, которымъ тяжко сидѣть въ кабинетѣ, среди книгъ, вродѣ какъ „прикованными къ книгочтенію“, предпочитаютъ самообразованіе посредствомъ болѣе активныхъ пріемовъ. Такимъ около книгъ сидѣть тошнехонько. Но значитъ ли изъ того, что это все люди — „неспособные къ самообразованію“? Полагаемъ, что совершенно обратно: наибольшій интересъ для общества и народа представляютъ типы двигательные, потому что они-то главнымъ образомъ и творятъ жизнь. Поэтому, если человѣкъ такого типа пишетъ: „я очень люблю самообразованіе и стремлюсь къ образованію, и желаю отъ всей души сдѣлаться дѣйствительно образованнымъ человѣкомъ, но книгъ читать не люблю“, про такого мы никогда не скажемъ: это человѣкъ отпѣтый. „Ищите въ такомъ случаѣ другихъ способовъ для достиженія вашей цѣли“, скажемъ мы ему. Постарайтесь найти и поставить себя въ такія условія, которыя вамъ дадутъ то, чего вы сами, благодаря вашимъ личнымъ особенностямъ, взять не можете“. Этихъ людей дѣйствительно сама жизнь воспитываетъ, и нерѣдко они умѣютъ брать отъ жизни столько, сколько не сможетъ взять отъ нея даже самый образованный человѣкъ. Яркимъ примѣромъ людей такого типа можетъ служить одинъ извѣстный издатель, „книжный король“ И. С., съ которымъ пишущаго эти строки связываютъ многолѣтнія дружественныя отношенія. Правда, И. С. нигдѣ не окончилъ курса, не натасканъ въ математикѣ, геологіи, правовѣдѣніи, но такъ отчетливо знаетъ и понимаетъ жизнь и людей и ихъ психику, ихъ всевозможныя отношенія, такъ глубоко, а, главное, практично вникаетъ въ нихъ, проявляя энергію истиннаго американца, что въ этомъ отношеніи за И. С. мало кто угонится, и въ этомъ отношеніи про него дѣйствительно можно сказать, — это человѣкъ по своему интеллигентный и образованный, человѣкъ, который знаетъ и

творитъ жизнь, расширяя и расширяя ее. Громадныя знанія, которыми этотъ человѣкъ обладаетъ, всѣ выловлены имъ изъ воздуха и врядъ ли можно сомнѣваться, что если-бы такой активный типъ въ дѣтствѣ былъ подвергнутъ школьной муштрѣ, она бы его забила, ошаблонила и погубила бы. Оставляя въ сторонѣ личные недостатки и даже общественные дефекты, которыхъ не мало у каждаго человѣка, мы встрѣчаемъ въ русской жизни милліоны людей двигательнаго типа, которымъ можно только посовѣтовать „не зарывайтесь въ книги,—это не вашъ способъ самообразованія. Вашъ-же—въ самомъ принципѣ жизненнаго творчества. Самое большее, что вамъ требуется—принудить себя прочесть и усвоить маленькіе изъ маленькихъ учебниковъ и—затѣмъ дополнять ихъ наукой текущей жизни". Въ Зап. Европѣ милліоны людей пріобрѣтаютъ свою культурность и научную „натасканность" такимъ именно способомъ. Они встрѣчаются во всѣхъ общественныхъ классахъ. Они черпаютъ свое образованіе изъ воздуха и изъ текущей прессы. Многіе систематизируютъ его, будучи уже взрослыми людьми, по дѣтскимъ учебникамъ. Тѣмъ не менѣе это истинные интеллигенты, и парламенты и литература всѣхъ странъ даетъ цѣлый рядъ блестящихъ именъ, за которыми скрываются именно люди такого типа, получившіе свою громадную образованность (въ лучшемъ смыслѣ этого слова) отъ жизни. Если бы люди двигательнаго типа стали читать много и долго, никакого толку, думается намъ, отъ этого многочтенія не вышло бы ни имъ, ни той странѣ, гдѣ они живутъ. Наиболѣе разумный способъ самообразованія для такихъ людей состоитъ, по нашему мнѣнію, въ томъ, чтобы подходить къ общей системѣ знанія, изложеннаго въ одномъ изъ предыдущихъ писемъ со стороны знаній прикладныхъ, практическихъ, а что касается до теорій, то знакомиться съ ними попутно, какъ съ выводами, съ резюме фактовъ практической жизни, знаніе которыхъ—тоже, что знаніе той жизни, въ какой участвуешь. Правда, двигательный типъ еще не значитъ практическій типъ,

но совпаденіе между ними настолько обыкновенно и часто, что сдѣланное выше указаніе имѣетъ, какъ намъ кажется, практическое значеніе. Есть и другіе типы, буквально неспособные къ многочтенію, къ тому же безъ всякаго ущерба для себя. Человѣкъ съ обостреннымъ вниманіемъ, умѣющій обращать его на всякое слово читаемой книги, изъ одного хорошаго руководства беретъ столько же, сколько другой можетъ взять лишь изъ многихъ книгъ. То же можно сказать о человѣкѣ вдумчивомъ, человѣкѣ съ хорошей памятью и т. д. При недостаткѣ же вниманія, вдумчивости, памяти, многочтеніе болѣе или менѣе необходимо. То же можно сказать и о читателѣ конкретнаго типа, т. е. такого, который не довольствуется усвоеніемъ общихъ понятій и общихъ словъ, а всякое изъ нихъ старается выразить въ опредѣленныхъ жизненныхъ формахъ и даже образахъ. А такъ какъ, по нашему мнѣнію (какъ о томъ будетъ еще сказано), именно такія знанія — идеалъ знанія, то людямъ съ отвлеченнымъ типомъ мышленія, знакомство со многими книгами иногда совершенно необходимо, т. к. безъ него имъ очень трудно переводить отвлеченныя идеи и факты на конкретный языкъ жизни, хотя въ отвлеченныхъ книгахъ люди этого типа могутъ разбираться съ необыкновенной легкостью, за какою не угонится никакой человѣкъ конкретнаго типа.

Изъ предыдущаго слѣдуетъ, что далеко не для всѣхъ людей пригоденъ совѣтъ: „читайте больше“. Вмѣстѣ съ тѣмъ, есть люди другихъ типовъ, и ихъ не мало, которымъ можно и даже должно посовѣтовать: читайте больше, какъ можно больше, потому что вамъ это необходимо, иначе вы не сможете вооружить себя ни знаніями, ни пониманіемъ, ни настроеніемъ, которыя такъ нужны въ жизни и жизненной борьбѣ. Вы можете сдѣлаться сильными только такимъ способомъ“.

Б. Отъ количественной стороны чтенія переходимъ теперь къ качественной сторонѣ. Передъ нами возникаютъ прежде всего слѣдующіе вопросы:

1) Когда я могу сказать про себя, что я дѣйствительно что-нибудь знаю и понимаю? Что собственно можетъ убѣдить меня въ этомъ?

2) Что собственно я долженъ вкладывать въ свою голову изъ прочитываемой или изучаемой книги для того, чтобы сдѣлаться дѣйствительно образованнымъ человѣкомъ?

На первый вопросъ превосходный отвѣтъ далъ знаменитый О. Контъ. „Знаніе ведетъ къ предвидѣнію, предвидѣніе къ дѣйствію". Первое есть лишь средство, какъ мы не разъ уже напоминали въ этой книжкѣ; послѣднее есть цѣль. Какъ извѣстно, благими намѣреніями и мыслями и адъ вымощенъ, но тамъ отъ этого страдальцамъ живется не лучше. Тоже самое и на этомъ свѣтѣ. Только тогда я могу сказать о себѣ самомъ, что я дѣйствительно обладаю знаніемъ, когда я это знаніе сумѣлъ примѣнить къ жизни, къ дѣлу, понимая это примѣненіе въ широкомъ смыслѣ слова. Человѣкъ, который отлично изучилъ, напр. теоріи Маркса или Дарвина, но не способенъ видѣть въ жизни тѣхъ фактовъ, въ томъ числѣ и мелочи изъ мелочей, которыя подтверждаютъ или опровергаютъ эти теоріи, — въ сущности, не долженъ считать себя образованнымъ даже въ этой своей области. Онъ, въ данномъ случаѣ, вовсе не человѣкъ, а ходячая библіотека или записная книжка,—хотя въ нихъ и много хорошаго можетъ заключаться, но отъ жизни они всетаки отрѣзаны своимъ непониманіемъ ея. Мысль, не внѣдряющаяся въ жизнь и ее не толкующая, вовсе не живая мысль, а схоластика, декорація мысли, отъ которой жизни ни тепло ни холодно. Пусть вы даже человѣкъ созерцательнаго, вдумчиваго типа, и всетаки вы должны смотрѣть прежде всего въ жизнь, въ ея факты, а не въ книгу. Вѣдь жизнь нуждается и въ людяхъ, могущихъ вникнуть въ нее со стороны. Зачѣмъ же, въ такомъ случаѣ, людямъ этого типа отворачиваться отъ того, гдѣ именно, ихъ созерцательность со стороны и нужна, и полезна? Такимъ образомъ, цѣнность людей созерцательнаго типа всетаки измѣряется жизнью-же и тѣмъ, что они вносятъ въ ея понима-

ніе. Тѣмъ болѣе жизнью должны измѣрять цѣнность своихъ знаній и своего пониманія люди болѣе активнаго типа, не столь отвлеченные. Жизнь есть прежде всего творчество, — творчество мысли, чувства, воли, и т. д., все равно, въ какой бы области оно ни проявлялось, но во всякомъ случаѣ творчество. А чтобы творить, необходимо прежде всего, какъ мы уже говорили, выработать въ себѣ умѣнье разбираться въ обстоятельствахъ, въ которыя человѣка ставитъ судьба. Этого умѣнья, въ сущности, не можетъ быть, если вы, накопляя знанія и идеи, не будете стоять, такъ сказать, всегда на сторожѣ. Всякую идею, всякій фактъ, вычерпанный изъ какой либо книги, какъ мнѣніе или разсказъ о фактахъ, необходимо подвергать критикѣ или, если возможно, провѣркѣ, коли не лично, то по другимъ провѣреннымъ, солиднымъ источникамъ. Такая критика и провѣрка — тоже д ѣ л о, дѣланіе, активное отношеніе къ окружающей дѣйствительности. Провѣрка — это значитъ непосредственное сопоставленіе и даже столкновеніе моихъ идей и знаній съ фактами, т. е. съ жизнью. Только это и можетъ убѣдить меня въ томъ, что я дѣйствительно что нибудь знаю и понимаю. Верховный судья всякаго знанія и теоріи — ж и з н ь. Всегда и вездѣ она, только она.

А изъ предыдущаго слѣдуетъ, что, работая надъ самообразованіемъ, отнюдь нельзя забывать о томъ, что отъ всякой идеи и теоріи, буде онѣ правильны, должна существовать не только соединительная ниточка, но и настоящій, прочный мостъ, ведущій къ фактамъ, которые и представляютъ изъ себя ихъ фундаментъ, базу. Вотъ вы усвоили изъ какой нибудь книги какія-либо общія отвлеченныя понятія. Вотъ они кажутся вамъ очень ясными, и простыми, и справедливыми, и доказательными, и какъ будто доказанными. Но такъ ли это? Чтобы отвѣтить на такой вопросъ, подыщите факты изъ в а ш е й или вамъ доступной жизни, непосредственно вами пережитые, видѣнные, или узнанные изъ солидныхъ источниковъ, и т. п. Сдѣлайте въ вашемъ умѣ подстановку и замѣну идей и теорій фактами. Если

сейчасъ ихъ не вспомните, то поищите въ другой разъ. Если и тогда не найдете, — постарайтесь впослѣдствіи не забыть того, что вамъ необходимо, — держите, пока что, и теорію подъ вопросомъ, не принимая сразу на вѣру, пока вы, въ концѣ концовъ, дѣйствительно не построите мостика отъ этихъ отвлеченныхъ идей и теорій къ фактамъ. Если вы будете думать только объ идеяхъ да о теоріяхъ, онѣ, чего добраго, будутъ висѣть въ вашей головѣ, словно облака надъ землею, а вы сами будете пребывать не то въ этихъ облакахъ, не то въ земномъ туманѣ, не видя самой земли. Съ другой стороны, для пониманія фактовъ необходимо сравнивать ихъ между собою, классифицировать, обобщать, классифицировать самыя обобщенія и обобщенія этихъ обобщеній, и ихъ отношенія, и связи, и зависимости между ними и т. д., словомъ заботиться о томъ, чтобы въ головѣ не было сумбура, а былъ бы порядокъ, система. Кромѣ того, только систематизируя свои знанія, можно подмѣчать и заполнять пробѣлы въ нихъ, а вотъ эти-то пробѣлы въ знаніяхъ и есть та внутренняя язва, которая отличаетъ т. наз. „самоучку“ отъ человѣка дѣйствительно образованнаго. Какъ извѣстно, самоучка набирается знаній, какъ говорится, „оттуда и отсюда, и понемножку ниоткуда“, набирается безпорядочно и случайно; поэтому не мудрено, что, зная и понимая кое что въ той или иной области, онъ сплошь да рядомъ не знаетъ и не понимаетъ самаго главнаго, самаго существеннаго. — И вотъ, вмѣсто этого, „на этомъ самомъ мѣстѣ“, — у него зіяющая пустота, дыра. Съ перваго взгляда кажется, что каждый человѣкъ безъ особеннаго труда можетъ опредѣлить всѣ пробѣлы въ своихъ знаніяхъ. И правда, какъ будто стоитъ лишь взять первый попавшійся учебникъ и прочесть хотя бы его оглавленіе,— даже только его,—и ужъ съ его помощью можно составить списокъ этихъ своихъ существенныхъ пробѣловъ. Но это совсѣмъ не такъ. Читатели, у которыхъ имѣются въ головѣ зіяющіе пробѣлы, не могутъ рѣшить по одному оглавленію, какіе отдѣлы книги и какія знанія, въ нихъ

излагаемыя, существенны, а какіе нѣтъ. Для того, чтобы рѣшить это, необходимо прочесть книгу и вникнуть въ нее. Но вѣдь милліоны книгъ отгорожены отъ милліоновъ людей и формой своего изложенія, и дорогой цѣной, и, наконецъ, при россійскомъ малокнижіи, своею рѣдкостью. Наша земля велика, но книгами не обильна. Въ ней около 600 тысячъ „населенныхъ мѣстъ", но даже самыя распространенныя книги печатаются не болѣе, какъ въ количествѣ 50 тысячъ экз. Другими словами, на 10 населенныхъ мѣстъ приходится всего лишь по 1 экземпляру. Такимъ образомъ, у насъ всякая книга,—вродѣ какъ библіографическая рѣдкость, которой не сыщешь. Тѣмъ не менѣе всякій желающій, всякій самоучка въ настоящее время имѣетъ уже возможность, при очень незначительныхъ затратахъ съ своей стороны, получить очень опредѣленныя понятія о системѣ знаній вообще, о ихъ кругѣ, далѣе, о системѣ знаній въ области каждой отдѣльной науки. Въ настоящее время русскій книжный рынокъ богатъ хорошими книгами. Существуютъ по каждой отрасли знанія небольшіе и элементарные учебнички, каждый въ 100—150 страницъ, популярные и, въ научномъ смыслѣ, очень цѣнные (напр. изданные Тов. „Міръ", Т-омъ Сытина, „Провинціей", Е. Трауцкой, „Сотрудникомъ", Пироговскимъ Товариществомъ, и т. д.). Какъ бы ни былъ элементаренъ такой учебникъ, во всякомъ случаѣ въ него входитъ то, что наиболѣе существенно въ данной наукѣ. Вопіющихъ пробѣловъ въ немъ нѣтъ. Мы уже упоминали выше, что даже люди двигательнаго, практическаго типа могутъ пользоваться такими учебниками при всей своей не любви къ „многочтенію". Списокъ такихъ кратчайшихъ учебничковъ мы даемъ ниже, въ приложеніи къ этой книжкѣ. Каждый такой учебничекъ знакомитъ, во первыхъ, съ основными фактами данной науки, во вторыхъ, съ ихъ обобщеніями, т. е., главнѣйшими научными теоріями въ ея области.

Сводя вышесказанное къ одному, приходимъ къ такимъ выводамъ:

1. Работая надъ самообразованіемъ посредствомъ чтенія, слѣдуетъ прежде всего помнить о жизни, жизни и жизни, т. е. о ея фактахъ, о ея явленіяхъ.

2. Именно ими, именно ею нужно провѣрять всякую теорію, даже всякое общее понятіе, общее слово.

3. Нужно даже бояться общихъ словъ и общихъ мѣстъ, которыя обыкновенно кажутся очень ясными и понятными, потому что мы понимаемъ ихъ филологическое значеніе, (т. е., какъ слова), но которыя на самомъ дѣлѣ еще непонятны, если не могутъ быть сведены нашимъ мышленіемъ къ явленіямъ жизни.

*

Присмотримся теперь къ нѣкоторымъ деталямъ вопроса о качественной сторонѣ самообразовательнаго чтенія.

При знакомствѣ съ какою либо отраслью знанія, необходимо изученіе:

а) фактовъ, потому, что они-то и составляютъ основу всякаго знанія,

б) исторіи изслѣдованія этихъ фактовъ, исторіи ихъ открытія и методовъ, способовъ, при помощи которыхъ эти открытія совершены, потому что, не зная тѣхъ способовъ, съ помощью которыхъ добыты тѣ или иные факты и найдено ихъ объясненіе, невозможно рѣшить, правильно ли они растолкованы и обобщены, истина ли все это,

в) объясненія фактовъ и методовъ, т. е. теорій, потому что онѣ-то и проливаютъ свѣтъ въ тотъ сумбуръ жизни, который мы видимъ вокругъ, даютъ мышленію нѣкоторую систему,

г) изученіе разныхъ теорій, даже противорѣчивыхъ,—сопоставленіе и сравненіе ихъ между собой имѣетъ огромное значеніе для развитія ума, потому что прежде чѣмъ принять что либо за истину, нужно обсуждать всякое ея утвержденіе, обсуждать съ разныхъ, по возможности со всѣхъ, сторонъ,

д) исторіи этихъ теорій, т. е. исторіи стремленій человѣческаго ума къ познанію возможно полной истины, потому что огромное большинство теорій, какъ и гипотезъ, придуманныхъ людьми, имѣетъ лишь временное значеніе, и, благодаря своей неполнотѣ и несовершенству, полезно лишь до поры до времени, пока не найдутся гипотезы и теоріи болѣе глубокія и полныя.

Исторія человѣческихъ стремленій къ познанію истины представляетъ величайшій интересъ и имѣетъ громаднѣйшее значеніе для всѣхъ работающихъ надъ самообразованіемъ. Знакомство съ этой исторіей лучше всего показываетъ, сколь малоцѣнны всякаго рода догматы, попросту сказать, голословныя или полуголословныя, утвержденія, не провѣренныя, а иногда и недоступныя провѣркѣ и даже критикѣ. Одною изъ особенностей людей необразованныхъ является страсть къ догматамъ. По отношенію человѣка къ нимъ, лучше всего можно отличить того, кто дѣйствительно интеллигентный, мыслящій человѣкъ, отъ неуча, умѣющаго говорить ученыя слова и повторять на разные лады и разными словами ученыя теоріи, гдѣ нибудь вычитанныя, но не способнаго доказывать ихъ. Догматами богато не только богословіе. Ученые люди тоже не чужды имъ, если принимаютъ на вѣру ту или иную гипотезу и даже теорію. Но особенно грѣшна въ догматизмѣ разнаго рода полуневѣжественная масса. „А! Новая теорія! Вотъ она! Это и есть полная истина! Всѣ остальныя теоріи никуда не годятся. Вотъ кто носитель полной истины, а всѣ прочіе—такіе сякіе, будь они даже знаменитые мудрецы!“ Такого рода выкрикиванія приходится слышать всѣмъ намъ. Такъ кричали когда-то и о теоріи Дарвина и Маркса, и т. д. При этомъ, какъ водится, отругивались на всѣ лады теоріи противоположныя или несогласныя съ этимъ. Разумѣется, при этомъ здоровое ядро многихъ отвергаемыхъ теорій не различалось отъ какой нибудь, въ сущности, не важной шелухи, формы, неудачныхъ деталей, и изъ за этихъ послѣднихъ, вмѣстѣ съ водой, выплескивался изъ ванны и ребенокъ. Было время, когда богословы вопили

благимъ матомъ противъ теоріи Дарвина. Гипнотизмъ тоже считался долгое время шарлатанствомъ. Между тѣмъ, совершенно иначе подходитъ къ теоріямъ и къ фактамъ жизни настоящій ученый — человѣкъ науки. Къ фактамъ жизни онъ идетъ безъ предвзятыхъ теорій, къ теоріямъ онъ подходитъ съ фактами въ рукахъ. И въ томъ и въ другомъ случаѣ для него дороже всего истина, а истиной онъ считаетъ только то, что можетъ быть доказано всѣми способами, и что выдержитъ всякую провѣрку. Разумѣется, при такомъ подходѣ къ истинѣ настоящій человѣкъ науки всегда будетъ очень остороженъ и въ своихъ наблюденіяхъ, и въ своихъ выводахъ. Онъ не будетъ бояться критики, онъ самъ сдѣлается первымъ критикомъ самого себя. Особенно поучительна въ этомъ отношеніи біографія Дарвина. Знаменитый ученый родился въ 1809 году. Ему было 29 лѣтъ, когда онъ додумался до слѣдующаго: А что, „если собрать всѣ факты, (такъ писалъ онъ самъ), касающіеся тѣмъ или инымъ образомъ измѣненій животныхъ и растеній въ домашнемъ и естественномъ состояніи? Вѣдь это, можетъ быть, пролило бы много свѣта на тайну о ихъ происхожденіи". „Первая моя книга для замѣтокъ, разсказываетъ самъ Дарвинъ, начата была въ іюлѣ 1837 г. Я работалъ согласно принципамъ дѣйствительно научнаго изслѣдованія, формулированнымъ Ф. Бэкономъ, и безъ всякой теоріи собиралъ въ огромномъ количествѣ факты, — въ особенности факты, касающіеся прирученныхъ породъ. Я составлялъ для этого печатные циркуляры и, куда могъ, разсылалъ ихъ по разнымъ свѣдущимъ людямъ — практикамъ, бесѣдовалъ съ опытными садовниками и скотоводами, много читалъ. Когда я пересматриваю списокъ книгъ всякаго рода, которыя я прочелъ и конспектировалъ, включая сюда массы журналовъ и „Трудовъ" научныхъ обществъ, то я поражаюсь своему собственному трудолюбію. Я скоро замѣтилъ, что тайной всѣхъ успѣховъ человѣка въ выращиваніи полезныхъ породъ растеній и животныхъ является отборъ. Но для меня оставалось нѣкоторое время тайной,

какимъ же это образомъ примѣняется этотъ отборъ къ органической жизни въ естественномъ состояніи". Но, собравши громадное количество фактовъ, Дарвинъ на этомъ не остановился и на поставленный имъ самимъ вопросъ сталъ искать точнаго и достовѣрнаго отвѣта, этому разнообразію фактовъ сталъ искать научнаго объясненія. Роясь въ книгахъ, однажды, онъ сталъ читать знаменитое произведеніе Мальтуса изъ области политической экономіи, которая, повидимому, не имѣетъ ничего общаго съ зоологіей и ботаникой. Но эта-то книга и навела Дарвина на ту его идею, которая, будучи имъ доказана чрезвычайно многочисленными фактами, извѣстна теперь подъ названіемъ „Дарвиновской теоріи". Но дѣло было не въ самой идеѣ, внушенной книгою Мальтуса, а въ томъ, какъ Дарвинъ развилъ и доказалъ эту идею. Началъ онъ и это дѣло съ реальнаго знакомства съ фактами (т. е. не только съ описаніями ихъ, а, такъ сказать, ихъ ощупываніемъ при помощи собственныхъ глазъ, ушей, рукъ, затѣмъ съ собиранія и сортировки (классификаціи) фактовъ, съ ихъ „систематическаго изслѣдованія". — Основываясь именно на такомъ изслѣдованіи, Дарвинъ пустился въ поиски истины. Онъ поставилъ новый вопросъ: „Нѣтъ ли такого закона природы, который управляетъ жизнью растеній и животныхъ, подобно тому, какъ это происходитъ и въ мірѣ небесныхъ свѣтилъ?" Но что такое законъ природы? Эти слова кажутся какъ будто понятными и извѣстными каждому. На самомъ же дѣлѣ, это не болѣе, какъ общія слова, отвлеченныя и непонятныя. Когда говорятъ о законѣ, то всегда думаютъ, что есть и законодатель, который постановилъ этотъ законъ и приказалъ ему повиноваться подъ страхомъ насилія со стороны власти, какъ это всегда бываетъ среди людей. Но вѣдь природа — не люди, и слова, подходящія для человѣческаго общества, могутъ быть вовсе неприложимы къ жизни природы. Такъ оно на самомъ дѣлѣ и есть. Слово „законъ" въ томъ юридическомъ смыслѣ, разумѣется, не подходитъ къ природѣ, потому что

въ природѣ существуютъ только факты и факты, явленія и явленія. И вотъ на нихъ-то и смотритъ и ихъ-то и видитъ человѣкъ. Но что же онъ еще видитъ? Больше ничего. Все прочее—дѣло его ума, работа его мысли. Въ мірѣ-же фактовъ человѣческій умъ подмѣчаетъ разныя сходства и различія. Онъ ихъ сортируетъ, обобщаетъ, какъ бы покрываетъ однимъ своимъ словомъ множество разныхъ фактовъ. Разумѣется, это обобщающее слово, какъ и вообще мысль, существуетъ только въ человѣческой головѣ, а не въ природѣ. Тамъ что-то другое, свое, особое, не словесное. Тоже самое должно сказать и о словѣ „законъ“. Законъ природы—это обобщеніе фактовъ, выраженное человѣческими словами. Это слова, выражающія природу. „Законы природы“, т. е. слова, вовсе не могутъ управлять природой, вродѣ того, какъ законодательство управляетъ людьми. Законы природы, какъ разъ наоборотъ, сами зависятъ отъ природы,—потому что если перемѣнится она, придется и людямъ передѣлать свою кратко выраженную формулировку ея явленій. Ясное дѣло, что, строго говоря, слова „законъ природы“—слова неудачныя. Когда говорятъ о природѣ, ихъ употребляютъ совсѣмъ въ другомъ смыслѣ,—въ обратномъ житейскому. Звуки словъ—одни и тѣже, а смыслъ—совсѣмъ другой. Разумѣется, это только путаетъ непривычныхъ людей, принимающихъ безъ должнаго вниканія „законъ природы“, словно за что-то непреложное, и это лишній разъ показываетъ, что значатъ „общія слова“, общія выраженія и какъ осторожно надо обращаться со всякими общими словами. Но вѣдь это только одинъ примѣръ такой путаницы. А вѣдь любая книга даетъ ихъ тысячи. Каждое общее слово доказываетъ тоже, что и слова „законъ природы“, — „смѣшеніе своей головы съ тѣмъ, что есть во Вселенной“. Тоже можно сказать и о словѣ „природа“. Но Дарвинъ былъ не изъ тѣхъ людей, которые не понимаютъ настоящей цѣны общихъ словъ. Онъ искалъ обобщенія фактовъ и ихъ объясненія, яснаго, точнаго, достовѣрнаго и неопровержимаго,

и старался лишь выразить немногими словами милліоны милліоновъ наблюдаемыхъ всюду фактовъ. Подъ словами „законъ природы“ Дарвинъ подразумѣвалъ ни болѣе ни менѣе, какъ краткое выраженіе того, что есть. И вотъ онъ сталъ искать такого выраженія, вполнѣ соотвѣтствующаго фактамъ. Но какъ его искать, чтобы скорѣе найти? Въ этомъ дѣлѣ сильно помогаетъ работа воображенія. Оно какъ бы подсказываетъ догадку о самой сути явленій, о сокровенномъ смыслѣ искомой задачи. Отгадка-же является иногда по вдохновенію. Явилась она и у Дарвина, повидимому, отъ внимательнаго чтенія книги Мальтуса.

Но и догадаться—это лишь начало дѣла. Какъ мы уже сказали, вся суть въ томъ, чтобы доказать правильность и точность своей догадки. Дарвинъ зналъ, что, „если первый шагъ—придумать теорію, то второй шагъ—не взлюбить ея“. Другими словами, къ своей догадкѣ необходимо отнестись недовѣрчиво. Нужно ее подвергнуть провѣркѣ и всякимъ испытаніямъ, нужно самого себя раскритиковать. И вотъ у Дарвина начался періодъ самокритики, который и тянулся четыре или пять лѣтъ. Но Дарвинъ и этимъ не удовлетворился. Онъ рѣшилъ, что надо поискать еще фактовъ и подумать надъ ними, а также и надъ ихъ объясненіями. Такъ онъ и сдѣлалъ. Лишь черезъ 19 лѣтъ онъ повѣдалъ міру о своемъ открытіи въ окончательной формѣ, да и то потому, что ту же тайну природы разгадалъ въ это самое время другой замѣчательный естествоиспытатель, Альфредъ Уоллесъ, который находился тогда на другомъ концѣ земли, на одномъ изъ острововъ Малайскаго архипелага. Вотъ, что разсказываетъ о себѣ самъ Дарвинъ.

„Наконецъ я имѣлъ въ своей головѣ теорію, съ которою и могъ работать (разбираться въ фактахъ). Но я такъ боялся возможныхъ ошибокъ и заблужденій, что рѣшилъ, въ теченіе извѣстнаго времени, не излагать на бумагѣ даже самаго краткаго очерка ея. Въ Іюнѣ 1842 г., т. е. четыре

года спустя послѣ проблеска вдохновенія, я впервые доставилъ себѣ удовлетвореніе написать карандашомъ очень короткій конспектъ своей теоріи на 38 страничкахъ. Въ теченіе лѣта 1844 г. онъ былъ расширенъ мною до 230 страницъ, которыя я тщательно и переписалъ и которыя имѣю и въ настоящее время".

Прочитайте превосходную статью проф. К. Тимирязева „Дарвинъ, какъ типъ ученаго", и вы получите нѣкоторыя представленія о томъ, что значитъ настоящая наука и настоящій ученый въ лучшемъ, высокомъ смыслѣ этого слова.

* * *

Изъ предыдущаго примѣра видно, до какой степени важно, въ цѣляхъ самообразованія, знакомиться съ исторіей наукъ. Такой ученый, какъ Дарвинъ — это человѣкъ, у котораго истина и любовь къ истинѣ вошли въ плоть и кровь. Но любовь къ истинѣ доказывается не только рвеніемъ въ ея исканіяхъ. Та же исторія наукъ знакомитъ насъ съ сотнями великихъ людей, которые не побоялись пострадать за свои убѣжденія, — точнѣе говоря, за свое право, — право, какъ личности человѣческой, любить истину, идти къ истинѣ, доказывать, распространять ее согласно своей совѣсти, своимъ собственнымъ, а не чьимъ-то тамъ чужимъ убѣжденіемъ.

Исторія Дарвиновскаго открытія доказываетъ и то, что значитъ — точное и реальное знакомство со многими фактами, не съ описаніями ихъ, а съ ними самими, и что значатъ факты и общія слова. Примѣръ, приведенный нами, даетъ наглядную ихъ оцѣнку и помогаетъ пониманію относительнаго значенія тѣхъ и другихъ.

Пониманіе этого значенія, по нашему глубокому убѣжденію, представляетъ изъ себя главный, основной пунктъ самообразованія и самообразовательнаго чтенія.

Нужно работать надъ самообразованіемъ не для того, чтобы сдѣлаться полусознательнымъ кликушей, вороной въ ученыхъ перьяхъ, выкликивающей иностранныя слова. Людямъ, желающимъ стать дѣйствительно образованными, прежде всего надо дать такой совѣтъ:

Ищите правды-истины, — остальное все приложится.

Тотъ, кто стремится дѣйствительно къ ней — и догматикомъ не будетъ, и не станетъ принимать за истину только слова, а будетъ думать о самой сути изучаемаго, — о жизни, — не объ ученыхъ декораціяхъ.

* * *

Въ заключеніе нашихъ разсужденій о качественной сторонѣ самообразованія, не можемъ не привести превосходныхъ словъ К. Пирсона, фомулирующихъ самую суть научной работы:

1. Цѣль науки, говоритъ Пирсонъ, заключается въ томъ, чтобы достигнуть истины во всевозможныхъ отрасляхъ знанія. Нѣтъ такой области или сферы, на которой наука не должна бы распространять своихъ изысканій.

2. Наука — это прежде всего научный методъ открытія, провѣрки и изслѣдованія истины. Научный же методъ характеризуется слѣдующими чертами:

a) Заботливымъ и точнымъ классифицированіемъ фактовъ и наблюденіемъ ихъ взаимоотношеній и чередованій.

b) Открытіемъ научныхъ законовъ (въ вышеобъясненномъ смыслѣ слова) при помощи творческаго воображенія.

c) Самокритикой и необходимостью, неизбѣжностью признанія научныхъ истинъ всѣми нормально мыслящими людьми.

3. Что касается до практическаго, жизненнаго значенія науки для каждаго изъ насъ, то оно сводится къ слѣдующему:

a) Наука, научныя занятія производятъ на насъ дѣйствіе, воспитывающее и дисциплинирующее нашу мысль.

b) Наука содѣйствуетъ намъ при анализѣ не только того, что есть, но и того, что должно быть, нашихъ идеаловъ и соціальныхъ задачъ, связанныхъ съ нашими стремленіями осуществить ихъ.

c) Наука повышаетъ практическія удобства жизни, которыя и возрастаютъ благодаря ей.

d) Эстетическія сужденія наши тоже получаютъ удовлетвореніе благодаря ей же [1]).

VIII.

Что такое хорошая книга [2]).

На предыдущихъ страницахъ мы говорили о томъ, каковы задачи общеобразовательнаго чтенія. Мы старались выяснить, на какія стороны пріобрѣтаемаго знанія долженъ читатель обращать особое вниманіе. Теперь мы будемъ говорить о выборѣ книгъ, которыя могли бы дать читателю именно то, что ему нужно. Не всякая книга, хотя бы даже рекомендованная самыми компетентными людьми, можетъ дать читателю то, что ему нужно. Такъ наприм. въ компетентности составителей Спб. и Московскихъ программъ домашняго чтенія врядъ ли кто станетъ сомнѣваться. И тѣмъ не менѣе кругъ лицъ, пользующихся ими на практикѣ, гораздо у́же, чѣмъ кругъ покупателей ихъ. Въ 1907 г. вышла небольшая книжка Л. Л. „Надо знать не меньше“, очень добросовѣстно составленная и предназначенная для широкаго круга читателей. Но и эта книжка, подобно „Программамъ“, пролетѣла надъ головой огромнаго большинства тѣхъ, кто раскупилъ ее. Съ превосходными книгами, реко-

---

[1]) Грамматика науки. Стр. 55. Въ цѣляхъ упрощенія языка, тезисы Пирсона перефразированы нами.

[2]) Статья эта, со значительными измѣненіями, была напечатана въ газ. „Школа и жизнь“ 1911 г. и вошла въ сокращенномъ видѣ, въ I т. „Среди книгъ“, изд. 2-е.

мендуемыми Л. Л., происходитъ то же самое. Спрашивается теперь, какія же именно качества дѣлаютъ данную книгу пригодной или непригодной для чтенія? На этотъ вопросъ мы и постараемся теперь отвѣтить.

Отвѣтъ нашъ состоитъ въ слѣдующемъ:

Отрицательный или положительный приговоръ надъ книгой зависитъ, во-первыхъ, отъ ея собственныхъ качествъ, во-вторыхъ, — отъ качествъ ея читателя.

Для того, чтобы составить опредѣленное сужденіе о той книгѣ, которую вы намѣрены читать, вы должны присмотрѣться не только къ качествамъ этой книги, но, какъ сказано было въ шестомъ „Письмѣ“ (стр. 92—112), и къ вашимъ собственнымъ качествамъ.

Въ первомъ отношеніи необходимо дать себѣ отчетъ, что собственно считать хорошей книгой независимо отъ качествъ того, кто ее собирается читать.

Во второмъ отношеніи, нужно дать себѣ отчетъ, какая же книга изъ тѣхъ, которыя могутъ считаться дѣйствительно хорошими, можетъ оказаться подходящей для васъ?

Разберемъ теперь и ту, и другую сторону дѣла.

Итакъ, прежде всего:

* * *

Что такое хорошая книга? — Вотъ вопросъ, который имѣетъ въ нашъ книжный вѣкъ, можно сказать, громадное, даже универсальное значеніе. Каждый годъ появляются многія тысячи новыхъ книгъ. Книги сортируются и бракуются, превозносятся, разругиваются. Но спросимъ себя, непріятная судьба постигаетъ только ли худыя, ни куда негодныя книги? — Оказывается, вовсе нѣтъ. Къ числу книгъ, забракованныхъ, не говоримъ ужъ правительствомъ,—а читателями, цѣлыхъ 200 лѣтъ относился Шекспиръ, котораго передѣлывали на „хорошій“ ладъ, „выправляли“, не только Вольтеры, но даже и Озеровы, и Херасковы и т. п. А присмотритесь къ читающей толпѣ въ любой библіотекѣ. Она

сыплетъ цѣлымъ дождемъ самыхъ суровыхъ приговоровъ надъ цѣлыми сотнями и тысячами книгъ. Но не только эта пестрая толпа, а также и профессіональные читатели-рецензенты и критики и даже историки литературы не менѣе строги и, главное, противорѣчивы въ своихъ приговорахъ.

Что же такое хорошая книга? Если сопоставить всѣ приговоры, даже о классическихъ книгахъ, то окажется, какъ будто, что или вовсе нѣтъ на свѣтѣ хорошихъ книгъ, или всѣ книги хороши, каждая въ свое время и на своемъ мѣстѣ, и для опредѣленнаго типа читателя.

Во всякомъ случаѣ разобраться въ этомъ вопросѣ довольно трудно, хотя и нельзя не признавать его большого значенія. Тѣмъ не менѣе, попробуемъ поискать нѣкотораго опредѣленнаго критерія, опредѣленной мѣрки, для оцѣнки всякаго рода книгъ, если даже можно, то всѣхъ книгъ,— такой мѣрки, пренебрегать которою не имѣетъ возможности никакой оцѣнщикъ, къ какому бы научно-философскому и общественному направленію мысли онъ ни принадлежалъ.

* * *

Н. К. Михайловскій, въ своемъ предисловіи къ одному изъ русскихъ изданій извѣстной книги Кидда „Соціальная Эволюція“ ставилъ въ свое время тотъ же вопросъ о томъ, что такое хорошая книга? „Отвѣтить на этотъ вопросъ, писалъ онъ между прочимъ, совсѣмъ не такъ легко, какъ можетъ показаться на первый взглядъ, даже если исключить всю область художественной литературы и имѣть въ виду только книги научнаго, философскаго и публицистическаго содержанія. Если сказать, что хорошая книга должна быть и умна, и талантливо написана, и оригинальна, и фактически содержательна, и логически доказательна, и добросовѣстно освѣщать факты и т. д., то это будетъ, конечно, справедливо, но слишкомъ ужъ обще, а вмѣстѣ съ тѣмъ, пожалуй, и слишкомъ требовательно. Во всемірной литературѣ найдется не мало не только хорошихъ, а даже вели-

кихъ произведеній, въ смыслѣ талантливости изложенія уступающихъ иному газетному фельетону на какую-нибудь дрянную тему; найдутся и такія, которыя, не претендуя на какую бы то ни было оригинальность и новизну, прекрасно излагаютъ чужія мысли или старыя истины,—быть можетъ лучше, чѣмъ онѣ были изложены самими творцами, и такія, въ которыхъ пылкое воображеніе автора забѣгаетъ далеко впередъ доказанныхъ фактовъ,—но это не мѣшаетъ книгѣ быть и „умной", и оригинальной, и „талантливой", и зовущей къ правдѣ. Найдутся и такія книги, въ которыхъ самая громадность эрудиціи, напротивъ, задерживаетъ полетъ обобщающей и предвидящей мысли, но, по обилію собраннаго матеріала, книга не только хороша, а даже превосходна. А если принять въ соображеніе, что книга, хорошая для однихъ, можетъ быть не хороша для другихъ, вслѣдствіе, напримѣръ, ихъ неподготовленности, то придется совсѣмъ отказаться отъ общаго категорическаго отвѣта на поставленный вопросъ".

И Н. К. Михайловскій отказывается дать точное опредѣленіе хорошей книги.

Но вѣдь, всякій читатель знаетъ по себѣ, что хорошая книга не миѳъ, что она дѣйствительно существуетъ. Для всякаго читателя такою книгой будетъ та, которая именно ему нравится. Такимъ образомъ выходитъ, что сколько вкусовъ, столько и хорошихъ книгъ, и вопросъ о книжной оцѣнкѣ ставится исключительно на субъективную почву. А такъ какъ о вкусахъ не спорятъ, то приходится тоже сказать и о книжныхъ оцѣнкахъ.

Но вѣдь даже и вкусы подлежатъ классификаціи. Изученіе соціальной жизни,—интересовъ, инстинктовъ, потребностей доказываетъ, что всѣхъ людей можно раздѣлить и по такимъ признакамъ на болѣе или менѣе многочисленныя группы, причемъ въ каждой группѣ вкусы болѣе или менѣе окажутся одинаковыми. Это доказывается, напримѣръ, изученіемъ библіотечной и книгопродавческой статистики. Насчетъ оцѣнки очень многихъ книгъ согласны тысячи, а то

и милліоны людей. Какъ мы уже упоминали выше, Э. Геннекенъ возвелъ изученіе вкусовъ даже въ теорію и на основаніи изученія книгъ, съ одной стороны, а читателей, съ другой, сдѣлалъ въ началѣ 80-хъ годовъ попытку создать особую науку—„эстопсихологію," съ опредѣленными задачами и методами изслѣдованія. Но библіотечная статистика и вообще изученіе читателя показываетъ, что, сравнительно не только съ человѣчествомъ, но и со своимъ народомъ, число лицъ съ болѣе или менѣе одинаковыми книжными вкусами очень не велико. Наибольшимъ распространеніемъ пользуется, напр., Библія. Но одно дѣло распространеніе и совсѣмъ другое дѣло читательскіе вкусы. Какъ извѣстно, даже Библія нравится далеко не всѣмъ читателямъ. Ее гораздо больше людей имѣютъ, чѣмъ читаютъ. Кромѣ того, изъ того, что книга сильно распространена и что она хоть бы даже всѣмъ нравится, еще нельзя дѣлать вывода о высокихъ качествахъ книги. Дидро писалъ когда-то: „если книга нравится многимъ,—она можетъ быть и хороша; если она нравится всѣмъ,—она навѣрно не хороша; но она навѣрно хороша, если нравится не многимъ". Н. К. Михайловскій совершенно справедливо отмѣчаетъ очень распространенный фактъ, что нерѣдко пользуются громаднымъ распространеніемъ книги, которыя „пришлись большинству по плечу потому, что онѣ потакаютъ установившимся предразсудкамъ и низменнымъ инстинктамъ, и угодили своею успокаивающей плоскостью, своимъ потворствомъ умственной лѣни или дурнымъ страстямъ. Такъ, напримѣръ, бываютъ историческіе моменты, когда широкимъ и шумнымъ успѣхомъ пользуются книги, грубо льстящія національному самомнѣнію и сѣющія ядовитыя сѣмена племенныхъ раздоровъ". Исторія русской книги показываетъ, что нерѣдко получаетъ эти „сѣмена" и наша читающая публика. Далѣе, русская жизнь богата за послѣдніе годы примѣрами громаднаго распространенія книгъ такихъ, которыя никѣмъ не читаются и хотя и украшаютъ собою оффиціальную книжную статистику и втираютъ очки въ глаза кому слѣдуетъ, но

никакого иного воздѣйствія на читающую массу не оказываютъ. Мы говоримъ о т. наз. черносотенной литературѣ, которая въ 1905 г. распространялась милліонами экземпляровъ по градамъ и весямъ (urbi et orbi), а затѣмъ, когда „темныя деньги“ нашли болѣе удобное примѣненіе для г.г. сѣятелей такихъ сѣмянъ, эти послѣднія вдругъ „пошли въ народъ“ въ сотни разъ меньше. Такимъ образомъ, большое распространеніе нѣкоторыхъ книгъ не говоритъ ничего не только о качествахъ самихъ книгъ, но даже и о дурныхъ вкусахъ читателей ... Правда, разныя книги притягиваютъ къ себѣ и средоточиваютъ разныя количества восхваляющихъ ихъ голосовъ, но, сколько бы онѣ ихъ ни притягивали *по существу* не въ количествѣ голосовъ дѣло, а въ томъ фактѣ, что не качества самой книги заставляютъ считать ее хорошей, а нѣчто другое, — отношеніе къ ней читающей публики.

Та же истина подверждается и исторіей многихъ и многихъ книгъ. Однѣ и тѣ же книги считаются то хорошими, то дурными въ разные историческіе моменты, разными группами, разными поколѣніями читателей. Профессоръ Куммеръ, авторъ капитальной Geschichte der deutschen Litteratur, самостоятельно приходитъ къ тому же выводу, изслѣдуя литературное значеніе разныхъ авторовъ и разныхъ книгъ и ихъ успѣхъ среди читателей въ разные историческіе моменты. Такимъ образомъ въ поискахъ общаго критерія для оцѣнки книгъ и ихъ дѣленія на „хорошія“ и „нехорошія“ приходится изслѣдовать не столько самую книгу, сколько это отношеніе къ ней читателя. Другими словами, вопросъ о „хорошей книгѣ вообще“, остающійся безъ отвѣта, естественно замѣняется другимъ вопросомъ: онъ сводится къ вопросу о подходящей книгѣ — подходящей для даннаго читателя, въ данный моментъ, при данныхъ внутреннихъ и внѣшнихъ условіяхъ.

Но вопросъ о томъ, какія-же именно качества самой книги придаютъ ей цѣнность не только въ глазахъ даннаго читателя, которому она нравится, но и цѣлой толпы

читателей, даже тѣхъ, для которыхъ она и не подходитъ, всетаки долженъ быть поставленъ и, по нашему мнѣнію, можетъ быть рѣшенъ независимо отъ читательскихъ вкусовъ. Книги тоже имѣютъ свой удѣльный вѣсъ, свою специфическую цѣнность. Разныя книги захватываютъ читательскіе круги разной величины. Иная книга нравится лишь немногимъ, другія, какъ напр. сочиненія Л. Толстого, — захватываютъ милліоны людей самыхъ разнообразныхъ типовъ. Почему такъ? Неужели это благодаря своей формѣ — формѣ изложенія, а не содержанія?

На всѣ эти вопросы можетъ дать болѣе или менѣе точный отвѣтъ строго научное изслѣдованіе,—во-первыхъ, психологическое, во-вторыхъ, соціологическое (статистическое и историческое). О психологическомъ изслѣдованіи даннаго вопроса мы будемъ говорить въ слѣдующей главѣ [1]). Статистическое изслѣдованіе вопроса практикуется, и даже давнымъ-давно [2]). Въ трудѣ проф. Кумера мы имѣемъ теперь и историческое изслѣдованіе. Тотъ же вопросъ съ соціологической точки зрѣнія разработалъ въ своей интересной книгѣ проф. Жоржъ Ренаръ [3]). Такимъ образомъ, вопросъ объ оцѣнкѣ книгъ въ теоретическомъ смыслѣ ставится на психологическую и соціологическую почву. Дѣло психологіи выяснить: 1) процессъ литературнаго творчества, 2) процессъ чтенія и 3) книжнаго вліянія; дѣло соціологіи — изучить взаимодѣйствіе книги и читателя при опредѣленныхъ соціальныхъ условіяхъ, — экономическихъ, политическихъ и т. д.

---

[1]) См. также нашу статью „Психологія книжнаго вліянія“, въ ж. „Нов. жизнь“ 1910 г. Декабрь. Также Введеніе къ 1 т. 2-го изданія „Среди книгъ“ и ст. въ № 11—12 ж. „Рус. Школа“, 1910 г.

[2]) См. наши „Этюды о русской читающей публикѣ. Изд. О. Поповой. Спб. 1895 г.“ и наши статьи: „Книжное оскудѣніе“, „Русское Богатство“ 1893 г. № 11—12, „Книжный потокъ“, „Рус. Мысль“ 1901-3 гг. Еще ст. А. А. Николаева: „Статистика чтенія“ въ ж. „Вѣстникъ Знанія“. 1903 г. № 7.

[3]) Les Méthodes scientifiques de l'histoire littéraire, 1900. F. Alcan.

Исходя изъ вышеизложенныхъ соображеній и опираясь на изслѣдованія, о которыхъ сейчасъ шла рѣчь, попробуемъ теперь классифицировать самые критеріи для книжной оцѣнки, т. е. тѣ мѣрки, съ которыми подходятъ читатели къ книгамъ.

Самое интересное въ изученіи этихъ критеріевъ, думается намъ, то, что среди нихъ имѣются такіе, которыми всѣ читатели пользуются волей-неволей,—то безсознательно, то полусознательно, и лишь немногіе—сознательно. Есть критеріи, которыми читающая толпа самыхъ разнообразныхъ степеней подготовки и даже настроеній не можетъ не пользоваться. Другими она пользуется не постоянно. Оставимъ въ сторонѣ критерій собственныхъ вкусовъ, о которыхъ не спорятъ, и будемъ говорить о критеріяхъ общихъ. Такихъ не одинъ, а нѣсколько.

Изъ нихъ обращаютъ на себя вниманіе, какъ главнѣйшіе, слѣдующіе два: 1) критерій истины (научный) и 2) критерій справедливости (этическій).

Каждая книга непремѣнно или говоритъ о какихъ-либо фактахъ, излагаетъ ихъ, или опирается на нихъ (мы понимаемъ это слово „фактъ“ въ широкомъ смыслѣ), а кромѣ того каждая книга сама представляетъ изъ себя фактъ, явленіе жизни. Всякій фактъ, какъ извѣстно, нуждается не только въ оцѣнкѣ, но и въ констатированіи и въ изслѣдованіи. Оцѣнивать каждый фактъ, къ какой бы области онъ ни относился, можно двояко: во-первыхъ, съ точки зрѣнія теоріи, изслѣдующей жизнь въ томъ видѣ, какова она есть, во-вторыхъ, съ точки зрѣнія желаній, стремленій, интересовъ, нуждъ, идеаловъ человѣка, т.-е. смотря по тому, какъ эта самая жизнь отражается на мыслящей, чувствующей, страдающей личности человѣческой.

Оцѣнка перваго рода, — т. е. оцѣнка съ точки зрѣнія истины,—дѣло чистой, объективной науки. Оцѣнка второго рода — дѣло каждаго отдѣльнаго человѣка, — вопросъ его хотѣній, интересовъ и настроеній. Правда, далеко не всегда можно провести точную границу между „чистой наукой“

стремящейся быть объективной въ своихъ оцѣнкахъ, и человѣческимъ идеаломъ, и вообще человѣческимъ стремленіемъ и хотѣніемъ, что вовсе не наука. Съ книгами чисто научными, чисто теоретическими, книгами, подлежащими оцѣнкѣ только съ точки зрѣнія истины, мы встрѣчаемся, какъ извѣстно, почти исключительно въ области наукъ математическихъ и естествознанія. Правда, каждой теоретической наукѣ, соотвѣтствуютъ прикладныя науки, техника, въ которой понятіе полезности, пользы, занимаетъ одно изъ центральныхъ мѣстъ, но прикладныя науки, какъ извѣстно, основываются исключительно на теоріяхъ чистыхъ наукъ, отказываясь отъ построенія самостоятельныхъ теорій. Не то мы видимъ въ области исторіи и другихъ наукъ общественныхъ (гуманитарныхъ). Тамъ, гдѣ рѣчь идетъ о человѣкѣ и о жизни нашей и намъ подобныхъ живыхъ и страдающихъ существъ, не легко (если не невозможно) оставаться въ области чистой науки, ограничиваться однимъ безпристрастнымъ изложеніемъ фактовъ и законовъ, говорить только „о томъ, что есть“, оставляя въ сторонѣ то, что „должно быть“, и не оцѣнивая существующаго съ точки зрѣнія желательнаго, должнаго. Теоретически, конечно, можно себѣ представить книги, излагающія исторію или теорію политической экономіи вполнѣ научно, излагающія то, что было и есть, (т. е. факты), безъ всякой ихъ оцѣнки съ точки зрѣнія желательнаго, но на практикѣ почти всегда (если не всегда) къ этимъ изслѣдованіямъ примѣшивается субъективный элементъ, этическій, публицистическій: этотъ элементъ въ каждой данной книгѣ не только необходимо отдѣлять отъ элемента научнаго, объективнаго, но и его самого подвергать оцѣнкѣ.

Исходя изъ предыдущихъ соображеній, среди книгъ можно вообще отличать два типа: 1) типъ объективный, 2) типъ субъективный. Оба они не рѣзко разграничены между собою, и такое дѣленіе очень относительно. Причислять ту или иную книгу къ тому или иному типу можно лишь по преобладающему характеру въ теоретическихъ построеніяхъ.

Иная книга, несмотря на всю свою какъ будто научную внѣшность, на свои болѣе или менѣе солидные аппарансы, цитаты, сноски, цифры, и т. д. и вообще внѣшній видъ безстрастія и безпристрастія, все-таки книга субъективная, не столько научная, сколько публицистическая, подтягивающая и теорію, и даже факты и цифры къ опредѣленному, напр., классовому міросозерцанію, ставящему болѣе или менѣе ни во что не только чуждыя для автора другія міросозерцанія, но и вообще науку. Типичнымъ образцомъ такихъ внѣшнеучныхъ книгъ могутъ служить, напр., „труды“ А. С. Ермолова, который въ 90 гг., какъ авторъ тоже „научнаго“ труда „Неурожай и народное бѣдствіе“, пѣлъ одну пѣсню, а когда эта книга открыла автору дорогу къ министерскому портфелю, этотъ же авторъ изъялъ свою книгу изъ продажи, а затѣмъ запѣлъ въ слѣдующихъ своихъ, тоже „научныхъ“ трудахъ другія пѣсни... Подобные же примѣры можно привести изъ исторіи литературно-общественныхъ теченій и всѣхъ другихъ направленій. Поэтому, чтобы судить о „научности“ той или иной книги по общественнымъ вопросамъ, необходимо имѣть, по крайней мѣрѣ, нѣкоторое представленіе и понятіе объ этихъ теченіяхъ, хотя бы главнѣйшихъ и наиболѣе характерныхъ изъ нихъ, т. е. о реакціонномъ, либеральномъ, соціалистическомъ и анархистскомъ, и о выразителяхъ идеаловъ главнѣйшихъ общественныхъ классовъ: землевладѣльческаго и буржуазнаго, крестьянскаго и пролетарскаго...

Присмотримся теперь къ каждому критерію книжной оцѣнки въ отдѣльности.

1. Теоріи, представляющія изъ себя обобщенія и выводы изъ констатированныхъ и точно изслѣдованныхъ фактовъ, т. е. теоріи, дѣйствительно научныя, не могутъ имѣть никакого иного критерія, кромѣ критерія истины. Вопросъ о ихъ цѣнности—это вопросъ о томъ, насколько онѣ соотвѣтствуютъ ей и объясняютъ ее. Это вопросъ фактовъ и логики, правильной индукціи и правильной дедукціи и провѣрки всякой теоріи съ логической и фактической стороны. Наиболѣе

объективный критерій всякой научной (и не только научной) книги—истина, т. е. отраженіе въ человѣческомъ сознаніи того, что есть, дѣйствительности, именно такою, какова она есть (или была). Дѣйствительно научная сторона всякой книги не допускаетъ иного критерія, и въ этомъ отношеніи въ книгѣ дѣйствительно научной не должно быть научныхъ промаховъ, не только основныхъ, но даже и частичныхъ, не только въ смыслѣ достовѣрности, но и въ смыслѣ точности. Правда, въ оцѣнкѣ того, что собственно считать промахомъ, тоже не обходится дѣло безъ примѣси пристрастнаго, субъективнаго элемента; тѣмъ не менѣе, въ оцѣнкѣ научной стороны всякой книги, человѣческая мысль имѣетъ опредѣленный объективный критерій — жизнь, явленія жизни, которыя подлежатъ изслѣдованію и изслѣдуются при помощи все болѣе и болѣе точныхъ пріемовъ. Жизнью не можетъ не провѣряться, съ нею не можетъ не сравниваться никакое литературное произведеніе. Оцѣнка книгъ въ этомъ отношеніи сводится, въ конечномъ итогѣ, къ ихъ научной провѣркѣ, къ сопоставленію съ жизнью и ея явленіями. Но и этотъ критерій научности, въ своемъ примѣненіи на практикѣ, не такъ ясенъ, какъ кажется съ перваго взгляда. Какъ извѣстно, люди науки не спѣлись еще по очень важнымъ, даже самымъ существеннымъ вопросамъ, не только общимъ, но также и частнымъ. Кромѣ того, наука идетъ постоянно впередъ, и то, что сегодня считается научнымъ, завтра окажется, можетъ быть, уже не-научнымъ. Въ связи съ этимъ, оцѣнка научности той или другой книги есть нѣчто, тоже далеко не всегда поддающееся опредѣленію. Далѣе, научныхъ, истинно-научныхъ книгъ мало, очень мало, и даже самые выдающіеся авторы нерѣдко проявляютъ совершенно непонятное невѣжество въ вопросахъ, мало-мальски выходящихъ изъ ихъ спеціальности. Тѣмъ простительнѣе и легче грѣшить авторамъ популярныхъ книгъ (что впрочемъ отнюдь не снимаетъ съ этихъ авторовъ отвѣтственности за научность ихъ изложенія). И они грѣшатъ еще чаще...

Своего рода научность, называемая обыкновенно „правдой жизни“ или, точнѣе говоря, правдой изображенія жизни, является необходимымъ условіемъ и въ отдѣлѣ изящныхъ искусствъ, въ томъ числѣ и въ беллетристикѣ. Сопоставленіе книги съ дѣйствительностью, съ жизнью, имѣетъ большое значеніе и въ этомъ послѣднемъ отдѣлѣ. Во-первыхъ, это можно сказать о тѣхъ беллетристическихъ произведеніяхъ, которыя носятъ описательный, изобразительный, этнографическій, фотографическій характеръ. Врядъ ли можно сомнѣваться, что такого сопоставленія, болѣе или менѣе объективнаго, не выдержатъ очень многія беллетристическія произведенія вышеупомянутыхъ типовъ. И не только такія. Критерій дѣйствительности и жизненной правды приложимъ къ оцѣнкѣ и многихъ другихъ беллетристическихъ книгъ, то въ ихъ цѣломъ, то въ ихъ элементахъ, изъ которыхъ иногда составляется, хотя бы фантастическое цѣлое. Какое, напр., отношеніе къ реальной русской жизни, въ смыслѣ ея воспроизведенія, имѣютъ романы Б. Маркевича, изобразившаго крѣпостную идилію въ своемъ романѣ „Четверть вѣка назадъ“ (т. е. до освобожденія крестьянъ), „гибельный“ переломъ освобожденія „На поворотѣ“, и наконецъ, „Бездну“ послѣдующихъ десятилѣтій. Правда жизни не можетъ не быть принятой во вниманіе при оцѣнкѣ даже сказокъ Кота Мурлыки или Жоржъ-Зандъ, въ драмахъ Метерлинка и т. д. Ея голосъ слышенъ даже въ литературѣ настроеній, хотя бы выраженныхъ въ самой фантастической формѣ. Правда, въ такой оцѣнкѣ художественныхъ произведеній субъективность оцѣнщика сказывается еще сильнѣе, чѣмъ при оцѣнкѣ научныхъ книгъ. Тѣмъ не менѣе, такую оцѣнку приходится производить волей-неволей каждому читателю и, дѣлая ее, онъ не можетъ не чувствовать подъ своими ногами очень твердой почвы. Поскольку есть психологическая или какая иная правда даже въ сказкѣ, постольку и сказка подлежитъ оцѣнкѣ научной, посредствомъ сопоставленія ея съ дѣйствительностью.

2. Переходимъ теперь къ другому вопросу, еще болѣе важному и во многихъ отношеніяхъ еще болѣе щекотливому: вопросу о тѣхъ книгахъ, которыя не ограничиваются изложеніемъ того, что есть, но и оцѣниваютъ все существующее съ точки зрѣнія того, что д о л ж н о быть, — съ точки зрѣнія стремленій, желаній, хотѣній, интересовъ, настроеній, идеаловъ автора, — о научныхъ книгахъ съ элементомъ публицистики или вообще оцѣнки. Спрашивается теперь, какимъ критеріемъ не можетъ не руководствоваться всякій читатель, оцѣнивая книги этого второго типа? Врядъ ли можно сомнѣваться, что при оцѣнкѣ такихъ книгъ элементъ субъективности гораздо ярче и рѣзче даетъ себя знать, чѣмъ въ первомъ случаѣ, и здѣсь еще труднѣе ожидать, что и тутъ найдется какой-либо общій критерій идеалы и желанія подлежатъ лишь субъективной оцѣнкѣ. Тѣмъ не менѣе, можно и должно предъявлять и къ этимъ книгамъ нѣкоторыя общія требованія. Точнѣе говоря, н е л ь з я н е предъявлять.

Мы говоримъ о критеріи справедливости, критеріи э т и ч е с к о м ъ, а, значитъ, и соціальномъ.

Вотъ какими словами формулируетъ оцѣнку книгъ, съ этой точки зрѣнія, въ своемъ письмѣ одинъ читатель удивительно искренній въ своихъ читательскихъ исканіяхъ и недоразумѣніяхъ.

„Къ каждой книгѣ, къ каждому автору, пишетъ онъ, я не могу не предъявлять, напр., слѣдующихъ вопросовъ“:

„Ты, авторъ, написавшій эту книгу, какимъ именно богамъ служишь своимъ перомъ? И какимъ богамъ ты приносишь такъ свою жертву? И для какихъ боговъ жертвы требуешь? II отъ кого требуешь? Отъ себя или отъ другихъ? Или, быть можетъ, т о л ь к о отъ другихъ? А отъ кого именно? Чьи интересы, чьи нужды, чьи потребности ближе всего и дороже всего твоему сердцу? Что ты говоришь о нихъ, и какъ ты понимаешь ихъ въ своей книгѣ?“ „Нѣтъ такой книги, трактующей о томъ, что должно быть, — говоритъ далѣе авторъ того-же письма, —

къ которой нельзя было бы предъявить не только этихъ, но и многихъ другихъ вопросовъ," — вопросовъ соціально-этическаго характера.

Врядъ ли нужно доказывать, что книги, подлежащія оцѣнкѣ этической, не могутъ не подлежать, кромѣ того, и оцѣнкѣ съ точки зрѣнія истины, т. е. той, которой подлежатъ книги перваго типа. Вторыя тоже должны объяснять дѣйствительность и соотвѣтствовать ей, требованія фактовъ и требованія логики и къ нимъ должны быть предъявляемы, какъ и требованіе разносторонняго освѣщенія. Но, въ данномъ случаѣ, *этого мало*: къ *такимъ* книгамъ нельзя не предъявлять и второго критерія, — нельзя не оцѣнивать ихъ съ точки зрѣнія должнаго и желательнаго.

Спросимъ себя теперь, что же это за критерій? Какъ извѣстно, въ основу всѣхъ своихъ отношеній ко всѣмъ сторонамъ *личной и соціальной жизни* Л. Н. Толстой полагалъ любовь, — любовь человѣка къ человѣку, чувство широкой и глубокой симпатіи къ ближнему. Вполнѣ признавая, что соціальное чувство симпатіи къ человѣку и человѣчеству, быть можетъ, даже лучшій изъ лучшихъ критеріевъ для оцѣнки книгъ, мы все же не рѣшаемся видѣть именно въ этомъ чувствѣ настолько общій критерій для оцѣнки книгъ, о которомъ можно бы было сказать, что безъ него не обходится и въ настоящее время ни одинъ человѣкъ, или, по крайней мѣрѣ, большинство культурнаго человѣчества. Факты жизни рѣзко противорѣчатъ этому, наглядно показывая, что отъ такого критерія современное человѣчество еще очень далеко и недоросло до него.

Самый фактъ отсутствія чувства всеобщей любви въ душѣ многихъ еще милліоновъ оцѣнщиковъ выбиваетъ у насъ изъ-подъ ногъ почву помѣстить и этотъ критерій рядомъ съ другими, по крайней мѣрѣ, для переживаемаго нами времени. Поэтому поневолѣ приходится оставить пока въ сторонѣ высшій критерій изъ всѣхъ критеріевъ, — любовь. О немъ мы можемъ сказать лишь—„могій вмѣстити да вмѣститъ". Но есть другой критерій, по меньшей мѣрѣ

столь-же важный для человѣчества, и для насъ лично самый близкій: это принципъ равноцѣнности всѣхъ людей и вытекающій изъ него принципъ справедливости. Правда, этотъ критерій болѣе скроменъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ можетъ быть критеріемъ для оцѣнки не только отдѣльной человѣческой личности, а и всякаго крупнаго и мелкаго явленія общественной и духовной жизни, вплоть до любой книги — вѣдь всякая книга—то же такое явленіе. Таковъ минимумъ этическихъ требованій, по этому самому уже болѣе осуществимый на практикѣ. Чему именно данная книга служитъ — справедливости или несправедливости? И кого, и что она защищаетъ? Въ безконечно большомъ числѣ случаевъ, отвѣтъ ясенъ, а значитъ, и колебаній въ оцѣнкѣ даже и быть не можетъ. Прочитайте слѣдующія строки величайшаго борца з любовь и справедливость: „Неужели это такъ надо?“ — спрашивалъ онъ, взирая на несправедливость, которая уже столько вѣковъ лежитъ въ самой основѣ современной общественной и личной жизни. Съ одной стороны — „работающіе люди,— заводскіе, мужики-пахари, каменобойцы“ и т. п., „дѣлающіе свою тяжелую, однообразную, чужую работу“, которая „кончается вмѣстѣ съ ихъ жизнью“; съ другой — какъ бы „существа изъ другого міра“ Что же это такое? Что же это такое? — спрашивалъ печальникъ великаго общечеловѣческаго горя. „Сдѣлали что-ли эти работающіе люди что-нибудь преступное, за что они такъ наказаны? Или это удѣлъ всѣхъ людей? А тѣ, другіе („существа изъ особаго міра“) сдѣлали или еще дѣлаютъ что-нибудь особенно полезное и важное, за что они такъ награждены? Нисколько! А все это такъ только потому, что такое устройство жизни считается естественнымъ и правильнымъ въ мірѣ людей, утверждающихъ про себя или то, что они „исповѣдаютъ Христовъ законъ любви къ ближнему“, или то, что они „культурные, т. е. усовершенствованные люди“. И такое устройство существуетъ не только въ Россіи, но и во Франціи, и въ Италіи, и въ Америкѣ, и Австраліи, и т. д. Вездѣ два или три человѣка на тысячу живутъ такъ, что ничего

не дѣлаютъ для себя, а тратятъ на свои прихоти тысячи, милліоны (чужихъ) рабочихъ дней; другіе-же, недосыпая, недоѣдая, работаютъ черезъ силу, губя свое тѣлесное и душевное здоровье на этихъ избранныхъ... Неужели-же это такъ надо?..“

Всякая книга, всякій авторъ, преслѣдующій тѣ или иные идеалы, защищающій тѣ или иные интересы, должны быть мысленно поставлены предъ лицомъ основного противорѣчія современнаго строя, и предъ лицомъ этого противорѣчія и всей его несправедливости любой читатель не можетъ не спрашивать ихъ: а вы-то кому служите? И читатели, по крайней мѣрѣ большинство ихъ, сознательно или безсознательно задаютъ такой вопросъ какъ твореніямъ, такъ и авторамъ ихъ. Противорѣчіе современной жизни, ея коренная несправедливость, по нашему мнѣнію,—лучшій критерій для оцѣнки книгъ. Нужды нѣтъ, что нѣкоторыя книги остаются внѣ его, въ сторонѣ отъ него. Во всякомъ случаѣ, не внѣ его — примѣненіе знаній, хотя бы самыхъ отвлеченныхъ, къ жизни. Можно держаться какихъ угодно взглядовъ, принадлежать къ какимъ угодно партіямъ, хотя самымъ черносотеннымъ, — отъ этого вопросъ объ оцѣнкѣ идеаловъ и стремленій съ точки зрѣнія ихъ справедливаго или несправедливаго отношенія къ страдающему, придавленному большинству трудящихся классовъ нисколько не остается въ сторонѣ и стоитъ по прежнему передъ читателемъ. Всякое сердце мало-мальски отзывчивое не можетъ не понимать самой сути этого вопроса. Правда, требуется нѣкоторый уровень умственнаго развитія и образованія, чтобы вникнуть въ иную, болѣе или менѣе трудно и тяжелымъ языкомъ, туманно, замысловато написанную книгу, чтобы уразумѣть, чему именно она служитъ. Но душа рабочаго человѣка, живущаго продажею своего труда, иной разъ съ нѣсколькихъ словъ уже чуетъ, съ кѣмъ и чѣмъ именно онъ имѣетъ дѣло.

Есть еще одна сторона вопроса, говорящая о значеніи и широкомъ примѣненіи даннаго критерія: пониманіе основ-

ного соціальнаго противорѣчія необходимо и выгодно прежде всего самому трудящемуся человѣчеству, и всякій, кто стоялъ предъ лицомъ читающей толпы, отлично знаетъ, что именно въ сторону пониманія (также и оцѣнки) направлены стремленія самой толпы, ея подавляющаго большинства, которое принадлежитъ къ трудящимся классамъ. Эволюція читающей толпы совершается въ сторону все болѣе широкаго примѣненія критерія справедливости къ оцѣнкѣ книгъ. И никакія „независящія обстоятельства“ помѣшать этому не въ силахъ. Въ эту сторону уже многія сотни лѣтъ идетъ развитіе общественнаго сознанія и ростъ личности человѣческой во всѣхъ странахъ, тѣмъ болѣе мало-мальски культурныхъ.

Правда, критерій соціальной справедливости, даже въ примѣненіи къ оцѣнкѣ книгъ, не всѣмъ по вкусу. Разумѣется, раздаются голоса и противъ критерія научной истины. Но у этихъ обоихъ критеріевъ есть на что опираться. Исторія наукъ и естественныхъ, и общественныхъ показываетъ, въ какую сторону идетъ эволюція ихъ. Теоріи, трактующія о томъ, что есть, несомнѣнно развиваются въ сторону все болѣе и болѣе полной истины. Теоріи, трактующія о томъ, что должно быть, несомнѣнно проявляютъ эволюцію въ сторону все большей и большей справедливости. Оставляя въ сторонѣ эволюцію перваго типа, врядъ ли подлежащаго спору, нельзя не сказать двухъ словъ объ эволюціи наукъ соціальныхъ. Нужно-ли доказывать постепенно прогрессирующую демократизацію всей современной жизни, и ея тенденцію къ уравненію правъ и всякихъ соціальныхъ неравенствъ въ распредѣленіи и духовныхъ, и матеріальныхъ богатствъ? Проявляется не только демократизація знаній, но даже и вѣрованій. Та же тенденція въ сторону справедливаго распредѣленія благъ наблюдается и въ научныхъ сочиненіяхъ, отражающихъ и выражающихъ эти тенденціи самой жизни. Исторія, еще недавно представлявшая изъ себя собраніе басенъ о величіи царей и о подвигахъ полководцевъ, на нашей памяти превратилась въ

исторію народовъ и въ эволюцію человѣчества, безъ различія племенъ и расъ, и прежде всего въ исторію трудящихся классовъ. Политическая экономія, еще такъ недавно оправдывавшая эксплуатацію и основанный на ней строй, на нашихъ глазахъ перерабатывается на новыхъ основныхъ началахъ. Еще яснѣе та же тенденція въ области теорій юридическихъ. Измѣнилось самое понятіе права. Въ области религіи аристократическій принципъ абсолютнаго авторитета всецѣло уступилъ мѣсто другимъ, болѣе демократическимъ философскимъ и религіознымъ принципамъ. Демократизировались и идеалы этики. Объ этой демократизаціи, какъ и о такомъ же явленіи въ области эстетическихъ теорій даютъ, напримѣръ, понятіе хотя бы замѣчательныя произведенія М. Гюйо [1]). Нужны ли еще факты для иллюстраціи знаменательнаго переворота въ основныхъ тенденціяхъ самыхъ разнообразныхъ и разнородныхъ теорій во всѣхъ областяхъ знанія? Передъ нами несомнѣнный переворотъ въ области теорій. Предъ лицомъ основной несправедливости современнаго строя, теоріи демократизировались, приблизились къ идеалу справедливости, какъ бы показывая, что лучшіе и наиболѣе выдающіеся умы человѣчества уже преклонились передъ ея требованіями. Да иначе и быть не могло: думать иначе — это значитъ потерять вѣру въ человѣчество.

И вотъ мы наблюдаемъ интересное зрѣлище: переоцѣнку теорій, а, значитъ, и книгъ. Передъ лицомъ теченій, все опредѣленнѣе и опредѣленнѣе служащихъ идеалу справедливости и истины, все дальше и дальше отступаютъ на задній планъ противоположныя теченія, отраженія былыхъ несправедливостей и еще большихъ несовершенствъ уже отживающаго строя. Почему же наблюдается такое ихъ отступаніе? Передъ лицомъ все большаго и большаго выступленія на историческую сцену трудящихся классовъ

---

[1]) Esquisse d'une morale sans obligation ni sanction. Есть рус. переводъ этой замѣчательной книги, — „Очеркъ морали". Изд. Тов. „Знаніе". 1 р. 50 к. Его же „Искусство съ соціологической точки зрѣнія".

аселенія такія теченія мысли не выдерживаютъ испытанія кизни — идеалы, ими выражаемые, не къ лицу по нынѣшнымъ временамъ. Историческій критерій для оцѣнки книгъ ъ смыслѣ опредѣленія „хорошаго“ и „худого“ еще болѣе безжалостно подчеркиваетъ ихъ истинное значеніе, чѣмъ критерій этическій. Есть книги соотвѣтствующія и не соотвѣтствующія жизни, т. е. или выдвигающія идеалъ справедливости на первый планъ, или отодвигающіе его на задній. Оцѣниваются-же книги съ точки зрѣнія то эксплуатируемыхъ, то противоположныхъ имъ классовъ. Читатели безсознательно отмахиваются отъ тѣхъ книгъ, которыя въ той или иной формѣ проповѣдуютъ возвращеніе къ старымъ формамъ и укладамъ жизни. Какъ ни всучиваются, хотя бы даже безплатно, такія книги даже полусознательной толпѣ, она, если и беретъ ихъ, то лишь на „цыгарки“. Съ другой стороны, даже „библіографическія рѣдкости“, если только онѣ соотвѣтствуютъ основнымъ требованіемъ жизни, дѣлаютъ громадные круги въ глубинахъ читающей толпы и, благодаря широкому и быстрому круговращенію своему, совершаютъ тѣ же дѣла, какія, при другихъ условіяхъ, доступны лишь книгамъ, печатающимся въ огромныхъ количествахъ экземпляровъ. Жизнь сильнѣе тенденцій, особенно если онѣ забываютъ о справедливости. Оттого-то реакціонныя теченія никогда и не имѣютъ успѣха въ широкихъ слояхъ населенія и для ихъ распространенія всегда требуются „темныя деньги“. Но, въ конечномъ итогѣ, не помогаютъ и онѣ.

Мы не будемъ анализировать вопросъ объ исторической и соціальной оцѣнкѣ книгъ еще детальнѣе. Изъ предыдущаго въ достаточной степени видно, что классифицируя книги на хорошія и не-хорошія, читатель, даже самый заурядный, руководствуется не однимъ только своимъ вкусомъ. Есть у него еще два критерія, безъ помощи которыхъ ни одинъ оцѣнщикъ обходиться не можетъ и не обходится. Это критерій истины и справедливости, а что такое эта послѣдняя, — ему въ достаточной степени разъ-

ясняетъ милліонами фактовъ не только весь окружающій строй, лежащій на его-же спинѣ, но и старушка-исторія, ведущая свои линію хотя и медленно, зато упорно.

Итакъ, на вопросъ: „что такое хорошая книга“ — можно дать слѣдующій отвѣтъ: книга, служащая истинѣ и справедливости.

Изъ всѣхъ субъективныхъ критеріевъ для оцѣнки книгъ, этотъ критерій, несомнѣнно, самый объективный.

Въ такомъ случаѣ, и будемъ-же пользоваться имъ, — по крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ, пока не найдется другого, еще болѣе объективнаго...

—

IX.

Что такое подходящая книга?

Какъ было уже объяснено выше, подходящей книгой каждый читатель называетъ такую книгу, изложеніе (форма) и содержаніе которой соотвѣтствуетъ его складу ума и вообще его психикѣ. Тамъ же было показано, что это соотвѣтствіе не случайно, оно зависитъ отъ душевныхъ качествъ того человѣка, который эту книгу написалъ. Извѣстно, что душевныя качества писателя неизбѣжно отпечатлѣваются (по крайней мѣрѣ, въ огромномъ большинствѣ случаевъ) на томъ, что онъ пишетъ. Сухой, отвлеченный мыслитель, старикъ Спенсеръ, сознательно стремившійся къ безстрастности и безпристрастности мышленія, такимъ отпечатался и въ своихъ писаніяхъ. Тотъ же самый Спенсеръ въ молодости, когда имъ была написана съ большимъ настроеніемъ „Соціальная статика“, какъ огромное большинство людей молодыхъ, тоже не былъ лишенъ ни одушевленія, ни иныхъ рѣзко выраженныхъ эмоцій, и это его свойство въ эту эпоху неизбѣжно отразилось и на его вышеупомянутой книгѣ. Д. С. Милль, который самъ о себѣ говоритъ въ своей „Автобіографіи“, что онъ человѣкъ

ума, такимъ же представляется и въ своихъ произведеніяхъ. Ж. М. Гюйо, — тотъ-же поэтъ и человѣкъ чувства какъ въ своихъ „Стихахъ философа (Les vers d'un philosophe)", такъ и въ своемъ „Очеркѣ морали" и даже въ монографіи объ Эпикурѣ. Всѣ сочиненія Ницше показываютъ въ немъ поэта и аналитика. Въ своихъ „Письмахъ о фабрикахъ и заводахъ" проф. Д. И. Менделѣевъ, — проявляетъ тѣ же свои качества, какія проявилъ въ тарифной комиссіи. Синтетикъ Огюстъ Контъ, аналитикъ Э. Кантъ, уравновѣшенный И. Тэнъ, строго индуктивные мыслители Э. Тайлоръ, Дарвинъ, Леббокъ, — представляютъ изъ себя наглядныя доказательства, до какой степени психика автора выражается въ его произведеніяхъ. Справедливость этого явленія подтверждаетъ, можно сказать, вся исторія литературы, всѣ біографіи великихъ писателей, многочисленныя монографіи о нихъ. Въ другомъ мѣстѣ [1]), мы подробно говоримъ объ этомъ, вполнѣ естественномъ явленіи. Здѣсь мы будемъ говорить лишь о томъ, какъ использовать его въ цѣляхъ самообразованія.

Говоря съ точки зрѣнія практики, вопросъ о выборѣ книгъ сводится вотъ къ чему:

1. Передъ нами, во-первыхъ, читатель, обладающій такими-то особенностями ума, чувства, воли, такою-то научной подготовкой, такою-то классовой психологіей, объясняемой условіями его жизни, его общественнымъ положеніемъ. — Далѣе, передъ нимъ такая-то наличность книжныхъ богатствъ, извѣстная ему по каталогамъ книжныхъ магазиновъ, библіотекъ, по рецензіямъ и критическимъ статьямъ и т. д. Какимъ же способомъ можетъ этотъ самый читатель отыскать себѣ въ этихъ книжныхъ богатствахъ именно то, что ему необходимо и что въ наибольшей степени соотвѣтствуетъ складу его души?

Отъ практическаго рѣшенія этого вопроса зависитъ, въ какой же именно степени сможетъ данный читатель съэко-

---

[1]) См. наши „Этюды по психологіи читательства". Изд. К. Тихомирова. М. 913.

помить свое время, свои силы, свои средства, работая надъ самообразованіемъ.

Даже болѣе того. Многія сотни тысячъ читателей потому-то и считаютъ себя отрѣзанными отъ свѣта, что не знаютъ способа, какъ экономить свои силы, отыскивая для себя книги подходящія. Если работа надъ самообразованіемъ идетъ по книгамъ, не соотвѣтствующимъ психологическому складу даннаго читателя, она требуетъ отъ него вдвое, втрое больше силъ и времени, которыхъ у рабочаго человѣка, какъ извѣстно, не имѣется. Если же такое соотвѣтствіе на лицо, — человѣкъ, имѣющій въ своемъ распоряженіи даже по 2 — 3 часа въ день, можетъ сдѣлать уже очень многое.

Въ этомъ-то соотвѣтствіи и заключается основной пунктъ самообразованія, — вопросъ не только о плодотворности всѣхъ усилій, но и о смыслѣ ихъ.

Въ странахъ культурныхъ, странахъ, которыя не представляютъ изъ себя, по удачному выраженію А. Н. Странно-любскаго, „позорнаго пятна невѣжества на картѣ земного шара", въ странахъ, гдѣ правительства не ставятъ преградъ расширенію общественной жизни вообще и развитію народнаго образованія въ частности, вопросъ объ индивидуализаціи чтенія не имѣетъ такого значенія, какъ у насъ. Для лицъ болѣе или менѣе обезпеченныхъ экономически и болѣе или менѣе обладающихъ и средствами, и временемъ, чтобы получать образованіе, онъ тоже не имѣетъ особенно остраго значенія. Но для пасынковъ жизни и ея строя, для людей, поставленныхъ въ тиски — это вопросъ коренной важности. Это своего рода вопросъ „быть или не быть". То, что будетъ сказано дальше въ этой главѣ, говорится прежде всего для этихъ самыхъ пасынковъ, и мы глубоко вѣримъ, что при такой постановкѣ дѣла всѣ они, буде у нихъ найдется хотя бы даже немножко воли и желанія, могутъ при всякихъ условіяхъ жизни вооружать себя знаніемъ, пониманіемъ, умѣньемъ расширить свою жизнь.

Дѣло самовооруженія чрезвычайно облегчается, если читатель научится выбирать изъ числа хорошихъ книгъ книги, подходящія къ его личности. Говоря теоретически, всякая, даже мельчайшая особенность даннаго читателя уже отражается и на качественной, и на количественной сторонѣ самообразовательнаго чтенія. Но оставимъ въ сторонѣ мелочи и будемъ говорить лишь о главнѣйшихъ свойствахъ человѣческой психики. Съ практической точки зрѣнія, чтобы знакомство съ книгой сдѣлалось дѣйствительно плодотворнымъ, вовсе не требуется полнаго совпаденія индивидуальности писателя и читателя. Достаточно, чтобы книга соотвѣтствовала хотя-бы пяти—шести особенностямъ читателя, но только тѣмъ особенностямъ, которыя играютъ наиболѣе важную роль въ процессѣ чтенія. Дѣло психологіи—научно изучить этотъ процессъ и выяснить, какія-же именно особенности въ немъ играютъ наиболѣе существенную роль. Въ ожиданіи этого будемъ, пока что, довольствоваться данными практики. Попробуемъ изложить здѣсь кой-какія изъ нашихъ личныхъ наблюденій, сдѣланныхъ надъ читающей толпой въ теченіе многихъ лѣтъ нашей библіотечной работы и вынесенныхъ изъ переписки съ читателями.

Какъ было сказано выше, научное образованіе предполагаетъ знакомство, во-первыхъ, съ фактами, во-вторыхъ, съ теоріями, т. е. объясненіями этихъ фактовъ, въ-третьихъ, съ исторіей этихъ теорій, въ-четвертыхъ, съ методами изслѣдованія фактовъ и методами критики и доказательства теорій. Далѣе, врядъ ли нужно доказывать, что всякій образованный человѣкъ долженъ выработать въ себѣ умѣнье читать всякія книги, какую бы форму ни имѣло ихъ изложеніе, индуктивную или дедуктивную, конкретную или абстрактную, сухую или „съ настроеніемъ“ и т. д. Образованность предполагаетъ умѣнье разбираться и въ теоріяхъ, въ точкахъ зрѣнія, и въ вопросахъ, и въ формѣ изложенія, а, значитъ, вообще въ книгахъ, кѣмъ бы и какъ бы онѣ ни были написаны. Но одно дѣло выработать въ

себѣ такое умѣніе и совсѣмъ другое дѣло — вырабатывать его. Это умѣнье — цѣль, цѣль читательской техники, но оно дается не сразу. Какъ его вырабатывать съ наименьшей затратой времени и силъ, и съ наибольшимъ использованіемъ своихъ способностей и въ той обстановкѣ, въ которую поставила даннаго человѣка его жизнь? Вотъ вопросъ, чисто практическій, на который и нужно дать отвѣтъ. Съ этой практической точки зрѣнія, для работника далеко не одно и то же, съ какихъ именно книгъ начинать свою самообразовательную работу. То, что будетъ сейчасъ изложено, имѣетъ въ виду не конечную цѣль образованія, которая для всѣхъ людей одна и та же, а самый ходъ занятій, быстрѣе ведущій къ этой конечной и общей цѣли. Повторяемъ, экономія силъ и времени особенно необходима для людей занятыхъ, а выборъ книгъ, соотвѣтствующій духовному складу данной личности, — имѣетъ особенно важное значеніе для людей начинающихъ. Ихъ-то прежде всего мы и имѣемъ въ виду. Удачный выборъ первой научной книги, которая должна открыть собою самообразовательную работу, имѣетъ громадное, даже рѣшающее значеніе именно для начинающихъ. Поэтому, выбирая для себя книгу, такой читатель прежде всего долженъ подумать о самомъ себѣ, — объ особенностяхъ: а) своего ума, б) своего темперамента и характера, в) своей воли и вообще активности, г) о степени своей образованности, подготовки и умственнаго развитія, д) объ особенностяхъ обстановки своей жизни, управляющей, во первыхъ, его интересами, во вторыхъ, его дѣятельностью, не говоря уже о привычкахъ, нравахъ, традиціяхъ, съ которыми образованіе обыкновенно борется и которыя противорѣчатъ развертыванію жизни во всѣхъ направленіяхъ.

Вопросу о читательской психологіи и о ея значеніи для человѣка мы посвящаемъ особую книгу [1]). Здѣсь же мы будемъ говорить о ней лишь очень кратко.

---

[1]) Этюды по психологіи читательства. М. 913.

1. На первомъ мѣстѣ, по своему практическому значенію, для успѣшности самообразовательной работы, несомнѣнно стоитъ вопросъ о складѣ ума. Есть люди, которые только въ такомъ случаѣ понимаютъ ту или иную истину, когда на цѣломъ рядѣ изложенныхъ въ ней фактовъ убѣждаются, что она соотвѣтствуетъ дѣйствительности, жизни. Но если эта же самая истина будетъ изложена передъ ними въ видѣ разсужденій, однихъ разсужденій, хотя бы самыхъ логичныхъ, эти послѣднія все-таки не покажутся убѣдительными для такихъ людей. И правда, — мало ли на свѣтѣ всякихъ „мнѣній“, быть можетъ, даже очень искренно высказанныхъ, но такихъ, которымъ противорѣчитъ цѣлый рядъ фактовъ? Но будь даже эти мнѣнія согласны съ фактами, — и все-таки они не убѣдительны, если ихъ фактическая основа неизвѣстна данному читателю или если онъ не умѣетъ подтверждать ею своего мнѣнія, попросту сказать, не умѣетъ извлекать изъ архивовъ собственной памяти такіе подтверждающіе факты. Есть вѣдь и такіе люди, которые не умѣютъ припоминать. Далѣе, есть люди обстоятельные, у которыхъ душа требуетъ, такъ сказать, точности и детальности познанія, — такіе только тогда удовлетворяются читаемый книгой, когда она реально выложитъ передъ ними всѣ жизненныя детали даннаго явленія, — обстоятельно, разносторонне, ярко. Для такихъ людей имѣетъ громадное значеніе не только фактичность изложенія, но и образность его, и не только образность, но и яркость ихъ. Далѣе, имѣются и такіе люди, которыхъ не удовлетворитъ даже и яркость сообщаемыхъ образовъ, если они покажутся имъ слишкомъ далекими отъ жизни, отъ ихъ практической жизни. Такіе люди, читая даже великія произведенія всемірной литературы, спрашиваютъ: „но къ чему мнѣ они“? Спрашиваютъ не потому, чтобы они не понимали ихъ красоты, правдивости, смысла, а потому, что для нихъ самообразовательное чтеніе — то же, что помощь непосредственно въ ихъ жизни. Такъ нерѣдко разсуждаютъ люди активнаго, практическаго типа, „реалисты“—„утилитаристы“ по старой терминологіи.

Но есть читательскіе типы и другого рода, совсѣмъ непохожіе на первыхъ. Есть такіе, которыхъ отпугиваютъ отъ себя книги, содержащія очень много фактовъ. Правда, эти читатели тоже не отрицаютъ ихъ значенія, но не факты служатъ настоящей опорой для ихъ мысли. Эта послѣдняя ищетъ у нихъ опоры логической. Идея считается у нихъ доказанной только тогда, когда подъ нее подведенъ общій фундаментъ въ видѣ какой либо другой, болѣе общей идеи, и изъ этой идеи та можетъ быть выведена „естественно и неопровержимо“. Читателей такого типа болѣе всего убѣждаютъ разсужденія и выводы (дедукція). Факты имѣютъ для нихъ значеніе лишь постольку, поскольку они подтверждаютъ общій ходъ разсужденій. Если эти факты не распредѣлены еще, такъ сказать, вдоль этого хода мысли, они даже и не запоминаются такимъ читателемъ. Если имъ попадается фактъ, несогласный съ ихъ взглядами, — люди такого типа, быть можетъ, даже передѣлаютъ свои разсужденія, но въ своей познавательной работѣ они всетаки пойдутъ и впредь отъ общаго къ частному, отъ основныхъ истинъ къ производнымъ, отъ идей къ фактамъ, отъ разложенія цѣлаго на части, т. е. анализа, къ пониманію совокупности всѣхъ этихъ частей. Читатель такого типа старается прежде всего найти въ книгѣ и усвоить какую либо общую истину, а затѣмъ ужъ, обосновавъ ее, — тѣмъ или инымъ способомъ (нерѣдко даже принявъ просто на просто на вѣру) начинаетъ дѣлать изъ нея выводы, при помощи которыхъ и производитъ ея провѣрку (читатели же индуктивнаго типа, противоположнаго этому, карабкаются къ той же самой истинѣ отъ фактовъ). Такіе читатели склонны къ усвоенію отвлеченностей, любятъ опредѣленія, „тезисы“, „теоріи“, „большія предпосылки“ и т. п. Среди нихъ часто встрѣчаются представители отвлеченнаго (абстрактнаго и спекулятивнаго) и догматическаго мышленія.

Разумѣется, кромѣ людей, въ которыхъ ихъ типъ выраженъ рѣзко и опредѣленно, существуетъ не мало и

такихъ, въ которыхъ ихъ типъ выраженъ совсѣмъ не рѣзко. Есть люди, и ихъ не мало, — которые занимаютъ среднее положеніе между двумя рѣзко выраженными типами. О нихъ уже было сказано выше. Ихъ мы оставимъ пока въ сторонѣ, т. к. ихъ среднее положеніе открываетъ имъ доступъ къ книгамъ разнаго уклада, и будемъ говорить лишь о читателяхъ рѣзко выраженныхъ типовъ. И такъ, не вдаваясь здѣсь въ болѣе детальный, а также болѣе точный [1]) анализъ психологическихъ типовъ читателей, мы имѣемъ передъ собою слѣдующія категоріи ихъ:

I. 1. Читатели, мыслящіе индуктивно (отъ фактовъ).

2. Читатели, мыслящіе дедуктивно (отъ общихъ предпосылокъ).

II. 1. Читатели, склонные къ конкретному (образному) мышленію.

2. Читатели, склонные къ мышленію абстрактному (отвлеченному).

III. 1. Читатели, питающіе пристрастіе къ теоріямъ спекулятивнымъ (т. е. умозрительнымъ, отрѣшеннымъ отъ опыта и наблюденія).

2. Читатели, обладающіе способностью подходить къ книгѣ съ практической точки зрѣнія.

Представимъ себѣ теперь, что люди столь различнаго склада ума желаютъ изучить, напримѣръ, такія науки, какъ математику, исторію, право. Въ огромномъ большинствѣ случаевъ — читатель первой категоріи (индуктивной) будетъ плохо усваивать книги по алгебрѣ и вообще математикѣ болѣе или менѣе отвлеченной; легче всего ему будетъ даваться ариѳметика. Теорія права то же не легко будетъ даваться ему. Но читатель того же типа будетъ увлекаться описательной астрономіей, а книги о правѣ ему покажутся понятными, если онъ станетъ подходить къ изученію теоріи

---

[1]) Объ этомъ см. наши „Этюды по психологіи читательства". Тамъ же о различіи синтеза и индукціи, анализа и дедукціи и т. д. выяснять которое мы не считаемъ полезнымъ въ этой элементарной книжкѣ.

права со стороны его исторіи, — фактической исторіи правовыхъ учрежденій, отъ нихъ — къ исторіи теорій этихъ учрежденій и затѣмъ ужъ къ отвлеченной теоріи права.

Возьмемъ для примѣра вопросъ именно объ изученіи права. Существуетъ рядъ небольшихъ книгъ, изъ которыхъ читатели, получившіе образованіе ниже средняго, но выше начальнаго, могутъ познакомиться съ основными понятіями права. Какъ выбрать изъ нихъ для себя книги наиболѣе подходящія? Читатель, которому легче всего дается знакомство съ фактами и который цѣнитъ въ книгѣ, прежде всего, фактичность, конкретность изложенія, но плохо разбирается въ отвлеченныхъ разсужденіяхъ, опирающихся лишь на разсужденія же, поступитъ очень практично, если начнетъ изученіе права со знакомства съ его исторіей. Въ этомъ отношеніи для него будутъ очень полезны напр. такія книги, какъ очень популярные „Разсказы изъ исторіи Англіи“ А. Быковой (изд. Е. Трауцкой), или менѣе популярные труды проф. Карѣева „Западно-европейскія абсолютныя монархіи XVI—XVIII вв. Общая характеристика бюрократическаго государства и сословнаго общества „стараго порядка“, и его же „Происхожденіе современнаго народно-правового государства. Исторія конституціонныхъ учрежденій до средины XIX в.“ Всѣ эти книги дадутъ читателю „фактическаго“ типа общую картину происхожденія и развитія и политическихъ учрежденій, и правовыхъ идей, и борьбы за право на Западѣ. Накопивъ въ своемъ умѣ фактическій матеріалъ, такой читатель сможетъ и оформить его, систематизировать при помощи книгъ и дедуктивнаго типа, напр. познакомившись съ прекраснымъ трудомъ Дайси „Государственное право Англіи“. (Изд. „Библіотеки для самообразованія“). Послѣ этого можно посовѣтовать ему прочесть увлекательно и живо написанную книгу Коха „Очерки по исторіи политическихъ идей и государственнаго управленія“. Ч. I. Абсолютизмъ и парламентаризмъ. Ч. II. Демократія и конституція. (Изд. Скирмунта.) Эта книга развернетъ передъ читателемъ широкую картину

эволюціи правовыхъ идей, и свяжетъ воедино всѣ вышеуказанныя книги. Затѣмъ читателя, несомнѣнно, удовлетворитъ какъ дальнѣйшее развитіе, обобщеніе и углубленіе его юридическихъ знаній, — книга „Основныя понятія русскаго государственнаго, гражданскаго и уголовнаго права". Общедоступные очерки проф. В. Устинова, И. Новицкаго и М. Гернета. (Изд. 2-е, И. Сытина). Послѣ этой книги для него уже не представятъ никакихъ затрудненій и книги, отвлеченно написанныя, такъ какъ у читателя уже будетъ въ головѣ запасъ фактовъ, благодаря которымъ онъ станетъ чувствовать почву подъ ногами, читая и книги отвлеченно написанныя. Но совсѣмъ другое дѣло — читатель съ отвлеченнымъ складомъ ума, легко усваивающій не факты, а разсужденія, выводы. Въ этомъ случаѣ вышеперечисленныя книги не удовлетворятъ его, — онѣ произведутъ на него совсѣмъ иное впечатлѣніе. Всего выгоднѣе въ этомъ послѣднемъ случаѣ итти инымъ порядкомъ и сначала выяснить себѣ и усвоить общія понятія и, лишь имѣя ихъ въ головѣ, переходить къ знакомству съ фактическимъ матеріаломъ и разбираться въ немъ. Иначе онъ подавитъ читателя, тотъ въ немъ растеряется, книга покажется для него скучною и неудобоусвояемою. Читателю съ отвлеченнымъ, дедуктивнымъ складомъ ума мы бы посовѣтовали взять прежде всего прекрасный „Учебникъ законовѣдѣнія" Н. Фалѣева. (Пособіе для самообразованія). Затѣмъ превосходную книжку проф. В. Хвостова „Общая теорія права", изд. 3-е (ц. 1 р.) и лишь затѣмъ вышеуказанныя книги Коха, Карѣева и Гернета. Такое распредѣленіе облегчитъ работу такого читателя надъ самообразованіемъ въ юридической области. Подобно этому надо подбирать для себя книги и по другимъ областямъ знанія, — принимая всегда въ расчетъ складъ своего ума. Такимъ образомъ, читатель напр. индуктивнаго типа, уяснивъ на основаніи фактовъ, въ какой связи находятся отвлеченныя теоріи съ жизнью, легче всего вложитъ въ свою индуктивную голову общія понятія и эти теоріи. Онѣ войдутъ въ него именно съ той

опорою, которая данному типу необходима. Но разъ онѣ вошли въ него съ этой опорой, — читатель индуктивнаго типа оказывается прочно стоящимъ на своихъ ногахъ: онъ можетъ дѣлать и выводы изъ теоріи, потому что она уже пустила корень въ его умѣ; онъ дѣлается способенъ и къ дедукціямъ, — онъ теперь понимаетъ и выводы. Читатель-же дедуктивнаго типа обыкновенно проявляетъ себя какъ разъ обратно. Книгами фактическаго характера онъ останется недоволенъ, потому что въ большой массѣ фактовъ его умъ растеряется, факты въ его головѣ не уложатся, онъ будетъ жаловаться на свою „плохую память“, на свою „неспособность“ и т. д. Читатель, склонный къ конкретному мышленію, останется недоволенъ „Политической экономіей“ Богданова и предпочтетъ ей курсъ Желѣзнова, не удовлетворится учебникомъ исторіи Н. Карѣева и предпочтетъ ему Виппера и еще больше Шульгина. Читатель 4 категоріи (склонный къ отвлеченному мышленію) поступитъ какъ разъ обратно. Читатель 5 категоріи (питающій пристрастіе къ спекулятивнымъ теоріямъ) увлечется скорѣй всего соціологіей, читатель 6 категоріи — злободневными общественными вопросами, отъ которыхъ и можетъ дойти до усвоенія теорій. Правда, все это будетъ имѣть мѣсто, главнымъ образомъ, лишь при началѣ читательства; позднѣе, по мѣрѣ практики, всѣ особенности могутъ болѣе или менѣе сравняться. Но не трудно себѣ представить, что бываетъ въ началѣ, если къ читателю данной категоріи попадутъ книги не его типа. То же можно сказать и о дальнѣйшихъ категоріяхъ, къ обзору которыхъ мы сейчасъ переходимъ.

По своей способности или неспособности къ отвлеченной математикѣ любой читатель въ значительной степени уже можетъ опредѣлить складъ своего ума. Обыкновенно математики обладаютъ складомъ ума аналитическимъ, дедуктивнымъ, предпочитаютъ разсужденія фактамъ, отвлеченныя теоріи конкретнымъ описаніямъ. Если и бываютъ исключенія, то они болѣе или менѣе рѣдки.

II. Громадное значеніе при занятіяхъ имѣетъ и па-

мять. Какъ извѣстно, она тоже бываетъ разныхъ типовъ. Отмѣтимъ два, по нашему мнѣнію, главнѣйшія:

а) память на факты (цифры, формулы, и т. п.);

б) память на разсужденія.

Человѣкъ, обладающій памятью фактическаго типа, хорошо запоминаетъ напримѣръ историческія и естественно-историческія книги, пестрящія фактами; эти послѣдніе обыкновенно не удручаютъ его своимъ количествомъ. Самыя разсужденія для такого читателя представляются тоже какъ бы фактами, которые и удерживаются въ головѣ сами собою, какъ чужія мнѣнія.

Наоборотъ, читатели, обладающіе памятью логическаго типа, обыкновенно большимъ количествомъ фактовъ бываютъ удручены. Они запоминаютъ лишь тогда, когда эти факты связываются въ ихъ умѣ какой либо общей связью: системой, теоріей, вообще схемой, логически обоснованной. Читатели этого типа обращаютъ свое главное вниманіе на самый ходъ разсужденій, на внутреннія соотношенія фактовъ и идей, а этотъ ходъ ими не столько запоминается, сколько вообще усваивается въ видѣ цѣпи ассоціирующихся идей.

Въ большинствѣ случаевъ читатели фактическаго типа обладаютъ индуктивнымъ и конкретнымъ складомъ ума и бываютъ плохими математиками. Они предпочитаютъ книги фактическаго содержанія. Читатели второго типа мыслятъ по большей частью дедуктивно, — среди нихъ много математиковъ, отвлеченныхъ философовъ, теоретиковъ. Они же обыкновенно жалуются на свою „плохую память“, хотя память у нихъ вовсе не плоха, но только своеобразна.

Далѣе, память одного и того же типа можетъ быть и слабой, и сильной, и ея сила или слабость вліяетъ не только на то, много ли выноситъ данный читатель изъ читаемой книги, но и на самый выборъ чтенія. Человѣкъ съ хорошей памятью можетъ довольствоваться знакомствомъ съ небольшими книжками, но знакомствомъ основательнымъ. Читатель со слабой памятью любитъ книги съ повтореніями, съ

резюме, — книги, написанныя болѣе или менѣе „размазисто“, многословно. Человѣкъ съ хорошей памятью не любитъ повтореній и многословія.

Такимъ образомъ, по типу своей памяти, читатели могутъ быть раздѣлены на слѣдующія главныя категоріи:

I. 1. Обладающіе памятью фактической.
   2. Обладающіе памятью логической.

II. 1. Люди со слабой памятью.
   2. Люди съ хорошей памятью.

Такимъ образомъ, при прочихъ равныхъ условіяхъ, упомянутыя выше книги Карѣева и Богданова даютъ читателю съ логической памятью больше, чѣмъ учебники Виппера, Шульгина. Читатели со слабой памятью нерѣдко даже теряютъ нить въ авторскихъ разсужденіяхъ только потому, что авторъ скупъ на резюме и повторенія, и его книга, въ силу одного этого, дѣлается имъ непонятной. Читатели 4 категоріи восхищаются изложеніемъ П. Милюкова, сердятся на Н. Карѣева и Михайловскаго за ихъ изложеніе, что врядъ ли сдѣлаютъ читатели третьей категоріи. Способность усвоенія прочитаннаго находится въ зависимости и отъ привычки къ чтенію, и отъ запасовъ, уже имѣющихся въ головѣ. Поэтому читатель, мало подготовленный и плохо привычный къ чтенію (особенно научныхъ книгъ), уже по этому самому нерѣдко выноситъ изъ книги меньше, чѣмъ подготовленный и привычный. Это рѣзко бросается въ глаза при изученіи такъ называемыхъ читателей изъ народа. Поэтому для этихъ послѣднихъ повторенія имѣютъ гораздо большее значеніе и даже необходимы, хотя читатели интеллигентные и осуждаютъ за нихъ автора. Намъ лично въ нашихъ работахъ по популяризаціи научныхъ знаній нерѣдко приходилось и приходится прибѣгать къ сознательнымъ повтореніямъ одного и того же въ данной книжкѣ, къ чему, по нашему мнѣнію, и приводитъ изученіе читательской психологіи въ данной общественной средѣ. Читатели съ хорошей памятью не любятъ читать нѣсколько книгъ по одному и тому же вопросу; читатели

со слабой памятью — обыкновенно стремятся къ этому. Первые быстро научаются перелистывать книги, схватывая въ нихъ главное, вторымъ это искусство не дается.

III. Воображеніе играетъ также большую роль въ дѣлѣ чтенія. Оно бываетъ у разныхъ людей тоже разное — и прежде всего сильное и слабое. Читатель, обладающій хорошимъ воображеніемъ, какъ бы воплощаетъ въ жизненные образы то, что онъ вычитываетъ изъ книгъ, и такимъ способомъ приближаетъ неполно очерченные въ ней образы и отвлеченныя идеи реальной жизни, словно она непосредственно воспринимается имъ. Такой читатель съ хорошимъ воображеніемъ не требуетъ отъ книги ни конкретнаго, образнаго изложенія, ни иллюстрацій, — онъ почерпаетъ образы изъ своей головы, изъ запасовъ, тамъ уже имѣющихся. Напротивъ, все это необходимо для читателя со слабымъ воображеніемъ. Какъ мы уже сказали выше, первая задача самообразованія заключается въ пониманіи реальной жизни, а не только въ одномъ знакомствѣ съ научными книгами. Человѣкъ, обладающій прекраснымъ логическимъ мышленіемъ, тѣмъ не менѣе остается неучемъ, если его умъ, разбираясь въ отвлеченныхъ формулахъ и умозаключеніяхъ, не умѣетъ разбираться въ явленіяхъ жизни. Даже отвлеченный изъ отвлеченныхъ мыслителей долженъ выработать въ себѣ умѣнье видѣть реальные факты, оцѣнивать ихъ, какъ таковые, умѣнье всегда держаться возможно ближе къ почвѣ, а не только парить въ облакахъ отвлеченной мысли. Необходимо дѣлать свои мысли возможно жизненными, реальными, яркими. Жизнь надо ощущать и переживать, идти же къ этой цѣли волей-неволей приходится по разному, смотря по тому, насколько развито у человѣка воображеніе. Многія книги кажутся безцвѣтными лишь тѣмъ людямъ, у которыхъ воображеніе не развито, и только потому, что оно недостаточно развито у нихъ, тогда какъ самая суть дѣла тутъ не въ книгахъ, а въ такихъ самыхъ читателяхъ. И наоборотъ, читатели съ хорошимъ воображеніемъ прекрасно справляются и съ отвлеченными книгами.

Читатели же съ плохимъ воображеніемъ не любятъ ихъ, потому что такія книги требуютъ отъ нихъ черезчуръ большихъ усилій, а даютъ имъ гораздо меньше, чѣмъ книга, помогающая воображенію. Такимъ образомъ, по отношенію къ воображенію, читатели бываютъ:

1. Такіе, у которыхъ оно не развито и которымъ необходимы книги, возмѣщающія этотъ прирожденный недостатокъ.

2. Такіе, у которыхъ воображеніе хорошо развито и кому такого рода пособія не требуются.

Читатели первой категоріи восхищаются изложеніемъ Фламмаріона, Костомарова и бранятъ Ратцеля, Шурца, Карѣева, Богданова. Повидимому они больше любятъ романъ и вообще беллетристику. Знакомство съ исторіей легче всего дается имъ, если они пойдутъ къ ней отъ историческаго романа, откуда они могли бы почерпнуть и образы, и краски, и эмоціи. Если все это уже вложено въ нихъ, — тогда даже и отвлеченная историческая книга дѣлается имъ доступной въ неизмѣримо большей степени. Читателя же съ хорошимъ воображеніемъ привлекаетъ къ историческому роману вовсе не то, что перваго. Онъ станетъ его читать лишь въ томъ случаѣ, если романъ отличается художественностью, тонкостью и т. д. За изученіемъ исторіи такой читатель не пойдетъ къ историческому роману. Дѣтямъ образность нужнѣе, чѣмъ взрослымъ, читателямъ изъ народа больше, чѣмъ культурнымъ, въ силу той же необходимости имѣть въ душѣ матеріалъ для воображенія.

IV. Далѣе, въ процессѣ усвоенія книжнаго содержанія играетъ громадную роль и в н и м а н і е. Въ зависимости отъ того, развито или не развито оно у даннаго читателя, находится и качественная, и количественная стороны чтенія. Внимательный читатель выноситъ изъ чтенія гораздо больше, чѣмъ невнимательный, и потому можетъ почерпнуть изъ меньшаго количества книгъ или изъ книги болѣе сжато написанной то, что читатель невнимательный можетъ впитать лишь изъ большого числа книгъ. Внимательный чита-

тель этимъ самымъ выгадываетъ время. Читателю съ малоразвитымъ вниманіемъ, въ большинствѣ случаевъ, гораздо выгоднѣе брать для чтенія книги съ пространнымъ изложеніемъ и проникнутыя настроеніемъ, т. к. такія книги захватываютъ личность читающаго въ большей степени и съ большаго числа сторонъ, чѣмъ тѣ, которыя вліяютъ главнымъ образомъ на интеллектуальную сторону только. Читатель съ мало развитымъ произвольнымъ вниманіемъ не умѣетъ, даже не въ силахъ сознательно и планомѣрно сосредоточивать своихъ мыслей на читаемой книгѣ; его воля не руководитъ его вниманіемъ; такому читателю чрезвычайно трудно читать ту книгу, которую нужно читать. По крайней мѣрѣ это самое „нужно“ не руководитъ имъ настолько, чтобы содержаніе читаемой книги быстро и въ должномъ количествѣ запечатлѣвалось въ его умѣ. Такого типа читателю особенно важно подбирать для себя книги захватывающія. Но что значитъ это слово? Вообще захватывающихъ книгъ не существуетъ, потому что людей разныхъ захватываютъ разныя книги, овладѣвая ихъ вниманіемъ по разному въ разный моментъ. Захватывающая книга значитъ прежде всего книга интересная, — въ высшей степени интересная для даннаго читателя, въ данный моментъ его жизни. Интересъ же — дѣло наживное. Интересъ можетъ возбудить то, что ужъ черезчуръ неожиданно, ново, — то, что непосредственно касается человѣка и вліяетъ на его жизнь, особенно же обыденную, то, что можетъ дать и даетъ этой жизни кое-что въ смыслѣ углубленія, расширенія, полноты, напряженности, красоты и возвышенности. Интересно то, что задѣло человѣка за живое, т.-е. вызвало въ немъ взрывы чувствъ. Вдумавшись въ это перечисленіе интереснаго, самъ человѣкъ уже можетъ во многихъ случаяхъ возбуждать въ себѣ интересъ ко многому, исходя изъ своихъ желаній жить и возможно лучше жить. Намъ извѣстны случаи, когда читатели писали намъ: „ничего намъ не интересно“, а прочтя небольшую, указанную (а то и посланную имъ) книжку, ставящую какой либо

вопросъ (по возможности существенный), что называется, ребромъ, вдругъ открывали вокругъ себя въ жизни массу интереснаго. Бывало и такъ, что интересъ къ цѣлому ряду вопросовъ можно возбудить даже въ раскисающемъ человѣкѣ посредствомъ спора, нарочно начатаго, опредѣленно веденнаго. Интересъ можно возбуждать въ себѣ при помощи рытья въ книгахъ, даже путемъ перелистыванія болѣе или менѣе многихъ книгъ. Нѣтъ на свѣтѣ такого человѣка, для котораго бы не отыскалась во Вселенной дѣйствительно для него интересная книга. На такую книгу онъ можетъ самъ наткнуться, а шансы для того увеличиваются напр. тогда, когда человѣкъ роется въ книгахъ, перебираетъ ихъ и имена авторовъ, ловя на лету и идеи, и факты, и т. д., изъ которыхъ иные и захватываютъ его настолько, что онъ беретъ книгу и читаетъ ее отъ доски до доски. Для другого же читателя и даже для того самаго, но въ другой моментъ, та же самая книга вовсе не покажется захватывающей. Разумѣется, самъ читатель долженъ думать о томъ и давать себѣ самому отчетъ, что же собственно могло-бы его заинтересовать теперь въ наибольшей степени? Даже одна постановка такого вопроса помогаетъ многимъ, и съ этого-то они и начинаютъ свои занятія надъ самообразованіемъ. Затѣмъ остается искать книгу, которая даетъ отвѣтъ. Нельзя не вѣрить, что есть на свѣтѣ такая и для него, — и она-то и интересна. А только интересная книга читается безъ усилій, а, значитъ, и безъ утомленія. Такимъ образомъ, вопросъ о читательскомъ вниманіи сводится, въ конечномъ итогѣ, къ вопросу объ интересности, а читатели дѣлятся по отношенію къ вниманію.

1. На такихъ, которые могутъ руководить своимъ вниманіемъ и дѣлать надъ собою усилія, заставляя себя читать то, что нужно (напр. по системѣ), а не только то, что пріятно.

2. На такихъ, которые органически не способны дѣлать этого и которые ловятъ свое образованіе „на лету".

Читатель перваго типа останется очень доволенъ

астрономіей Ньюкомба и Энгельмана. Для читателя второго типа необходимъ Фламмаріонъ. Первые заинтересуются, при прочихъ равныхъ условіяхъ, и Шефле, вторымъ нуженъ Беллами.

V. Предыдущее читательское свойство находится въ тѣснѣйшей связи съ умѣньемъ усваивать содержаніе читаемой книги. Но что значитъ усвоить ея содержаніе? Это значитъ не только вложить его въ свою голову, но еще такъ вложить, чтобы оно тамъ срослось съ тѣмъ, что уже раньше было вложено туда же, — такъ чтобы новыя мысли слились съ прежними, подкрѣпили или опровергли ихъ, чтобы факты прибавились къ фактамъ, нашли свое мѣсто въ ихъ складѣ, въ томъ самомъ его уголкѣ, гдѣ имъ и надлежитъ помѣститься, заняли бы опредѣленное положеніе въ системѣ, не остались бы гдѣ-то внѣ ея, одиноко и въ сторонѣ, а, прицѣпившись къ другимъ, вошли бы, черезъ нихъ, въ связь и съ третьими, и съ четвертыми, и многими-многими и, такимъ способомъ, какъ бы „пустили корень въ читательской душѣ“ Если какая нибудь идея пускаетъ корень, — это значитъ, — она приходитъ въ связь, сливается со многими другими. Но особенно важно, чтобы она пришла въ связь съ фактами, другими словами (какъ о томъ было уже сказано выше) съ опредѣленной группой ощущеній и житейскихъ впечатлѣній. Ощущенія же, — это результатъ столкновенія нашего съ тѣмъ, что внѣ насъ; органы чувствъ, — это какъ бы наши щупальцы, которыми мы такъ и сякъ пробуемъ внѣшній міръ. Пробовать, ощущать, правильно связывать свои ощущенія, впечатлѣнія, представленія, идеи, провѣрять ихъ одни другими, и порознь, и группами, а этими послѣдними провѣрять идеи все болѣе и болѣе и даже самыя отвлеченныя, — это и значитъ подводить настоящій фундаментъ подъ свое міросозерцаніе, и прочнѣе этого фундамента нѣтъ ничего, да и быть не можетъ. Усвоенныя идеи, какъ и усвоенное міросозерцаніе — это такія, которыя уже опираются на такой самый фундаментъ. Но настоящее усвоеніе требуетъ кой-чего еще большаго.

Оно требуетъ, чтобы всѣ идеи, все міросозерцаніе не стояли отдѣльно ни отъ нашихъ чувствъ, эмоцій, ни отъ нашей воли. Всякой идеѣ, даже самой высокой, по меньшей мѣрѣ, лишь полъ-цѣны, если она не затрагиваетъ міра нашихъ чувствъ, не ведетъ, прямо или косвенно, ни къ какимъ дѣйствіямъ. Настоящее усвоеніе предполагаетъ связь идей, эмоцій, волненій, поступковъ,— предполагаетъ ассоціаціи, связи всего этого. Разные люди обладаютъ далеко не одинаковой способностью усваивать книжное содержаніе въ этомъ смыслѣ. Иные дѣлаютъ это очень быстро и прочно, другіе хоть и обладаютъ ею, но такъ, что образовавшіяся ассоціаціи идей, чувствъ, дѣйствій хотя легко и образуются, но и легко разрушаются. О такого рода читателяхъ и писалъ когда-то Некрасовъ въ своей поэмѣ „Саша“: „что ему книжка послѣдняя скажетъ, то ему на сердце и сверху ляжетъ“. Примѣръ того, какъ не слѣдуетъ читать хорошія книги. Такимъ образомъ, всѣ читатели, по отношенію къ способности усвоенія новыхъ знаній и ихъ связыванія (ассоціированія) съ уже имѣющимися, могутъ быть распредѣлены тоже на двѣ главнѣйшихъ категоріи:

1. Тѣ, которые усваиваютъ ихъ прочно и разносторонне.

2. Тѣ, которые легко и односторонне усваиваютъ, но и легко отбрасываютъ.

Читатели перваго типа, при прочихъ равныхъ условіяхъ, могутъ получить изъ меньшаго количества книгъ больше, чѣмъ читатели второго, которые для лучшаго усвоенія должны прибѣгать болѣе или менѣе часто къ повтореніямъ усвоеннаго. Правда, повтореніе это выгоднѣе вести по другимъ книгамъ, чѣмъ какія читаны были въ первый разъ: легко воспринимая новое, они не могутъ не извлекать изъ подсознательной области своей души и старое,— то, что вошло въ эту область когда-то, но не осталось въ области сознанія. Читателямъ этого типа, быть можетъ, слѣдуетъ подбирать книги для послѣдовательнаго

чтенія такимъ способомъ, чтобы, при помощи вновь читаемыхъ книгъ повторять вмѣстѣ съ тѣмъ и прежде узнанное изъ той же области. Имъ не выгодно быстро переноситься изъ науки въ науку, изъ одной области въ другую безъ переходныхъ звеньевъ, напр. сразу переходить отъ исторіи къ астрономіи и вообще дѣлать подобные скачки. Выгоднѣе перейти отъ одной къ другой постепенно, путемъ медленно расширяющагося связыванья образовъ и идей, напр. отъ „Исторія человѣческой культуры“ Кольба или другого общаго обзора судебъ человѣчества къ „Исторіи умственнаго развитія Европы“ Дрэпера, гдѣ роль астрономическихъ открытій въ судьбахъ человѣчества ярко освѣщена, затѣмъ къ „Исторіи астрономіи“ Берри, гдѣ излагается уже и самая суть этихъ открытій. Читая эти три книги въ такой послѣдовательности черезъ нѣкоторые промежутки времени, читатель даннаго типа три раза долженъ будетъ припомнить многое изъ прежде читаннаго, но только въ иной связи и въ разныхъ комбинаціяхъ, внѣдряя такимъ образомъ въ свой умъ научныя данныя одновременно и путемъ повторенія, и въ новой формѣ. Правда, далеко не для всѣхъ читателей даннаго типа такой пріемъ оказывается одинаково дѣйствительнымъ, но для многихъ онъ несомнѣнно практиченъ: одни и тѣ же данныя (въ нашемъ случаѣ историческія) пускаютъ, такъ сказать, корни въ душу тремя путями, въ разной связи, въ разныхъ отношеніяхъ. И это повтореніе, и болѣе полное и разностороннее ассоціированіе ихъ нерѣдко помогаетъ укрѣпленію и углубленію прочитаннаго. Къ тому же ведетъ система, изложенная выше: чтеніе не по наукамъ, а по вопросамъ, освѣщаемымъ сразу многими науками. Читатель съ хорошо развитой способностью ассоціировать менѣе нуждается въ этой послѣдней системѣ, какъ пріемѣ лучшаго усвоенія.

VI. Далѣе есть читатели, которые не выносятъ такъ называемыхъ „сухихъ книгъ“, — настолько не выносятъ, что содержаніе этихъ послѣднихъ, благодаря своему „сухому“ изложенію, оказывается совершенно неусвояемымъ для нихъ.

Такого рода читатели, обыкновенно, представляютъ изъ себя людей живыхъ, жизненныхъ, подвижныхъ, умѣющихъ не только (а можетъ быть не столько) разсуждать, сколько переживать, — всѣмъ своимъ существомъ, всѣми сторонами своей души. Люди цѣльные, люди гармоничные не способны отдѣлять своихъ идей отъ чувствъ, а эти послѣднія — отъ дѣйствій. Такое раздѣленіе представляется имъ не только нелѣпымъ, но и невозможнымъ, потому что они переживаютъ то, что имъ даетъ книга, и умомъ, и чувствомъ, и волей. Съ точки зрѣнія такихъ людей, отвлеченное сужденіе, хотя бы самое правильное, но не одухотворенное чувствомъ и волей, въ сущности, уродство, потому что всякая идея вызываетъ, должна вызывать то или иное настроеніе, — въ томъ числѣ даже математическая теорема, потому что и она способна возбуждать въ иныхъ радость, въ иныхъ скуку, въ иныхъ настроеніе преодолѣваемой трудности (при ея доказываніи), словомъ сказать, эмоціи и эмоціи. Такихъ людей книга, написанная безъ настроенія, отталкиваетъ. Но есть и другіе люди, которые смотрятъ, на ту же книгу совершенно иначе: книги, съ настроеніемъ написанныя, кажутся для нихъ какимъ-то „искаженіемъ истины“ или „многословной болтовней“, или „черезчуръ субъективными“, и т. п. Читатели перваго типа подходятъ къ книгѣ какъ цѣлостныя личности, читатели второго типа — какъ „безпристрастные“ мыслители, считающіе, что доказательство должно стоять выше всякихъ чувствъ и въ сторонѣ отъ нихъ. Такимъ образомъ, по отношенію къ эмоціональности, читатели могутъ быть раздѣлены также на двѣ категоріи:

1. Людей эмоціональныхъ настолько, что свою эмоціональность они совершенно неспособны изолировать отъ другихъ сторонъ своей личности, т. наз. людей „чувства“ и „сердца“.

2. Людей, способныхъ къ такой изоляціи, т. наз. людей „ума“.

Читатели перваго типа меньше извлекутъ изъ „Очерка

психологіи" Геффдинга и Джемса, чѣмъ изъ труда Тэна „Объ умѣ и познаніи", больше изъ „Живописной астрономіи" Фламмаріона, чѣмъ изъ Ньюкомба, изъ „Исторіи политическихъ идей" Коха, чѣмъ изъ „Политическихъ мыслителей" Б. Чичерина. (Здѣсь мы имѣемъ въ виду лишь форму изложеніи въ этихъ книгахъ, а не различіе содержаній ихъ, — вопросъ, который долженъ разсматриваться особо, когда рѣчь идетъ о первомъ знакомствѣ съ данной областью знанія. Перспективы для пополненія своихъ знаній безграничны, но начинающій читатель, если онъ человѣкъ съ настроеніемъ, почти всегда отскакиваетъ отъ сухой книги.

VII. Можно намѣтить опредѣленныя категоріи читателей и съ точки зрѣнія ихъ воли. Есть читатели импульсивные, — люди легко возбудимые и настолько скоропалительно возбуждающіеся, насколько же быстро и охладѣвающіе къ тому, что ими изъ данной книги вычитано. Съ другой стороны, есть читатели, которыхъ даже самая импульсивная книга раскачать не можетъ или раскачиваетъ съ огромнымъ трудомъ. Эти послѣдніе не грѣшатъ быстрыми рѣшеніями, но ужъ если придутъ къ нимъ, такъ при нихъ и останутся болѣе или менѣе надолго. У первыхъ книга захватываетъ ихъ волю не цѣликомъ, — самая воля держится у нихъ, такъ сказать, на поверхности ихъ жизни, у вторыхъ воля охватываетъ самыя глубины души и дѣятельности. О волѣ мы еще будемъ говорить въ слѣдующей главѣ, здѣсь же отмѣчаемъ фактъ болѣе или менѣе всѣмъ извѣстный, что значеніе данной книги въ жизни и дѣятельности читателя зависитъ отъ его импульсивности, отъ его способности воплощать содержаніе этой книги въ жизнь, въ свои поступки. Активность или пассивность читательской природы должны быть принимаемы въ расчетъ при организаціи самообразованія и при выборѣ книгъ. Въ данномъ отношеніи можно намѣтить слѣдующіе двѣ категоріи читателей:

1. Легко поддающихся волевому вліянію книги.
2. Трудно поддающихся ему.

Читатель импульсивнаго типа, начитавшись Майнъ-

Рида и Густава Эмара еще съ гимназической скамьи, стремится пуститься въ путь прямо въ страну индѣйцевъ. Тотъ же читатель быстро и рѣзко поддается дѣйствію агитаціонной литературы. На читателя такого же типа оказываютъ развращающее вліяніе книги порнографическаго характера. Напротивъ, ихъ вліяніе неизмѣримо меньше на читателя не импульсивнаго, „волевого". Даже въ томъ случаѣ, если и тотъ и другой съ одинаково хорошо развитымъ воображеніемъ. Правда, воображеніе играетъ здѣсь не малую роль, но эта роль не рѣшающая. Читатели апатичные реагируютъ на книжное содержаніе опять по своему: для такихъ не „опасны" такія книги, которыя для импульсивныхъ — ядъ. Такимъ образомъ, и въ смыслѣ воли и дѣятельности нельзя не принимать во вниманіе индивидуальность читателя, рѣшая вопросъ о книгѣ, которая подходитъ къ нему.

Мы не будемъ говорить здѣсь о цѣломъ рядѣ другихъ сторонъ читательскихъ, — съ одной стороны, и книгъ съ другой, наприм. объ эстетичности, о красотѣ изложенія, объ отзывчивости и толстокожести читателей, о ихъ эгоизмѣ и альтруизмѣ и т. д. Оставляемъ въ сторонѣ и физическіе, и антропологическіе признаки, каковы напр. состояніе здоровья, бодрость или переутомленіе читателя, его полъ, возрастъ. Ни одна изъ этихъ чертъ не остается безъ вліянія на процессъ читательства и на результаты чтенія, каждая играетъ болѣе или менѣе важную роль въ дѣлѣ самообразованія и такъ или иначе отражается и на количествѣ чтенія, и на его качествѣ, и на усвоеніи книжнаго содержанія, и вліяетъ на его жизненное практическое значеніе для даннаго читателя. Обо всѣхъ этихъ сторонахъ своего Я долженъ думать самъ читатель, — по крайней мѣрѣ вдумываться въ нихъ. Здѣсь мы коснемся еще лишь двухъ очень важныхъ вопросовъ: во-первыхъ, о подготовкѣ читателя, о его образовательномъ уровнѣ, во-вторыхъ, о той средѣ, въ которой ему приходится жить.

VIII. Разумѣется, выбирая для себя книгу даже не-

только научную, читатель неизбѣжно предъявляетъ къ ней слѣдующій вопросъ: да окажется ли она достаточно понятной для меня, для такого, каковъ я теперь? Не требуетъ ли она отъ меня, для своего пониманія, гораздо больше знаній и болѣе высокаго умственнаго развитія, чѣмъ тѣ, какія у меня имѣются? Всѣ существующія книги можно распредѣлить, болѣе или менѣе удачно, по восходящимъ или нисходящимъ ступенямъ относительной трудности ихъ пониманія. Обыкновенно такое распредѣленіе и дѣлается, причемъ въ основу его кладутся типы или классы учебныхъ заведеній, наиболѣе распространенныхъ въ данной странѣ. Такимъ образомъ, есть книги, доступныя читателямъ, получившимъ образованіе ниже средняго (I), книги, предполагающія въ читателѣ среднее образованіе (II), или даже высшее (III), или даже спеціальное (IV). Правда, эти четыре главнѣйшихъ категоріи не рѣзко разграничены одна отъ другой; кромѣ того, учебныя заведенія, дающія спеціальное образованіе въ одной какой либо отрасли знанія, даютъ лишь начальныя свѣдѣнія въ другой, а среднее или высшее — въ третьей; во всякомъ случаѣ, одинъ и тотъ же человѣкъ, если можно такъ выразиться, стоитъ, въ разныхъ отрасляхъ знанія и развитія, на разныхъ уровняхъ. Но, тѣмъ не менѣе, самые эти уровни и различимы, и поддаются опредѣленію. Книжникъ, хорошо знающій книжныя богатства не только съ внѣшней стороны, можетъ даже опредѣлить болѣе или менѣе точно, какая книга какую книгу дополняетъ, продолжаетъ, углубляетъ и т. д. Такого рода знанія даются болѣе или менѣе легко всѣмъ тѣмъ, кто имѣетъ около себя много книгъ и кто привыкъ, и умѣетъ, и любитъ рыться въ книгахъ — привычка, умѣнье и любовь, пріобрѣтеніе которыхъ нельзя не признавать особенно желательными и даже необходимыми для каждаго читателя, а тѣмъ болѣе систематически работающаго надъ самообразованіемъ. Но, говоря о степеняхъ подготовки, не слѣдуетъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, забывать и основного факта читательской психологіи, а этотъ фактъ, съ особенной глубиной, эру-

диціей и талантомъ констатированный проф. А. Потебней, заключается вотъ въ чемъ: всякое слово есть прежде всего орудіе возбужденія мысли, и лишь затѣмъ — орудіе передачи ея. Слыша изъ другихъ устъ какое либо слово, человѣкъ связываетъ съ нимъ свои собственные запасы, — тѣ, какіе уже имѣются въ его головѣ, а вовсе не тѣ, какія были въ головѣ сказавшаго это слово. Но кто можетъ утверждать, что эти запасы тождественны? У разныхъ людей они болѣе или менѣе различны, и чѣмъ общѣе и отвлеченнѣе данное слово, тѣмъ болѣе различны запасы, лежащіе въ основаніи нашихъ общихъ понятій. И еще болѣе различны чувства, эмоціи, уже связанныя или ассоціирующіяся съ даннымъ словомъ, а о стремленіяхъ, активности, волѣ и говорить нечего. Не трудно себѣ поэтому представить, что происходитъ въ душѣ человѣка, слышащаго изъ чужихъ устъ какое либо слово. Это послѣднее — вродѣ какъ искра, прилетѣвшая изъ одного порохового погреба въ другой и зажигающая его содержимое, взрывающая то, что на лицо въ этомъ другомъ погребѣ,—въ томъ, куда она прилетѣла. Но если это такъ относительно одного слова, то что же сказать о совокупности словъ, объ описаніяхъ, разсужденіяхъ, спорахъ и т. д.? Въ виду этого общеизвѣстнаго факта, еще не всѣми достаточно оцѣненнаго, по его глубокой важности, нельзя не придти къ выводу, что самая суть чтенія заключается вовсе не въ восприниманіи чужихъ знаній, чужихъ идей, чужихъ настроеній изъ читаемой книги, а въ переживаніи своихъ собственныхъ. Самая суть въ переживаніяхъ читателя, а не въ содержаніи и не выкладываніи души писателя. Разумѣется, сближеніе и той и другой и желательно, и полезно, но этому сближенію есть и вполнѣ естественныя преграды: оно очень относительно и никогда и нигдѣ не бываетъ и не можетъ быть полнымъ, потому что всѣ люди болѣе или менѣе не похожи одинъ на другого, и чѣмъ развитѣе индивидуальность человѣка, т. е. его личныя особенности, тѣмъ меньше частныхъ сходствъ между людьми. Съ другой сто-

роны, сама же природа указываетъ пути для возможнаго сближенія читателя и писателя, и эти пути состоятъ въ сходствѣ ихъ психическихъ организацій, о чемъ уже было сказано выше. Пословица говоритъ „Рыбакъ рыбака видитъ издалека“. Физика учитъ, что звенящій камертонъ заставляетъ естественно и неизбѣжно звучать и другой камертонъ того же самаго тона. Тоже самое происходитъ и между людьми: люди оказываются и болѣе понятными, и болѣе близкими, въ зависимости отъ сходства ихъ свойствъ съ нашими собственными, — одного или нѣсколькихъ. Иногда кажется, что закадычными друзьями оказываются какъ будто бы и противоположныя натуры; но, проанализировавъ ихъ хорошенько, всегда приходишь къ выводу, что въ томъ, что соединяетъ ихъ, всетаки наблюдается нѣкоторое сходство, а это послѣднее, по тѣмъ или инымъ причинамъ оказывается могущественнѣе, чѣмъ различія въ разныхъ другихъ свойствахъ. Такимъ же бываетъ и взаимодѣйствіе читателя и книги, т. е. автора, ее написавшаго, и читателя. Наши друзья - книги — это значитъ, наши друзья — ихъ авторы, а вліяніе книги на насъ, — это вопросъ сходства тѣхъ или другихъ сторонъ читательской и авторской психологіи. Степень вліянія и близости находится въ прямой зависимости отъ размѣровъ и качества сходствъ. И знаніе, и пониманіе, и настроеніе передается отъ человѣка къ человѣку по тому же закону; не можетъ происходить независимо отъ него и вліяніе одного поколѣнія на другое. Впитывать въ себя результаты отъ работы человѣчества наиболѣе экономичнымъ для себя способомъ можно лишь подчиняясь тому же закону, т. е. отыскивая въ массѣ людей и въ массѣ книгъ свои собственныя подобія, — только такимъ способомъ можетъ прозойти наиболѣе полная и точная передача чужихъ знаній, идей, настроеній отъ человѣка къ человѣку, — передача, насколько она лишь возможна для зоологическаго вида Homo sapiens (человѣкъ) въ его нынѣшней фазѣ развитія. Интересно, что человѣчество уже давно, но только

болѣе или менѣе безсознательно, чувствуетъ существованіе этой естественной преграды въ дѣлѣ взаимнаго пониманія и всегда старалось обходить ее разными способами. Для этого придумывались разные педагогическіе пріемы, литературныя условныя формы, принудительныя нормы и предписанія, и т. д., и т. д. По той же основной причинѣ уже давно перестали многіе, наиболѣе сознательные люди довѣрять чужимъ словамъ, провѣряя эти послѣднія тѣмъ, что существуетъ за предѣлами этихъ словъ, т. е. самою природой, которая для всѣхъ одна и та же, и для каждаго отдѣльнаго человѣка всегда является какой-то внѣшней силой, гораздо болѣе объективной, чѣмъ чужіе разговоры о ней. Но вѣдь даже лучшая изъ лучшихъ книгъ даетъ не больше какъ нѣкоторое пониманіе чужихъ словъ, чужихъ символовъ, схемъ и системъ. Впитываніе-же настоящаго знанія и пониманія сводится къ переводу этихъ чужихъ словъ на языкъ своей собственной психики, а этотъ послѣдній, какъ уже было сказано выше, находится въ полной зависимости отъ тѣхъ запасовъ, какіе имѣются въ данной головѣ, и эти запасы протекаютъ туда изъ жизни, изъ житейскаго опыта, — изъ собственныхъ переживаній, которыя, какъ мы видѣли, и составляютъ главную и самую прочную базу образованія. Поэтому сдѣлаться образованнымъ, въ конечномъ итогѣ, это значитъ — самому пережить, самому передумать, самому перечувствовать, а кромѣ того и побороться за это свое передуманное, пережитое, перечувствованное. Такимъ образомъ и съ этой стороны мы естественно приходимъ къ тому же выводу, къ какому приходили нѣсколько и раньше.

Но если это такъ, то центръ читательскихъ отношеній къ книгѣ переносится на новую почву. Самая суть чтенія, какъ мы сказали, заключается въ передумываніи и въ перечувствованіи своихъ собственныхъ думъ и чувствъ, и въ испытаніи своихъ собственныхъ волевыхъ побужденій, а не въ простомъ усвоеніи чужихъ. Нерѣдко бываетъ такъ, что

читателю попадается очень трудно написанная книга, но онъ всетаки берется за ея чтеніе, передумываетъ свои думы надъ каждымъ ея словомъ и, какъ водится, съ каждой страницы впитываетъ настроеніе ея автора; какъ извѣстно, настроеніе это выражается множествомъ, подчасъ неуловимыхъ, мелочей, въ самой разстановкѣ словъ, въ нѣкоторыхъ словахъ и словечкахъ, внѣдренныхъ въ текстъ, иногда какъ будто „ни къ селу ни къ городу“; но на читателя все это дѣйствуетъ даже съ большей легкостью, чѣмъ самая мысль автора. Намъ извѣстенъ одинъ замѣчательный примѣръ, когда одинъ сапожникъ, никогда не бравшій въ руки никакой книги кромѣ „Векфильдскаго священника“ Гольдсмита, сразу принялся за „Цѣнность жизни“ Дюринга, случайно попавшую ему подъ руку, сталъ ее читать, передумывая каждое слово ея по своему, и, такимъ образомъ, совершилъ гигантскую умственную работу, проявивъ незаурядную силу ума, но во все это время оставаясь почти совсѣмъ чужимъ самому Дюрингу и его теоріямъ: вся эта работа была въ сущности оригинальной, пониманіе читателя шло по собственнымъ рельсамъ, и результаты этой работы оказались тоже своими собственными, не чужими, оригинальными и сразу возвысили человѣка и поставили его умственное развитіе на значительную высоту. Этотъ фактъ въ рѣзкой и яркой формѣ рисуетъ самую суть пониманія и чтенія. Огромное большинство читателей, думая, что они читаютъ и даже изучаютъ даннаго автора, въ сущности думаютъ свои собственныя думы, а изъ чтенія книги выносятъ не чужое, а свое. Лучшей иллюстраціей этой истины можетъ служить исторія критики и сравненіе разныхъ рецензій и критическихъ статей объ одной и той же выдающейся книгѣ: всѣ эти критики и рецензіи прежде всего характеризуютъ и знаменуютъ самихъ критиковъ, т. е. читателей, чѣмъ автора, т. е. творца. Изъ самихъ цѣнныхъ элементовъ всѣхъ этихъ отзывовъ о книгахъ, т. е. мнѣній, остается лишь указаніе на научныя стороны книги, на недостатки научности и на констатиро-

ваніе литературно-общественнаго или научно-философскаго направленія даннаго автора, т. е. сведеніе критики къ двумъ основнымъ критеріямъ всякой хорошей книги, о чемъ мы говорили въ предыдущей главѣ: — къ критеріямъ истины и справедливости. Поэтому не будемъ преувеличивать отрицательной стороны чтенія такой книги, въ которой „не все понятно“. Пусть читатели не боятся книгъ не вполнѣ понятныхъ и даже совсѣмъ не понятныхъ, лишь бы они читали ихъ не по образцу гоголевскаго Петрушки, а передумывали бы во время чтенія свои собственныя думы. Это особенно важно помнить, имѣя въ виду книги, содержащія чужія мнѣнія, т. е. изъ отдѣла т. наз. гуманитарныхъ наукъ. Въ отдѣлѣ естествознанія, какъ извѣстно, на первомъ мѣстѣ стоятъ не мнѣнія, а факты, и знакомиться съ этими послѣдними приходится лишь двумя способами: или самому созерцая ихъ въ жизни, или воображая то, что даютъ ихъ точныя описанія.

Такимъ образомъ, не упуская изъ вида чрезвычайной относительности т. наз. „степени пониманія и подготовки“, можно раздѣлить всѣхъ читателей на слѣдующія главнѣйшія категоріи:

1. Читатели, получившіе образованіе ниже средняго.
2. Читатели съ среднимъ образованіемъ.
3. Читатели съ образованіемъ высшимъ.
4. Читатели со спеціальнымъ образованіемъ.

О классификаціи книгъ по трудности изложенія мы говорить не будемъ, т. к. каждый читатель знаетъ, что есть книги для него недоступныя и есть доступныя. Мы можемъ лишь сказать, опираясь на непосредственное знакомство съ русскими книжными богатствами, что мало такихъ вопросовъ и отраслей знанія, въ которыхъ любому читателю, съ любой подготовкой, не найдется подходящихъ книгъ или, въ крайнемъ случаѣ, журнальныхъ статей. Фактически это утвержденіе, думается намъ, доказано нашимъ большимъ трудомъ „Среди книгъ“. Тамъ-же мы указали наиболѣе цѣнныя книги во всѣхъ отрасляхъ знанія и распредѣлили

ихъ по степенямъ трудности пониманія. Значитъ, книги найдутся для каждаго читателя. Онѣ уже написаны и отпечатаны, и къ прежде появившимся все прибавляются и прибавляются новыя. Теперь дѣло только за читателемъ и за добываніемъ книгъ.

IX. Переходимъ теперь наконецъ къ послѣднему вопросу, нами намѣченному — вопросу о значеніи для даннаго читателя той среды, въ которой ему пришлось родиться, и приходится жить, и которая его воспитала, т. е. изъ которой онъ впиталъ наибольшее количество своихъ психическихъ запасовъ. Эта сторона читательства особенно интересна, и ея значеніе несомнѣнно громадно. Мы говоримъ о ней подробно въ другомъ мѣстѣ [1]), здѣсь же скажемъ объ этомъ лишь очень кратко. Мы только что показали, какую роль играютъ, въ дѣлѣ накопленія знаній и въ развитіи пониманія, тѣ запасы, какіе имѣются въ душѣ человѣка. Ихъ-то и будоражитъ, съ ними-то и сталкивается то, что даетъ данному читателю данная книга. Они-то и есть тотъ матеріалъ, который вспыхиваетъ подъ вліяніемъ читаемой книги, словно отъ искры. И сплошь да рядомъ выходитъ такъ, что самая искра, вызвавшая этотъ взрывъ, совершенно теряется въ его пламени. Психологія учитъ, что всякая наша мысль, всякое переживаніе, только что въ насъ возникающее, есть ничто иное, какъ результатъ, т. е. равнодѣйствующая нѣсколькихъ, даже очень многихъ силъ, и во всякомъ случаѣ и по меньшей мѣрѣ двухъ главныхъ: во-первыхъ, того новаго впечатлѣнія, которое только что пришло, во-вторыхъ, того запаса, который уже былъ въ данной головѣ. Въ результатѣ ихъ столкновенія, человѣкъ одновременно видитъ и то, и другое, — новое вмѣстѣ со старымъ, прежнимъ, одно налегаетъ на другое, сливается съ нимъ и, разумѣется, въ большей или меньшей степени, искажаетъ и затемняетъ это новое. Человѣкъ пріурочиваетъ его къ старому, прежнему, — другими словами, судитъ о

1) Этюды по психологіи читательства.

немъ не по нему самому, а по чему-то другому, не имѣющему иной разъ ничего общаго съ этимъ новымъ. Въ каждой читательской головѣ постоянно происходитъ работа искаженія чужихъ мыслей своими, что, собственно, и дѣлаетъ невозможнымъ пониманіе чужого. На этой-же почвѣ развиваются т. наз. „предвзятые взгляды“, „тенденціи“, „интересы“, разные въ разной обстановкѣ, въ разной средѣ, въ разные историческіе моменты и т. д. Даже борясь противъ накопившагося и накопляющагося такимъ способомъ хлама, человѣкъ лишь съ величайшимъ трудомъ, и то лишь не вполнѣ, съ нимъ справляется. Но что же сказать о тѣхъ, кто съ нимъ не борется, кто вовсе даже не сознаетъ, что, въ сущности, не онъ самъ хозяинъ своихъ мыслей, а эти запасы, внѣдрившіеся, укоренившіеся, захватившіе его душу еще „подъ кровлею отеческой“, подъ которой какъ извѣстно, не все и не всегда обстоитъ благополучно [1])? Но такъ или иначе, вліяніе среды несомнѣнно мѣшаетъ усвоенію не только теорій, болѣе или менѣе идущихъ вразрѣзъ съ требованіями этой среды, но даже и фактовъ: если и эти послѣдніе являются наглядным опроверженіемъ традиціонныхъ мнѣній, то и на нихъ иной разъ закрываютъ глаза, голословно ихъ отрицаютъ, передѣлываютъ ихъ детали, искажаютъ самый очевидный ихъ смыслъ. Человѣкъ, находящійся подъ обаяніемъ своей затхлой среды, — классовой, сословной, профессіональной, оказывается иногда совершенно неспособнымъ къ усвоенію многихъ истинъ и къ пониманію элементарнѣйшихъ требованій справедливости. И истина, и справедливость для него какъ бы не существуютъ. Мѣсто первой занимаетъ авторитетъ и традиціи, мѣсто второй—классовые, сословные, профессіональные интересы. Попробуйте доказывать, напр., человѣку, живущему присвоеніемъ чужого неоплаченнаго труда, что такая

---

[1]) По этому интересному вопросу рекомендуемъ читателю прочесть книгу Спенсера „Объ изученіи соціологіи“ и тѣ главы любого учебника психологіи, гдѣ рѣчь идетъ о такъ наз. апперцепціи.

его жизнь, въ самой своей основѣ, противорѣчитъ элементарной справедливости, — онъ подберетъ вамъ тысячу разныхъ доказательствъ, что такъ и должно быть, что его жизнь и есть настоящая справедливость. Попробуйте дать такому читателю книгу, трактующую о присвоеніи чужого труда не съ его, а съ иной точки зрѣнія, — этотъ читатель отскочитъ отъ нея какъ отъ рожна, отнесется къ ней какъ къ „тенденціозной“, „нелѣпой“, „возмутительной“ и т. п. Подобно этому отнесется къ атеистической книжкѣ человѣкъ традиціонно-вѣрующій, церковный; такъ же посмотритъ заядлый развратникъ на книжку морализирующую: онъ ее станетъ вышучивать. Этимъ же несоотвѣтствіемъ книжнаго содержанія съ тѣмъ, что раскрываетъ читающей толпѣ сама жизнь, ея экономическая и правовая обстановки во всѣхъ странахъ, во всѣ времена объясняется съ одной стороны неспособность реакціонной литературы вліять на широкіе читательскіе круги, а съ другой, успѣхи т. наз. подпольной литературы, хотя бы она была въ ничтожно маломъ количествѣ, если только она дѣйствительно выражаетъ нужды и потребности общественной жизни. Такимъ образомъ, работая надъ выработкой своего міросозерцанія, нельзя не принимать въ расчетъ не только самого себя, свои собственныя особенности, — нужно еще учитывать и особенности своей среды, а, значитъ, и того историческаго момента, когда живешь. Одинъ изъ лучшихъ способовъ для борьбы съ традиціями среды состоитъ въ томъ, чтобы систематически знакомиться съ различными, даже прямо противоположными взглядами на одно и тоже общественное явленіе, — не замалчивать, по возможности, никакого изъ нихъ, ко всѣмъ относиться терпимо, обращая прежде всего вниманіе на то, что можетъ соединить людей, а не на то, что разъединяетъ ихъ, на всякое мнѣніе смотрѣть какъ на историческій фактъ, который потому и существуетъ на свѣтѣ, что есть на лицо опредѣленныя условія, которыя его породили и которыя и предстоитъ понять и оцѣнить. Одна изъ задачъ образо-

ванія заключается въ томъ, чтобы сдѣлать себя возможно независимѣе отъ окружающей среды, перестать считать ея мнѣнія своими мнѣніями, не принимать ихъ болѣе на вѣру безъ своей собственной оцѣнки и переоцѣнки. Перестать бояться чужихъ мнѣній, несогласныхъ со своими — это одна изъ первыхъ привычекъ, которую долженъ выработать въ себѣ человѣкъ. Въ настоящее время всѣхъ читателей можно раздѣлить на двѣ категоріи, съ точки зрѣнія ихъ отношенія къ традиціямъ и интересамъ ихъ среды:

1. Читателей, поглощаемыхъ этими традиціями.

2. Читателей, независимыхъ отъ нихъ въ своемъ мышленіи.

Разумѣется, и это поглощеніе, и эта независимость относительны, какъ и все на свѣтѣ.

Врядъ ли нужно доказывать, что истина — едина, и что справедливость — тоже едина, поскольку она сводится къ основному правилу всѣхъ нравственныхъ религій: „не дѣлай другимъ того, чего не желаешь, чтобы тебѣ дѣлали". Книга, завѣдомо сообщающая завѣдомую ложь, никогда не въ силахъ побѣдить книгу, дѣйствительно открывающую глаза на дѣйствительность и на жизнь. Книга, искренне защищающая интересы такого-то общественнаго класса, всегда возьметъ верхъ, при прочихъ равныхъ условіяхъ, надъ книгой неискренне, съ увертками говорящей объ этихъ интересахъ, а въ сущности добивающейся противоположнаго. Во всякомъ случаѣ, вліяніе литературы, втирающей очки въ глаза, повторяемъ это еще разъ, вовсе не страшно. Съ другой стороны не можетъ не чувствовать въ себѣ силы всякій человѣкъ, кто только съумѣлъ вооружить себя знаніемъ и пониманіемъ жизни. А такъ вооружить себя онъ можетъ не только изъ тѣхъ книгъ, которыя въ данный историческій моментъ кѣмъ-то и почему-то считаются кому-то и чему-то непріятными и даже „запрещенными" (было время до 1885 г., когда не допускались въ народныя читальни и Псалтырь царя Давида, и стихи К. Р. и т. д.). Изъ многихъ тысячъ книгъ дозволенныхъ, а еще того больше изъ самой жизни,

внѣдряется въ душу каждаго изъ насъ, если онъ только дѣйствительно жаждетъ служить истинѣ и справедливости, та силища, которой никакая темная сила не страшна и предъ которой она, въ сущности, ничтожна. Нужно лишь самому-то вооружиться знаніемъ и пониманіемъ и работатать, избѣгая кликушества и жупеловъ и разныхъ страшныхъ словъ. Продуманная идея и святое настроеніе — тотъ же протей: они способны ежеминутно мѣнять свой видъ, воплощаясь все въ новыя и новыя формы, и потому нѣтъ и не было той силы, которая могла бы живую идею остановить и заглушить. Словъ въ каждомъ культурномъ языкѣ много, и не въ одни, такъ въ другія слова человѣкъ, искренне преданный истинѣ и справедливости, всегда найдетъ возможность воплотить эти послѣднія и заставить забиться чужія сердца біеніемъ своего сердца и засвѣтить своимъ свѣтомъ чужіе умы. Нужно лишь о себѣ-то самомъ подумать, въ смыслѣ самовооруженія знаніемъ и пониманіемъ. Слабы въ этомъ отношеніи лишь тѣ, кто сами желаютъ быть слабыми, — распустехи нравственныя, нытики и сумы переметныя, которымъ отъ этихъ же ихъ качествъ и самимъ-то плохо и горько живется. Жизненную идею зажигаетъ въ чужой душѣ не только хорошая книга, но даже и не хорошая, если только она подходящая: одинъ изъ первыхъ разсказалъ народу о декабристахъ „Русскій Вѣстникъ“, реакціонный журналъ, статьями Татищева. Онъ же повѣдалъ о „старой и новой вѣрѣ“ Д. Штрауса, а абаттъ Гетте — о Ренанѣ (своими возраженіями ему). Нужно знать жизнь и читательскую душу и прежде всего сообразоваться съ этимъ, именно этимъ, а не со страшными и звонкими словами, которымъ грошъ цѣна... А вѣдь изъ-за нихъ-то чаще всего и страдаютъ люди со временъ испанской инквизиціи...

На этомъ мы и закончимъ нашъ бѣглый обзоръ основныхъ читательскихъ типовъ въ связи съ вопросомъ о выборѣ подходящихъ книгъ для нихъ. Изъ этого обзора, несмотря на его бѣглость, можно видѣть, тѣмъ неменѣе, какимъ образомъ и въ какомъ смыслѣ согласуется выборъ книгъ для изученія той или иной отрасли знанія съ особенностями

даннаго читателя. Не трудно замѣтить, что это согласованіе имѣетъ для каждаго занимающагося огромное практическое знаніе, и далеко не миѳическое или теоретическое а самое реальное. Имѣя же въ виду вышенамѣченные типы читателей и на основаніи изученія русскихъ книжныхъ богатствъ, мы позволяемъ себѣ утверждать, что для каждаго изъ этихъ читательскихъ типовъ можно указать книги именно имъ соотвѣтствующія.

X.

Воля и ея дѣло въ процессѣ самообразованія.

Выше мы говорили объ индивидуализаціи выбора книгъ въ цѣляхъ самообразованія, а въ предыдущей — указывали практическіе способы для постановки этой стороны дѣла на раціональную почву. Теперь мы будемъ говорить о волевой сторонѣ процесса самообразованія, не менѣе, если не болѣе важной, чѣмъ первая.

Въ настоящее время работа самообразованія сводится, въ сущности, къ одному, — къ чтенію, а то и почитыванію, а то и къ перелистыванію книгъ, и, въ лучшемъ случаѣ, къ ихъ изученію, вниканію въ ихъ содержаніе и т. п. Лучшіе и наиболѣе солидные работники надъ самообразованіемъ обыкновенно упражняютъ свою волю въ самомъ этомъ процессѣ чтенія и вниканія. На какую же именно работу затрачиваются эти усилія воли? Почти исключительно на преодолѣніе книгъ иного психическаго типа, на усвоеніе фактовъ и идей, изложенныхъ въ такой формѣ, какая несвойственна и трудно пріемлема психическимъ типомъ даннаго читателя, какая ему не соотвѣтствуетъ, также какъ и его соціологическому типу. Возьмемъ, напримѣръ, государственное право. Данныя этого послѣдняго (факты и теоріи) обыкновенно излагаются въ учебникахъ въ видѣ болѣе или менѣе стройной системы, логически построен-

ной, дедуктивно развиваемой, отвлеченно излагаемой. Типичными и очень хорошими книгами по государственному праву могутъ, напр., служить рекомендуемые всѣми комиссіями домашняго чтенія „курсы“, составленные проф. Н. Коркуновымъ и А. Градовскимъ. Представимъ теперь себѣ эти дѣйствительно превосходныя книги, лежащія передъ читателемъ индуктивнаго типа мышленія, передъ лучшими, передъ наиболѣе способными изъ нихъ. „Не могу я одолѣть, не могу я вмѣстить этой книги“, пишетъ намъ одинъ изъ такихъ читателей, человѣкъ прилежный, усидчивый и даже съ сильной волей. „Каждая истина государственнаго права, чуть не каждая фраза является передо мной вродѣ какъ на вѣсу. Я не знаю, на что онѣ всѣ опираются. Вижу что авторъ выводитъ то или другое изъ другихъ положеній. Но какихъ? Тоже такихъ-же, — висящихъ. А эти для меня не убѣдительны. Убѣждаютъ меня только тѣ мѣста книги, гдѣ рѣчь идетъ объ исторіи права. Вотъ это мнѣ понятно, когда передъ мной факты да дѣло“. Эта выписка изъ частнаго письма чрезвычайно характерна. Она подтверждаетъ еще разъ то, что было сказано въ предыдущей главѣ: читатель индуктивнаго типа не можетъ идти иначе къ усвоенію общихъ истинъ, какъ отъ фактовъ къ отвлеченіямъ. Пусть даже авторъ приводитъ ихъ лишь для иллюстраціи положеній, дедуктивно развиваемыхъ въ его книгѣ — читатель индуктивнаго типа, такъ сказать, выворачиваетъ ея изложеніе: послѣдующее (т. е. факты) онъ усваиваетъ раньше предыдущаго (т. е. тезисовъ); а если же онъ всетаки читаетъ и старается усвоить тезисы, — на это онъ затрачиваетъ массу усилій со стороны своей воли, пускаетъ, при ея помощи, въ ходъ свое произвольное вниманіе и всетаки, не имѣя возможости, по складу своего ума, использовать вниманіе произвольное, играющее столь огромную роль въ экономіи чтенія, устаетъ, преждевременно ослабѣваетъ. Правда, при такой постановкѣ дѣла воля упражняется. Но вмѣстѣ съ тѣмъ она и истощается. Въ результатѣ самообразованіе приводитъ, въ такихъ слу-

чаяхъ, не къ укрѣпленію, а къ истощенію, и не только ума, но и воли. Въ другихъ случаяхъ люди дѣйствительно сильной воли буквально „потѣютъ надъ книгами“, имъ не подходящими, дѣлаютъ выписки, составляютъ конспекты, наконецъ, стараются заучивать нѣкоторыя ихъ мѣста наизусть, затрачивая массу усилій на всю такую работу. Но и она оказывается почти ни къ чему, потому что идеи, усваиваемыя при помощи всѣхъ этихъ пріемовъ, все-таки не пускаютъ глубокихъ корней въ мозгъ, остаются на поверхности въ видѣ готовыхъ истинъ, чужихъ тезисовъ. И это до тѣхъ поръ, пока къ нимъ не подберутся, посредствомъ все новаго и новаго чтенія разныхъ другихъ книгъ, тѣ матеріалы, которые должны лежать въ основѣ всякаго усвоеннаго человѣкомъ знанія. У людей такого типа весь процессъ ихъ самообразованія держится на усиліяхъ воли. Трудно и вообразить, сколько, въ сущности, ненужныхъ усилій воли затрачивается при этомъ болѣе или менѣе безплодно. Правда, и въ такомъ чтеніи есть еще одна хорошая сторона, которую мы и отмѣтили въ предыдущей главѣ, — т. к. процессъ передумыванія своихъ думъ за трудно понимаемой книгой идетъ въ это время своимъ чередомъ; но съ этой потерей времени и силъ еще кое-какъ могутъ мириться люди, у которыхъ и того, и другого, а также и матеріальныхъ средствъ много. Но противъ такого передумыванія своихъ думъ за непонятной книгой нельзя не возражать во имя экономіи времени, силъ и средствъ, что такъ необходимо для милліоновъ читателей, которыхъ жизнь заставляетъ думать о томъ, чтобы, въ виду грядущихъ событій вооружаться знаніями, пониманіемъ, настроеніемъ возможно быстрѣе. Для такихъ читателей особенно тяжело и затрачивать на чтеніе несоотвѣтственно выбранной книги массу волевыхъ усилій, и все-таки, въ концѣ концовъ, если не случится подъ рукою достаточнаго количества книгъ, ничего не добиться. Не мудрено, что самообразованіе оказывается поверхностнымъ, диллетантскимъ для огромнаго большинства такихъ „самообразовываю-

щихся". Приходится лишь жалѣть и жалѣть лучшихъ изъ нихъ, что они, довѣряя какому-нибудь рекомендательному каталогу, преодолѣваютъ рекомендованную тамъ, но не подходящую для нихъ книгу coute que coute, — не столько усиліями ума, сколько воли.

Въ основу самообразованія долженъ быть положенъ принципъ не только упражненія воли, но и сбереженія ея, принципъ наименьшихъ усилій съ наибольшимъ результатомъ, принципъ экономизаціи силъ. Точка зрѣнія Э. Маха въ высшей степени примѣнима какъ къ наукамъ теоретическимъ, такъ и къ дѣлу самообразованія.

Изъ вышеизложеннаго естественно вытекаетъ опредѣленная практическая задача. Если читатель припомнитъ то, что нами было сказано, задача эта рѣшается очень удовлетворительно путемъ той же индивидуализаціи самообразованія посредствомъ чтенія книгъ того же психическаго типа, къ какому принадлежитъ и самъ читатель. Что будетъ, если примѣнить этотъ принципъ, и приняться за изученіе интересующей науки съ подходящей (въ психологическомъ смыслѣ) книги? Въ этомъ случаѣ, человѣкъ, работающій надъ своимъ самообразованіемъ, такимъ способомъ главную работу усвоенія книжнаго содержанія сброситъ съ вниманія произвольнаго и возложитъ ее на вниманіе непроизвольное. Разумѣется, ужъ это одно сбережетъ ему не мало психической энергіи. Такимъ образомъ усилится безсознательное усвоеніе читаемаго, а за сознаніемъ останется, главнымъ образомъ, лишь высшій контроль. Кромѣ того, такимъ же путемъ усилится и работа внушенія, производимая въ большей или меньшей степени всякой книгою на всякаго читателя во время процесса чтенія, т.-е. то вліяніе, которое оказываетъ данная книга на подсознательную сторону человѣческой психики, и установится неизмѣримо болѣе глубокое интимное, внутреннее общеніе между читателемъ и книгой. Въ результатѣ этого, усвоеніе книжнаго содержанія пойдетъ усиленнымъ темпомъ и несомнѣнно станетъ полнѣе.

Но однимъ только (психологическимъ и соціологическимъ) подборомъ подходящихъ книгъ организація волевой стороны процесса самообразованія не должна ограничиваться. Есть еще другая, не менѣе важная сторона ея, въ которой тоже необходима болѣе или менѣе коренная реформа.

Посмотримъ прежде всего, въ чемъ же заключается работа самообразованія даже въ лучшемъ случаѣ? Она обыкновенно сводится къ усвоенію содержанія книгъ, точнѣе говоря, къ усвоенію понятій, сужденій и системъ. Въ основѣ этихъ системъ и сужденій лежатъ опять таки понятія. Логика учитъ, что въ каждомъ понятіи слѣдуетъ различать, во-первыхъ, его объемъ, во-вторыхъ,—его содержаніе; подъ этимъ послѣднимъ словомъ понимается, какъ извѣстно, совокупность всѣхъ существенныхъ признаковъ даннаго понятія, а подъ объемомъ его — совокупность всѣхъ предметовъ (фактовъ), изъ которыхъ извлечено, выведено данное содержаніе его. Объемъ понятій, — это всѣ вещи, предметы, которые имѣютъ эти, опредѣленно намѣченные признаки и которые объединены и обнимаются даннымъ содержаніемъ. Работа самообразованія обыкновенно идетъ такъ: у однихъ работающихъ она направлена на усвоеніе содержанія, у другихъ — (очень немногихъ), — на усвоеніе содержанія и объема понятій. Работники перваго типа ограничиваются обыкновенно тѣмъ, что стараются дать себѣ отчетъ, что собственно должны они понимать подъ тѣмъ или инымъ научнымъ терминомъ, и вообще словомъ: напр. что такое „капитализмъ“, „соціализмъ“, „реформація“, „символизмъ“ и т. д. и т. д.? Составивъ себѣ нѣкоторое опредѣленіе, болѣе или менѣе точное, человѣкъ, работающій надъ своимъ самообразованіемъ, уже думаетъ, и въ большинствѣ случаевъ искренне, что вотъ онъ уже дошелъ до кое чего и по данному вопросу уже пріобщился къ образованности. Исторія 1905 — 7 годовъ показала, какая шумиха спорныхъ опредѣленій и терминовъ съ недостаточно опредѣленнымъ содержаніемъ и мало кому извѣстнымъ объ-

емомъ поднялась по всѣмъ россійскимъ градамъ и весямъ. Люди мыслили содержаніемъ понятій, спорили много только о немъ же, т. е. о словахъ, а тѣ, кто имѣлъ за душой и знаніе фактовъ, изъ которыхъ эти понятія выведены,—объемъ понятій,—такіе люди встрѣчались относительно рѣдко. Между тѣмъ, въ стремленіи узнать, изучить, изслѣдовать объемъ имѣющихся въ головѣ понятій—и заключается задача самообразованія. И, какъ мы уже упоминали, особенное значеніе имѣетъ изученіе не только фактовъ вообще, но фактовъ спорныхъ, переходныхъ, которые можно толковать и такъ и иначе. Казалось бы, на изученіе и пониманіе этихъ-то переходныхъ фактовъ и должно бы быть направлено особенно серьезное вниманіе. Но это не такъ: обыкновенно изучаются, какъ иллюстраціи къ опредѣленнымъ тезисамъ, факты наиболѣе характерные, а не переходные. Послѣдніе же, по большей части, забываются, оставляются въ пренебреженіи. А забывая ихъ и опираясь на первые, мысль пріучается къ догматизму, теряетъ значительную часть своего критическаго характера. Всякій встрѣчавшійся съ такъ называемыми „самоучками“, точнѣе говоря, со свѣтскими начетчиками, болѣе или менѣе поработавшими „своими средствіями“ надъ самообразованіемъ, знаетъ, какъ бываетъ иной разъ несносенъ ихъ догматизмъ, ихъ манипулированіе съ опредѣленіями, ихъ незнакомство съ переходными фактами, ихъ стремленіе пріурочивать эти послѣдніе къ тѣмъ же опредѣленіямъ, при полномъ игнорированіи того, что въ природѣ и въ обществѣ переходныя формы очень распространены и что оріентироваться въ явленіяхъ жизни,—сложной, многообразной, съ безчисленнымъ множествомъ неотдѣлимыхъ одна отъ другой сторонъ,—куда труднѣе, чѣмъ оріентироваться въ терминахъ, опредѣленіяхъ, въ содержаніи понятій. Догматизмъ—одно изъ яркихъ проявленій недоученности. Но воля самоучки, естественно стремящагося къ опредѣленности и точности знаній, обыкновенно къ догматизму и направлена, хотя, въ значительной степени, безсо-

знательно. Но и сознаніе, заблуждаясь, подсказываетъ многимъ, что и „догматизмъ нуженъ“,— онъ ошибочно называется „точностью“ и смѣшивается съ нею. Обыкновенно самоучекъ интересуетъ больше всего содержаніе понятій. Основа догматики является отсюда сама собой. Въ дѣлѣ самообразованія съ этимъ явленіемъ нужно бороться и бороться.

Но какимъ же способомъ это сдѣлать? Вотъ вопросъ, который необходимо разрѣшить практически. И при этомъ разрѣшить такимъ способомъ, чтобы отъ разрѣшенія выиграла прежде всего воля человѣческая, т. е. самая центральная, самая важная сторона человѣческой личности.

Думается намъ, что самое естественное и практическое разрѣшеніе вышепоставленнаго вопроса указано уже давнымъ давно и что можно лишь удивляться, почему это разрѣшеніе до сихъ поръ обращало на себя недостаточно вниманія. Заключается оно въ томъ, что въ дѣлѣ самообразованія должно занять главное и центральное мѣсто не чтеніе книгъ, не усвоеніе содержанія понятій и даже не возможно полное усвоеніе объема ихъ, т. е. фактическаго ихъ фундамента: какъ мы уже говорили, все это тоже, разумѣется, необходимо и желательно, но не въ этомъ суть дѣла. Самая суть самообразовательной работы заключается въ изученіи научныхъ методовъ, въ изученіи метода каждой отрасли знанія и въ примѣненіи метода,—въ умѣньѣ примѣнять его. Методъ предполагаетъ дѣйствіе, точнѣе говоря, — дѣйствованіе, дѣятельность, практику, технику, иначе говоря, предполагаетъ волю, проявленіе волевой стороны человѣческой личности, размышленіе о дѣятельности, обдумыванье практическихъ путей для отысканія и примѣненія научной истины, примѣненія, которое нерѣдко не можетъ не ставить себѣ и чисто этической цѣли, направляясь къ человѣческому благу. Именно изученіе фактовъ, то есть жизни, лучше всего показываетъ, какъ никчемны бываютъ иногда словесныя опредѣленія. Знакомство же съ методами, даже тео-

ретическое, а въ особенности практическое, заставляетъ человѣка, стремящагося къ знанію, т. е. пониманію жизни, сопоставлять свои умственныя представленія съ нею, а, въ случаѣ примѣненія метода, и непосредственно сталкиваться съ этой послѣдней, т. е. съ дѣйствительностью. А гдѣ столкновеніе, тамъ и борьба; а гдѣ борьба, тамъ и усиліе воли и п р и м а т ъ е я,—проявленіе человѣческаго Я. Именно результаты проявленія воли и должны служить мѣркой образованности, а, значитъ, и успѣховъ самообразованія.

Если эту мысль принять во всей ея широтѣ и объемѣ, то дѣло самообразованія должно быть поставлено совершенно иначе и перенесено совсѣмъ на иную почву. Человѣкъ, стремящійся къ самообразованію, не столько долженъ гнаться за усвоеніемъ научныхъ истинъ, сколько долженъ изучить прежде всего тѣ способы (методы), какими люди доходили и доходятъ до нихъ. Онъ долженъ изучить сначала, хотя бы на отдѣльныхъ примѣрахъ, какъ примѣнялись методы (напр. изъ исторіи разныхъ отраслей знанія), затѣмъ изучить примѣненіе тѣхъ же методовъ, болѣе или менѣе упрощенныхъ, въ настоящее время, въ видѣ практическихъ занятій, и для себя самого организовать эти послѣднія въ возможно большей степени, какая только для него доступна. Словомъ сказать, техника должна по возможности предшествовать выводамъ, тезисамъ, догматамъ, формулѣ, закону и т. д. Благодаря этому, изученіе науки свяжется двоякимъ способомъ съ понятіемъ л и ч н о с т и человѣческой: съ одной стороны, исторія научныхъ открытій есть исторія личностей, ихъ совершившихъ, главнымъ образомъ,—ихъ эмоціальныхъ и волевыхъ импульсовъ, неразрывно связанныхъ съ м у ч е н и ч е с т в о м ъ и въ наукѣ и въ общественной жизни (стремленіе къ истинѣ тоже своего рода страданія человѣческія, и они извѣстны многимъ и многимъ самоучкамъ по собственному опыту). Съ другой стороны, всякое примѣненіе метода, т. е. практика, есть вмѣстѣ съ тѣмъ проявленіе в с е й личности, въ томъ числѣ опять таки эмоціональной и волевой сторонъ ея. Вмѣстѣ съ тѣмъ, такое про-

явленіе личности въ ея практикѣ уже означаетъ перемѣщеніе центра тяжести самообразовательной работы въ сферу двигательныхъ представленій, воспріятій, ощущеній, о которыхъ современная психологія учитъ, какъ о наиболѣе прочныхъ, жизненныхъ и жизнеспособныхъ. Такимъ образомъ, получается фиксація книжнаго содержанія и упроченіе книжнаго вліянія посредствомъ воли. Другими словами, книга сближается съ жизнью. А такъ какъ удачное примѣненіе того или иного метода, его доказательность, есть лучшій способъ провѣрки любой истины, то и провѣрка книги достигается тѣмъ же способомъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ дѣлаются немыслимыми и втираніе очковъ, и всякій догматизмъ, схоластичность, логическій и иной формализмъ. Громадное практическое значеніе такой постановки дѣла самообразованія во всякомъ случаѣ неоспоримо.

Намъ могутъ возразить на это, что такая постановка дѣла въ сущности вовсе не нова: практическія занятія необходимы въ дѣлѣ всякаго изученія, и это одна изъ очень старыхъ истинъ педагогіи. Но мы, во-первыхъ, и не выдаемъ эту постановку дѣла за нѣчто новое, какъ о томъ и упоминали выше. Да, это пріемъ не новый, но онъ прочный, волевой и жизненный. Мы настаиваемъ лишь на томъ что центромъ самообразовательной работы долженъ быть сдѣланъ м е т о д ъ, точнѣе говоря, методъ той отрасли знаній, которая въ данномъ случаѣ изучается. Въ дѣлѣ самообразованія надо сдѣлать центральнымъ пунктомъ изученіе этого метода (историческое, теоретическое и практическое), изучать его хотя бы на какомъ-либо отдѣльномъ примѣрѣ, но такъ, чтобы вложить въ голову учащагося самое отчетливое, самое реальное представленіе о тѣхъ способахъ, съ помощью которыхъ данная отрасль знаній дошла до другихъ, относящихся къ ней же истинъ, какія учащемуся еще предстоитъ изучить. Къ какому бы типу мышленія и характера ни принадлежалъ данный учащійся,—во всякомъ случаѣ, цѣль его самообразованія — жизнь, умѣнье сталкиваться съ жизнью и вести въ ней борьбу, зная ее и понимая. А примѣненіе

метода и есть одинъ изъ видовъ этого столкновенія. Этого пункта не можетъ избѣжать ни индуктивный, ни дедуктивный умъ, ни эмоціональный, ни созерцательный типъ. Быть можетъ только, они придутъ къ этому пункту разными дорогами. И пусть идутъ каждый своей, — только бы дошли до жизни и стали вносить въ нее то лучшее, что есть въ лучшихъ книгахъ.

Въ настоящее время составители разныхъ образовательныхъ программъ рекомендуютъ превосходныя руководства и учебники. Необходимо сугубо рекомендовать начинающимъ книги о методахъ, — методахъ изученія и изслѣдованія фактовъ и теорій, о ихъ фактической, логической, исторической провѣркѣ. Какъ найти истину? Какъ доказать, что найдена именно истина? Какъ ее нашли другіе и какъ можетъ искать ее самъ читатель? Какъ привести только что найденную истину въ связь съ другими, найденными раньше? Все это вопросы научной методологіи. Ее-то и долженъ сдѣлать центромъ своей работы тотъ, кто серьезно стремится къ самообразованію.

Но, говоря о методѣ, не слѣдуетъ упускать изъ виду еще одну, въ высшей степени важную сторону дѣла. Кромѣ методовъ отысканія и доказательства истины существуютъ далеко не всегда совпадающіе съ ними методы ея распространенія. Кромѣ методологіи научной, существуетъ еще методологія педагогическая, которая трактуетъ о методахъ распространенія истины и стремится къ тому, чтобы не только ея добываніе, но и усвоеніе возможно широкимъ кругомъ населенія и людьми разныхъ психическихъ и соціальныхъ типовъ не было столь же труднымъ, какъ и ея открытіе. Принципъ экономіи силъ имѣетъ огромное значеніе и въ той и въ другой методологіи. Въ область самообразовательной работы должны входить объ методологіи, такъ какъ дѣло самообразованія должно быть поставлено такъ, чтобы всякій надъ нимъ работающій и пробивающійся къ свѣту силами своей воли зналъ и понималъ заранѣе, что его нравственный и общественный долгъ — сдѣлать изъ

себя самого центръ распространенія знаній, гдѣ только можно и какъ только можно. Здѣсь передъ нами снова выступаетъ волевая сторона самообразованія. Распространять знанія можетъ, при желаніи, всякій. И не только можетъ, но и долженъ. И даже болѣе того, какъ мы уже упоминали не можетъ не распространять ихъ, потому что невольно дѣлается ихъ центромъ, дѣйствуя на другихъ если не сознательно, то безсознательно. Мы настаиваемъ на томъ, что всякій работающій надъ самообразованіемъ долженъ ввести распространеніе пріобрѣтаемыхъ имъ знаній въ свою программу. Мы говоримъ такому человѣку: старайтесь не только пріобрѣтать, но и распространять, старайтесь заинтересовывать другихъ какъ своими знаніями, такъ и книгами, ихъ несущими; давать возможность другимъ людямъ, стоящимъ на болѣе низкомъ уровнѣ, чѣмъ вы, испытать въ себѣ самомъ безконечно пріятное ощущеніе, которое даетъ человѣку расширеніе его кругозора, пониманія, ростъ его по всѣмъ направленіямъ, въ глубину, въ ширину, въ высоту и въ смыслѣ напряженности и красоты. Не ждите той минуты, когда другіе придутъ и попросятъ у васъ поддержки въ ихъ самообразовательной работѣ; нѣтъ, сознательно, планомѣрно, неудержимо сами зажигайте въ другихъ такое, стремленіе. И знайте,—такая ваша дѣятельность, такое примѣненіе вашей воли вамъ самимъ дастъ не меньше чѣмъ сколько вы дадите другимъ. Она свяжетъ васъ, вашу душу, вашу волю съ окружающей жизнью, съ людьми, и заставитъ васъ любить дѣятельной и свѣтлой любовью тѣхъ людей, которые стремятся къ тому же, къ чему и вы, и которымъ вы и можете быть полезны и уже полезны. Одно сознаніе этой полезности возвыситъ васъ и вашу душу, заставитъ и васъ почувствовать, что и вы не имѣете основаній считать себя человѣкомъ слабымъ и никчемнымъ: знанія, пониманіе, настроеніе, которыя имѣются у васъ и которыя вы сознательно переводите, воплощаете въ жизнь,—тоже сила, мощная, свѣтлая и непреоборимая. Можно быть спеціалистомъ въ какой угодно профессіи, но всѣ спеціалисты

должны, по нашему глубочайшему убѣжденію, во всякомъ случаѣ сдѣлать изъ себя еще кромѣ того спеціалистовъ по части распространенія знаній и, изучая методы наукъ, изучать вмѣстѣ съ тѣмъ и методы распространенія этихъ наукъ. Здѣсь приложеніе воли и проявленіе лучшихъ сторонъ человѣческой личности доступны несомнѣнно всякому. Какъ распространить истину? Наконецъ, какъ примѣнить ее къ соціальной жизни и техникѣ, наконецъ, къ дальнѣйшей теоретической работѣ. Вотъ вопросы, научиться отвѣчать на которые посредствомъ практики, т. е. дѣломъ, а не словами, долженъ всякій работающій надъ самообразованіемъ. Повторяемъ, — это очень важная сторона самообразовательной работы — требованіе того, чтобы работая надъ самообразованіемъ, человѣкъ одновременно учился проявлять себя, такъ сказать, педагогически. Такое проявленіе, какъ и всякое другое, представляетъ изъ себя опять таки ощупыванье жизни,—проявленіе наступательнаго отношенія къ окружающей дѣйствительности, проявленіе воли и борьбы. Изучая методы не только отысканія истины, но и распространенія ея, работникъ во всякомъ случаѣ вооружаетъ себя, и не только на свой собственный черный день, но, какъ знать, быть можетъ, и на великій свѣтлый день общественнаго расцвѣта, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, работаетъ во имя скорѣйшаго приближенія этого дня. Стоитъ только присмотрѣться хорошенько, изъ кого собственно состоитъ эта огромная масса людей, работающихъ надъ самообразованіемъ, чтобы понять, сколь огромное значеніе, въ смыслѣ возможно большаго развитія внутренней взаимной индукціи въ этой средѣ, имѣло бы хоть нѣкоторое умѣнье этихъ людей распространять среди своихъ братьевъ то, что они уже успѣли пріобрѣсти сами. Надо во что бы то ни стало помогать этой внутренней работѣ, особенно въ средѣ трудящихся классовъ; но каждая мальски живая личность не должна оставаться въ сторонѣ отъ этой живой работы индуцированія, оживленія другихъ, оживляя и провѣряя такимъ способомъ и себя; и нужно

дѣлать это сознательно, дѣятельно. Правда, это и теперь само собою дѣлается, да иначе и быть не можетъ. Но какая же вырастетъ сила, если та же внутренняя работа пойдетъ планомѣрно и сознательно, и всякій работникъ надъ своимъ самообразованіемъ научится и будетъ умѣть работать и для самообразованія другихъ? Повторяемъ, здѣсь безграничны, непреоборимы, глубоко важны и безконечно-полезны тѣ проявленія воли человѣческой личности, о которыхъ мы говоримъ. Надо всячески и всюду отыскивать новые и новые пути, новые и новые способы для ея приложенія и проявленія, такъ, чтобы и слѣпые видѣли, гдѣ и какъ они могутъ и должны работать надъ самопросвѣщеніемъ и просвѣщеніемъ другихъ, и какъ вводить въ окружающую жизнь то самое свѣтлое и самое лучшее, что судьба позволила имъ, несмотря на всякія препятствія, вложить въ самихъ себя. Поэтому, работая надъ самообразованіемъ, своимъ или чужимъ, примемъ за правило: всюду и всегда искать для воли человѣческой все новыхъ и новыхъ способовъ проявленія и путей въ цѣляхъ ея воздѣйствія на окружающую жизнь. Цѣль этого воздѣйствія давно уже указана не только многими и величайшими свѣтилами человѣчества, но и христіанской этикой, понимая эту послѣднюю въ самомъ возвышенномъ смыслѣ слова. Эта цѣль заключается въ томъ, чтобы сознательно и безсознательно, и въ одиночку, и общими силами, вносить въ окружающую жизнь, во всѣ круги ея такія перемѣны, которыя уменьшали бы сумму человѣческихъ страданій, увеличивали бы всеобщую удовлетворенность, т. е. счастіе людей трудящихся. А считать для себя чѣмъ-то недостижимымъ оказыванье такого воздѣйствія не имѣетъ основанія никакой человѣкъ, кто бы онъ ни былъ и на какомъ бы мѣстѣ онъ ни стоялъ. Въ сокровенномъ кругу жизни интимной благотворному, возвышающему вліянію человѣка на человѣка всегда открыта широкая дорога, въ смыслѣ самой дѣятельной помощи другимъ людямъ въ дѣлѣ возвышенія, углубленія, полноты ихъ жизни. Въ области жизни соціальной передъ каждымъ изъ насъ стоитъ величайшая и труд-

нѣйшая задача,—выработать сообща идеалъ справедливаго устройства соціальной — политической и экономической — жизни и, объединившись съ другими людьми не только въ дѣлѣ его выработки, но и осуществленія, общими силами добиваться этого послѣдняго, не забывая, что высшая красота духа не можетъ существовать въ рамкахъ личныхъ только интересовъ. Даже современная русская общественная жизнь открываетъ разные пути для общественно-полезной работы и для воздѣйствія личности на формы жизни общественной. Наконецъ, и въ смыслѣ воздѣйствія человѣка на окружающую органическую и неорганическую среду для проявленія человѣческой воли и техники тоже открыта дверь. Это воздѣйствіе, это проявленіе и есть главная цѣль какъ образованія, такъ и самообразованія. Пора замѣнить схему теоретическаго общаго образованія схемою практической выработки личности и такими же проявленіями его.

Въ такомъ перенесеніи или передвиженіи центра тяжести есть еще одна крайне важная сторона, для насъ, русскихъ, особенно важная. Мы говоримъ о тѣхъ щелчкахъ притѣсненіяхъ и страданіяхъ, которыхъ не можетъ не испытывать, при существующихъ условіяхъ нашей жизни, всякій русскій человѣкъ, стремящійся съ самообразованію Есть среди насъ разные типы, — теоретики и практики созерцатели и борцы. Но врядъ ли можно сомнѣваться что на самые разнообразные типы, въ смыслѣ воспитанія ихъ воли, полицейскія „непріятности" и иныя притѣсненія, не имѣющія ничего общаго ни съ элементарной справедливостью, ни съ реальной пользой трудящихся классовъ, оказываютъ очень опредѣленное вліяніе. Мы не имѣемъ статистическихъ данныхъ, сколько созерцателей, теоретиковъ и т. д. сдѣлались очень опредѣленно настроенными дѣятелями подъ вліяніемъ такого сорта „непріятностей", корни которыхъ лежатъ въ „высшихъ государственныхъ соображеніяхъ" начальства, столь преданнаго у насъ въ Россіи „святому дѣлу просвѣщенія". Русскіе люди, работающіе надъ самообразованіемъ, проходятъ своеобразную школу

„волевого воспитанія“. И эта школа воспитываетъ не только выдержку, о чемъ справедливо говорятъ даже Пуришкевичи. Кто же отважится отрицать громадное значеніе волевыхъ импульсовъ и воспитанія съ помощью „непріятностей“ всей массы, въ средѣ обывателей? Послѣдніе, несомнѣнно, должны быть благодарны за высокіе примѣры „волевыхъ импульсовъ“ крупныхъ и мелкихъ гасильниковъ, уже столько лѣтъ показываемые имъ.

Скажемъ еще нѣсколько словъ объ общей системѣ практическаго, волевого воспитанія, о приложимости его ко всѣмъ отраслямъ знанія. Полагая въ основу этой системы схему О. Конта, мы, опираясь на нее, имѣемъ полное основаніе утверждать, что нѣтъ такой отрасли знанія, науки, литературы, наконецъ вообще мысли, даже теоретической, гдѣ бы не нашлось мѣста для практическаго упражненія воли. Мы уже видѣли, что центральное мѣсто въ дѣлѣ практической постановки самообразованія должно занимать основательное знакомство съ методами дѣйствительно научными, знакомство теоретическое и практическое, представляющее изъ себя основной, центральный пунктъ самообразованія. Резюмируя то, что изложено выше, спросимъ: когда вы можете сказать про себя, что вы изучили данную область жизни или данную науку? Вовсе не тогда, когда вы прочитали по ней нѣсколько даже самыхъ лучшихъ книгъ и проштудировали ихъ. И факты, и идеи, имѣющіеся въ вашей подготовкѣ, еще очень мало говорятъ о вашихъ знаніяхъ. Вы должны самымъ отчетливымъ, самымъ конкретнымъ образомъ уяснить себѣ, возможно подробно и точно, *какимъ способомъ, какими пріемами изучается данная область жизни.* Читая книгу о ней, вы видите въ ней факты и идеи лишь въ готовомъ видѣ. Но вѣдь факты нужно было констатировать и собрать, а до идей — додуматься, логически вывести ихъ изъ фактовъ. А, быть можетъ, факты констатированы или изучены плохо, неточно, выводы же изъ нихъ неправильны, идеи и теоріи созданы наспѣхъ, пристрастно, односторонне? Чита-

тель, стремящійся къ пониманію жизни, не можетъ пройти мимо *этой* стороны вниканія. Онъ долженъ особенно вникнуть въ нее. Для каждой отрасли знанія имѣются книги, въ которыхъ говорится о методахъ, въ ней примѣняемыхъ для открытія истины. Съ этими книгами особенно важно знакомиться: самый процессъ исканія истины необходимо всегда имѣть передъ глазами. Но книги, трактующія о методахъ, говорятъ о нихъ лишь въ общихъ чертахъ. Познакомившись и съ этимъ, все же еще не будешь образованнымъ человѣкомъ. Поэтому, гдѣ только можно, какъ только можно, необходимо *самому практиковаться и въ приложеніи* разныхъ методовъ къ изученію жизни. Беремъ беллетристику. Одно дѣло только читать ее и затѣмъ изучать съ исторической точки зрѣнія, и совсѣмъ другое дѣло — знакомство съ методомъ беллетристическаго и вообще художественнаго творчества, съ способами созиданія своихъ произведеній, практиковавшимися великими художниками, каковы напр., Гюго, Толстой, Гете, и т. д. Зная, какая масса труда у нихъ ушла на наблюденія, собираніе матеріаловъ и ихъ обработку (и какую обработку!), читатель уже иначе отнесется къ роману, имъ читаемому. Вотъ, напримѣръ, беллетристика, трактующая о самой интимной сторонѣ жизни человѣка. Какими способами художники создаютъ свои произведенія? Прочитайте, какъ, напримѣръ, работалъ Золя, какъ онъ усиленно и вдумчиво собиралъ матеріалы для своихъ романовъ и изъ собраннаго по мелочамъ сооружалъ свою эпопею буржуазнаго строя, — серію „Ругонъ-Маккаръ“. Прочитайте, какъ метался по всей Россіи Глѣбъ Успенскій, наиболѣе замѣчательный выразитель русской народной души въ XIX в. Прочитайте изслѣдованія о процессѣ художественнаго творчества (напр. у Овсянико-Куликовскаго, Геннекена, и др.) объ отыскиваніи „человѣческихъ документовъ“, о пріемахъ разработки и принципахъ критики ихъ и т. п. Попробуйте попрактиковаться и сами въ этой критикѣ и въ собираніи матеріала по изученію и наблюденію интимной жизни. А практика

публицистическая, т. е. вниканіе въ злобу дня, приложеніе основныхъ вашихъ воззрѣній къ оцѣнкѣ текущей жизни, каждаго шага ея, каждаго явленія? А анализъ и критика чужихъ мнѣній о тѣхъ же самыхъ событіяхъ текущей жизни, но съ фактами въ рукахъ? Это не то, что почитываніе книжекъ по исторіи литературы и публицистики. Иная душа сама такъ и рвется высказаться, вникая такимъ способомъ въ жизнь. А оцѣнка, съ точки зрѣнія опредѣленныхъ принциповъ, вашего нравственнаго поведенія? И публицистъ и моралистъ создаютъ свои теоріи, пользуясь опредѣленными методами. Ихъ надо узнать и въ свою очередь попробовать примѣнить. А литературная и историческая критика, скрупулезная оцѣнка произведенія съ разныхъ сторонъ,—съ историко-литературной, исторической, моральной, философской, психологической, общественной, злободневной и т. д.? Пусть читатель самъ попробуетъ собирать и обрабатывать матеріалы, лежащіе въ основѣ беллетристической критики, самолично, вглядываться и вдумываться въ людей и въ человѣческія отношенія, стараясь понимать ихъ самую глубокую, интимную сторону, ихъ индивидуальныя особенности, дѣлать наблюденія надъ окружающей и текущей жизнью, ходъ которой по своему интересенъ, но и своеобразенъ въ каждомъ уголкѣ земли; пусть читатель самъ попробуетъ описывать видѣнное имъ и испытанное, — онъ такимъ способомъ лучше всего оцѣнитъ и пойметъ, такъ сказать, волевую сторону беллетристики. И тогда о многихъ авторахъ онъ спроситъ: „съ кого жъ они портреты пишутъ и гдѣ такія рѣчи слышатъ?“ Если-же и читатель самъ вздумаетъ писать, не говоримъ „для другихъ“, для читателей, а для себя, для выработки въ себѣ умѣнья жить, онъ тѣмъ болѣе долженъ будетъ вдумываться и всматриваться въ жизнь. Другими словами, практическая работа надъ изученіемъ даннаго метода въ его примѣненіи поставитъ въ сознаніи читателя опять таки жизнь выше книгъ, а теорію осмыслить практикой.

Но еще важнѣе для читателя знакомство съ методами исто-

рической науки, утилизирующей цѣлыя сотни разнообразнѣйшихъ пріемовъ исканія исторической истины, отъ раскопокъ и фотографіи до психологіи великихъ людей включительно. Какъ пишутся книги по исторіи? Изслѣдуются старинные рукописи, книги и документы, перерываются архивы, дѣлаются раскопки, дѣйствуетъ по всѣмъ правиламъ историческая критика, оцѣнивая разными способами собранные матеріалы. Попробуйте и вы покопаться въ разныхъ матеріалахъ, стремясь понять какое-либо одно интересующее васъ событіе, поройтесь въ книгахъ, прочтите о немъ разныхъ авторовъ, хоть по нѣскольку страницъ изъ нихъ, сравните, сопоставьте ихъ взгляды, разберитесь въ нихъ; побывайте въ музеяхъ.

А методы разныхъ общественныхъ наукъ? Особенно важное значеніе, несомнѣнно, имѣетъ методъ статистическій. Существуетъ цѣлая масса разныхъ программъ для изслѣдованія окружающей жизни (напр. для изученія сельскаго хозяйства, кустарной промышленности, общины, переселенія, сектантства, народнаго образованія, народной литературы, этнографіи и т. д. и т. д.). Добудьте ихъ и съ ихъ помощью попробуйте на практикѣ изучать окружающую жизнь.

Для знакомства и съ теоріей и съ практикой статистическаго метода, пусть читатель возьметъ, напр., на себя произвести какую-нибудь, хотя бы очень небольшую анкету по какому-нибудь интересующему его вопросу среди своихъ знакомыхъ, въ любомъ, хотя бы самомъ маленькомъ дѣлѣ. Такая работка лучше всего поможетъ ему оцѣнить и точности и неточности въ разныхъ статистическихъ обобщеніяхъ. Но еще полезнѣе для читателя, если онъ составитъ себѣ возможно болѣе обширную коллекцію всякаго рода программъ для изученія разныхъ сторонъ общественной жизни. Пусть хоть не много попробуетъ онъ присмотрѣться къ окружающей его жизни съ такими программами въ рукахъ,— онѣ чрезвычайно помогутъ ему отыскать, подмѣтить такія стороны общественной жизни и ея явленій, которыхъ онъ, быть можетъ, и не замѣтилъ бы безъ помощи программъ;

онъ въ ту же минуту почувствуетъ, что вдумчивость и вглядываньe въ общественную жизнь — нѣчто совсѣмъ другое, чѣмъ изученіе книгъ по тѣмъ же вопросамъ.

А практическія занятія по психологіи? Существуетъ полная возможность (напр. по атласу Рыбакова) изслѣдовать и явленія психической жизни, т. е. подходить къ изслѣдованію души не только теоретически, съ запасомъ общихъ мѣстъ и фразъ, а на дѣлѣ. А практическія занятія по всѣмъ естественнымъ наукамъ, до астрономіи включительно, а рѣшеніе задачъ по математикѣ и по логикѣ, а сравнительная критика гносеологическихъ и другихъ теорій? Всѣ отрасли знанія имѣютъ свои практическія занятія, свою т е х н и к у. Нужно самому п о п р о б о в а т ь е е. Къ этому и нужно стремиться прежде всего. Въ настоящее время въ достаточной степени выяснено, что не нужно никакихъ особенныхъ затратъ, чтобы практически заняться изученіемъ окружающей васъ природы, — дѣлать и опыты, и наблюденія, и прочее. Все это стоитъ не такъ дорого, — существуетъ физика и безъ приборовъ. Практическія занятія (непосредственное изученіе неба) необходимы для изученія астрономіи, — есть астрономія и съ простымъ глазомъ. Каждый знаетъ, что безъ рѣшенія задачъ никто математики не изучитъ. То же и съ логикой. Даже для изученія философіи не приходится ограничиваться усвоеніемъ чужихъ взглядовъ, — приходится сопоставлять мнѣнія не только самихъ философовъ, но и ихъ толкователей. Это своего рода практическія занятія по философіи. Вообще надо положить за правило: изучать не только факты и теоріи, но и методы, и практиковаться въ нихъ, эти послѣдніе не только изучать, но п р и м ѣ н я т ь въ вашихъ поискахъ за истиной, начиная съ окружающей васъ жизни. У каждаго изъ насъ найдется передъ глазами что-нибудь такое, что можно изучить и что еще никѣмъ не изучено. Бывали случаи, что простые крестьяне открывали новую комету, а о механическихъ изобрѣтеніяхъ и говорить нечего. Прежде всего дѣланіе, практика, примѣненіе, т. е. всякаго рода дѣйствія воли, не только ума, но и воли.

Только въ дѣланіи вы почувствуете, въ чемъ заключается у васъ недостатокъ знаній и въ чемъ дѣлаетъ промахи ваше мышленіе. И только съ такою провѣркой самого себя путемъ дѣланія вы сдѣлаетесь дѣйствительно образованнымъ человѣкомъ.

Намъ скажутъ, что прежде чѣмъ приняться за практику и примѣненіе метода нужно познакомиться съ теоріей и фактами, хотя бы въ самыхъ общихъ чертахъ. Совершенно правильно. Но у насъ не объ этомъ идетъ рѣчь. Мы только утверждаемъ, что для человѣка, работающаго надъ самообразованіемъ, во всѣхъ смыслахъ выгоднѣе знакомиться съ теоріей и практикой по возможности одновременно,—такъ, чтобы воля и умъ работали не послѣдовательно, а одновременно, и что центръ тяжести самообразованія тамъ, гдѣ дѣйствуетъ воля человѣческая. И чѣмъ больше и ярче она проявится, тѣмъ больше значеніе этой работы для самообразованія и образованія. Методу — время, теоріямъ — часъ.

XI.

Кое-что о разныхъ практическихъ вопросахъ и трудностяхъ самообразованія.

Скажемъ теперь нѣсколько словъ о нѣкоторыхъ трудностяхъ въ дѣлѣ самообразованія и, прежде всего,—о способахъ проявленія своей активности въ этомъ дѣлѣ. Прежде всего напомнимъ, что есть одинъ способъ ускорить работу и сдѣлать ее плодотворнѣе, — способъ имѣющій громадное общественное и психологическое значеніе. Заключается онъ въ томъ, чтобы гдѣ только можно и какъ только можно принимать посильное и энергичное участіе въ общественной дѣятельности, въ тѣхъ ея отрасляхъ, которыя непосредственно соприкасаются съ нуждами самообразованія. Таково, напр., устройство библіотекъ, читаленъ, аудиторій

народныхъ чтеній, народныхъ университетовъ, лекцій, научныхъ бесѣдъ, педагогическихъ кружковъ и разныхъ просвѣтительныхъ и образовательныхъ обществъ, книгоиздательствъ, и т. д., и т. д. Самое участіе, хотя бы минимальное, самый фактъ общенія съ людьми, горячо, безкорыстно и дѣятельно относящимися къ дѣлу просвѣщенія, несомнѣнно отразится самымъ плодотворнымъ образомъ и на самообразовательной работѣ, подниметъ духъ, настроеніе, откроетъ новыя практическія возможности, полезныя для этой работы (напр., въ смыслѣ добыванія книгъ, поддержки въ случаѣ затрудненій, и т. п.). Если таковыхъ учрежденій въ вашей мѣстности еще нѣтъ, старайтесь завести ихъ, создать, сорганизовать; ищите сочувствующихъ тому же дѣлу сотрудниковъ, соратниковъ и соработниковъ; проявляйте вашу собственную душу и личность въ общественно-полезныхъ начинаніяхъ, въ энергичной работѣ, въ смѣломъ и бодромъ отношеніи къ препятствіямъ разнаго рода, не падая духомъ передъ неудачами, не ноя, не раскисая, не опуская рукъ. Если въ вашемъ уголкѣ нѣтъ никакой возможности для такой работы, нѣтъ людей и средствъ для создаванія просвѣтительныхъ учрежденій,—начинайте, пока что, еще съ меньшаго,—съ совмѣстныхъ чтеній, совмѣстныхъ образовательныхъ занятій съ какимъ-нибудь однимъ или двумя дружественно расположенными къ вамъ людьми, стремящимися или способными стремиться къ тому же подъ вашимъ хотя бы вліяніемъ. Сегодня васъ будетъ двое, а, если работа пойдетъ хорошо, черезъ полгода, черезъ мѣсяцъ, черезъ недѣлю васъ будетъ и больше, потому что даже въ самой заскорузлой толпѣ навѣрно есть живые и способные къ болѣе высокимъ стремленіямъ люди, которые если и киснутъ въ болотѣ, то лишь потому, что самихъ себя не могутъ вытащить оттуда за волосы и ждутъ толчка, подъема со стороны. Относитесь къ такой толпѣ жизненнѣй, душевнѣй, горячѣй и искреннѣй, — будутъ тогда у васъ и друзья и товарищи. Подходите къ людямъ не въ видѣ быка съ рогами, на нихъ направленными

(напр. въ видѣ осужденій и злословій, какъ это принято не только въ провинціи), а доброжелательно, обращая вниманіе прежде всего на то, что въ нихъ есть хорошаго, а не на ихъ худое, — на то, что можетъ соединить васъ съ ними, а не разъединить, — будутъ у васъ и сотоварищи, и спутники по дорогѣ, ведущей изъ мрака къ свѣту. А когда они будутъ, тогда можно поставить вопросъ и о систематической совмѣстной работѣ въ видѣ самообразовательныхъ кружковъ, совмѣстныхъ чтеній съ рефератами и т. п. Правда, не для всякаго работника такого рода образовательные кружки полезны, — это зависитъ отъ того, каковъ психологическій типъ человѣка; но и это надо принять въ расчетъ, начиная дѣло. Есть одна форма совмѣстной работы, по нашему мнѣнію, очень важная, солидная и плодотворная. Заключается она въ томъ, что каждый изъ участниковъ работаетъ у себя на дому, отдѣльно,—совмѣстно же ведется лишь обсужденіе того, что дано такой работой. При этомъ каждый изъ участниковъ ведетъ свои занятія не по тѣмъ же книгамъ, какъ другіе, а напротивъ, всѣ по разнымъ, причемъ эти книги каждый участникъ подбираетъ для себя, смотря по своей индивидуальности. Такъ, напр., интересуетъ васъ вопросъ о происхожденіи міра. Вы ставите его на очередь, на такой-то день и часъ. Кто-либо изъ участниковъ, по хорошимъ источникамъ, намѣчаетъ, въ общихъ чертахъ, программу даннаго вопроса, конспектъ его, для того, чтобы по этой программѣ велось совмѣстное обсужденіе. Затѣмъ всѣ участники запасаются разными книгами; одинъ беретъ, напр., „Происхожденіе земли“ Болла, другой—„Прошедшее и будущее вселенной“ Клейна, третій—I т. „Эволюція міра“ Каруса Штерна, четвертый—„Происхожденіе міра“ В. Мейера, остальные—Лапласа, Э. Канта, Г. Спенсера и т. д. Каждый внимательно знакомится съ выбранной имъ для себя книгой, затѣмъ всѣ собираются вмѣстѣ, и кто-либо изъ участниковъ начинаетъ устный докладъ о прочитанномъ, за которымъ слѣдуютъ дополненія, поправки, запросы, дебаты со стороны

другихъ участниковъ, и не „отъ вѣтра главы своея", а съ нѣкоторой уже подготовкой, съ запасомъ новыхъ и разнообразныхъ фактовъ и своеобразныхъ идей. При такой постановкѣ совмѣстной самообразовательной работы дѣйствительно создается нѣчто интересное для участниковъ, хотя и не требующее отъ нихъ подчасъ непосильнаго писанія рефератовъ, и т. п. Все дѣло тутъ въ чтеніи и въ разсказахъ о прочитанномъ, хотя бы даже съ конспектомъ въ рукахъ. Каждый участникъ долженъ при этомъ настолько внимательно и разумно читать взятую имъ книгу, чтобы дѣйствительно сумѣть разсказать другимъ самую ея суть достаточно ясно и толково; каждый идетъ при этомъ къ другимъ, чтобы услышать отъ нихъ кое-что новое, дополнительное и интересное, и выраженное ктому же въ терминахъ людей болѣе или менѣе къ нему близкихъ по возрасту, положенію, подготовкѣ, и т. п. Та же постановка пріучаетъ и къ изложенію мыслей, и къ дебатамъ, и къ защитѣ своихъ мнѣній, она же наводитъ на новые и новые вопросы, относящіеся къ данной области жизни и знанія, заставляетъ искать отвѣтовъ на нихъ, и т. п., и, кромѣ того, спасаетъ участниковъ отъ многословесной шумихи и болтовни, не опирающейся на факты и на знанія. Этой шумихи и болтовни нужно особенно остерегаться какъ безусловно вредной для самообразовательной работы. Эта послѣдняя, какъ и всякая другая, должна итти по принципу, превосходно выраженному однимъ старымъ другомъ пишущаго эти строки:

Дѣлай, чтобы сдѣлать, а не для того, чтобы дѣлать.

Дѣлать ради процесса дѣланія — это значитъ поступать подобно тому, какъ поступаетъ самый заскорузлый чиновникъ. Дѣлать же ради результатовъ работы — это и есть работа созидающая, творящая, воспитывающая и умъ и волю и внушающая довѣріе къ своимъ собственнымъ силамъ. Въ этомъ смыслѣ вышеописанная постановка опять-таки полезна въ высшей степени. Разумѣется, для

такой совмѣстной работы можно выбирать какія угодно темы, вопросы, области знанія и жизни, — прошлой, настоящей, а если угодно, и будущей, — все это зависитъ отъ участниковъ и отъ того, что ихъ интересуетъ. Но что такая постановка не можетъ не оказывать серіознаго и благотворнаго вліянія на воспитаніе воли, — въ этомъ врядъ ли можно сомнѣваться. Правда, она возможна лишь тамъ, гдѣ есть достаточно книгъ. Но она достаточно гибка, и дѣло самихъ участниковъ, какъ ею пользоваться.

Такимъ образомъ, вопросъ о волѣ и борьбѣ въ смыслѣ расширенія внѣшнихъ возможностей работы надъ самообразованіемъ сама жизнь ужъ разрѣшила на практикѣ милліонами способовъ. Правда, препятствій къ самообразовательной работѣ всегда и вездѣ много. Но почему же милліоны людей все-таки съ ними справляются? И уже справились. И никакія, даже самыя страшныя, темныя силы не могли остановить того, чего требуетъ жизнь. Письма, нами получаемыя, свидѣтельствуютъ о томъ же. Пишутъ ихъ намъ люди, которымъ живется въ большинствѣ случаевъ очень не сладко. Но они все-таки борятся — и успѣваютъ. И прежде всего успѣваетъ тотъ, кто не унываетъ. Да и жизнь сама помогаетъ имъ. Единеніе, вѣдь, идетъ всюду и вездѣ, — и съ близкими и съ дальними. Единеніе помогаетъ устройству библіотекъ, добыванію книгъ и всякой иной культурной и общественной работѣ; оно не оставляетъ безъ помощи и поддержки человѣка даже въ самыхъ темныхъ уголкахъ.

* * *

Въ письмахъ, нами полученныхъ, многіе читатели ставили намъ еще такой вопросъ: съ чего же имъ начинать свою самообразовательную работу? На этотъ вопросъ, думается намъ, можетъ быть данъ отвѣтъ только такой. Начинайте съ того, что вамъ интересно и что важно для вашей жизни. Только тогда вы сдѣлаете много, когда ваша самообразовательная работа будетъ для васъ интересна и внесетъ кое-что новое

и важное въ вашу жизнь. Великое дѣло во всякой работѣ— ея систематичность. Но еще важнѣе — ея интересность, увлекательность, любовь къ ней, — словомъ, настроеніе, эмоціи работы. Нужно стремиться къ тому, чтобы сдѣлать интересной всю систему, о которой у насъ шла рѣчь въ V главѣ. Но система становится интересной для многихъ читателей лишь тогда, когда они почувствуютъ ея громадное значеніе для нихъ лично. Нужно, чтобы человѣкъ это дѣйствительно почувствовалъ. А какъ это сдѣлать? Первый шагъ къ этому — чувствовать интересъ хоть къ чему нибудь. Второй шагъ, — понять тѣсную зависимость этого интереснаго, съ чѣмъ-то другимъ, что до сихъ поръ было еще неинтересно. То пріобрѣтаетъ такимъ образомъ также значеніе и интересъ. Но никогда, нигдѣ, ни на одну минуту не слѣдуетъ забывать, что главная суть книги— въ жизни, а не въ книгѣ. Жизнь и жизнь прежде всего. Мы это уже говорили и никогда не устанемъ повторять. Горе тому, кто смотритъ на книгу, какъ на нѣчто самодовлѣющее. Нельзя сводить самообразованіе на чтеніе, т. е. на книгу. Въ этомъ и состоитъ главнѣйшая ошибка большинства программъ и руководствъ домашняго чтенія. Мы не къ книгѣ, а къ жизни зовемъ нашихъ читателей, и потому придаемъ нашей постановкѣ дѣла нѣсколько иной характеръ. Не уму читателей, а волѣ ихъ мы желали бы дать возможно больше, по мѣрѣ нашихъ силъ, — волѣ, творящей жизнь. Мы къ жизненному творчеству желали бы знать и знать, въ глубокой увѣренности, что всѣ формы и всѣ стороны жизни нуждаются въ свѣжихъ творческихъ силахъ, а каждый человѣкъ, кто бы онъ ни былъ, сможетъ, если захочетъ, быть творцомъ хоть въ какой-либо области. Что именно творить, — на этотъ вопросъ дастъ каждому отвѣтъ сама жизнь, если къ ней человѣкъ присмотрится. Какъ творить, какими путями, пріемами, способами, — на этотъ вопросъ можетъ отвѣтить и книга. Творческая работа сдѣлаетъ жизнь интересной; примѣненіе къ жизни сдѣлаетъ ее сильной, искренность читателя и воз-

вышенность его намѣреній и цѣлей сдѣлаетъ ее плодотворной, а безкорыстная борьба за проведеніе въ жизнь новыхъ началъ, опирающихся на то лучшее, что соединяетъ, а не разъединяетъ людей, — красивой. Начинайте съ большого или съ самаго маленькаго, съ частнаго или съ общаго, съ астрономіи или съ беллетристики, съ ремесла или съ теоріи, — все это дороги, только дороги, но такія, которыя, если вы пойдете по нимъ все дальше и дальше, глубже и глубже въ жизнь, и пойдете упорно, энергично и честно,— всѣ ведутъ къ одной общей цѣли, всѣ сходятся въ одной точкѣ, о которой у насъ еще будетъ итти дальше рѣчь,—и имя ей — правда, точнѣе говоря,—сила правды: каждый человѣкъ долженъ изъ себя сдѣлать или, по крайней мѣрѣ, дѣлать человѣка прежде всего сильнаго; а сильнымъ, какъ мы говорили, можетъ сдѣлаться даже слабый человѣкъ только однимъ способомъ: опираясь, во-первыхъ, на дѣйствительно точныя и достовѣрныя знанія жизни, т. е. на истину; во вторыхъ, будучи дѣйствительно справедливымъ, т. е. умѣя оцѣнивать всѣ явленія жизни съ точки зрѣнія справедливости, иначе говоря, отрицательно относясь къ несправедливому распредѣленію и духовныхъ, и матеріальныхъ, и всякихъ иныхъ благъ.

Вышесказанное опредѣляетъ не только общій ходъ работы надъ своимъ самообразованіемъ, но и самый смыслъ ея, и общій планъ ея. Такимъ образомъ, отвѣтъ на первый вопросъ можно формулировать, въ конечномъ итогѣ, такъ: начинайте вашу работу надъ самообразованіемъ съ вниманія къ тѣмъ сторонамъ лично васъ окружающей жизни, которыя вамъ наиболѣе близки и интересны, ставя въ основу этого вниманія на первый планъ и прежде всего интересы истины и справедливости.

* * *

Нѣкоторые читатели пишутъ намъ, что они не знаютъ, съ какого научнаго вопроса, съ какой области жизни начать имъ свои занятія по самообразованію.

Инымъ не интересно ничего, другимъ, напротивъ, интересно все. Третьи имѣютъ интересъ къ какимъ-либо частнымъ вопросамъ. Одинъ читатель писалъ намъ, что его „ничто не интересуетъ“ и потому онъ ничего не читаетъ. Читателя такого типа можно спросить: ну, а развѣ васъ не интересуетъ ваша собственная, личная жизнь? И развѣ бы вы не хотѣли чувствовать, что и вы живете яркой, глубокой, жгуче напряженной, плодотворной жизнью? Это всѣмъ интересно и желательно, и на это всегда можно опереться при выборѣ первой интересной книжки. У каждаго человѣка можно найти больную струнку души, а затѣмъ найти и книгу для него — именно ту, которая заставитъ эту самую струнку зазвучать настолько сильно, что человѣкъ сдвинется съ мѣста. А тотъ, кто боль уже чувствуетъ, рѣдко не интересуется причинами этой боли,—будь она въ области личной или общественной жизни, семейнаго, классоваго или общечеловѣческаго страданія. А искать эти причины, это уже значитъ заглядывать во всѣ области мірозданія, потому что всѣ эти причины всегда безконечно сложны, и всѣ между собою безконечно перепутаны, — до такой степени перепутаны, что нѣтъ никакой возможности отдѣлить одну отъ другой; трудно бываетъ даже судить о томъ, какая изъ этихъ причинъ „главная“, а какія второстепенныя, потому что всѣ онѣ одинаково необходимы для того, чтобы при ихъ стеченіи данное явленіе произошло въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ оно произошло. Не будетъ среди этого клубка причинъ хотя бы одной изъ нихъ, — измѣнится непремѣнно и само явленіе, хотя немножко, но непремѣнно измѣнится. Чтобы понять любое явленіе въ окружающей жизни, да и внутри себя, необходимо, значитъ, понять по возможности всѣ его причины, а съ этой цѣлью искать, изслѣдовать, обдумывать каждую изъ нихъ, — и ея силу, и значеніе, и ея роль. А переходить отъ причины къ причинѣ, это и значитъ изучить такое явленіе со всѣхъ сторонъ. Значитъ, углубленіе умственной работы не можетъ не пойти дальше, если оно начнется хотя бы и съ

этой стороны. Иные придавленные жизнью читатели какъ будто ничѣмъ не интересуются — совсѣмъ имъ не до этого. Но не трудно доказать и имъ, что это только такъ кажется: то, что имъ больно и тяжело живется, и то, отчего имъ такъ живется, это до нихъ очень даже касается. Труднѣе „пронять людей сытыхъ“. Но и тѣхъ интересуютъ вопросы міровые, напримѣръ, о будущей жизни, о Богѣ, о чудесахъ, о преданіяхъ священныхъ книгъ. Не разрушая ихъ наивной вѣры, а главное, не говоря ни одного страшнаго и въ особенности рѣзкаго слова, можно заинтересовать и ихъ до глубины души поисками истины, выложивъ передъ ними, но непремѣнно во всей жизненной яркости, рядъ фактовъ, совершенно и ни въ какомъ отношеніи не мирящихся съ традиціонными объясненіями теологическаго свойства (напр., по вопросу о древности земли, о чемъ, кстати сказать, сама Библія не говоритъ ни слова, по вопросу о происхожденіи земли, видовъ и т. д.). Одинъ читатель, только-что ничѣмъ не интересовавшійся, сразу же сталъ задавать намъ вопросы, едва лишь прочиталъ посланную ему книжку, гдѣ разсказывается, понятно для него, и о древности земли, и о происхожденіи растеній и животныхъ.

Еще легче подойти къ тому, кто интересуется „всѣмъ“. Такіе читатели чаще всего и спрашиваютъ у насъ: съ чего же, собственно, начать работу надъ самообразованіемъ? Ее можно со всего начать, съ любого вопроса, съ любой книги. Но лучше всего (отвѣчаемъ разъ навсегда на такой вопросъ) вести въ такомъ случаѣ работу систематически въ зависимости отъ степени подготовки читателя, въ зависимости отъ типа его. Если это читатель типа практическаго, то есть, если онъ ищетъ знаній ради непосредственнаго приложенія ихъ къ жизни, пусть онъ начинаетъ свою работу съ углубленія знаній по своей спеціальности. Если это читатель, любящій отвлеченное мышленіе и способный къ нему, пусть онъ начинаетъ съ книги, дающей общій обзоръ вселенной, и идетъ отъ

общаго къ частному. Если это читатель съ типомъ конкретнаго мышленія, то есть, мыслящій образами, яркими фактами, пусть онъ начинаетъ свою работу съ прочтенія какой-либо монографіи, т. е. описанія, изслѣдованія какого-либо частнаго, отдѣльнаго факта, но зато изслѣдованія со всѣхъ или съ многихъ сторонъ; каждая монографія представляетъ собою какъ бы каплю воды, въ которой отражается многое; всякій частный случай, — это вѣдь лишь одинъ изъ цѣлаго ряда другихъ подобныхъ же случаевъ. Всякій такой случай представляетъ собою какъ бы отдѣльный образъ, примѣръ, дающій иллюстрацію какого-либо общаго вопроса. Для изученія исторіи, напримѣръ, мы рекомендовали бы читателю отвлеченнаго типа учебникъ проф. Карѣева, для читателей конкретнаго типа мы поискали бы историческую монографію изъ области той же исторіи, воспроизводящую какую-либо эпоху ярко, сильно, жизненно, такъ, чтобы историческое научное чтеніе походило въ глазахъ этого читателя на романъ, развертывало бы минувшую жизнь, какъ единое цѣлое, со всѣми его болями и радостями (напр. соч. Мотлея, Оппеля, Масперо, Блосса и мн. др.). Такого рода подборъ книгъ для начала нами и практикуется въ нашей перепискѣ съ читателями. Вопросъ о томъ „съ какой отрасли знанія и съ чего начать" — это опять-таки вопросъ индивидуальности, личныхъ особенностей. Любой вопросъ систематической программы, помѣщенной въ одномъ изъ предыдущихъ писемъ, можно обставить книгами соотвѣтственно читательскимъ типамъ и, такимъ образомъ, помочь читателю въ дѣлѣ усвоенія и фактовъ и идей, на нихъ основанныхъ, съ возможно меньшей затратой времени и силъ. Но для всѣхъ читателей, кто бы они ни были, кругъ знаній и идей, въ конечномъ итогѣ, во всякомъ случаѣ, остается однимъ и тѣмъ же, поскольку программа охватываетъ собой весь міръ явленій, т. е., природу, жизнь. Къ этому комплексу и надо итти. А кто и какимъ путемъ къ нему пойдетъ, и кто и насколько до него приблизится, —

это вопросъ второстепенный. Цѣль—общая, пути—разные. Цѣль опредѣляется тою совокупностью знаній, которая необходима каждому человѣку, желающему сдѣлаться образованнымъ. Что касается до путей, то они опредѣляются личными свойствами, интересами, желаніями, стремленіями, обстановкой жизни каждаго читателя особо.

„Дѣлай, что можешь; старайся сдѣлать возможно больше“,—вотъ принципъ работы. То же можно сказать не только объ изученіи каждаго отдѣльнаго вопроса, отдѣльной области жизни, но и относительно выполненія всей общеобразовательной программы: для читателей дедуктивнаго типа, т. е. такого, который въ своемъ мышленіи идетъ обыкновенно отъ пониманія общихъ истинъ къ пониманію истинъ частныхъ, изъ тѣхъ вытекающихъ, легче начинать свое самообразовательное чтеніе съ общихъ обзоровъ вселенной, затѣмъ переходить къ логикѣ и математикѣ, и затѣмъ итти къ исторіи, и т. д.; напротивъ, для читателей конкретнаго и индуктивнаго типа, т. е. такого, который способенъ основывать свое мышленіе на изученіи прежде всего фактовъ, возможно реальныхъ фактовъ, легче всего начинать именно съ нихъ изученіе любого вопроса, а въ общей схемѣ—начинать съ исторіи. Впрочемъ, разумѣется, не слѣдуетъ забывать при этомъ, что всѣ такія отвлеченныя и общія указанія, во всякомъ случаѣ, нуждаются также въ приспособленіи ихъ къ каждой отдѣльной индивидуальности.

При такой постановкѣ работа надъ самообразованіемъ пріобрѣтаетъ очень опредѣленный смыслъ и цѣль. Вмѣстѣ съ тѣмъ, опредѣляются и размѣры и характеръ работы для достиженія такой цѣли. Обыкновенно, когда говорятъ объ образованіи, говорятъ о „выработкѣ общаго міросозерцанія“, объ „общемъ образованіи“, въ противоположность спеціальному и, забывая на время обстановку своей жизни — свое обычное, обыденное дѣло, машутъ на это послѣднее рукой, подымаются въ эмпиреи науки, а на жизнь (это бываетъ не рѣдко) смотрятъ сверху и даже свысока. Мы лично думаемъ, что такая постановка дѣла

далеко не для всѣхъ близка, интересна и понятна. Для иныхъ читателей лучше начинать работу съ другого конца, взявъ исходной точкой не отвлеченную схему міросозерцанія, а непосредственно близкую, непосредственно касающуюся жизни, т. е. самыхъ насущныхъ интересовъ человѣка, стремящагося къ образованію, его жизни—такой, какова она есть, со всѣми ея мелочишками и неурядицами. Правда, можно итти къ пониманію окружающей жизни, взявъ за исходную точку и общую схему, т. е. общій планъ міросозерцанія. Но къ тому же самому, т. е. общему плану, можно притти и съ другого конца. Жизнь нераздѣльна. Жизнь — единое цѣлое. Поэтому въ каждой мелочи жизни отражается вся жизнь. Если вы чувствуете, что научная истина, которую даетъ образованіе, входя въ вашу жизнь, уже дѣлаетъ ее свѣтлѣе, а васъ сильнѣе, то, по этому самому, вѣра въ науку уже усиливается въ вашей душѣ, а самообразовательная работа вызываетъ въ васъ новую энергію. Вотъ, напримѣръ, вы, читатель, учительствуете гдѣ-нибудь въ деревнѣ или работаете въ больницѣ, или на телеграфѣ, въ конторѣ, на фабрикѣ, и т. п. Положимъ, какъ это часто встрѣчается, ваша жизнь не удовлетворяетъ васъ. Вы понимаете, что не только и есть свѣту, что въ вашемъ окошкѣ, но что есть и лучшая жизнь, болѣе интересная, плодотворная, осмысленная, чѣмъ ваша. Эта послѣдняя, быть можетъ, даже опротивѣла вамъ, и вы уже опускаете руки, въ увѣренности, что, живя въ вашемъ уголкѣ и вашею жизнью, вы уже никакъ не сможете сдѣлаться человѣкомъ дѣйствительно образованнымъ. Какъ ни тяжело испытывать то, что вы испытываете, но такъ оцѣнивать ваши ощущенія и идеи, — все-таки большая ошибка. Вы можете и вы должны итти впередъ и вверхъ съ той самой позиціи, на которой стоите. Даже не покидая ея. Можете даже использовать ее, эту самую позицію, для вашего образованія и для распространенія этого послѣдняго въ вашемъ уголкѣ, т. е. для общаго, необходимаго, крайне важнаго дѣла. И правда, кто бы вы ни были,

для васъ не можетъ не представлять особеннаго интереса именно ваша работа въ такихъ-то вашихъ условіяхъ. Ваша прямая цѣль — возможно скорѣе внести въ эту работу нѣчто новое, свѣжее. Многимъ читателямъ можно дать такой совѣтъ: начинайте ваше самообразованіе съ того конца, который для васъ имѣетъ практическое значеніе, такъ, чтобы вашъ трудъ возможно скорѣе отразился на вашей творческой работѣ и помогъ бы вамъ творить, т. е. вносить нѣчто новое въ вашу жизнь, въ окружающую васъ среду. Берите хотя бы книжку, касающуюся непосредственно вашихъ профессіональныхъ занятій. Не въ томъ самая суть дѣла, какую вы книжку возьмете, а въ томъ, что вы передумаете, читая ее.

Но какую бы книгу вы ни читали, ставьте прежде всего самому себѣ вопросъ, дѣйствительно ли все понятно вамъ въ той книгѣ, которую вы читаете? Нѣтъ такой книги, въ которой даже самому ученому читателю было бы понятно все. Тайны міра, тайны познанія не укрываются отъ глазъ человѣка мыслящаго, ученаго даже и въ народныхъ книжкахъ, которыя пишутся обыкновенно такъ, какъ будто бы люди „уже до всего дошли“. Но это невѣрно. Исканіе истины или болѣе полной истины никогда не должно прекратиться. Отдѣляйте непонятное отъ понятнаго, познанное отъ непознаннаго, достовѣрное отъ недостовѣрнаго, точное отъ неточнаго, то что есть, отъ того, что кажется. Идите въ глубину, прежде всего въ глубину. Тогда передъ вами самъ собой возникнетъ цѣлый рядъ вопросовъ. Любая книжка наведетъ васъ на мысли о цѣломъ рядѣ явленій, происходящихъ и въ васъ и вокругъ васъ.

Стремясь къ расширенію своихъ знаній и къ углубленію своего пониманія, вы не можете не притти къ мысли о томъ, что для васъ необходимо знакомство съ явленіями и психической, и общественной, и космической жизни. Одно естественно слѣдуетъ за другимъ. Каждому человѣку интересно и важно прежде всего понимать соб-

ственную, интимную, психическую жизнь. Только понимая ваши собственныя переживанія, вы способны будете понимать и жизнь другихъ. Но, вѣдь, ваши переживанія суть жизненныя явленія, происходящія въ вашемъ мозгу и въ вашемъ тѣлѣ, жизнь котораго такъ рѣзко отражается на дѣятельности мозга. Далѣе, и ваша психическая, и ваша тѣлесная жизнь не будутъ понятны вамъ, если вы не сравните ихъ съ психической и тѣлесной жизнью другихъ людей и не углубите вашихъ знаній о человѣкѣ знаніями и о животномъ мірѣ. Впрочемъ, и это лишь начало вашей работы надъ самообразованіемъ. Въ основѣ тѣлесной жизни лежитъ жизнь клѣточекъ; въ основѣ этой послѣдней — жизнь атомовъ. Углубляя ваши знанія, вы не можете не перейти изъ области явленій психическихъ въ область явленій біологическихъ, а оттуда въ область физики, химіи и другихъ наукъ, изучающихъ самыя глубины устройства вселенной. Но и это еще далеко не все. Все ваше существованіе и ваше самообразованіе находятся въ тискахъ разныхъ правилъ, циркуляровъ, распоряженій, законовъ и т. д., какъ въ ихъ современномъ положеніи, такъ и въ ихъ исторіи. Кромѣ того, вы и вся ваша работа — результатъ очень опредѣленныхъ экономическихъ, вообще соціальныхъ условій, къ которымъ вамъ нельзя не присматриваться, которыхъ нельзя не изучать. Вы не можете не уяснять себѣ вопроса о томъ, почему же существуютъ на свѣтѣ бѣдные и богатые, властные и униженные?—вѣдь эти вопросы имѣютъ самое близкое отношеніе къ вашей собственной жизни. Вы не можете не уяснять себѣ вопроса и о томъ, что же такое справедливость на землѣ, и въ чемъ же смыслъ вашей собственной жизни предъ лицомъ нищеты и несправедливости?

Жизнь передъ вами стоитъ во всемъ своемъ величіи, какъ единое цѣлое, и съ какого бы конца вы ни начали вникать въ нее, — вникайте: все равно вамъ придется притти къ тому выводу, что для вашей жизни и вашего творчества въ ней необходимо знаніе и пониманіе и вашей лич-

ной, и общественной, и космической жизни. Вникайте въ окружающую жизнь,—и дойдете до общаго міросозерцанія. Присматривайтесь ко всѣмъ ея проявленіямъ, опредѣляйте возможно скорѣе и точнѣе, какія именно ея стороны наиболѣе интересны вамъ, съ какой именно стороны вамъ особенно важно подойти къ пониманію жизни.

Только не забывайте главнаго правила: итти все въ глубину и глубину. Это самое существенное и важное. Лишь въ такомъ случаѣ вы дѣйствительно вникнете въ окружающую васъ жизнь и сдѣлаетесь знатокомъ ея интересовъ, а въ случаѣ нужды—и представителемъ ихъ. Но вы не можете сдѣлаться имъ, не вникнувъ въ жизнь вплоть до атомовъ. Вы не можете осмыслить вашей работы надъ вашимъ образованіемъ, если не станете думать о томъ, чтобы быть выразителемъ основныхъ потребностей жизни.

Сводя все вышесказанное къ одному, мы приходимъ къ такому выводу. Начинайте работу надъ вашимъ образованіемъ съ вниканія въ окружающую васъ жизнь. Опредѣлите прежде всего, какія стороны жизни вамъ всего ближе и интереснѣе. Съ нихъ и начинайте выработку вашего общаго міросозерцанія, идя въ глубину и ширину и всегда имѣя въ виду не только созерцаніе жизни, но, прежде всего,—жизненное творчество. Повторяю,—уже написаны пособія и другія книги, которыя именно вамъ помогутъ въ вашей работѣ. Наше дѣло — помогать вамъ въ этой работѣ, указывая тѣ книги, которыя именно вамъ подходятъ.

Въ одномъ изъ предыдущихъ писемъ мы набросали, въ основныхъ чертахъ, общую схему интимной, соціальной и космической жизни, и эту-то схему и положили въ основу общаго міросозерцанія, а, значитъ, и общаго плана самообразованія. Схема, данная нами, охватываетъ всѣ главнѣйшія области жизни. Человѣкъ, дѣйствительно образованный и развитой, долженъ составить о всѣхъ о нихъ нѣкоторое понятіе, — возможно точное, достовѣрное, разностороннее,

глубокое, не только теоретическое, но и практическое. И, по нашему мнѣнію, прежде всего практическое, т. е. такое, въ созданіи и примѣненіи котораго къ жизни на первомъ планѣ стоялъ бы не только умъ, но и чувство, а главное — воля.

Присмотримся теперь повнимательнѣе къ данной схемѣ, и будемъ говорить о самомъ ходѣ образовательной работы, о практической сторонѣ ея, т. к. теоретическая, полагаемъ, въ достаточной степени выяснена, въ своихъ основныхъ чертахъ, въ предыдущихъ главахъ. Правда, здѣсь намъ не избѣжать нѣкоторыхъ повтореній, за которыя читатель на насъ, быть можетъ, и посѣтуетъ; но эти повторенія, по нашему мнѣнію, небезполезны для полноты картины. Прежде всего, какъ мы на это уже указывали, нельзя не видѣть, что всѣ отдѣлы ея, иначе говоря, всѣ стороны жизни, въ ней отмѣченныя, тѣснѣйшимъ и неразрывнѣйшимъ образомъ связаны между собою: все это дѣйствительно только стороны одного и того же цѣлаго, все той же жизни. А изъ этого вытекаетъ, что изучая ту или другую изъ этихъ сторонъ, не слѣдуетъ забывать и всѣхъ прочихъ. Да и нельзя забывать, потому что, чтобы понять какое-либо одно явленіе или область жизни, необходимо имѣть нѣкоторое представленіе объ очень многихъ и даже о всѣхъ другихъ сторонахъ жизни. Напр., движеніе небесныхъ свѣтилъ какъ будто бы далеко отъ земли. Но чтобы понимать и изучать его, необходимо познакомиться съ исторіей астрономіи; а исторія астрономіи непонятна, напр., безъ знакомства съ исторіей религіи, которая такъ мѣшала успѣхамъ этой науки, и исторіей географическихъ открытій, которыя наглядно доказали шарообразность земли, и хозяйственной жизнью человѣчества, которая заставила, въ поискахъ за богатствами, пускаться въ самыя рискованныя путешествія, въ которыхъ сыграли такую роль нравственныя, этическія качества вождей и толпы. Такимъ образомъ, попробуйте вникать въ любое явленіе жизни, и вы увидите, что и въ немъ содержатся элементы самыхъ

разнообразныхъ наукъ. А отсюда слѣдуетъ, что образованнымъ человѣкомъ можно сдѣлаться лишь познакомившись со всѣми областями жизни. Другими словами, работая надъ своимъ образованіемъ, надо думать не только о частностяхъ, но и объ общемъ,—только оно поможетъ разобраться въ частностяхъ и каждой изъ нихъ отвести свое мѣсто.

Но это легко сказать—„познакомиться со всѣми областями жизни", съ „общимъ". Спрашивается, какъ это сдѣлать или дѣлать? Работа въ этомъ отношеніи естественно распадается на два пріема:

1. Пріемъ предварительный и подготовительный.
2. Пріемъ основной.

Первый представляетъ изъ себя введеніе во второй. Состоитъ онъ въ томъ, чтобы изъ какихъ-либо книгъ или инымъ способомъ узнать о существованіи разныхъ явленій жизни, о нѣкоторыхъ, но наиболѣе основныхъ и характерныхъ чертахъ каждой области. Это предварительное, самое общее знакомство необходимо для того, чтобы осмотрѣться, оріентироваться въ цѣломъ. На это не нужно терять много времени и труда. Можно указать лишь 2—3 подходящія книги, которыя уже позволятъ сдѣлать это.

Особенно полезны въ этомъ отношеніи книги, излагающія исторію міра въ его цѣломъ, и вотъ въ какомъ смыслѣ.

Какъ извѣстно, все имѣетъ свою исторію, потому что кромѣ природы и вообще Вселенной, надо полагать, ничего вѣчнаго и безконечнаго нѣтъ и не было. Точные историческіе документы доказываютъ, что когда-то не было многихъ нынѣ существующихъ государствъ, учрежденій, современнаго уклада экономической, политической, религіозной, духовной, соціальной и всякой иной жизни. Все это было инымъ. Точныя геологическія изслѣдованія показываютъ, что когда-то не было и человѣчества, и другихъ животныхъ породъ, и растеній, и нынѣшнихъ горъ и морей, и земной коры. Изслѣдованіе и сравнительное изуче-

ніе небесныхъ свѣтилъ властно наводитъ на мысль, что когда-то не было и земли, и солнца, и т. д. Другими словами, то, что мы видимъ вокругъ себя, появилось постепенно и послѣдовательно, не только одно послѣ другого, но и одно изъ другого. Что-же изъ чего?

Историческое развитіе мнѣній — это одинъ изъ частныхъ случаевъ развитія жизни и развитія Вселенной. Это и выясняется тоже точными изслѣдованіями. Съ этимъ и долженъ познакомиться всякій человѣкъ, работающій надъ своимъ самообразованіемъ. Исторія (иначе говоря эволюція) жизни связываетъ въ одно неразрывное цѣлое все многообразіе окружающей насъ жизни. Познакомиться съ общей картиной эволюціи — въ этомъ, по нашему мнѣнію, и долженъ состоять первый шагъ въ дѣлѣ общаго образованія. Это знакомство съ нею расположитъ всѣ, уже имѣющіяся у васъ знанія въ одинъ общій, хотя и вѣтвистый рядъ (точнѣе—стволъ), свяжетъ все со всѣмъ органически, т. е. внутренней связью. Затѣмъ легче будетъ изучать и детали.

Такая постановка дѣла, разумѣется, нисколько не противорѣчитъ тому, что было сказано выше, а именно, что нужно начинать съ того, что лично наиболѣе интересуетъ. Не говоря ужъ о томъ, что общая картина міровой эволюціи интересна, какъ это показываетъ изслѣдованіе читающей публики, огромному большинству ея, она не можетъ не быть интересной даже заядлымъ спеціалистамъ, потому что должны же и они понимать свое собственное мѣсто во вселенной, — другими словами, должны же и они притти къ той же схемѣ, хотя бы начиная со своего частнаго интереса, своей спеціальности. Поэтому, на вопросъ тѣхъ, кто еще не знаетъ, съ какой же области знаній, съ какого вопроса начинать свое самообразовательное чтеніе, можно дать такой отвѣтъ: начинайте съ вопроса объ эволюціи. Эволюція, по современному научно-философскому воззрѣнію, — основное явленіе Вселенной. Уже по этому самому необходимо понять его ясно и отчетливо. „Все измѣняется,

все развивается, переходя отъ болѣе простого къ сложному, отъ неопредѣленности къ опредѣленности, отъ несвязности къ связности, возникая, мѣняя формы и исчезая, чтобы принять опять-таки новую форму". То, что мы видимъ вокругъ насъ, существуетъ не вѣки вѣчные въ этомъ самомъ видѣ. Г. Спенсеръ въ своей статьѣ „Прогрессъ, его законъ и причины", а болѣе подробно въ своихъ „Основныхъ началахъ" набрасываетъ яркими штрихами картину всемірнаго развитія, перемежающагося, по его представлению, съ эпохами распаденія (диссолюціи). Въ общемъ ходѣ эволюціи всякое явленіе занимаетъ свое опредѣленное мѣсто, и знакомясь съ этимъ ходомъ и вдумываясь въ него, читатель вмѣстѣ съ тѣмъ приводитъ въ систему всѣ свои знанія, т. к. идея эволюціи связываетъ ихъ воедино. Одно изъ частныхъ проявленій общей эволюціи представляетъ изъ себя эволюція человѣческаго общества. Какъ, когда и почему появился на землѣ человѣческій родъ, общественные инстинкты и чувства, религія, собственность, государство, семья, народное хозяйство и т. д.? Вотъ вопросы, отвѣтъ на которые даетъ исторія первобытной культуры, — наука, знакомство съ которой нельзя не рекомендовать тѣмъ, кто еще не знаетъ, съ чего начать свое самообразованіе. Знакомство съ этой наукой имѣетъ особенно важное значеніе еще въ томъ отношеніи, что разрушаетъ тотъ догматизмъ во взглядахъ на явленія общественной жизни, который такъ распространенъ среди мало развитыхъ людей и который играетъ такую печальную роль во всѣхъ реакціяхъ. Въ приложеніи къ этой книгѣ мы даемъ списки нѣкоторыхъ книгъ по вопросу объ эволюціи вообще и соціальной жизни въ частности, съ которыхъ, по нашему мнѣнію, особенно полезно начинать самообразовательное чтеніе всѣмъ тѣмъ, кто еще не знаетъ, какъ приступить къ работѣ.

Познакомившись съ общей схемой міровоззрѣнія и его эволюціи, выбираемъ самый интересный предметъ для изученія, т. е. область наиболѣе интересную для даннаго чи-

тателя. Такихъ у насъ было намѣчено три главнѣйшихъ: интимная, соціальная, космическая. Каждую изъ этихъ областей нельзя не изучать тоже двояко: а) въ цѣломъ б) отдѣльными частями. Цѣлое — это значитъ общая картина области. Для каждой области можно найти книги, знакомящія съ нею, какъ единымъ цѣлымъ („общіе обзоры“ ея). Кромѣ того существуютъ и монографіи о разныхъ областяхъ или сторонахъ. Познакомиться съ литературно-общественной жизнью въ цѣломъ, съ исторіей человѣчества въ цѣломъ, съ его распредѣленіемъ и жизнью на земномъ шарѣ въ цѣломъ, съ органической и неорганической природой въ цѣломъ, наконецъ, съ космосомъ — такова дальнѣйшая задача. Но какъ съ этимъ знакомиться? Разные люди дѣлаютъ это обыкновенно по разному, смотря по складу ума и характера и вообще смотря по своему типу[1]): одни идутъ при этомъ отъ общаго къ частному, другіе обратно, смотря по тому, кому какъ легче усваивать данный предметъ. При вниканіи въ любой предметъ, какъ мы говорили, въ любую область жизни, не приходится упускать изъ виду двѣ стороны дѣла: во 1-хъ и прежде всего необходимо конкретное, реальное знакомство съ фактами, съ возможно большимъ числомъ фактовъ, — точно констатированныхъ, изученныхъ, классифицированныхъ, дающихъ возможность притти къ такимъ-то выводамъ. Для этого необходимо выбирать для себя такія книги, которыя даютъ это и которыя заставятъ васъ какъ бы видѣть и вообще переживать факты возможно реальнѣе. Списки такихъ книгъ мы дали въ приложеніи. Научныя теоріи — второй этапъ въ дѣлѣ вниканія. Какъ извѣстно, эти послѣднія обыкновенно стремятся выйти за предѣлы фактовъ, лежащихъ въ основѣ ихъ, и многими считаются чѣмъ-то универсальнымъ. Отсюда въ дѣлѣ вниканія проистекаетъ несомнѣнно огромная путаница, то же верхоглядство, своего рода научный догматизмъ и даже фетишизмъ,

---

[1]) Объ этой важной сторонѣ дѣла см. въ IX главѣ.

смѣшеніе доказаннаго съ недоказаннымъ и даже недока зуемымъ, извѣстнаго съ неизвѣстнымъ, познаннаго съ непознаннымъ и даже непознаваемымъ. Распространяя выводы, сдѣланные въ одномъ мѣстѣ, на жизнь, существующую въ другихъ мѣстахъ, теоретики путаются и сбиваются, а главное — путаютъ и сбиваютъ другихъ. Изъ этого видно, что вникая въ жизнь, необходимо очень осторожно относиться къ теоріямъ. Лучше всего знакомиться съ ними въ исторической формѣ, т. е. изъ книгъ по исторіи данной отрасли знанія или даннаго научнаго вопроса. Списокъ такихъ книгъ мы указываемъ въ каждомъ отдѣлѣ нашего большого труда „Среди книгъ". Тамъ же читатели найдутъ и сопоставленія теорій, сравнительную оцѣнку ихъ въ критическихъ статьяхъ разныхъ авторовъ, болѣе или менѣе несогласныхъ съ ними, и обсужденіе ихъ, такъ сказать, подъ перекрестнымъ огнемъ противниковъ. Изъ такого изученія теорій не можетъ не создаться и осторожнаго и критическаго отношеній къ нимъ — къ догматизму вообще. Хорошимъ средствомъ для борьбы съ догматизмомъ является опять-таки исторія науки и философской мысли, особенно же книги Дрэпера („Исторія умственнаго развитія Европы", „Исторія отношеній католицизма (т. е. религіи) и науки"), Бокля („Исторія цивилизаціи въ Англіи"), Ланге („Исторія матеріализма") (о догматизмѣ научномъ [1]). Противъ догматизма же направлено и изученіе такъ называемыхъ переходныхъ фактовъ, которые, въ сущности, и рѣшаютъ судьбу разныхъ теорій (напр., споры о томъ, что такое животное и растеніе, сильно затруднены царствомъ бактерій, которыя причисляются одними учеными къ растеніямъ (грибкамъ), другими — къ животнымъ, третьими — къ особому царству протистовъ; крестьянство считается одними „мелкой буржуазіей", что оспаривается другими). Изученіе переходныхъ фактовъ и ихъ осторожная оцѣнка много помогаютъ дѣлу вниканія. Знакомиться съ

---

[1]) Книга читается не такъ легко, какъ предыдущія.

ними можно изъ книгъ по исторіи науки и мысли. Исторія лучше чѣмъ что-либо доказываетъ относительность всякихъ теорій. Всѣ онѣ, быть можетъ, за очень малыми исключеніями, хороши до поры до времени, пока не найдутся лучшія, пришедшія имъ на смѣну. Всѣ онѣ болѣе или менѣе нуждаются въ дальнѣйшей разработкѣ, и даже лучшія изъ нихъ не чужды нѣкоторой спорности. Но что сказать въ такомъ случаѣ о теоріяхъ, въ созданіи которыхъ замѣшано человѣческое чувство, интересы, хотѣнія и стремленія? Спорность и относительность ихъ еще того больше. Отсюда выводъ: знакомясь при вниканіи съ какой-либо теоріей, отнюдь не слѣдуетъ считать ее за абсолютную истину, и если при этомъ встрѣтятся люди (или книги), оспаривающіе ее,—отнюдь не слѣдуетъ относиться къ нимъ съ нетерпимостью: всякое, хотя бы противоположное мнѣніе, честно, откровенно и искренно высказанное,—лучшій матеріалъ для провѣрки своего собственнаго. При вниканіи надо всегда производить эту провѣрку. Во всякомъ случаѣ, наиболѣе устойчивый элементъ во всякой теоріи,— не идеи, не мнѣнія, не стремленія, а факты. Разумѣется, для пониманія разныхъ теорій въ высшей степени важно знакомиться съ исторіей столкновенія ихъ, т. е. съ полемикой ихъ приверженцевъ. Къ сожалѣнію, есть у книгъ полемическихъ одна сторона, которая, по нашему глубокому убѣжденію, дѣлаетъ ихъ совершенно непригодными для людей, недостаточно знакомыхъ съ исторіей мнѣній и только начинающихъ разбираться въ теоріяхъ и фактахъ. Намъ извѣстны многочисленные примѣры, когда начинающая молодежь впервые знакомилась съ литературными и общественными теченіями по книгамъ полемическаго характера, написаннымъ, по обычаю, хлестко, размашисто, съ подсиживаньями и подлавливаніями противника, вынося изъ такой литературы самое неполное, сбивчивое, одностороннее впечатлѣніе объ обоихъ лагеряхъ, а главное, сразу же усваивая пристрастное отношеніе къ одному изъ нихъ,—позиція, имѣющая мало общаго какъ съ исти-

ной, такъ и съ справедливостью. Эмоціи, составляющія необходимую и естественную принадлежность полемической литературы, дѣйствуютъ сильнѣе всякихъ разсужденій и даже фактовъ, и до поры до времени, т. е. до знакомства съ исторіей общественныхъ теченій, лучше всякія „полемики“ оставить въ сторонѣ. Но одно дѣло—эти полемики, и совсѣмъ другое дѣло — критика, анализъ, научный споръ, столкновеніе разныхъ, болѣе или менѣе противоположныхъ воззрѣній, образцомъ которыхъ можетъ, напр., служить полемика Герб. Спенсера съ герцогомъ Аргайльскимъ. Изъ столкновенія мнѣній, дѣйствительно, можетъ родиться истина, но только не въ разгарѣ и въ чаду полемики, и не въ огнѣ разгорѣвшихся страстей и личныхъ обидъ, которымъ иной разъ грошъ цѣна. Не приходится рекомендовать и тѣхъ „критическихъ“ статей, которыя ставятъ своею главною цѣлью „раздѣлыванье подъ орѣхъ“, не имѣющее ничего общаго съ тѣмъ раздѣлываньемъ, вѣскій образецъ котораго мы имѣемъ въ сочиненіяхъ В. Бѣлинскаго, Н. Добролюбова, Н. Чернышевскаго. Врядъ ли нужно доказывать, что серьезный разборъ несогласныхъ мнѣній помогаетъ вниканію, тогда какъ полемика лишь мѣшаетъ ему.

Переходя теперь къ основному пріему, о которомъ было сказано выше, повторяемъ, самая суть работы надъ самообразованіемъ заключается въ постоянномъ вниканіи, углубленіи, — въ отыскиваніи корней. Схема эволюціи показываетъ, что корни-то эти оказываются всегда совсѣмъ въ другой области: напр., корни появленія человѣчества находятся въ жизни животныхъ и вообще органической жизни; корни этой послѣдней — въ жизни химической, физической и вообще неорганической; корни этой послѣдней — въ жизни космической. Кромѣ того, все, что происходитъ вокругъ насъ, происходитъ именно такъ потому, что имѣются на лицо всѣ условія для того, чтобы это происходило. Если вы не отмѣтите этихъ условій и не вникнете въ нихъ, вы ничего не поймете. При изученіи общественной жизни особенно важно это вниканіе во всѣ

условія, при которыхъ совершаются данныя явленія, и въ немъ-то и дѣло: если же вы всегда станете вникать, вы непремѣнно перестанете быть человѣкомъ узкимъ, поверхностнымъ верхоглядомъ; вы не замерзнете на одной вашей спеціальности, а постараетесь вмѣстить въ свое сознаніе всѣ отдѣлы намѣченной нами схемы, по правилу: не зная частей, не поймешь цѣлаго; не понимая цѣлаго, запутаешься въ частяхъ.

А коли это такъ, то можно сдѣлать и такіе выводы:

1) для каждаго спеціалиста необходимо общее образованіе (знаніе и пониманіе по общей схемѣ);

2) для общаго образованія, чтобы осуществлять и вообще вносить его въ жизнь, необходима какая-либо спеціальность. Горе тѣмъ кто, прочитавъ одну-двѣ книжки, рѣшаетъ, что онъ понялъ и постигъ самую суть дѣла, а значитъ, и довольно. Такіе господа только вредятъ дѣлу просвѣщенія. И не только просвѣщенія, но, какъ показала исторія послѣднихъ лѣтъ, вообще мѣшаютъ борьбѣ сознательныхъ элементовъ народа за лучшее будущее. Изъ верхоглядовъ именно выбатываются кликуши всѣхъ толковъ и партій, вносящіе столько смуты и раздора и въ борьбу и въ жизнь вообще. Къ верхоглядамъ нужно отнести и тѣхъ читателей, которые сводятъ все дѣло самообразованія на чтеніе книгъ и на усвоеніе ихъ содержанія, не сопоставляя его съ жизнью. Лучшіе изъ такихъ читателей не только читаютъ, но изучаютъ, дѣлаютъ конспекты, выписки и т. п. Мы лично, разумѣется, не противники всего этого. Но все-таки мы утверждаемъ, что глубоко заблуждается тотъ, кто сводитъ все дѣло самообразованія къ чтенію. Это и видно изъ многихъ полученныхъ нами писемъ. Можно быть начитаннымъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ непонимающимъ человѣкомъ. Можно быть даже невѣждой-профессоромъ. А объ этической оцѣнкѣ и говорить нечего: можно быть ученѣйшимъ мракобѣсомъ Побѣдоносцевымъ, можно быть Пуришкевичемъ и приставомъ съ

университетскимъ значкомъ, и Азефомъ съ инженерскимъ. Теперь мы будемъ говорить о томъ, что значитъ дѣйствительно вникать и вникнуть въ какой-либо предметъ, избранный даннымъ читателемъ, въ силу его личнаго интереса въ вышенамѣченной общей схемѣ.

XII.

Кое-что о вниманіи къ окружающей жизни.

Какъ извѣстно, на долю мало-мальски культурнаго человѣка, въ особенности россійскаго, выпадаетъ безконечно большое число самыхъ разнообразныхъ несчастій. Но нѣтъ несчастія, думается намъ, болѣе ужаснаго, болѣе зловреднаго по своимъ послѣдствіямъ, по той массѣ страданій, которыя имъ причиняются человѣку, къ тому же длительно, въ теченіе всей человѣческой жизни, какъ нижеслѣдующее: имѣя глаза — не видѣть, имѣя уши — не слышать, имѣя нормальный мозгъ, устроенный не хуже чѣмъ у другихъ, не понимать того, что творится вокругъ, что до этого самаго мозга, этого самаго человѣка и его̀ души и его тѣла даже очень близко касается, что его держитъ въ тискахъ, давитъ, ломаетъ, калѣчитъ, душитъ, пытаетъ на всевозможные лады. Жить, не видя, не слыша и не понимая — развѣ же это житье? И развѣ люди, такъ живущіе — люди, а не устрицы и грибы?

Сознавали ли вы, читатель, обращали ли вы вниманіе, до какой степени громадно количество явленій, совершающихся тутъ же, передъ вами, съ позволенія сказать, передъ самымъ вашимъ носомъ, но которыхъ вы вовсе не замѣчаете? Или замѣчаете лишь мимоходомъ, словно изъ окна быстро несущагося вагона, не сосредоточивая на нихъ вниманія, не отдѣляя ихъ отъ другихъ, совершенно разнородныхъ съ ними явленій, которыя сливаются въ вашей психикѣ въ какую-то пеструю или сѣрую обыденщину, а попросту сказать — образуютъ изъ себя не то кашу, не то

какую-то липкую жижу, въ которой и болтыхается человѣкъ, живя изо дня въ день, изъ года въ годъ, да такъ и до конца дней своихъ? Но есть и такіе люди, которые въ жизнь даже сознательно всматриваются и ее видятъ, но, словно черезъ очки, видятъ не то, что есть на самомъ дѣлѣ, а то, что имъ кажется, видятъ то, что они уже привыкли видѣть, что какъ бы подсказываютъ и указываютъ имъ ихъ интересы, привычки, полученное воспитаніе и образованіе, нравы и обычаи и весь историческій и соціальный укладъ той общественной среды, которая взрастила ихъ и выняньчила и сдѣлала изъ нихъ своего рода дрессированныхъ животныхъ, умѣющихъ танцовать отъ своей собственной печки только. Еще триста лѣтъ тому назадъ Фр. Бэконъ перечислилъ всѣ эти помѣхи, встрѣчающіяся каждому изъ насъ на пути правильнаго вниканія въ жизнь, эти idola. Человѣческій умъ, доказывалъ Бэконъ, долженъ отказаться отъ всѣхъ понятій, которыя почерпнуты имъ не изъ природы вещей, а изъ природы человѣческой. Эти понятія не выведены, а предвзяты. Они, по отношенію къ природѣ, суть пустыя представленія или идолы. Такіе идолы свили свое гнѣздо въ человѣческомъ умѣ или какъ естественное или какъ историческое наслѣдство и естественно составляютъ особенности человѣческаго рода или отдѣльной индивидуальности; они образуютъ заблужденія или племенныя или случайныя; историческія же заблужденія опираются на нравы, обычаи, привычки, порожденные человѣческими отношеніями или общественными преданіями, наслѣдуемыми на „великомъ позорищѣ“ человѣчества однимъ поколѣніемъ отъ другого. Эти всѣ идолы помрачаютъ человѣческій умъ и скрываютъ отъ него природу, они должны быть устранены и какъ бы навсегда оставлены на порогѣ науки. „Идолы и ложныя понятія, говоритъ Бэконъ, осаждаютъ человѣческій умъ и такъ завладѣваютъ имъ, что не только затрудняютъ доступъ истины, но вкрадываются снова и въ умъ, открытый для истины, если мы не будемъ остерегаться и со всею строгостью вооружаться противъ

этихъ предразсудковъ". Герб. Спенсеръ чрезвычайно наглядно и детально изслѣдуетъ это вторженіе въ нашу душу всякаго рода предразсудковъ, — догматическихъ, церковныхъ, сословныхъ, вложенныхъ воспитаніемъ, вообще средой, и т. д. [1]). Но, кромѣ предразсудковъ, въ нашихъ отношеніяхъ и міропониманіи не мало и лжи, не только безсознательной, но и сознательной, — соціальный порокъ глубочайшей важности, надъ которымъ нельзя не задуматься [2]). Даже оставивъ въ сторонѣ людей „темныхъ", необразованныхъ, посмотрите на такъ называемыхъ образованныхъ. Многіе и многіе изъ нихъ въ своихъ разсужденіяхъ о жизни тоже какъ бы танцуютъ „отъ своей собственной печки": смотрятъ вокругъ себя, кое-что (и даже многое) видятъ и замѣчаютъ и... пріурочиваютъ все замѣчаемое къ опредѣленнымъ и заранѣе у нихъ сложившимся теоріямъ, формуламъ, готовымъ положеніямъ. Главныя ихъ заботы при всматриваніи въ жизнь — это подвести замѣченное явленіе, любой фактъ, къ готовой теоріи или формулѣ, или къ термину, а затѣмъ успокоиться. И смотря по тому, у кого въ головѣ какія формулы, теоріи и т. д., получаются и объясненія. Разсказываютъ объ одной влюбленной дѣвицѣ, боевомъ генералѣ и священникѣ, смотрѣвшихъ въ одинъ и тотъ же телескопъ на неясныя очертанія темныхъ пятенъ на лунѣ. Священнику эти пятна показались чѣмъ-то вродѣ церквей и соборовъ, генералу — вродѣ замковъ и крѣпостей, а влюбленная дѣвица увидѣла въ нихъ нѣчто похожее на влюбленную парочку. Словомъ сказать, у кого душа-чего проситъ, то онъ и видитъ. И не только на лунѣ, но и въ жизни, лишь бы то, на что смотрятъ, было неясно по своей сложности или неопредѣленности очертаній. Но что можетъ быть сложнѣе жизни и что въ ней, въ сущности, опредѣленно, а, особенно, въ русской жизни? И жизнь ка-

---

[1]) Объ изученіи соціологіи. См. собр. сочиненій Г. Спенсера. Пер. подъ ред. Н. Рубакина.

[2]) См. Нордау. Ложь предсоціальной культуры. (Conventionellen Lügen).

жется тайной, и все мелькаетъ, все проходитъ и проходитъ. А жить хочется всѣмъ. Лучшимъ же, наиболѣе отзывчивымъ, чуткимъ и сознательнымъ людямъ не только хочется жить, но и оставить свой слѣдъ въ жизни, не только отъ нея взять, но и ей дать. Потому что, опять-таки, не грибы же и не устрицы они,—окружающая жизнь требуетъ, вѣдь, немедленно улучшеній, поправокъ, измѣненій, переворотовъ.

Получается нѣчто въ высшей степени нелѣпое: жизнь милліонами голосовъ вопіетъ о помощи, на каждомъ шагу встрѣчаются явленія, которыя могли бы или вовсе не совершаться, если они причиняютъ кому-нибудь страданія, или совершаться не въ томъ видѣ, какъ теперь, т. е. такъ, что бы тоже никому не причинить страданія; наконецъ, всѣ мы знаемъ, что есть безконечное множество мелочей жизни, иныя изъ нихъ крупнѣе, иныя мельче, которыя могутъ хоть кой-кому облегчить жизнь, — иныя, какъ палліативное средство, вродѣ пластыря или компресса, „маленькое дѣло“, какъ говорили въ 80-хъ годахъ, другія, какъ радикальное, настоящее средство врачеванія, коренное переустройство, слагающееся тоже, въ конечномъ итогѣ, все-таки изъ мелочей, внести которыя въ жизнь, несомнѣнно, по силамъ лишь милліонамъ людей. Но что дѣлаютъ эти люди? Они — смотрятъ и не видятъ, слушаютъ и не слышатъ, имѣя мозгъ, не понимаютъ, даже и не чувствуя, что, вѣдь, и они — люди и должны же жить, жить и жить, постоянно углубляя, возвышая, расширяя свою жизнь, дѣлая ее напряженнѣе, и красивѣе, и плодотворнѣе.

Работа надъ своимъ самообразованіемъ должна класть конецъ безсознательному или мало-сознательному отношенію къ жизни. Она должна вести къ тому, чтобы утилизировать, использовать свои силы, свои способности, время свой психическій и соціальный типъ и для своего и для чужого счастія. Должна, говоримъ мы,—иначе это не будетъ настоящимъ самообразованіемъ.

Это послѣднее заключается вовсе не въ томъ, чтобы вложить въ свою голову столько-то общихъ понятій, об-

щихъ мѣстъ, хотя бы и опирающихся на факты, теоріи, формулы и т. д. Такой багажъ, во многихъ случаяхъ, не только не помогаетъ, но даже мѣшаетъ настоящему образованію, какъ это и было уже сказано выше. Настоящая образованность заключается въ умѣніи видѣть, слышать, чувствовать и понимать жизнь такою, какова она есть, ориентироваться въ любое время и на любомъ мѣстѣ и въ какихъ угодно обстоятельствахъ и вносить въ жизнь тѣ измѣненія, какія необходимы для того, чтобы дѣлать человѣческое существованіе болѣе счастливымъ, т. е. такимъ, при которомъ полнѣе и возможно разнообразнѣе удовлетворяются человѣческія потребности, къ тому же безъ ущерба для другихъ людей. Что-нибудь — много-ли, мало-ли — это другой вопросъ — можетъ сдѣлать въ этомъ направленіи всякій человѣкъ, кто бы онъ ни былъ, гдѣ бы и когда бы онъ ни жилъ. И прежде всего надо научиться сосредоточивать свое вниманіе, свой умъ, свои знанія и, вообще, силы на любой точкѣ окружающей жизни. Сосредоточивать не скользя. Нужно ли еще говорить о томъ, сколько людей, владѣя вниманіемъ, какъ опредѣленной психической силой, все-таки не умѣютъ быть внимательными, т. е. не умѣютъ этого качества не только использовать, но и пустить въ ходъ? Между тѣмъ каждый, въ сущности, можетъ выработать въ себѣ это умѣніе, а какъ это дѣлать, объ этомъ существуетъ уже цѣлая литература — педагогическая, научная. Каждый человѣкъ можетъ даже самъ опредѣлить степень развитія своего вниманія, напр., сдѣлать опыты надъ самимъ собою при помощи вышеупомянутаго „Атласа для экспериментальнаго психологическаго изслѣдованія личности“ д-ра Рыбакова (М. 1911 г.). Обыкновенно вниманіе сосредоточивается на томъ, что бросается въ глаза, т. е. выдѣляется изъ ряда другихъ явленій. Обыкновенно люди сосредоточиваютъ свое вниманіе на явленіяхъ незаурядныхъ. И не столько потому, что ихъ непосредственно тянетъ къ этимъ незаурядным

фактамъ, что ихъ глазъ ищетъ чего-то крупнаго, яркаго, а больше потому, что они сознательно заглушаютъ въ себѣ интересъ къ „обыденщинѣ“, какъ бы отбрасываютъ въ сторону, но на самомъ-то дѣлѣ впихиваютъ всю сумму якобы мелкихъ впечатлѣній куда-то вглубь, въ темный складъ души, а озарять ихъ своимъ сознаніемъ, останавливаться на нихъ считаютъ какъ будто ниже своего достоинства. Они „выше мелочей, выше повседневной жизни“. Вѣрнѣе же не выше, а просто нечувствительны къ нимъ, просто испорчены воспитаніемъ школьнымъ (б. ч. правительственнымъ) или же семейнымъ, общественнымъ, которому тоже не всегда выгодно, чтобы дѣти замѣчали все вокругъ себя. У нихъ просто притуплено вниманіе, закостенѣла душа. Не высокихъ дѣлъ, не кричащихъ фактовъ надо искать для изученія, для обдумыванія и „обчувствованія“, а самыхъ простыхъ, самыхъ близкихъ, самыхъ „обыденныхъ“ фактовъ. Другими словами, надо прежде всего бороться со своими привычками „не замѣчать того, къ чему мы привыкли“. Это-то и ужасно,—писалъ когда-то Л. Толстой,— что мы, охая надъ инквизиціей, столь отъ насъ далекой, не замѣчаемъ иной разъ „ужаса нашихъ ужасовъ“, привыкаемъ къ различнымъ „бытовымъ явленіямъ“, имъ же нѣсть числа, и мелькаемъ и скользимъ по цѣлому ряду фактовъ, отъ которыхъ, при болѣе внимательномъ отношеніи къ нимъ и при нѣсколько иныхъ обстоятельствахъ, у насъ самихъ волосы встали бы дыбомъ.

Говоря о самообразованіи, мы прежде всего зовемъ къ расширенію, углубленію, возвышенію жизни, и потому на вопросъ о томъ, какъ присматриваться къ окружающему, мы даемъ такой отвѣтъ на этотъ вопросъ: соберите всѣ силы вашего вниманія и устремите его на обыденщину, на вашу обыденщину, какъ бы она ни была тускла и монотонна. Если вамъ суждено бороться съ нею и уйти изъ нея, изъ вашего болота,— безъ помощи обостренія вашего вниманія вы оттуда никогда не выйдете. Чтобы съ болотомъ, да и вообще съ жизнью справиться, не только знаніе

и пониманіе необходимы, — нужны и эмоціи, т. е. чувства нужна и воля, — вообще нужны сильныя переживанія. Именно обостреніе вниманія къ обыденнымъ мелочамъ дастъ ихъ вамъ. Только оно можетъ положить конецъ вашей неопредѣленности и въ области ума, и чувства, и воли. Только оно можетъ придать точность вашему мышленію, придать точныя очертанія объектамъ вашей любви, ненависти, злобы и, вообще, вашимъ положительнымъ и отрицательнымъ стремленіямъ. Такъ или иначе, именно съ этого надо начинать. Но вниманіе къ отдѣльнымъ мелочамъ, — это лишь начало дѣла. Это еще далеко не все.

И, правда, у любого факта жизни всегда много разныхъ сторонъ. Надо присматриваться, по возможности, ко всѣмъ или, по крайней мѣрѣ, ко многимъ сторонамъ факта. Всякій спеціалистъ, какъ извѣстно, подходитъ къ факту съ своей излюбленной или ему лучше всего извѣстной стороны, вродѣ того, какъ парикмахеръ смотритъ на человѣка съ точки зрѣнія его шевелюры. Для человѣка, дѣйствительно образованнаго, совершенно недостаточно такого отношенія. Обостреніе его вниманія должно сказаться въ умѣньи видѣть разныя стороны любого факта и въ жизни личной, и общественной, и космической, чтобы въ конечномъ итогѣ получилось нѣчто цѣльное. Образованный человѣкъ видитъ разныя стороны тамъ, гдѣ человѣкъ темный не видитъ ихъ, а видитъ лишь какую-нибудь одну и по ней судитъ о всѣхъ прочихъ, вродѣ того, какъ вымуштрованный, малосознательный солдатъ колетъ праваго и виноватаго только потому, что это объектъ повелѣній начальства: пырнулъ — и рѣшилъ дѣло. Вотъ и мы „пыряемъ“ жизнь, односторонне подходя къ ней и судя о безконечномъ, разностороннемъ нелѣпо-односторонне. Присматриваться къ жизни — это значитъ освободиться отъ привычки къ одностороннему вниманію, это значитъ выработать въ себѣ умѣнье видѣть многое и разнородное въ томъ, что кажется съ перваго взгляда однороднымъ. Общая схема этой разносторонности дана нами

въ томъ письмѣ, гдѣ рѣчь идетъ о схемѣ мірозданія и міросозерцанія, потому что ихъ схема — это, вмѣстѣ съ тѣмъ, и схема разносторонности.

Но и это еще не все. Видѣть явленіе или фактъ самъ по себѣ — этого еще недостаточно. Каждый фактъ имѣетъ мѣсто въ жизни, существуетъ только потому, что существуютъ нѣкоторыя условія, т. е. причины, его породившія. Вниманіе должно подмѣтить и ихъ. Къ какому бы явленію ни были обращены интересъ или любознательность или даже просто любопытство даннаго человѣка — все равно: отъ самаго факта онъ долженъ перейти къ причинамъ его. Разумѣется, такое вниканіе требуетъ еще большаго обостренія вниманія. Тѣмъ не менѣе, его необходимо обратить и въ эту сторону. Самообразованіе должно взять на себя и такую работу, должно изощрить себя и въ этомъ направленіи. Замѣтимъ, при этомъ, что здѣсь мы не о книгахъ и не о чтеніи все время говорили (объ этомъ будетъ рѣчь еще ниже), а о томъ, какъ всматриваться въ жизнь, пользуясь тѣмъ, что уже имѣется въ данной человѣческой головѣ. При такой работѣ, въ цѣляхъ обостренія вниманія, человѣкъ волей неволей будетъ утилизировать всѣ знанія и, вообще, всѣ психическія силы, какія онъ уже успѣлъ накопить въ себѣ, а въ этомъ-то и заключается конечно цѣль самообразованія. Припоминать накопленныя знанія, прилагать ихъ къ объясненію даннаго факта, а также причинъ и условій, его производящихъ, его оцѣнивать съ разныхъ точекъ зрѣнія, его переживать такъ или иначе, реагировать на него въ томъ или иномъ смыслѣ, возмущаясь, восхищаясь, борясь, уничтожая, создавая и т. д. — это и есть жизнь.

Когда же вниманіе переходитъ отъ факта къ причинамъ или условіямъ его — это уже значитъ, что кругозоръ мыслящаго человѣка р а с ш и р я е т с я. Слѣдуетъ здѣсь отмѣтить, говоря о мелочахъ жизни или мелкихъ, обыденныхъ фактахъ, еще одну сторону ихъ. Взирая на какой-либо фактъ, не можешь не спросить себя — есть ли это е д и н-

ственный фактъ своего рода, т. е. явленіе исключительное, или такихъ фактовъ много, быть можетъ, даже очень много? Вниманіе должно останавливаться не только на качествѣ фактовъ, о чемъ шла выше рѣчь, но и на количествѣ ихъ. Оно должно научиться собирать, суммировать факты, подводить имъ общіе итоги, распредѣлять ихъ по группамъ, наконецъ, подсчитывать ихъ. Подсчитывать, въ какомъ бы медвѣжьемъ уголкѣ вы ни жили. Читая газеты, также принимайте въ разсчетъ повторяемость и количество фактовъ. Тѣмъ-то особенно и важна статистика, что она помогаетъ оцѣнивать факты, смотря по степени ихъ распространенности и повторяемости. Поэтому каждый человѣкъ, желающій серьезно всматриваться въ окружающую жизнь, долженъ, хоть немножко, но быть статистикомъ. Но и будучи статистикомъ, за мертвыми цифрами онъ не долженъ никогда забывать живой жизни, человѣческую личность, служащую матеріаломъ для статистики и заинтересованную въ томъ, о чемъ вопіютъ статистическія данныя. Прочтите прекрасный разсказъ Глѣба Успенскаго „Живыя цифры“ („Четверть лошади“ и др.), и вы поймете, что это такое — переводить языкъ цифръ на языкъ страданій человѣческихъ. Внимательное отношеніе къ окружающей жизни съ этой стороны доступно всякому мало-мальски мыслящему человѣку, разумѣется, также и жителямъ глухимъ палестинъ. Въ каждомъ глухомъ уголкѣ существуютъ какія-либо „бытовыя“ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, массовыя явленія. Россійское обѣднѣніе, униженіе, тьма, суматоха, разруха выражаются въ каждомъ уголкѣ русской земли по разному, тысячами мелочей, тысячами фактовъ. Все-таки, какъ ни какъ, всѣмъ людямъ нужно и хочется жить, и ѣсть, и свободно дышать и мыслить, и добиваться лучшей доли. Но этой доли еще нѣтъ. Гдѣ же она? И откуда она придетъ? И гдѣ проходъ для нея въ нашу обыденщину? Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, надо „обмозговать“ много-много мелочныхъ фактовъ, которыми даритъ любой глухой уголъ; надо вникнуть въ психологію и въ свою собственную и тѣхъ кишечно-

полостныхъ, которыя находятъ смыслъ жизни за карточнымъ столомъ и въ пирогѣ съ начинкой, добытомъ хотя бы интендантскимъ или рейнботовскимъ способомъ. И вотъ мысль работаетъ. Надо, чтобы она возможно больше и плодотворнѣе работала. Вопросы, которые ставитъ жизнь, мучительны. Еще мучительнѣй то, что они остаются безъ отвѣта. Тѣмъ не менѣе, всякій мало-мальски мыслящій человѣкъ долженъ благословлять самый фактъ существованія въ своей душѣ этихъ мучительныхъ вопросовъ. Жалки, въ сущности, не тѣ, въ комъ эти вопросы есть, а тѣ, въ комъ ихъ нѣтъ. Жалки не люди мыслящіе, а тѣ, въ комъ мысль застыла, кто изъ человѣка превратился въ животное, кто свой домокъ и уголокъ, келью подъ елью превратилъ такимъ способомъ въ хлѣвъ, а свою жизнь—въ прозябаніе. Мучительные вопросы, встающіе въ душѣ, надо использовать. Вниманіе и его обостреніе поставятъ ихъ въ душѣ человѣка, лишь только человѣкъ станетъ всматриваться въ жизнь. Самая постановка вопроса, посредствомъ внимательнаго всматриванія въ самую жизнь (не въ книгу, а въ жизнь), представляетъ изъ себя уже страшную силу, глубоко плодотворную по своимъ результатамъ. Самая мучительность вопроса, остающагося безъ отвѣта (а при внимательномъ вниканіи въ жизнь большинство вопросовъ, особенно у начинающихъ, именно таковы), является тоже силой, которая гонитъ человѣка къ книгѣ, заставляетъ подходить къ ней не какъ къ средству развлеченія, а какъ къ орудію объясненія, просвѣтленія, борьбы съ униженіемъ, темнотой, обѣднѣніемъ и т. д. Та же самая книга тому же самому читателю кажется совершенно иной, смотря по тому, берется ли онъ за ея чтеніе просто-на-просто чтобы „почитать“, или же чтобы найти въ ней дѣйствительно отвѣтъ, поставленный его вниманіемъ, т. е. жизнью, вглядываніемъ въ жизнь. Отсюда такое правило: прежде всего устремлять вниманіе свое непосредственно въ жизнь и лишь затѣмъ, когда сама жизнь внѣдритъ въ душу цѣлый рядъ вопросовъ, браться за книгу и искать отвѣтъ въ книгѣ. Про-

граммы для изслѣдованія (б. ч. статистическаго) разныхъ сторонъ общественной жизни, не навязывая никакихъ своихъ тенденцій, много помогаютъ такому внѣдренію вопросовъ...

Здѣсь мы должны бы были говорить объ использованіи чтенія въ этомъ направленіи. Къ этому вопросу мы еще вернемся, а пока скажемъ кратко: каждая книга, кромѣ фактовъ, которые она сообщаетъ, все-таки есть, въ конечномъ итогѣ, не что иное, какъ мнѣніе, мнѣніе о такомъ-то явленіи жизни или такой-то сторонѣ ея, высказанное какимъ-либо однимъ человѣкомъ. Писателей, писавшихъ по любому вопросу, много, значитъ, и мнѣній много. И каждое мнѣніе опирается на нѣкоторый интересъ, волю и, вообще, писательскую индивидуальность. Только жизнь—одна, а въ ней-то и рѣшаются судьбы всѣхъ мнѣній. Узнавать чужія мнѣнія надо только для того, чтобы сопоставлять ихъ съ явленіями, фактами жизни, вообще съ жизнью. Чужой человѣкъ, писавшій книгу въ иное время, въ иномъ мѣстѣ, далекій отъ васъ, все равно вашей жизни вамъ во всѣхъ деталяхъ не растолкуетъ. Ее придется толковать все-таки вамъ самимъ. Да и реагировать на жизнь вашу будете, все-таки, вы, а не онъ. Изъ всего вышесказаннаго уже слѣдуетъ, что работа надъ самообразованіемъ неотдѣлима отъ пониманія окружающей жизни и отъ самаго внимательнаго всматриванія въ нее.

XIII.

Кое-что о смыслѣ и цѣли жизни.

Въ этой книгѣ мы уже нѣсколько разъ говорили о томъ, что каждый человѣкъ долженъ стремиться къ расширенію своей жизни, къ тому, чтобы сдѣлать ее возможно полнѣе, разностороннѣе и красивѣе. Въ этой главѣ мы намѣрены нѣсколько пояснить это понятіе расширенія жизни.

Прежде всего, выдвигая его на первый планъ, мы отнюдь не думаемъ, что цѣнность жизни только ея расширеніемъ и опредѣляется, и только къ расширенію ея и сводится. У жизни есть свои нравственныя и общественныя цѣнности, — истина, справедливость, любовь, симпатіи человѣка къ человѣку, чуткость, активность, и т. д., о чемъ мы тоже говорили не разъ. Здѣсь мы будемъ говорить о расширеніи жизни личности на основѣ нарастанія этихъ цѣнностей, ихъ нарастанія какъ качественнаго, такъ и количественнаго, и о ихъ завоеваніяхъ, какія они дѣлаютъ и могутъ дѣлать еще сильнѣе и въ человѣкѣ, и въ обществѣ, и въ человѣчествѣ.

Въ 80-хъ годахъ появилась на французскомъ языкѣ замѣчательная книга „Esquisse d'une morale sans obligation ni sanction", которая въ 1898 году была переведена и на русскій языкъ подъ названіемъ „Очеркъ морали". Авторъ этой книги былъ Жанъ Марій Гюйо, молодой французскій философъ и поэтъ, богато одаренная натура, глубокая, жизнерадостная, свѣтлая, полная поразительнаго кипѣнія жизни — жизни, которая подъ давленіемъ жестокаго, непреоборимаго недуга (туберкулеза) уходила и уходила въ вѣчное ничто; но уходила не только не теряя въ силѣ свѣта и тепла, но и разгораясь, напослѣдяхъ, все ярче и ярче и напряженнѣе. Книга Гюйо — одна изъ тѣхъ книгъ, знакомство съ которыми обязательно, думается намъ, для всякаго человѣка, особенно же для стремящихся къ самообразованію, т. е. къ расширенію своей жизни въ лучшемъ смыслѣ этихъ обоихъ словъ. Правда, книга Гюйо написана не достаточно популярно, хотя и проникнута настроеніемъ и полна своеобразной силы духа и красотой. Но сколько бы ни требовала она труда отъ читателя для своего пониманія, — затратить на ея чтеніе этотъ трудъ стоитъ, во всякомъ случаѣ, для того, чтобы понять и почувствовать и жизнь, и ея смыслъ, и ея цѣль.

„Мы всѣ, — говоритъ Гюйо, — живыя, чувствующія и мыслящія существа. Въ этомъ состоитъ самый существен-

ный и основной фактъ нашей природы". „У всѣхъ живыхъ существъ жизнь имѣетъ стремленіе сохраняться и возрастать сначала безсознательно, а потомъ съ помощью сознанія непосредственнаго или же усложненнаго размышленіями". Наша жизнь проявляется въ двухъ главныхъ фактахъ: во-первыхъ какъ жизнь физическая, во вторыхъ какъ жизнь нравственная (духовная), — иначе говоря, какъ жизнь безсознательная и жизнь сознательная. Верховные, главные законы нашего поведенія, учитъ Гюйо, „должны быть тождественны съ глубочайшими законами самой жизни". Жизнь сохраняется, жизнь умножается и растетъ. Въ нашемъ поведеніи, во всей нашей дѣятельности не можетъ не проявляться этихъ же стремленій жизни вообще. Итти противъ нихъ, бороться съ ними, останавливать ростъ своихъ стремленій — это значитъ итти противъ самой природы. То же можно сказать и объ интенсивности (напряженности) жизни. Увеличивать интенсивность своей жизни — это тоже правило поведенія, вытекающее изъ самой природы. Увеличивать интенсивность ея, — это значитъ „увеличивать область своего активнаго проявленія во всѣхъ его формахъ, разумѣется, въ той мѣрѣ, какая совмѣстима съ возстановленіемъ силъ (иначе это будетъ разрушеніемъ жизни). Подобно тому, какъ отдыхаетъ поле, если разнообразить его продукты (при помощи плодоперемѣнной системы), такъ отдыхаетъ и человѣкъ, разнообразящій свою дѣятельность". „Въ дѣлѣ культуры человѣческой активности,—говоритъ далѣе Гюйо,—цѣль состоитъ въ томъ, чтобы ограничить строго необходимымъ то, что можно было бы назвать лежаніемъ подъ паромъ. Дѣйствовать—значитъ жить, дѣйствовать усиленнѣе—значитъ увеличивать очагъ внутренней жизни. Худшимъ изъ пороковъ съ такой точки зрѣнія является косность и лѣность, нравственнымъ же идеаломъ должна быть активность во всемъ разнообразіи своихъ проявленій, по крайней мѣрѣ такихъ, которыя не противорѣчатъ другъ другу или не вызываютъ надолго потери силъ".

Гюйо набрасываетъ яркими штрихами общую картину того, какъ жизнь сама себя расширяетъ. Взгляните прежде всего въ область жизни физической. Съ физіологической точки зрѣнія, существованіе и жизнь немыслимы безъ питанія, а слѣдовательно и усвоенія, переработки силъ природы въ свою пользу. Живое существо, если оно нормально и здорово, впитываетъ и впитываетъ ихъ, накопляя въ себѣ, такимъ образомъ, запасъ энергіи, силы. Жизнь — это своего рода тяготѣніе къ себѣ. Но живое существо накопляетъ силу не только для возмѣщенія траты ея. Ему всегда приходится накоплять и нѣкоторый излишекъ ея, хотя бы для того, чтобы имѣть необходимое. Накопленіе и сбереженіе — тоже законъ природы. Куда же идетъ этотъ излишекъ, накопляемый всякимъ здоровымъ существомъ? Въ области жизни физической, какъ извѣстно изъ біологіи, онъ идетъ на размноженіе, т. е. на создаваніе себѣ подобныхъ и на подготовку къ такому созданію. Нѣчто вполнѣ аналогичное проявляется и въ области духовной жизни. Стремленіе физической жизни къ размноженію не можетъ не отражаться и на духовной жизни. Гдѣ нѣтъ этого стремленія, тамъ суживается и духовная жизнь вообще. Издавна извѣстенъ тотъ фактъ, что, за нѣкоторыми лишь исключеніями, старыя дѣвы, холостяки и евнухи обыкновенно гораздо эгоистичнѣе другихъ. Дѣти тоже эгоистичны: у нихъ нѣтъ еще такого излишка жизни, который билъ бы наружу. Къ годамъ половой зрѣлости мѣняются черты ихъ характера: юноша преисполняется энтузіазмомъ и дѣлается готовымъ на всѣ жертвы, да и ему самому необходимо жертвовать чѣмъ-нибудь изъ своего существа для того, чтобы хоть въ нѣкоторой степени умалиться. Въ немъ слишкомъ много жизни, чтобы жить для одного себя. Старикъ, напротивъ, нерѣдко склоненъ дѣлаться эгоистомъ. У больного, въ силу упадка жизни, замѣчаются тѣ же наклонности. Словомъ сказать, всякій разъ, когда бѣднѣетъ источникъ (запасъ) жизни, во всемъ существѣ возникаетъ потребность сбереженія силъ, самолюбиваго самооберега-

нія. Въ силу собственнаго оскудѣнія человѣкъ ни одной капли жизненныхъ соковъ не желаетъ дать просочиться наружу.

Какъ же идетъ въ человѣкѣ это расширеніе жизни? Вполнѣ естественно, что оно идетъ отъ физическаго къ моральному, отъ низшаго къ высшему, отъ болѣе простого къ болѣе сложному, отъ смутнаго и безсознательнаго къ ясному и сознательному, отъ вялаго къ напряженному, отъ безобразнаго и безформеннаго къ гармоничному и красивому, отъ узкаго круга личныхъ интересовъ къ все болѣе и болѣе широкому кругу соціальному, всечеловѣческому. Изъ стремленія жизни къ размноженію физическому и духовному возникаетъ семья, далѣе кланъ, племя, вообще общество и болѣе широкія общественныя группы. Въ самой жизни какъ бы заложено стремленіе быть продуктивной, — потребность продуктивности, таковъ фактъ. Но эта потребность, этотъ симптомъ излишка силы, дѣйствуетъ и на весь организмъ, на всѣ органы, не только на спеціальные; она оказываетъ давленіе на все существо. И въ конечномъ итогѣ получается слѣдующее:

Даже независимо отъ вліяній окружающей насъ среды, даже вопреки ей и подчасъ невыносимому ея гнету, наша жизнь не можетъ отрѣшиться отъ стремленія расширяться, — жизнь всѣхъ сторонъ нашей психики, — и ума, и чувствъ, и воли. Наша умственная жизнь всегда идетъ нарастая, въ томъ смыслѣ, что въ самомъ ходѣ этой жизни ощущенія прибавляются къ ощущеніямъ, факты къ фактамъ, идеи къ идеямъ. Остановить это накопленіе ничто не въ силахъ. Жить—значитъ мыслить и узнавать, чувствовать и дѣйствовать. Другими словами, жить — это значитъ расширять свой кругозоръ, свои переживанія и дѣятельность. Правда, кое-что съ теченіемъ жизни нами и забывается, но то, что забывается, всегда перевѣшивается въ здоровомъ организмѣ тѣмъ, что узнается вновь. За накопленіемъ умственнаго багажа, умственной энергіи, силы, идетъ и ея проявленіе, за умственнымъ ростомъ слѣдуетъ, какъ выражается Гюйо,

умственная плодовитость. Нужно ли говорить о томъ, какія страданія испытываетъ человѣкъ, которому поставлены преграды для задержки этого явленія, естественнаго изъ естественныхъ? „Не смѣй мыслить иначе, какъ тебѣ разрѣшается. Не смѣй чувствовать себя свободнымъ въ этой сферѣ. Помни, что надъ тобой и около тебя стоятъ на стражѣ такіе-то авторитеты, церберы, палки и батоги, инквизиціи, пытки, костры, цѣлые тома законовъ, цѣль которыхъ — обуздать твою умственную жизнь во что бы то ни стало“. Нѣтъ, всѣ искусственныя преграды не останавливаютъ, не въ силахъ остановить то, что вложено природой. Страданія, причиняемыя инквизиціями и старыми и новыми ея видоизмѣненіями въ лицѣ всякаго рода „просвѣщенныхъ правительствъ“ и казенно-церковныхъ авторитетовъ, оказываются, въ конечномъ итогѣ, с л а б ѣ е, чѣмъ ходъ самой природы, требующей отъ каждаго изъ насъ р а с ш и р е н і я умственной и вообще духовной жизни. И вотъ исторія интеллектуальнаго развитія всѣхъ странъ и вѣковъ единогласно свидѣтельствуетъ, что умственная жизнь, какъ отдѣльныхъ личностей, такъ и цѣлыхъ народовъ можетъ лишь или расширяться или умирать отъ застоя, но и то в м ѣ с т ѣ съ людьми, и вмѣстѣ съ цѣлыми обществами... Выражаясь вульгарно, интеллектуальная сила тоже претъ, стремясь обнаружиться и овладѣть все большей и большей территоріей и проявляя себя милліонами способовъ, во всѣхъ направленіяхъ. Мысль, работая, естественно захватываетъ все больше и больше сторонъ всего того, что предъ нею стоитъ, дѣлаясь разностороннѣе и разностороннѣе, другими словами—все шире и шире. Работая, она же неудержимо стремится развернуться и въ глубину и въ ширину, распутывая сложнѣйшій клубокъ частныхъ, случайныхъ и общихъ основныхъ явленій, ихъ связь, ихъ круговую зависимость, ихъ мелочныя, индивидуальныя проявленія и доходя, наконецъ, до „начала всѣхъ началъ“. Вся исторія науки и философіи не что иное, какъ исторія углубленія человѣческой интеллектуальной жизни, ея развертыванія и нарастанія въ глу-

бину. Одновременно съ этимъ, умственная жизнь становится все болѣе и болѣе возвышенной и безпристрастной, безкорыстной, объективной, какъ бы оставляя „грѣшную“ землю со всѣми ея темными сторонами гдѣ-то далеко подъ собою и стремясь съ неудержимой силой впередъ и вверхъ, къ свѣту и справедливости. Исторія науки, научно-философской мысли, неудержимо развивающейся, начиная отъ обыденной практики прикладного знанія, все вверхъ и вверхъ, отъ служенія немногимъ къ служенію всѣмъ, отъ условной лжи — къ правдѣ, отъ корысти — къ безкорыстію, — лучшій примѣръ этого вѣчного возвышенія умственной жизни, проявляющейся какъ въ отдѣльномъ индивидуумѣ, такъ и во всемъ человѣчествѣ, въ вѣчномъ стремленіи впередъ и вверхъ... Но и это еще далеко не все. Одновременно съ этимъ всегда шло и идетъ нарастаніе умственной жизни въ смыслѣ напряженности, отъ вялой мозговой неподвижности дикаря къ лихорадочному мышленію цивилизованнаго человѣка, къ эмпиреямъ умственной жизни того или иного таланта и генія, отъ шаблона заплесневѣлой обыденщины къ страстнымъ исканіямъ Фауста. И это развертываніе умственной жизни въ ширину, вглубь, вверхъ и въ смыслѣ интенсивности — это и есть ея нарастаніе, котораго не можетъ не чувствовать каждый живой человѣкъ. И кто скажетъ, что въ этомъ нарастаніи не видно и не чувствуется своеобразной и мощной красоты той же жизни.

То же развертываніе жизни въ глубину, въ высоту и во всѣхъ другихъ направленіяхъ наблюдается и въ области чувства. „Чувство, какъ и умъ,—говоритъ Гюйо,—также хочетъ дѣятельнаго проявленія. Намъ самихъ себя недостаточно; у насъ больше слезъ, чѣмъ нужно для собственныхъ страданій, больше радостей въ запасѣ, чѣмъ то оправдывается нашимъ личнымъ счастіемъ. Хочется итти къ другимъ съ открытой душой и, если можно такъ выразиться, умножить свое Я исповѣданіемъ мыслей и чувствъ другому Я. Отсюда, у слишкомъ одинокаго существа —

какое-то безпокойство, неутоленное желаніе. Когда вы, напримѣръ, ощущаете художественное удовольствіе, вамъ хочется, чтобы не одни вы наслаждались имъ. Хочется повѣдать другимъ, что существуешь, что чувствуешь, что страдаешь, что любишь. Хочется разорвать покровъ индивидуальности. Не тщеславіе ли это? Нѣтъ, это скорѣе прямая противоположность эгоизму. Низшія удовольствія — тѣ нерѣдко эгоистичны. Когда есть одинъ пирогъ, ребенокъ хочетъ, чтобы онъ достался одному ему. Но истинный художникъ не желалъ бы, чтобы никто не пришелъ раздѣлить съ нимъ его восторга предъ прекраснымъ или восхищенія передъ открытой истиною". „Въ этихъ возвышенныхъ удовольствіяхъ, — говоритъ далѣе Гюйо, — есть сила расширенія, всегда готовая разорвать тѣсную оболочку Я. И вы передъ ихъ лицомъ невольно чувствуете, что васъ однихъ недостаточно, что вы какъ бы созданы для ихъ передачи, подобно тому, какъ вибрирующій атомъ эфира все далѣе и далѣе передаетъ пробѣгающій черезъ него лучъ свѣта". Словомъ сказать, область нашихъ чувствъ тоже требуетъ расширенія все большаго и большаго круга для своего проявленія и примѣненія, по направленію отъ своего Я къ чужимъ Я,—отъ своихъ къ чужимъ, отъ близкихъ къ дальнимъ, отъ родичей и соплеменниковъ къ иноплеменникамъ, по направленію отъ себя къ любимому человѣку, семьѣ, общинѣ, народу, человѣчеству. Въ этой области, какъ и въ предыдущей, наблюдается и расширеніе въ глубину, въ смыслѣ углубленія чувства, точно такъ же, какъ и въ смыслѣ его возвышенія и напряженности, отъ эгоизма къ альтруизму, отъ корысти къ безкорыстью, отъ доброжелательнаго безразличія къ дѣятельной, жгучей любви, пылающей самоотверженіемъ и готовой на все для того, кого любишь. Подобныя же явленія наблюдаются и въ области другихъ чувствъ, во всемъ ихъ разнообразіи, во всей эволюціи ихъ въ тѣхъ же направленіяхъ.

То же явленіе нарастанія, расширенія, интенсификаціи жизни наблюдается и въ области воли. „Мы чув-

ствуемъ потребность производить, напечатлѣвать на мірѣ форму своей активности, — говоритъ Гюйо. — Дѣйствовать стало потребностью большинства людей. Мы чувствуемъ потребность хотѣть и работать не только для себя, но и для другихъ. Чувствуешь потребность помогать другимъ, давать и свой толчокъ плечомъ повозкѣ, съ трудомъ увозящей человѣчество, во всякомъ случаѣ—жужжишь около нея".

Въ какую бы область человѣческой дѣятельности мы ни заглянули, законъ расширенія жизни, все большаго и большаго накопленія ея, нарастанія и проявленія, осмысливанія и удовлетворенія обнаруживается всюду и не только какъ идеалъ, но какъ фактъ, какъ естественное явленіе, какъ необходимое условіе для ощущенія жизни. Остановка расширенія, его задержка, а тѣмъ болѣе обратный ходъ его, — суженіе, съеживаніе, стѣсненіе—всегда, всюду, естественно и неизбѣжно сопровождаются ощущеніемъ непріятнаго, страданіемъ. Это тоже „законъ природы", проявленія котораго всякій, надо полагать, испыталъ уже и на себѣ самомъ.

Для каждаго изъ насъ жизнь и эволюція жизни, — ея нарастаніе, ея развитіе въ смыслѣ полноты, разностороннности, глубины, возвышенности, напряженности и красоты,—сами по себѣ цѣль. Если въ насъ самою природою вложена способность переживать, — эти переживанія не могутъ не занимать въ каждомъ изъ насъ центральнаго мѣста. Смыслъ жизни—ощущеніе удовлетворенности, пріятности, удовольствія отъ этого расширенія жизни во всѣхъ этихъ направленіяхъ. Безцѣльна жизнь всякаго существа тогда и тамъ, гдѣ и когда оно не стремится къ этому расширенію. Безсмысленна она тогда, когда, вслѣдствіе остановки или съеживанія, расширеніе жизни замираетъ. Расширеніе всякой жизни постоянно указываетъ человѣку цѣлый рядъ самыхъ разнообразныхъ цѣлей, — и дальнихъ, и близкихъ; всякая далекая и главная цѣль естественно распадается на рядъ болѣе близкихъ и промежуточныхъ. Участвуя въ расширеніи и осмысливаніи свой

собственной жизни, борясь за расширеніе своего Я, каждый изъ насъ этимъ самымъ уже помогаетъ расширенію жизни вообще, ея расцвѣту, ея распусканію и неизбѣжно выходитъ за предѣлы своего Я, неизбѣжно дѣлается однимъ изъ носителей идеаловъ общественныхъ и борцомъ за ихъ осуществленіе, даже не останавливаясь предъ самоотверженными жертвами.

Отсюда слѣдуетъ: если ты человѣкъ и чувствуешь себя человѣкомъ, расширяй свою жизнь во всѣхъ направленіяхъ, углубляй, возвышай, дѣлай ее возможно разностороннею, полной, напряженною и красивой. Расширяй, не боясь борьбы съ препятствіями, потому что самое ощущеніе расширенія настолько сладостно и пріятно, что оно одно вознаграждаетъ за тѣ страданія, которыя влечетъ за собой эта борьба съ препятствіями. Расширяй, не боясь борьбы, не жалѣя даже себя, потому что жалѣя и съеживаясь, ты этимъ самымъ обрекаешь себя на страданія, къ которымъ еще прибавляется сознаніе своей слабости, малой жизненности, безжизненности. Если ты не въ силахъ почему-либо расширить твою жизнь во имя брата-человѣка, расширяй ее хоть для себя, не мирись съ своей собственной кисляТиной и прозябаніемъ въ темной и узкой норѣ. Выходи изъ нея во имя того, что и ты — человѣкъ, что и тебѣ ничто не чуждо, что и ты не желаешь жить съежившись и въ утѣсненіи. Сознай это самое твое собственное хотѣніе жить по-человѣчьи, — оно есть, — да, оно есть и въ тебѣ. Есть и сознаніе этого въ каждомъ человѣкѣ, и призывъ къ жизни полной, глубокой, возвышенной, напряженной и красивой не можетъ и не долженъ пролетѣть мимо человѣческаго сердца, какое бы оно тамъ ни было. Сознаніе же — это и есть самъ человѣкъ. Сознаніе—это и есть та оцѣнка, которую я самъ себѣ дѣлаю. А поступаться своимъ сознаніемъ— развѣ же это значитъ жалѣть себя? Это значитъ— переходить изъ ранга существъ высшаго порядка въ рангъ существъ порядка низшаго. Только расширеніе жизни даетъ настоящее ощущеніе удовольствія, а затѣмъ и болѣе прочнаго и дли-

тельнаго счастія и удовлетворенія. Передъ силой этого радостнаго ощущенія всякимъ жизненнымъ страданіямъ— грошъ цѣна. Именно потому сладко бываетъ людямъ иногда даже жертвовать собою и самою своей жизнью, умирая на крестѣ, на кострѣ и на висѣлицѣ. Даже люди физически слабые, но развертывающіе свою жизнь и, такимъ образомъ, повинующіеся природѣ, оказываются сильнѣе насильниковъ, суживающихъ жизнь въ другихъ. Поэтому нѣтъ такой силы которая бы, въ конечномъ итогѣ, смогла остановить нараста-ніе всѣхъ сторонъ человѣческой личности. Нѣтъ, не было и не будетъ, потому что природа претъ, требуя себѣ дороги и въ слабомъ изъ слабыхъ...

Самообразованіе, точнѣе говоря, стремленіе къ нему — одно изъ многихъ проявленій все того же расширенія жизни.

Въ первой главѣ мы писали: каждый можетъ и долженъ стать образованнымъ человѣкомъ. Въ этой главѣ мы прибавимъ: этого требуетъ природа, сама жизнь, вѣчно растущая во всѣхъ направленіяхъ. Этого требуетъ безсознательно и сознательно самъ человѣкъ, который, какъ всякое живое существо, стремится ощущать жизнь, переживать пріятное ощущеніе отъ самаго факта ея существованія, что возможно лишь при расширеніи жизни.

Но вѣдь радостное и пріятное ощущеніе жизни — это и есть то состояніе, которое называется счастіемъ.

А если это такъ, то не ясно ли, чего собственно ищетъ человѣкъ, стремясь къ образованію? Онъ ищетъ своего счастія. Но вѣчно расширяющаяся жизнь отъ этого своего счастія влечетъ и ведетъ его дальше и дальше, въ сторону счастія массоваго и всенароднаго, общаго. Пусть даже въ будущемъ образованіе ничего не дастъ человѣку. Но уже много даетъ самое ощущеніе того, что вотъ кругозоръ мой расширяется благодаря такой-то моей работѣ, а мысль моя дѣлается все свѣтлѣе и свѣтлѣе, проникаетъ въ окружающее глубже и глубже, все лучше и лучше разбирается, оцѣнивая окружающее все съ болѣе и болѣе возвышенной точки зрѣнія, различая добро отъ

зла, справедливость отъ несправедливости, правду отъ лжи, наконецъ, все напряженнѣе и напряженнѣе чувствуя въ такой работѣ, что — да, я дѣйствительно живу, живу всѣми фибрами своего тѣла, всѣми чувствами души, всѣми силами во мнѣ скрытыми, проявляя ихъ во внѣ, потому что это самое проявленіе, эта возможность проявленія — мнѣ пріятна, и сладостна, и радостна, и ощущая все это, я и сознаю, что я — человѣкъ, я — личность, я — нѣчто жизненное, нѣчто творящее, нѣчто, носящее свой смыслъ и свою цѣль въ самомъ себѣ...

„Я самъ себѣ цѣль. Всякій человѣкъ—самоцѣль“—учатъ нѣкоторые современные философы. Смыслъ моей жизни — это смыслъ жизни вообще, — расширеніе, углубленіе, возвышеніе, напряженность, красота.

Есть философы, которые рекомендуютъ: „человѣкъ, живи въ свое собственное удовольствіе, а остальное все приложится“. Другіе убѣждаютъ: человѣкъ, приноси себя въ жертву тому, что считаешь высшимъ, — твоему ближнему, обществу, народу, человѣчеству. Третьи, не соглашаясь вполнѣ ни съ первыми, ни со вторыми, доказываютъ, что и въ данномъ случаѣ крайности не хороши, и любовь къ себѣ необходимо уравновѣшивать любовью къ этому высшему.

Но можетъ существовать еще одна точка зрѣнія, не согласная ни съ первыми, ни со вторыми, ни съ третьими, и она заключается въ слѣдующемъ. Разумѣется, жизнь должна быть пріятной, и выбрасывать изъ своей жизни или отодвигать на послѣдній планъ элементъ удовлетворенности жизнью, не считая его основнымъ и руководящимъ, не приходится. Но дѣло въ томъ, что, какъ ужъ было сказано, всякое живое существо чувствуетъ себя удовлетвореннымъ лишь при условіи постояннаго расширенія жизни, ея разнообразія, полноты, глубины, интенсивности. Стоя же на этой точкѣ зрѣнія, человѣкъ не можетъ самъ въ себѣ замкнуться и не можетъ жить только въ свое удовольствіе, и если ему придется въ жизни выбирать между собой

и ближнимъ, самый ростъ его жизни подвинетъ его въ сторону послѣдняго, — будетъ толкать его именно въ эту сторону. Жить только для себя — это значитъ не расширять, а ограничивать свою жизнь, отбрасывая изъ нея цѣлый рядъ областей, сторонъ, актовъ, переживаній, по существу свойственныхъ даже заядлому себялюбцу, быть можетъ, даже въ силу безсознательнаго, вложеннаго самою природою чувства симпатіи къ существамъ, ему же подобнымъ. Вѣдь даже отъявленнымъ эгоистамъ пріятно быть иной разъ альтруистами, значитъ, и ихъ психика не лишена таки ощущенія удовольствіи этого рода. Даже любя себя нельзя не желать расширенія своего Я. Но лишь только оно станетъ расширяться, оно неизбѣжно захватитъ и ближнихъ и дальнихъ, и общество, и народъ, и человѣчество, и весь міръ. И при этомъ, это самое Я и его удовольствіе нисколько не отбрасываются въ сторону и не забываются. Съ другой стороны, и самая жертва тому, что считаешь высшимъ, оказывается вовсе не жертвой, а тѣмъ же удовлетвореніемъ и, въ этомъ смыслѣ, пріятнымъ переживаніемъ. Человѣкъ, ее приносящій, не только потому идетъ на жертву, что считаетъ интересы общества, народа, человѣчества чѣмъ-то болѣе высокимъ, чѣмъ свое собственное ощущеніе пріятнаго переживанія. Такой человѣкъ скажетъ самому себѣ: „А если я все-таки отдаю самого себя, хотя бы даже на страданіе, такъ это потому, что эти м о и страданія мнѣ самому кажутся ничтожно-малыми сравнительно съ страданіями другихъ людей, ради которыхъ я отдаю себя, — пусть это отдѣльные люди, пусть это людская масса, народъ, человѣчество. А въ этомъ случаѣ самое ощущеніе моего собственнаго страданія уже даетъ мнѣ удовлетвореніе, связывая меня съ чѣмъ-то великимъ и святымъ. И я самъ пойду на жертву, когда, расширяя свой кругозоръ, свою отзывчивость, свою дѣятельность, самъ сознаю свою неразрывную связь, единство съ окружающей меня средой,— обществомъ, народомъ, человѣчествомъ, вселенной. Когда я самъ нахожу удовольствіе въ ощущеніи и сознаніи этого

единства, я самъ говорю: „чужое горе — мое горе, чужія страданія — мои страданія“.

Но если ваша жизнь до этихъ предѣловъ не расширится, а останется замкнутой въ кругѣ только личныхъ переживаній?—спросятъ такого человѣка. „Что же, быть можетъ, и не расширится, — это мое дѣло“. Что же изъ него выйдетъ? Только то, что и для самого человѣка цѣлый рядъ пріятныхъ, великихъ, интенсивныхъ переживаній останется въ сторонѣ, за кругомъ его Я. Другими словами, такой человѣкъ возьметъ отъ жизни не все то, что онъ могъ бы взять. А это-то и есть несчастіе и ошибка мильоновъ людей.

Цѣль образованія, а значитъ и самообразованія состоитъ въ томъ, чтобы получить возможность брать и взять отъ жизни и дать ей что только можно, опираясь на тѣ пріятныя ощущенія, которыя доставляетъ человѣку самый фактъ жизни, расширяющейся во всѣ стороны, вплоть до дѣятельности на пользу другихъ, и прежде всего тѣхъ, кому живется особенно тяжело, т. е. трудящихся классовъ.

На этомъ понятіи о расширеніи жизни нельзя не остановиться. Это одна изъ тѣхъ идей новой этики, надъ которой, по нашему глубокому убѣжденію, долженъ подумать и подумать каждый человѣкъ, а особенно человѣкъ полный силъ и жизненности — и прежде всего молодежь, въ которой „силушка по жилочкамъ живчикомъ переливается“ и которой „грузно отъ силушки какъ отъ тяжкаго бремени“. Люди, стремящіеся къ самообразованію и работающіе надъ нимъ, всѣ принадлежатъ къ типу такихъ людей, имѣющихъ внутри себя запасъ силы. А что значитъ стремиться къ самообразованію, какъ не то, чтобы расширять свою жизнь? Но, говоря о расширеніи жизни, нужно быть осторожнымъ. Слова эти старыя и довольно шаблонныя, понятіе же въ нихъ вкладывается здѣсь новое, какъ это видно изъ всего вышесказаннаго. Въ старомъ смыслѣ слова подъ расширеніемъ жизни обыкновенно подразумѣваютъ „жизнь во всю“, чуть не по правилу „нашему ндраву не препятствуй“. Легко

можетъ быть понято это слово и въ смыслѣ погони за ощущеніями,—сегодня за однимъ, тамъ за другимъ, третьимъ, сотымъ и т. д. до тѣхъ поръ, пока окончательно не истреплешься. Опровергать такое пониманіе расширенія жизни мы не будемъ, т. к. такая погоня вовсе не расширеніе жизни, а прожиганіе ея въ самомъ грубомъ смыслѣ слова, прожиганіе, которое, въ конечномъ итогѣ, довольно таки быстро наступая, не только ничего не даетъ человѣку, кромѣ ряда мимолетныхъ наслажденій, но и беретъ отъ него, и что беретъ? Самый смыслъ его жизни, ея красоту, силу, величіе. Даже болѣе того, оно забиваетъ человѣка въ уголъ, такъ какъ прикрѣпляетъ къ какой-нибудь одной категоріи ощущеній: иной „стремится жить“, привязавшись къ вину, другой къ женщинамъ, къ картамъ, деньгамъ, славѣ и т. д. Такой человѣкъ, быть можетъ, даже и преуспѣетъ въ той или иной изъ этихъ отраслей и даже въ нѣсколькихъ сразу. Но можно ли тутъ говорить о расшпреніи жизни? Это не расширеніе ея, а суженіе, по-просту сказать—опошленіе. Китъ Китычъ тоже наслаждается въ трактирѣ съ цыганками; какой-нибудь гусарикъ тоже наслаждается своими „помпонами“, жеребцообразный герой печально извѣстнаго разсказа А. Каменскаго „Четверо“ тоже наслаждается женщинами, четырьмя въ одинъ и тотъ же день. Но нужно ли доказывать, что эти всѣ „наслажденія“ далеки и отъ полноты и отъ широты жизни въ вышеобъясненномъ смыслѣ, которая немыслима безъ глубины и красоты.

Посмотримъ теперь, къ чему собственно сводится это расширеніе на практикѣ.

I. Первое требованіе, котораго нельзя не предъявить къ своей жизни, сводится къ разносторонности и полнотѣ. Жизнь нераздѣльна, жизнь многостороння, жизнь безконечно сложна, измѣнчива и текуча. Все въ ней связано со всѣмъ, все вліяетъ на все, каждый фактъ отражается на другихъ фактахъ уже тѣмъ самымъ, что онъ существуетъ. Образованіе должно вести къ цѣлостному, интегральному

пониманію, оцѣнкѣ и передѣлкѣ жизни и захватывать и волю, и чувство, не только разумъ.

Въ знаменитой сказкѣ Э. Лабулэ „Принцъ-Собачка“ описываются, между прочимъ, три министра, — министръ мысли, министръ дѣла, министръ слова. Послѣдній умѣетъ только говорить, не умѣя думать и дѣлать, министръ дѣла умѣетъ только дѣлать, не умѣя ни говорить, ни думать, и министръ мысли умѣетъ только думать, не умѣя ни дѣлать, ни говорить. Врядъ ли можно назвать дѣйствительно интеллигентнымъ и образованнымъ человѣкомъ того, кто приближается къ одному изъ этихъ трехъ типовъ. Все это люди половинчатые, точнѣе говоря, дроби человѣческія, неполныя, односторонніе существа, не столько творцы, сколько исказители жизни, благодаря самой своей односторонности...

Такимъ образомъ расширеніе жизни идетъ:

1. Отъ односторонности къ разносторонности.

2. Отъ малаго круга къ большому, отъ точки къ безконечности, отъ момента къ вѣчности.

3. Отъ человѣка къ человѣчеству.

А. Въ первомъ отношеніи, говоря объ образованіи,—нужно говорить объ изученіи не одной какой-либо науки или искусства, а цикла наукъ и искусствъ.

Объ усвоеніи ихъ не только умомъ, но и чувствомъ и волей, и объ ихъ примѣненіи въ жизни.

Б. Во второмъ отношеніи — нужно бороться съ узостью кругозора и итти отъ познанія непосредственно окружающаго къ познанію вселенной, ея строенія, въ пространствѣ, ея перемѣнъ во времени.

В. Въ третьемъ отношеніи — отъ самосохраненія и любви и уваженія къ самому себѣ — къ признанію всѣхъ другихъ существъ, къ уваженію и любви къ другимъ и къ терпимости во всѣхъ смыслахъ, по правилу всѣхъ великихъ религій и моральныхъ системъ: не дѣлай другимъ того, чего не желаешь, чтобы тебѣ дѣлали.

II. Говоря объ углубленіи жизни, тоже приходится говорить не только о болѣе глубокомъ пониманіи, но и о болѣе глубокой оцѣнкѣ, а главное — о дѣятельности по существу, иначе говоря—о выборѣ для себя и своей работы такой позиціи, стоя на которой можно бы осуществлять свои цѣли, бороться наиболѣе успѣшно и плодотворно за осуществленіе своихъ идеаловъ. Врядъ ли нужно доказывать, что центральнымъ пунктомъ вопроса является именно вопросъ о практической работѣ, о внесеніи своихъ идей и чувствъ, и знаній, и пониманія — въ жизнь. Не трудно понять, что всякій односторонній человѣкъ, въ сущности, неглубокій человѣкъ. Будь онъ болѣе глубокимъ, онъ сталъ бы вникать и вникать въ то, что видитъ, и въ концѣ концовъ отъ факта къ факту, отъ одной стороны его къ другимъ сторонамъ, дошелъ бы до самой сути дѣла. Неглубокій человѣкъ съ трудомъ отличаетъ существенное отъ несущественнаго. Только вникая и вникая, сравнивая и сравнивая, можно отдѣлить одно отъ другого. Только углубленіемъ своего мышленія можно отдѣлить извѣстное отъ неизвѣстнаго, точное отъ неточнаго, достовѣрное отъ недостовѣрнаго, дѣйствительно понятное отъ мало понятнаго, или даже непонятнаго, неизвѣстнаго, непознаннаго, непознаваемаго, и т. д.

III. Еще важнѣе умѣть вникать, производя оцѣнку, прилагая къ явленіямъ жизни мѣрку добра и зла, справедливости и несправедливости, разбираясь въ условіяхъ и причинахъ, которыя и виноватаго дѣлаютъ иной разъ невиноватымъ, и обратно, — оцѣнку, въ которой играютъ, какъ извѣстно, безконечно важную роль и инстинкты, и привычки, и интересы, и весь укладъ жизни, имѣющій, обыкновенно, очень мало общаго съ истиной и съ справедливостью. Но еще труднѣе такъ углубить свою жизнь, чтобы всю свою работу жизни, всю жизнедѣятельность согласовать съ своимъ идеаломъ и отвѣтить на такой вопросъ: кѣмъ мнѣ стать, какую избрать профессію, чтобы, при ея помощи, осуществлять на своемъ вѣку мой идеалъ? Гдѣ мѣсто въ общей машинѣ жизни тому винтику, который могу пред-

ставлять собою и я? Человѣкъ, въ которомъ жизнь сильна, кипуча и дѣйственна, не можетъ не стремиться и къ тому, чтобы эту силу затратить наиболѣе производительно, — не для своего только удовольствія (это было бы для него слишкомъ узко), но и для того болѣе широкаго круга, какой уже обнимаетъ его душа. Такой человѣкъ ищетъ для себя не только профессіи, но и позиціи, и для всякаго „маленькаго дѣла“ ищетъ и большого смысла, — смысла широкаго, глубокаго, общественнаго служенія... Можно быть учителемъ, „натаскивающимъ“ ребятъ по части А и Б, но можно быть и просвѣтителемъ въ лучшемъ смыслѣ этого слова, понимающимъ, что школа—вовсе не фабрика грамотѣевъ и полуграмотѣевъ, а одно изъ орудій народнаго пониманія, помогающее темнымъ и безправнымъ массамъ выяснить свое положеніе. Можно быть и священникомъ, и фельдшеромъ, и ветеринаромъ и служить вмѣстѣ съ тѣмъ тому же дѣлу расширенія общей и индивидуальной жизни, и вообще народнаго самосознанія въ частности. Словомъ сказать, можно стоять на какомъ угодно мѣстѣ, занимать какую угодно позицію, не вникая въ свою работу и плывя по волнамъ своего міра то мелко, то глубоко.

Здѣсь мы естественно переходимъ къ вопросу о возвышеніи жизни, о ея возвышенномъ пониманіи и оцѣнкѣ ея, и о дѣятельности, которая „не въ видѣ ужа пресмыкается и не въ видѣ червя извивается, а въ видѣ орла стремится впередъ и вверхъ“.

Блаженъ, кто рядомъ славныхъ дѣлъ
Свой вѣкъ украсилъ быстротечный,
Блаженъ, кто жизнію умѣлъ
Хоть разъ коснуться правды вѣчной.

Мелочи жизни требуютъ оцѣнки съ высшей точки зрѣнія, т. е. не съ точки зрѣнія шаблонщины и обыденщины, а той высшей правды, которая, еще не осуществившись въ дѣйствительности, тѣмъ не менѣе властно требуетъ отъ мало-мальски благородныхъ душъ своего осу-

ществленія. Одно дѣло то, что есть, а другое дѣло то, что должно быть. Идеалъ, т. е. идея, представленіе о чемъ-то такомъ, что неизмѣримо выше обыденщины, — та самая мѣрка, которою мѣряютъ ничтожество этой послѣдней, не можетъ не возбуждать въ человѣческой душѣ стремленія къ своему воплощенію, осуществленію. Уже одно мышленіе объ идеалѣ возвышаетъ человѣка надъ обыденщиной, — анализъ, расцѣнка обыденщины съ точки зрѣнія идеала, обсужденіе тѣхъ условій, при которыхъ возможно его осуществленіе, тѣхъ причинъ, которыя дѣлаютъ его необходимымъ или неизбѣжнымъ, тѣхъ способовъ и средствъ, при помощи которыхъ онъ можетъ осуществляться, уже приближаетъ то, что есть, къ тому, что должно быть, и вноситъ въ обыденную жизнь мыслящаго человѣка что-то новое, свѣжее, свѣтлое и возвышенное.

Одинъ мой знакомый, заядлый натуралистъ, серьезно говорилъ мнѣ: „Я считаю положительно необходимымъ для себя по меньшей мѣрѣ по полчаса ежедневно, въ сумеркахъ, помечтать объ идеалахъ и вообще о лучшемъ будущемъ. Безъ этого, право же, прокиснешь. Это какъ-то возвышаетъ надъ обыденщиной“. Оцѣнивать эту послѣднюю съ высшимъ масштабомъ въ рукахъ, съ нѣсколько повышенной требовательностью необходимо для возвышенія собственнаго міросозерцанія. Практика, какъ извѣстно, засасываетъ, а торжествующія и неторжествующія свиньи, встрѣчающіяся на каждомъ шагу, какъ извѣстно, настолько мозолятъ глаза и притупляютъ нервы, что, въ конечномъ итогѣ, привыкаешь и къ свиньямъ, а, привыкая, примиряешься, опускаешься на ихъ же уровень, начинаешь смотрѣть на все глазами дѣйствительности, оправдывая себя соображеніями „практичности“, общепринятости, и т. д. или мудрыми правилами житейской морали, что „плетью обуха не перешибешь“, а „сила ломитъ и солому“ или попросту „надо жить“, „ничего не подѣлаешь“, и т. д. Такимъ образомъ, стремленіе къ чему-то высшему и настроеніе, съ этимъ связанное, притупляется, среда ассими-

лируетъ, уподобляетъ самой себѣ даже выше нея стоящаго человѣка, который, забывая о возвышеніи своей жизни, дѣлается такимъ же, какъ всѣ... Для того, чтобы этого не произошло, необходимо сознательно и планомѣрно стремиться къ тому, чтобы жизнь становилась не только шире и глубже, но и выше. Размышляя надъ жизнью, необходимо искать въ ней самой элементовъ чего-то болѣе высокаго и возможно больше точекъ опоры для его осуще, ствленія. Вы считаете святымъ и высокимъ дѣломъ дѣло просвѣщенія, — гдѣ же и какимъ способомъ вы можете внести его въ жизнь?. Вы считаете чѣмъ-то святымъ и возвышеннымъ ту или иную поддержку человѣка человѣкомъ-осуществленіе того, что можетъ и должно соединять людей, объединять ихъ любовью, а не насиліемъ, — гдѣ же и какимъ способомъ вы въ своей жизни можете осуществить и это? Или, быть можетъ, найдется и что-нибудь другое, что подниметъ, вознесетъ васъ самихъ надъ вашей же обыденщиной и воочію убѣдитъ васъ, что есть на свѣтѣ нѣчто высшее и облагораживающее своей нравственной красотой, силой и безкорыстнымъ величіемъ?... Всякій фактъ, всякое знаніе, идею, теорію можно оцѣнивать не только съ той точки зрѣнія, подходятъ или не подходятъ они къ такой-то обыденщинѣ и дѣйствительности, но и съ точки зрѣнія измѣненія и отрицанія этой послѣдней и переработки дѣйствительности. Надъ личнымъ есть общее. Надъ временнымъ есть длительное. Примиряться да примиряться, отступать да отступать,—этакъ въ концѣ концовъ не трудно и утерять свою душу и личность и даже обликъ человѣческій, и даже забыть, что и ты былъ когда-то человѣкомъ... Работая надъ самообразованіемъ нужно имѣть въ виду не приспособленіе къ жизни, а возвышеніе этой послѣдней посредствомъ возвышенія себя надъ нею.

Что-же можетъ дать этотъ принципъ нарастанія и расширенія жизни въ нашей россійской обстановкѣ?

Отъ одного несомнѣнно жизнедѣятельнаго и жизнеспособнаго человѣка, закинутаго, волею судьбы, въ одинъ

изъ медвѣжьихъ угловъ русской земли, имъ же нѣсть числа, мы получили очень характерное, по нашему мнѣнію, письмо, характерное по своей обыденной ординарности, столь же многовѣковой, какъ и наша нянюшка, русская исторія, которая, какъ извѣстно, любитъ цѣлые вѣка держать и взрослыхъ людей, словно дѣтей, въ пеленкахъ, — такъ чтобы они ничѣмъ, кромѣ благонадежностей, не занимались. „Какъ сдѣлаться непосредственнымъ участникомъ жизни“, спрашиваетъ насъ, между прочимъ, авторъ этого письма, „когда окружающихъ меня людей, кромѣ картъ, вина и сплетенъ ничто не интересуетъ? Въ моемъ глухомъ углу, у меня, при всемъ бывшемъ умѣньѣ, при всей любви къ людямъ, ничего не выходитъ. Здѣсь всѣ чувства, стремленья сводятся къ тому, чтобы подольше посидѣть, побольше поѣсть, побольше поиграть. Качество не играетъ роли, — только количество. Если жить, то и ночь и день безъ разбора. Здѣсь не только природа, но и душа, души занесены такимъ слоемъ пыли, что если пробуешь стряхнуть, то со страхомъ кричатъ: „нѣтъ, нѣтъ, оставьте! Такъ теплѣе, темнѣе, и мы привыкли“. Безъ людей жить трудно. Но вѣдь съ волками жить и волкомъ сдѣлаться всетаки не хочется“

Таково письмо. Въ чемъ его сущность? Это — жалоба живой души на окружающую среду, — шаблонную, затхлую, засасывающую, пошлую. Такія же жалобы мы получаемъ десятками. Жалуются учителя, прикащики и конторщики, крестьяне, рабочіе, врачи. Несутся такія жалобы изъ разныхъ угловъ. Но не только жалобы, а и стоны, правда, въ большинствѣ случаевъ глухіе, подавленные, — даже вѣдь и стонать приходится по нынѣшнимъ временамъ съ опаской, когда начальство говоритъ, что „все обстоитъ благополучно, а народъ всѣмъ премного доволенъ“. Плачутъ слезами, плачутъ безъ слезъ, плачутъ кровью. Стрѣляются, вѣшаются, не ожидая въ такомъ дѣлѣ казенной помощи, топятся, принимаютъ ядъ... Кто потрусливѣе, — пишетъ, что „жить страшно“, а кто поотзывчивѣе, что „жить стыдно“.

Современная русская жизнь каждый божій день даритъ десятками и сотнями фактовъ, иллюстрирующихъ и о щ у щеніе и п о н и м а н і е милліонами русскихъ людей безсмысленности и безцѣльности жизни.

Русская жизнь — своего рода гигантская фабрика самоубійцъ. „Я ничего не дѣлаю ни для себя, ни для другихъ, да и дѣлать не хочу, живу какъ жвачное, — пишетъ одинъ изъ нашихъ заочныхъ друзей-читателей. — Не хочу потому, что жизнь — безсмыслица. И жить не стоитъ, и убивать себя смысла нѣтъ". „Жить не желаю, — жизнь безсмыслица; въ настоящемъ смысла не вижу и въ будущемъ не предвижу", пишетъ одинъ самоубійца. — „Чего вы тамъ зовете къ самообразованію?" пишетъ третій. „Къ чему оно и зачѣмъ? Самый фактъ существованія осмысленныхъ людей въ нашей россійской разрухѣ — безсмыслица. Такіе люди не нужны нашей несчастной родинѣ, — развѣ что пригодятся на кормъ торжествующей свиньѣ. Не желаю я быть этимъ кормомъ! Предпочитаю лучше не жить, и никакія книги, никакая работа надъ самообразованіемъ меня разубѣдить въ этомъ не можетъ", пишетъ четвертый... Пятый пишетъ: „Пошли вы всѣ къ чорту! Я проклинаю тѣхъ, кто раздавилъ нашъ несчастный многострадальный народъ, проклинаю тѣ книги, которыя пробудили впервые мое сознаніе и открыли глаза, проклинаю свой собственный мозгъ, продѣлавшій съ такимъ успѣхомъ ту самую работу, которая ничего кромѣ страданій и тоски не дала, да и не дастъ! Я проклинаю васъ, лѣса, долины, нивы, горы, воды", продолжаетъ тотъ же авторъ, передѣлывая на свой ладъ извѣстныя строки изъ „Іоанна Дамаскина" А. Толстого, „я проклинаю и свободы и голубыя небеса"!

Какъ туча темная нависла
Тоска въ душѣ моей больной.
Нѣтъ цѣли жизни, нѣтъ и смысла,
Смерть — вотъ исходъ мнѣ данъ судьбой.

Передъ нами лежитъ цѣлый рядъ писемъ, проникнутыхъ тѣмъ же безконечно унылымъ настроеніемъ вымотавшихъ свою душу россійскихъ „интеллигентовъ“, мучительно тоскливо мятущихся подъ гнетомъ своего собственнаго полуболѣзненнаго настроенія... И вотъ что интересно: нѣкоторыя изъ этихъ писемъ писаны людьми, усиленно работающими надъ самообразованіемъ, усиленно ищущими и цѣли и смысла для своей жизни, людьми, которые потому-то, съ позволенія сказать, и скулятъ надъ безсмыслицей жизни и надъ безцѣльностью ея, что ищутъ и смысла ея, и цѣли: явленіе характерное и лишній разъ доказывающее, что, подводя итоги современнымъ настроеніямъ даже „чистой публики“ (объ унынiи народа, даже голоднаго, говорить мы погодимъ), нужно быть очень осторожнымъ въ своихъ обобщеніяхъ и выводахъ. Люди скулятъ о безсмыслицѣ и безцѣльности жизни не только послѣ и передъ поисками смысла ея и цѣли, но и во время поисковъ, — во время усиленныхъ исканій, работая, дѣлая усилія воли, добиваясь. Но есть и такіе, и ихъ не мало, которые этимъ безплоднымъ и постыднымъ дѣломъ не занимаются, и во всякомъ случаѣ, даже въ настоящее тоскливое время, гораздо больше бодрыхъ людей на Руси, чѣмъ это кажется. Бодрыхъ не по внѣшности, а по существу. Да и тѣмъ, кто теперь скулитъ о безсмысленности своей жизни, мы всетаки хотѣли бы сказать: даже скуленіе не есть всетаки примиреніе. Мы хотѣли бы сказать имъ: „Это вы-то скулите, — вы, которые тѣмъ не менѣе всетаки чего-то ищете и чего-то добиваетесь?“ Но вѣдь это уже доказываетъ, что и вы способны искать. А будете искать, сможете и отыскать и смыслъ и цѣль вашей жизни. И то и другое ближе къ вамъ, чѣмъ вы думаете, быть можетъ. И то и другое раскрываетъ передъ вами сама жизнь. И не только раскрываетъ, но и даетъ себя чувствовать, заставляетъ дѣлать это. И уже многихъ заставила, если только какой-нибудь несчастный, случайный рефлексъ, стремительный порывъ души, не удержанный сознаніемъ во-время, — подвер-

нувшееся орудіе или примѣръ самоубійства, — не положили преждевременнаго конца человѣку, имѣющему и право и возможность жить и дышать и радоваться, и взять отъ жизни то, что для него самого нужно... Не торопитесь дѣлать это, читатель, какъ бы вамъ тяжело ни пришлось. И прежде чѣмъ рѣшиться на этотъ, во всякомъ случаѣ, непоправимый шагъ, попробуйте поступить по совѣту Бутса: поищите человѣка, достойнаго вашего довѣрія, и въ данномъ случаѣ болѣе объективнаго, чѣмъ вы, и съ которымъ вы могли бы еще разъ обсудить и болѣе безпристрастно взвѣсить всѣ обстоятельства вашего положенія. Если около васъ вы не видите такихъ людей, — поищите же ихъ вдали отъ васъ. Поищите, прежде всего не сомнѣваясь и не забывая, что навѣрно есть гдѣ-нибудь такіе люди на свѣтѣ, и они найдутся, въ концѣ концовъ, для которыхъ вы, такой, какой вы теперь, можетъ сдѣлаться и дорогимъ, и близкимъ, и роднымъ. Есть такіе, которые и о васъ плачутъ и готовы все и все сдѣлать, чтобы помочь вамъ, во имя расширенія, углубленія, возвышенія, красоты вашей, да и ихъ собственной жизни... Нѣтъ такого человѣка, даже загнаннаго изъ загнанныхъ, который и для себя не нашелъ бы уюта въ чужой, но любящей его душѣ... Хорошенько только ищите такую, ищите съ вѣрой, что она есть и что она отнесется и къ вамъ активно и по-человѣчески, и свою лепту въ нарастаніе и развитіе общей жизни можете и должны внести и вы.

Но русская жизнь богата и иными типами, ею же порождаемыми.

...Одинъ рабочій прислалъ стихи, въ которыхъ обмолвился удивительно мѣтко: „друзья мои, какъ тяжко мнѣ! Какъ плѣнникъ я въ родной странѣ“ Этими простыми, искренними словами самая сущность русской жизни и общественной и народной тоски выражена до ужаса ясно. Мы — плѣнники въ нашей собственной странѣ, родной, дорогой, нашей несчастной, безконечно униженной и забрызганной чьими-то грязными, вонючими слюнями родинѣ.

Мы не вольны двигаться, дѣйствовать, даже дышать. Всякій нашъ выходъ изъ-за карточнаго или обѣденнаго стола (хорошо еще, если есть таковой), выходъ на свѣтъ и на просторъ общечеловѣческой жизни, — жизни не въ углу, не въ своей ямѣ и мурьѣ, а на народѣ,—не для насъ и не про насъ. Наша обязанность, — прозябаніе, рецептъ, намъ прописанный побѣдителями, — тьма кромѣшная, общественное безплодіе, вытравливаніе изъ нашей души всего мало-мальски живого, низведеніе современнаго, живого, мыслящаго человѣка, не желающаго жить только для себя, на уровень первобытности, по рецепту, который еще около 30 лѣтъ тому назадъ во всѣхъ тонкостяхъ описалъ въ своей „Современной идиліи", „За рубежомъ" и „Письмахъ къ тетенькѣ" Салтыковъ-Щедринъ, еще тогда предвидѣвшій завоевательное нашествіе на Россію Торжествующей Свиньи. Она уже давно пришла, это милое животное, пришла цѣлымъ стадомъ, съ кабанами и поросятами, а теперь только воспользовалась усовершенствованнымъ, примѣнительно къ ея нуждамъ, интересамъ и вкусамъ, строемъ жизни, и не медля положила ноги на столъ, а рыло уткнула въ общественную и государственную собственность, и все это подъ защитой усовершенствованныхъ милитаризма и юстиціи, телефоновъ, телеграфовъ и капиталовъ, сохраняемыхъ не безъ пользы для банкировъ, и въ здѣшнихъ, и въ заграничныхъ банкахъ... Она пришла цѣлымъ стадомъ и спеціально для того, чтобы лопать. Это — смыслъ ея жизни, — изъ-за своихъ узко-личныхъ интересовъ не давать жить другимъ, отрѣзать другихъ отъ жизни, принизить и умственную, и этическую, и общественную жизнь другихъ, слопать, буде нужно, самый ходъ исторіи, если этотъ ходъ таковъ, что не соотвѣтствуетъ, хотя бы въ своихъ частностяхъ, аппетитамъ торжествующей свиньи, сдѣлать все возможное, чтобы остановить его, ничѣмъ не стѣсняясь.

„Шапки долой" и подходи къ ней подъ благословленіе, русскій забитый, запуганный, потерявшій себя обыва-

тель. Вѣдь не о тебѣ ли историки николаевской эпохи писали, что ты хамъ и холопъ въ душѣ? Но нѣтъ, въ душѣ многихъ милльоновъ людей сознаніе шепчетъ, что такъ жить нельзя, и не вѣчно же сидѣть въ плѣну и въ хлѣвѣ... И нужны ли фактическія доказательства такого настроенія? Мы ихъ приводить не будемъ. Ими пестритъ всякая газета, если читатель сумѣетъ прочесть ее, не заглушая въ своей душѣ огонька совѣсти, чувства справедливости и правды. Имѣющій уши да слышитъ, имѣющій очи да видитъ, имѣющій совѣсть да чувствуетъ. По отношенію къ тому, что творится вокругъ, всѣхъ людей можно раздѣлить на три главныхъ категоріи: въ 1-хъ, людей, предъ душой которыхъ эта картина закрыта болѣе для нихъ жгучими интересами жизни личной, во 2-хъ, людей, интересующихся болѣе всего вопросами жизни космической, вопросами вѣчной истины оттѣсняющими куда-то въ уголъ, обезцѣнивающими вопросы жгучей и кипучей злобы дня; въ 3-хъ, людей, не только не закрывающихъ глаза на общественную жизнь, но и понимающихъ, что здѣсь-то и находится то, отъ чего зависитъ ихъ личное счастье. Интересы личной и космической жизни мѣшаютъ многимъ милльонамъ всматриваться въ окружающую жизнь. Здѣсь мы опять приходимъ къ тѣмъ же тремъ категоріямъ явленій личной, общественной и космической жизни, но только съ другой стороны, — со стороны интересовъ читателей.

Но одно дѣло, чѣмъ человѣкъ интересуется, и совсѣмъ другое дѣло — настоящій и вѣрно имъ понимаемый интересъ. Главный интересъ каждаго человѣка, — личное счастіе, ощущеніе пріятныхъ во всѣхъ смыслахъ переживаній какъ его собственной, такъ и общей расширяющейся жизни. Иной человѣкъ можетъ интересоваться больше всего мимолетнымъ переживаніемъ, забывая переживанія основныя, которыя и необходимы для обоснованія всей его жизни, отъ начала до конца. Такой человѣкъ за неважнымъ забываетъ важное, за несущественнымъ существенное. Правда, духовная жизнь

всякаго человѣка состоитъ изъ переживаній, но у разныхъ людей различенъ ихъ кругъ, и у разныхъ людей центръ ихъ вниманія находится въ разномъ мѣстѣ: у однихъ въ личной, у другихъ въ соціальной, у третьихъ въ космической жизни, по общему правилу: гдѣ практика, гдѣ дѣло, тамъ и главный интересъ. Всѣхъ нашихъ читателей, которые обращались къ намъ за совѣтами по вопросамъ самообразованія, тоже можно раздѣлить на двѣ категоріи. Первая категорія — люди, неудовлетворенные своей личной жизнью, иногда люди одинокіе, жадно ищущіе личнаго счастія, смысла и цѣли жизни, или же люди, загнанные въ уголъ своей семьей, поглощающей всѣ ихъ силы. Это люди, мысль и чувство которыхъ почти исключительно вращаются въ кругу ихъ Я. Это люди, которые должны найти отвѣтъ, чего же собственно они живутъ на свѣтѣ, и для чего они должны жить, и что для этого должны дѣлать. Это люди, не знающіе, съ чего начать, неудовлетворенные собой, горящіе своими переживаніями, страдающіе въ себѣ и отъ себя. Вмѣстѣ съ тѣмъ это люди безъ широкихъ цѣлей и почти не интересующіеся тѣмъ, что непосредственно не касается ихъ личныхъ переживаній, въ узкомъ смыслѣ слова. Съ общественной точки зрѣнія, это люди „внѣ общественныхъ интересовъ“, забывающіе, что ихъ личная жизнь во всѣхъ отношеніяхъ зависитъ отъ уклада жизни общественной; ихъ бѣдность — это лишь одинъ изъ фактовъ, иллюстрирующихъ бѣдность цѣлаго общественнаго класса, народа; ихъ необразованность, — это одинъ изъ фактовъ темноты общественной, ихъ безправіе, униженность, придавленность, забитость, — все это проявленія неурядицы общественной, какъ и всѣ ихъ личныя метанія и страданія. И чѣмъ менѣе они сознательны въ общественномъ смыслѣ, тѣмъ глубже та яма, въ которой они находятся. Они сами себѣ вредятъ, сужая свою жизнь, не допуская въ нее элемента общественной дѣятельности и общественнаго сознанія, который бы и могъ ее расширить, и углубить, и освѣтить свѣтомъ обще-

народной и исторической жизни. Такимъ людямъ нельзя не сказать: будьте лишь внимательны къ вашей хотя бы узко-личной жизни, — и вы выйдете, не можете не выйти за ея предѣлы. Именно она заставитъ васъ сдѣлать это. Да иначе и быть не можетъ, потому что во всякой личной жизни есть и общественная сторона; всякую, даже самую незамѣтную, маленькую жизнь нельзя не оцѣнивать и съ соціальной точки зрѣнія. Всматриваться въ свою личную жизнь, — это значитъ подвергнуть ее не только нравственной, но и общественной оцѣнкѣ.

Жизнь не должна представлять изъ себя стоячаго, мертваго болота. Человѣкъ долженъ чувствовать, что онъ живетъ, чувствовать въ себѣ напряженность жизни и нарастаніе этой напряженности. Человѣкъ не долженъ представлять изъ себя рыбу или лягушку. Онъ долженъ ощущать запасъ своихъ силъ и переводить его изъ состоянія запаса въ рабочее состояніе. Недѣланію нужно противопоставлять дѣланіе, ощущеніе дѣланія, творчества, внесенія чего-то своего въ жизнь. Въ творческой дѣятельности напряженность жизни чувствуется сама собой, и если творчество не обходится безъ мукъ, оно же богато и радостью и жизнерадостностью. Но напряженность жизни сказывается не только въ творческой дѣятельности. Она сказывается и въ области мышленія, и въ области чувства. Именно напряженность жизни и дѣлаетъ ее особенно сладостной, создаетъ то, что украшаетъ ее. Напряженность жизни бываетъ у разныхъ людей различной, смотря по человѣку. У иного она проявляется ярче всего въ области мышленія и разныхъ интимныхъ переживаній, у другихъ въ видѣ внѣшней борьбы. Но въ чемъ бы она ни проявлялась, основная пріятность и красота ея—въ силѣ переживаній. Давно замѣчено великими художниками, что сильныя переживанія имѣютъ свою прелесть, даже тогда, когда они сопровождаются страданіями. Высшее счастье переживаетъ человѣкъ тогда, когда напряженность его жизни переходитъ отъ полуспячки и прозябанія къ пробужденію сознанія, отъ умственной дремоты къ просвѣтлѣнію, отъ

апатіи къ отзывчивости, отъ бездѣятельности къ дѣятельности, отъ творчества, служащаго нуждамъ отдѣльной личности или семьи, къ творчеству цѣнностей, полезныхъ для всѣхъ людей. Высшимъ же проявленіемъ жизненной напряженности несомнѣнно является настроеніе борьбы за счастье, за маломальски сносное существованіе тѣхъ, кому, при современномъ общественномъ строѣ, живется особенно тяжело, т. е. за благо трудящихся классовъ. Этого требуетъ отъ каждаго изъ насъ элементарная справедливость. Совѣсть, отзывчивость, пониманіе, образованность, честь, всѣ эти стороны нашей души указываютъ на ту же дорогу.

Настроеніе борьбы у разныхъ людей проявляется милліонами разныхъ способовъ, но вездѣ сводится къ одному и тому же: расширенію рамокъ окружающей среды въ цѣляхъ возможно большаго простора для всякой индивидуальности, единственный предѣлъ для которой должны составлять всѣ другія такія же индивидуальности, ей равноцѣнныя и равноправныя.

Если я человѣкъ, то и ты — тоже. Если я не желаю жить собачьей жизнью, то и тебѣ не желаю таковой. Если я дѣлаю все отъ меня зависящее, чтобы сдѣлать мою жизнь возможно полнѣе, и шире, и глубже, и возвышеннѣе, напряженнѣе и красивѣе, то и въ тебѣ я цѣню и поддержу тѣ же стремленія, потому что, благодаря этому расширенію моей жизни, мое Я заключаетъ и твое Я, да и мое Я войдетъ въ твое Я однимъ изъ необходимыхъ элементовъ.

Есть и еще категорія людей — категорія созерцателей, не столько оцѣнивающихъ жизнь, сколько ее изучающихъ, подходящихъ къ каждому явленію жизни, какъ къ факту, который только потому и совершается, что для этого имѣются въ данное время и въ данномъ мѣстѣ свои опредѣленныя условія. Для такихъ людей (ихъ тоже не мало среди нашихъ читателей) работа надъ самообразованіемъ сводится къ изученію явленій и ихъ причинъ, и въ каждомъ вопросѣ общественномъ и личномъ они видятъ своего рода космическій вопросъ, — якобы объективную истину, которой

здѣсь въ сущности нѣтъ, да врядъ ли и можетъ быть. Изучать не оцѣнивая человѣкъ даже самый безпристрастный въ силахъ лишь явленія неорганической и органической природы. Даже самые безпристрастные двигатели науки не чужды субъективности. И даже тотъ, кто изучаетъ явленія природы хотя бы и неорганической, не можетъ обойтись безъ міросозерцанія общественнаго. И правда, каждая наука предполагаетъ свое примѣненіе и распространеніе. А кто, и какъ, и противъ кого, и на пользу кого будетъ ее примѣнять? Это вопросъ соціальнаго строя, который то осмысливаетъ, то обезсмысливаетъ работу хотя бы лабораторнаго ученаго. Плохъ тотъ ученый, который, сидя въ своемъ ученомъ углу, забываетъ о соціальныхъ условіяхъ, гдѣ протекаетъ его и личная и ученая жизнь, и увлекается лишь ощущеніемъ удовольствія, связаннаго съ научнымъ занятіемъ. Въ ученомъ человѣкѣ близорукость и закрываніе глазъ на общественную несправедливость еще отвратительнѣй, чѣмъ во всякомъ другомъ. Кромѣ того, кто не знаетъ недавнихъ фактовъ изъ нашей же русской жизни, показывающихъ довольно-таки наглядно, что та же спеціально-россійская разруха пробралась-таки и въ ученую лабораторію знаменитаго И. Мечникова и вышвырнула его изъ Россіи, и въ кабинетъ П. Виноградова, и сдѣлала съ нимъ то же самое, и Ѳ. Ѳ. Эрисмана и многихъ другихъ кабинетныхъ ученыхъ, составляющихъ теперь славу и честь, но не нашей, всетаки невѣжественной Россіи, оболваниваемой истинно-русскими просвѣтителями, а другихъ, и безъ того ученыхъ странъ... Нѣтъ, преобладающій интересъ къ космической жизни не спасаетъ даже архи-безпристрастнаго ученаго отъ тѣхъ соціальныхъ неурядицъ, среди которыхъ этотъ ученый живетъ. Присматриваясь къ жизни космической, онъ не можетъ не присматриваться и къ жизни соціальной, иначе его жизнь будетъ не жизнь, а его лабораторія—ракушка хотя бы и ученаго слизняка. Но русская жизнь давитъ вѣдь и такихъ. Поэтому и здѣсь приходится сказать: всматриваться хотя бы въ космическую жизнь, въ

конечномъ итогѣ означаетъ опять-таки всматриваться въ ту же соціальную жизнь. Царство торжествующей свиньи всѣхъ одинаково касается...

Изъ всего предыдущаго само собою очевидно, въ какой именно области лежитъ центръ самообразованія. Онъ — въ общественной жизни и въ общественной дѣятельности, съ которою сливается, не можетъ не сливаться и личная и космическая жизнь. И если это справедливо для всѣхъ временъ и всѣхъ историческихъ моментовъ, то тѣмъ болѣе справедливо это для насъ, русскихъ, несомнѣнно стоящихъ передъ лицомъ великихъ историческихъ событій, о которыхъ, скрѣпя сердце, говорятъ даже тѣ, кто стремится не замѣчать ихъ. Кто бы вы ни были, читатель, такъ и знайте, — исторія отнюдь не оставитъ въ покоѣ и васъ, какъ она уже не оставила десятки милліоновъ не менѣе васъ мирныхъ и спокойныхъ русскихъ людей. И къ ея визиту въ вашъ личный, интимный или объективно-ученый уголокъ вы теперь же должны готовиться. Вы должны встать au courant фактовъ и мнѣній и вообще народныхъ и общественныхъ теченій русской жизни, и сдѣлать это возможно быстрѣе, не останавливаясь даже передъ напряженной работой.

Русская жизнь загнала десятки милліоновъ людей въ тупикъ, въ уголъ и сдѣлала это съ такою скоропалительною жестокостью, что эти загнанные люди въ этотъ самый моментъ забыли даже о томъ, что ихъ много, что ихъ большинство и потеряли увѣренность въ себѣ, и забыли о томъ, что такое и смыслъ и цѣль жизни.

Не пора ли опомниться и спросить самого себя: да въ чемъ же, наконецъ, заключается смыслъ и цѣль моей жизни предъ лицомъ варварскихъ подвиговъ Левіафана, „чудища обла, озорна, огромна, стозѣвна и лаяй“?

XIII.

Какія книги слѣдовало бы прочесть во всякомъ случаѣ.

Теперь, въ заключеніе нашихъ „Писемъ къ читателямъ“, мы дадимъ минимальный списокъ книгъ, содержащихъ во 1-хъ основные факты, во 2-хъ наиболѣе типичныя мнѣнія о нихъ, т. е. теоріи.

При этомъ мы предполагаемъ, что собственное чутье и напряженное вниманіе самого читателя уже поставили передъ нимъ тѣ вопросы, отвѣты на которые указываемыя нами книги помогаютъ искать въ дальнѣйшемъ углубленіи и всматриваніи. Мы говоримъ „помогаютъ искать отвѣты“, а не даютъ ихъ. Всѣ книги, нами указываемыя,—только преддверіе къ дальнѣйшему исканію и всматриванію. А гдѣ ихъ конецъ?—Тамъ, гдѣ конецъ человѣческой жизни..

Какія книги надо прочесть, чтобы познакомиться съ главнѣйшими фактами во всѣхъ областяхъ жизни? Въ одномъ изъ предыдущихъ писемъ мы говорили о томъ, какъ всматриваться въ окружающую жизнь. Мы указывали на то, что не умѣемъ мы, русскіе люди, быть внимательными. Мы не видимъ, мы даже не смотримъ,—мы только скользимъ—и по явленіямъ жизни, и по вопросамъ, ею выдвигаемымъ. Мы словно не живемъ общею жизнью со своимъ роднымъ народомъ, смотримъ на него вродѣ какъ изъ окна вагона: и жизнь мимо насъ, и мы мимо жизни.

Кто въ этомъ виноватъ? Прежде всего мы сами. Если „независящія обстоятельства“ и оказываютъ на развитіе нашей невнимательности какое-либо вліяніе, то лишь косвенное. Даже при всякихъ обстоятельствахъ, при извѣстной впечатлительности, при желаніи, при нѣкоторомъ усиліи воли, всякій человѣкъ, даже придавленный, м о ж е т ъ быть внимательнымъ. М о ж е т ъ разбираться хотя бы даже въ тѣхъ фактахъ, которые ему уже извѣстны, и вдумываться еще глубже хотя бы въ тѣ самыя думы, которыя имъ

какъ будто уже продуманы. Повторяемъ,—всякій человѣкъ можетъ быть болѣе внимательнымъ, чѣмъ какой онъ теперь. И долженъ быть такимъ, долженъ.

Теперь мы пойдемъ дальше и будемъ говорить о книгахъ, которыя помогаютъ всматриваться въ жизнь.

Дать наиболѣе краткій, минимальный списокъ книгъ, трактующихъ о трехъ кругахъ ея, гораздо труднѣе, чѣмъ о предыдущемъ, потому что и круги эти шире и лучше изучены, и книгъ, относящихся къ нимъ, гораздо больше. Для того, чтобы вмѣстить нашъ списокъ на нѣсколькихъ столбцахъ, мы неизбѣжно должны ограничить нашу задачу. Мы постараемся указать здѣсь по каждому отдѣлу нашей программы, намѣченной въ III „Письмѣ къ читателямъ“, по одной или по двѣ хорошихъ книги, возможно небольшихъ, дешевыхъ и дающихъ, главнымъ образомъ, знакомство съ точными фактами, прежде всего фактами, а также и съ основными ихъ обобщеніями. Книги фактическаго характера имѣютъ значеніе для болѣе широкаго круга читателей, чѣмъ книги теоретическія, содержащія общія идеи и предполагающія въ читателѣ уже знакомство съ фактами. Читатели съ отвлеченнымъ и дедуктивнымъ складомъ ума врядъ ли будутъ удовлетворены многими изъ тѣхъ книжекъ, которыя мы здѣсь укажемъ. Но и читатели такого типа, во всякомъ случаѣ, должны узнать факты и должны принимать ихъ въ расчетъ, размышляя надъ даннымъ вопросомъ. Впрочемъ, многія книги изъ указываемыхъ нами даютъ не только факты, но и выводы, и обобщенія и вообще помогаютъ разбираться въ сыромъ матеріалѣ; да, наконецъ, ни одна изъ указанныхъ нами книгъ не даетъ матеріала въ сыромъ видѣ. Въ нашъ списокъ мы позволили себѣ ввести, по нѣкоторымъ вопросамъ, и очень популярныя, даже т. наз. „народныя“ книжки, если только онѣ богаты фактами и вообще, въ погонѣ за упрощеніемъ формы, не забываютъ также и содержательности. Указывая книги, мы въ нѣкоторыхъ случаяхъ ставимъ около нихъ римскія цифры I, II, III. Эти цифры озна-

чаютъ сравнительныя и относительныя ступени трудности изложенія. Читателямъ, совершенно незнакомымъ съ даннымъ вопросомъ, мы позволяемъ себѣ рекомендовать книги, отмѣченныя цифрой I. Книги, отмѣченныя цифрою III, отличаются болѣе или менѣе труднымъ, иногда же отвлеченнымъ изложеніемъ, или не богаты фактами. Книги, у которыхъ стоитъ II, занимаютъ среднее положеніе между первыми двумя типами. Во избѣжаніе недоразумѣній, считаемъ полезнымъ упомянуть, что распредѣленіе книгъ по трудности пониманія не вполнѣ соотвѣтствуетъ здѣсь тому, какое принято въ нашемъ большомъ трудѣ „Среди книгъ“

Прежде всего повторимъ то, что уже говорили раньше: суть самообразованія вовсе не въ многочтеніи. Его суть — въ жизни, въ практическомъ воздѣйствіи на жизнь, въ ощущеніи жизни, со всѣми ея частными и ужъ во всякомъ случаѣ общими неурядицами. Л. Толстой, великій печальникъ русской земли и, вмѣстѣ съ тѣмъ, носитель великой всемірной скорби, въ одной изъ своихъ небольшихъ, но самыхъ замѣчательныхъ книжекъ, глядя на строй современной жизни, погрязшей въ экономическихъ, политическихъ, моральныхъ и духовныхъ несправедливостяхъ, прямо поставилъ вопросъ: „Неужели такъ надо?“ [1]) Въ этой книжкѣ Толстой началъ свою постановку вопроса не съ морализированій, не съ разсужденій, а съ жизни, — непосредственно съ жизни, которая и поставила передъ великимъ человѣкомъ проклятый и основной вопросъ. Такимъ и долженъ быть естественный ходъ мышленія: сначала жизнь, ставящая вопросы, затѣмъ исканіе отвѣтовъ на нихъ. Не та книга производитъ наиболѣе глубокое впечатлѣніе, которая съ интересомъ читается, а та, къ которой читатель подходитъ, уже имѣя въ своей душѣ вопросы, настоятельно требующіе разрѣшенія. Надо ставить ихъ передъ собою. Ставить каждый день, безъ устали, а главное

---

[1]) Его книжка подъ этимъ названіемъ существуетъ во многихъ изданіяхъ. Лучшее и наиболѣе полное — „Донской рѣчи“ и „Ясной Поляны“.

безъ боязни, и вникая въ нихъ всею силою, не говоримъ — „своего ума“, а силою всей души, — ума, чувства, воли, которая проявляется не только въ видѣ сознательныхъ намѣреній что-то внести въ жизнь, что-то сдѣлать въ ней и для нея, но и въ видѣ желаній, хотѣній, стремленій, которыя необходимо разсматривать тоже какъ силу. Жалки тѣ читатели, въ душѣ которыхъ нѣтъ никакихъ стремленій, какъ бы они ни были довольны собой и своею жизнью, и счастливы тѣ, кто мучается отъ этихъ своихъ стремленій, кто переживаетъ ихъ, страдая. Только такой человѣкъ, даже инстинктивно ища способовъ избавиться отъ такихъ мученій ищетъ выхода, ищетъ дѣла, и, ставя вопросы, не можетъ не стремиться разрѣшить ихъ.

Будемъ говорить теперь объ этихъ проклятыхъ вопросахъ. Ихъ много — и въ личной, и въ общественной, и въ космической жизни. Почитайте напр., послѣднія произведенія того же Л. Толстого, — его „Исповѣдь“, „Въ чемъ моя вѣра“, его замѣчательную книгу „Царство Божіе внутри насъ“, и т. д. Почитайте также произведенія великихъ мыслителей‘ какъ напр., „Мысли“ Паскаля, „Опыты“ Монтеня, „Фауста“ Гете, „Донъ-Жуана“ и „Чайльдъ Гарольда“ Байрона, почитайте превосходныя историко-критическія толкованія Брандеса этихъ послѣднихъ произведеній, отражающихъ въ себѣ великую міровую скорбь другихъ великихъ людей, и вы не только поймете, но и почувствуете, надъ чѣмъ не могутъ не задумываться люди. И личная жизнь, и общественная, и космическая полны великими, глубокими, трудно разрѣшаемыми, а то и неразрѣшимыми вопросами. Кто, живя, напр., хотя бы даже узкой, личной жизнью, чуждой общественныхъ интересовъ, не часто задумывался надъ тѣмъ, для чего и къ чему онъ живетъ? Каковы и цѣль и смыслъ его жизни? Какова ея цѣнность, значеніе, польза? Цѣлый рядъ такихъ вопросовъ, какъ о добрѣ и злѣ, о счастіи и неизбѣжныхъ страданіяхъ, о нравственномъ совершенствѣ, объ общемъ благѣ, о справедливости, о чести, о совѣсти, объ идеалѣ человѣка (мущины, женщины), о стойкости и борьбѣ, о любви къ себѣ

и къ ближнему и т. д., и т. д.;—всѣ эти вопросы стоятъ передъ каждымъ изъ насъ. И разрѣшить ихъ не легко. Сочиненія Л. Толстого помогаютъ читателю ставить эти вопросы, хотя далеко не всегда помогаютъ разрѣшать ихъ. Недавно изд. „Посредникъ“ выпустило цѣлую серію книжекъ, составл. Л. Толстымъ (отъ 4 до 11 к. каждая), и составленныхъ изъ афоризмовъ и цитатъ, подумать надъ которыми не мѣшаетъ, какъ бы ни относясь къ „толстовщинѣ“,—здѣсь не въ ней дѣло. Для насъ всего дороже та книжка, которая заставляетъ человѣка думать, чѣмъ та, которая подлежитъ просто-на-просто усвоенію. Въ первомъ отношеніи, т. е. въ смыслѣ постановки цѣлаго ряда вопросовъ личной жизни, въ дни нашего студенчества, произвели лично на насъ громадное и неизгладимое впечатлѣніе нѣкоторыя статьи Д. Писарева (особенно „Базаровъ“ и „Реалисты“), Н. Добролюбова („Когда же придетъ настоящій день?“ „Темное царство“, „Лучъ свѣта въ темномъ царствѣ“) и вмѣстѣ съ художественными произведеніями, къ которымъ онѣ относились („Отцы и дѣти“ и „Наканунѣ“ Тургенева, „Обломовъ“ Гончарова, „Гроза“ и др. соч. Островскаго). Эти статьи, благодаря, быть можетъ, рѣзкой постановкѣ вопросовъ въ нихъ, дѣйствительно надъ многимъ заставляютъ задумываться тѣхъ читателей, которые только-что начинаютъ жить духовной жизнью и перетряхивать всосавшіяся въ нихъ изъ окружающей, нерѣдко заскорузлой среды, затхлыя, привычныя, давно отжившія свой вѣкъ идеи. Въ нихъ затронуты и по своему освѣщены самыя интимныя стороны жизни. Правда, многое въ нихъ требуетъ дополненій и поправокъ,—но какъ матеріалъ для передумыванія своихъ думъ, эти статьи, такъ мы полагаемъ, до сихъ поръ не имѣютъ себѣ равныхъ. Но, разумѣется, размышляя о вопросахъ личной жизни, лишь ими нельзя удовольствоваться. Эти вопросы, какъ извѣстно, имѣютъ свою исторію. Откуда, изъ какихъ источниковъ, естественныхъ или сверхъ-естественныхъ, пришло на землю то хорошее, что только и можетъ крѣпко соединять всѣхъ людей, привлекать человѣка къ человѣку,—

добро, красота, истина, любовь, — во всѣхъ ихъ проявленіяхъ? Въ высшей степени интересно на основаніи цѣлаго ряда фактовъ убѣдиться, какъ появились изъ ничего всѣ эти стороны самой интимной жизни, развились, окрѣпли, распространились и все больше и больше, хотя и очень медленно, распространяются, побѣждая силу слѣпую, злую, стихійно-необузданную. Знаютъ ли читатели превосходную книгу Сутерланда „Происхожденіе нравственнаго инстинкта“, рисующую, на основаніи громаднаго числа фактовъ, общую картину происхожденія и распространенія лучшихъ сторонъ интимной человѣческой жизни и ихъ борьбу со сторонами худшими? Это одна изъ тѣхъ книгъ, которая даетъ читателю очень много въ смыслѣ расширенія его кругозора и прояснения моральнаго сознанія, Особенно дѣйствуетъ то, что книга увлекательно, даже горячо написана. Авторъ вѣритъ въ силу добра и, доказывая его чисто земное, естественное происхожденіе, не только не отрицаетъ его зиждущей силы въ современной жизни, но и подтверждаетъ разумность многихъ изъ тѣхъ выводовъ, до которыхъ Писаревъ, Толстой дошли инымъ путемъ. Но область интимной жизни, разумѣется, такъ громадна, что всѣхъ вопросовъ ея не перечислишь, и всѣхъ житейскихъ столкновеній подъ общія нормы и шаблоны не подведешь. Несомнѣнно, многихъ читателей, стремящихся возможно глубже всмотрѣться, вникнуть въ интимную человѣческую жизнь, именно это ихъ стремленіе тянетъ къ чтенію беллетристическихъ произведеній. Каждое произведеніе, если оно художественно, стремится изобразить жизнь и человѣка, какъ таковыхъ, болѣе или менѣе во всей ихъ сложности, познакомить читателя съ какими-нибудь движеніями какой-нибудь человѣческой души. Но чьей же именно? Не только тѣхъ лицъ, которыя выведены въ этихъ произведеніяхъ, но, прежде всего и больше всего, съ душой того, кто написалъ эти произведенія. Все имъ написанное вѣдь непремѣнно прошло чрезъ его душу, которая, въ той или иной степени, и выразилась на бумагѣ. Великіе писатели, т. е. великія души,

великіе умы изучаются по ихъ произведеніямъ, а среди нихъ не мало такихъ, которыя дѣйствительно помогаютъ читателю разобраться въ очень многихъ вопросахъ личной жизни [1]). Напр., произведенія Достоевскаго (особенно „Братья Карамазовы“, „Преступленіе и наказаніе“ и др.), Шекспира, Теккерея, Шиллера, Гете, Пушкина, Лермонтова, Диккенса, Тургенева, Толстого, и т. д., и т. д. — цѣлыя энциклопедіи вопросовъ личной, интимной жизни. Но, читая эти энциклопедіи, можно ли забывать, что всякое такое произведеніе— не болѣе какъ *личное* мнѣніе о такомъ-то интимномъ вопросѣ такого-то человѣка (писателя), жизнь котораго была вовсе не такова, какъ ваша жизнь, а значитъ, и мнѣнія котораго могутъ весьма и весьма не подходить къ вашей личной жизни? Другими словами, и эти мнѣнія — вовсе не матеріалъ для усвоенія, а опять-таки матеріалъ для вашего собственнаго разсужденія о нихъ, т. е. для выработки вашихъ собственныхъ мнѣній. Чтеніе, сказалъ кто-то, это просто-на-просто совѣщаніе съ другимъ человѣкомъ. Хотите раздвинуть, расширить такія совѣщанія, — возьмите не только беллетристическія произведенія, но и критическія статьи о нихъ. Около каждаго, мало-мальски крупнаго произведенія создается обыкновенно цѣлая литература критическихъ статей, причемъ ихъ авторы опять-таки высказываютъ не болѣе какъ свои мнѣнія, тоже подлежащія вашему обсужденію, но знакомство съ которыми все-таки вамъ несомнѣнно кое-что даетъ, — въ смыслѣ обсужденія самыхъ интимныхъ сторонъ жизни. Но и этимъ, разумѣется, нельзя еще ограничиться, вникая, всматриваясь все глубже и глубже.

---

[1]) Существуютъ два очень полезныхъ и краткихъ указателя новѣйшей русской беллетристики: списки авторовъ, лучшихъ произведеній ихъ и лучшихъ критическихъ статей о каждомъ авторѣ. Одинъ такой указатель: И. Владиславлева „Русскіе писатели“, ц. 60 к. (Изд. „Наука“, М., Б. Никитская, 10), другой—Д. Малинина „Что читать по русской литературѣ“, ц. 50 к. Такой же указатель для знакомства съ главнѣйшими произведеніями западно-европейской литературы сост. Цвѣтаевымъ, „Указатель по всеобщей литературѣ“ СПб. 910 г. 1 р. Болѣе подробные списки см. въ нашемъ трудѣ „Среди книгъ“, т. I.

Вѣдь и авторъ любой книги, и вы, читатель,—продукты опредѣленныхъ условій жизни, продукты опредѣленной страны, такого-то историческаго момента, такого-то общественнаго класса, имѣющаго свои опредѣленные интересы, несовмѣстимые, въ той или другой степени, съ интересами другихъ классовъ. Изъ этой среды, общественной, исторической, вмѣстѣ съ молокомъ матери, еще въ дни дѣтства, такъ сказать, всасываются въ насъ, впитываются нами и инстинкты, и привычки, и навыки, и разныя черты характера, и интересы, составляющіе неразрывное цѣлое съ нашей интимной жизнью. Здѣсь все болѣе и болѣе глубокое вниканіе въ эту послѣднюю выводитъ мыслящаго человѣка за ея предѣлы, заставляетъ углубляться въ жизнь общественную, и въ этомъ вниканіи роль книги дѣлается для читателя еще болѣе значительной и важной. Но о вниканіи въ соціальную жизнь мы поговоримъ въ слѣдующемъ нашемъ письмѣ. Теперь же мы скажемъ еще нѣсколько словъ о вниканіи въ жизнь интимную. Есть книги, которыя могутъ помочь начинающему читателю не только оріентироваться въ этой области, но и классифицировать ея явленія. Классифицировать и привести въ систему.

Въ нашихъ письмахъ, адресуемыхъ начинающимъ читателямъ, мы рѣдко и мало говоримъ о систематизаціи знаній. Но нужно ли доказывать, что именно къ ней должно быть направлено всякое изученіе? Классификація и система есть завершеніе работы накопленія фактовъ, ихъ изученія, сравненія, ихъ распредѣленія по фактической и логической связи, сознательное отношеніе къ разнымъ ихъ признакамъ и относительная оцѣнка этихъ признаковъ. Система позволяетъ оріентироваться, освоиться и среди фактовъ, т. е. явленій жизни, и среди выводовъ изъ нихъ, позволяетъ обозрѣвать цѣлую область жизни, судить о цѣломъ рядѣ качествъ даннаго факта, по тому мѣсту, которое онъ занимаетъ въ системѣ. Усвоить или даже создать такую систему необходимо въ каждой области, чтобы знанія и идеи, имѣющіяся въ головѣ, не представляли изъ

себя чего-то безпорядочнаго, случайнаго, неполнаго, съ массой пробѣловъ. Одна изъ задачъ самообразованія,— стремиться къ этому упорядоченію своего знанія и пониманія, къ борьбѣ съ пробѣлами въ томъ и другомъ.

Есть прекрасныя, довольно популярныя книги, которыя помогаютъ пониманію интимной жизни, всей ея области, какъ единаго цѣлаго. Таковы, напр., капитальныя книги Гефдинга „Этика или наука о нравственности“ (Ц. 1 р. 50 к.), нѣсколько отвлеченно, но вообще говоря довольно просто написанная, и „Основы этики“ Паульсена. Объ книги (III) отнюдь не сухія и проникнуты даже особеннымъ, жизненнымъ настроеніемъ, бодрымъ и свѣтлымъ. Читатель, имѣющій нѣкоторую подготовку (не ниже старшихъ классовъ гимназіи), несомнѣнно прочтетъ эти книги съ большимъ интересомъ и пользой. Это лучшіе обзоры данной области на рус. языкѣ. Болѣе простыхъ и столь же полныхъ не существуетъ. Впрочемъ, можно указать цѣлый рядъ интересныхъ статей и книгъ по отдѣльнымъ вопросамъ интимной жизни. Списокъ ихъ данъ нами на стр. 378—92 „Среди книгъ“ т. I, изд. 2-е. Какъ введеніе въ данную область, представляетъ наибольшій интересъ, думается намъ, вопросъ о счастіи, о чести и совѣсти. Для перваго знакомства съ этими вопросами не можемъ не указать статей Н. К. Михайловскаго „Что такое счастіе“ и „Салтыковъ-Щедринъ“ (въ собраніи его сочиненій). Большой интересъ представляетъ книжка П. Кропоткина „Взаимная помощь, какъ факторъ эволюціи“, затѣмъ очень живо и легко написанные ст. Нордау „Ложь предсоціалистической культуры“.

* * *

До этого времени мы говорили о томъ, какія книги надо прочесть для того, чтобы всмотрѣться возможно глубже въ свою интимную, личную жизнь. Теперь мы выйдемъ за ея предѣлы и будемъ говорить о болѣе широкихъ кругахъ жизни, которыхъ всякій образованный человѣкъ также не можетъ не знать и не понимать.

Для начинающаго читателя представляетъ несомнѣнно большой интересъ объяснить себѣ происхожденіе и развитіе человѣческой рѣчи,—которая многимъ какъ-то невольно кажется своего рода чудомъ изъ чудесъ. Научное объясненіе этого „чуда“ лишній разъ покажетъ читателю, что люди обыкновенно называютъ чудесами то, что имъ непонятно и потому кажется удивительнымъ. О языкѣ см. Н. Рубакина „Какъ и когда разные народы научились говорить каждый на своемъ языкѣ“ (15 коп.) (I), Алферова „Очерки изъ жизни языка“ (40 коп.) (II), Погодина „Основной курсъ общаго языкознанія“ (80 к.) (III).

Дальнѣйшимъ логическимъ и историческимъ продолженіемъ вышеуказанныхъ книгъ являются книги, знакомящія съ развитіемъ литературы. По исторіи литературы всемірной см. прежде всего Когана „Очерки по исторіи западноевропейскихъ литературъ“ (3 т. по 1 р. 50 к.), — въ нихъ указываются главнѣйшіе писатели всѣхъ временъ и народовъ, даются ихъ характеристики въ связи съ исторіей ихъ времени, рекомендуются лучшія книги о нихъ. По „Очеркамъ“ Когана самъ читатель можетъ составить себѣ списокъ иностранныхъ авторовъ-беллетристовъ и тѣхъ ихъ произведеній, которыя онъ долженъ прочитать въ цѣляхъ самообразованія. Ихъ не слишкомъ много, но онѣ много даютъ для пониманія жизни интимной, — жизни человѣческой души. Въ дѣлѣ болѣе обстоятельнаго чтенія по иностранной беллетристикѣ поможетъ упомянутый „Указатель“ Цвѣтаева. Для знакомства съ исторіей литературы русской (главнымъ образомъ новѣйшей), могутъ служить „Оч. по исторіи рус. литературы“ Мендельсона (1 р. 50 к.), „Оч. рус. литературы XIX в“. Саводника (2 р. 85 к.). О литературѣ новѣйш. времени[1]) см. „Чтенія о новѣйшей

---

[1]) Книги о языкѣ и о литературѣ, рус. и иностранной, читатели, менѣе интересующіеся этимъ отдѣломъ, могутъ замѣнить VII томомъ „Народной энциклопедіи“, изд. Харьк. Обществомъ Грамотности. Далѣе мы будемъ называть эти изданія, для краткости, просто Харьковской энциклопедіей.

русск. литературѣ" Александровскаго, „Очерки рус. литер." Когана. Хорошими пособіями для осмысленнаго чтенія по русской беллетристикѣ могутъ служить упомянутые на стр. 278 указатели Малинина „Что читать по рус. литературѣ" (50 к.), И. Владиславлева „Рус. писатели послѣ Гоголя" (50 к.). Превосходными введеніями въ теорію словесности и литературы могутъ служить книжки С. Золотарева „Теорія словесности" (1 р.) или Житецкаго (1 р. 50 к.).

Необходимымъ дополненіемъ къ отдѣлу литературы является знакомство съ произведеніями главнѣйшихъ русскихъ критиковъ: Бѣлинскаго (въ изданіи Иванова-Разумника), Добролюбова, Писарева, Чернышевскаго, Михайловскаго, Скабичевскаго, Пыпина, Венгерова, Овсянико-Куликовскаго. Въ тѣснѣйшей связи съ исторіей русской литературы находится исторія русской общественной мысли и русской публицистики. Общій конспектъ этой исторіи мы дали въ I т. 2-го изд. „Среди книгъ" (стр. 205—12, 219—54). Для пониманія общаго хода ея развитія нельзя не прочесть „Исторіи рус. интеллигенціи" Овсянико-Куликовскаго (3 т. по 1 р. 50 к.) (III), затѣмъ Венгерова „Исторія новѣйш. рус. литературы" (2 р. 50 к.), „Философію исторіи рус. литературы" Андреевича (1 р. 25 к.) (III) и соотвѣтственныя главы въ „Исторіи рус. литературы XIX в." (Изд. тов. „Міръ") или въ „Исторіи Россіи XIX в." (Изд. Гранатъ).

Врядъ ли нужно доказывать, что знакомство съ общимъ ходомъ развитія общественной мысли, главнымъ образомъ русской, должно сопровождаться чтеніемъ произведеній ея главнѣйшихъ представителей (XIX в. прежде всего). Къ таковымъ относятся, кромѣ упомянутыхъ рус. критиковъ (Бѣлинскаго, Добролюбова, Писарева, Чернышевскаго, Михайловскаго и др.), еще слѣдующіе: Грановскій, Герценъ (особенно его „Былое и Думы"), Бакунинъ, Шелгуновъ, Кавелинъ, П. Лавровъ, С. Кривенко, В. В., А. Пѣшехоновъ, Г. Плехановъ, П. Кропоткинъ (особенно его „Рѣчи", „Записки", „Взаимная помощь" и др.), Л. Толстой (въ особенности его „Царство божіе") и мн. др. Слѣдуетъ сравнить

съ ними и мнѣнія черносотенныхъ и консервативныхъ писателей, списки которыхъ даны въ I т. „Среди книгъ“.

Общее понятіе объ исторіи искусства и о его значеніи дадутъ читателямъ популярные очерки его исторіи М. Брекера (1 р. 50 к.) или Ф. Рерберга (2 р.), или Любке (2 р.) (II), а идейную и философскую сторону его раскроютъ имъ, въ довольно популярной формѣ, знаменитыя „Чтенія объ искусствѣ“ И. Тэна (2 р.) (III).

Разумѣется, невозможно понимать исторію литературы и искусства не будучи знакомымъ съ исторіей человѣчества вообще, и потому дальнѣйшимъ углубленіемъ предыдущихъ отдѣловъ нашей программы является несомнѣнно отдѣлъ исторіи, — (всеобщей и русской). Этотъ же отдѣлъ служитъ необходимымъ введеніемъ въ изученіе общественной жизни вообще, какъ въ ея цѣломъ, такъ и въ частностяхъ.

Введеніемъ въ это введеніе служатъ книги по т. наз. исторіи первобытной культуры, выясняющія естественное происхожденіе всѣхъ главнѣйшихъ сторонъ общественной жизни, всѣхъ основъ ея, каковы, напр., семья, собственность, государство, право, законъ, техника, хозяйственный бытъ, религія, нравственность, и т. д. Изученіе первобытной культуры показываетъ, что всѣ эти стороны нашей жизни, вовсе не внезапнаго и не чудеснаго происхожденія, — что всѣ онѣ — результаты очень медленнаго и длительнаго развитія, по-просту сказать, результаты безконечно большого накопленія безконечно малыхъ перемѣнъ, — всякаго рода „мелочей жизни“. Изучая исторію всѣхъ этихъ сторонъ жизни, особенно ясно можно понять и увидѣть самую суть исторіи вообще и нашего общественнаго строя, уклада нашей жизни—въ частности. Съ этого-то отдѣла, для очень многихъ читателей, и особенно удобно начинать самообразовательное чтеніе, чтобы прежде всего отрѣшиться отъ вѣры въ такіе „устои“, которые „одни и тѣ же для всѣхъ временъ“. Такихъ устоевъ, какъ и „вѣчныхъ истинъ“ нѣтъ, не было и быть не можетъ. Для

перваго знакомства съ исторіей первобытной культуры могутъ служить книги: а) для начинающихъ—брош. Д. Кудрявскаго „Какъ жили дѣды въ старину“ (40 к.) (I), Н. Рубакина „Изъ тьмы временъ въ свѣтлое будущее“ (90) (I), б) для болѣе подготовленныхъ — Летурно „Соціологія“ (Изд. Павленкова) (1 р. 50 к.) (II), Э. Тайлоръ „Антропологія“ (III). Всѣ эти книги раскрываютъ передъ нами жизнь въ такъ наз. доисторическія времена, т. е. д изобрѣтенія азбуки. Собственно исторія начинается лишь при появленіи этой послѣдней.

Общимъ руководствомъ для изученія исторіи человѣчества какъ единаго цѣлаго, съ древнѣйшихъ до новыхъ временъ, могутъ служить прекрасные учебники всеобщей исторіи Р. Виппера (II), а по рус. исторіи — учебникъ Е. Щепкиной (I) или Платонова (II). Для уясненія внутренней, философской стороны исторіи нельзя не познакомиться съ знаменитой „Исторіей цивилизаціи Англіи“ Бокля (1 р. 50 к.), — книгою, незамѣнимой, во многихъ отношеніяхъ, до сихъ поръ (III). Для углубленія же своего пониманія исторіи русской нельзя не прочесть замѣчательныхъ „Очерковъ по исторіи русской культуры“ П. Милюкова (III), далѣе—Александрова „Абсолютизмъ и бюрократія въ Россіи“ (1 р.), ст. Н. Костомарова „Начало единодержавія въ древней Руси“ (въ его собр. сочин.), И. Дитятина „Когда началась рознь между командующими классами и народомъ“ (II), Гольцева „Законодательство и нравы въ Россіи“ (1 р. 25 к., — начинать эту книгу лучше со II главы). Объ отдѣльныхъ эпохахъ новѣйшей рус. исторіи см. прежде всего „Курсъ русской исторіи XIX в.“ А. А. Корнилова (2 р. 50 к.) (II), далѣе А. Пыпина „Обществ. движеніе при Александрѣ I (3 р.), Гершензона „Эпоха Николая I“ (Изд. „Рус. Быль“, 1 р. 50 к.) (III), „Обществ. движеніе при Александрѣ II“ Барривэ или Корниловъ (по 1 р. 50 к.), Обнинскаго „Новый строй“ (3 р.) (извѣстная туновская исторія русскаго революціоннаго движенія, очень объективно написанная, стала нынѣ уже библіографической рѣдкостью).

Переходя теперь къ знакомству съ отдѣльными сторонами общественной жизни, мы, согласно нашей схемѣ, встрѣчаемъ на первомъ мѣстѣ религіозно-церковный строй ея. Объ общей исторіи всѣхъ главнѣйшихъ религій даютъ краткое, но отчетливое понятіе „Исторія религіи“ Мензиса (1 р.) (III) или Прайса (50 к.) (II), очень интересная книжка Мальвера „Наука и религія“ (Изд. „Вѣстн. Знанія“), „Среди тайнъ и чудесъ“ Н. Рубакина (90 к.) (I), „Государство и церковь“ Л. Толстого (5 к.), „Земство и расколъ“ Щапова, „Старообрядчество“ А. Пругавина и его же „Религіозные отщепенцы“ и „Монастырскія тюрьмы“ (всѣ II).

Чтобы составить себѣ понятіе о строѣ народнаго образованія и воспитанія въ Россіи и заграницей, интересно прочесть и сравнить, изъ довольно богатой литературы по этому вопросу, хотя бы, напр., двѣ книжки: съ одной стороны — Леклерка „Воспитаніе и общество въ Англіи“ (3 р.) и съ другой — „Народное образованіе въ Россіи“ Фальборка и Чарнолускаго (1 р. 50 к., III). „Черни не должно давать образованія“,—писала когда-то имп. Екатерина II,— „поелику, если она будетъ знать столько же, сколько вы да я, то не станетъ повиноваться намъ въ такой мѣрѣ, какъ повинуется теперь“. Этому мудрому правилу, какъ извѣстно, превосходно слѣдуетъ и до сихъ поръ Госуд. Совѣтъ и III Госуд. Дума. Этотъ же принципъ государственнаго просвѣщенія воплощается и во всей исторіи рус. просвѣщенія. Очень хорошій очеркъ нар. образованія и воспитанія съ древнѣйшихъ до новѣйшихъ временъ даетъ книга Монро „Исторія педагогики“, изд. Міръ, 3 р. (III). Объ идейной сторонѣ воспитанія и образованія говорятъ слѣдующія превосходныя книги, составляющія въ своей совокупности, такъ сказать, необходимую библіотечку каждой интеллигентной семьи: Циглеръ „Общая педагогика“ (Изд. „Образованіе“, 50 к.). Гурлиттъ „О воспитаніи“, Л. Толстой „Педагогич. статьи“, изд. „Посредника“ (40 к.). Лай „Экспериментальная дидактика“ (2 р. 50 к.). Эллентъ

Кей, „Вѣкъ ребенка“ (1 р. 25 к.). Пейо „Воспитаніе воли“, Клаустонъ „Гигіена ума“ (1 р. 50 к. III), Чарнолускій „Самообразованіе“ (50 к.), Паульсенъ „Образованіе“ (40 к.), Водовозова „Умственное и нравст. воспитаніе дѣтей до-школьнаго возраста“ (2 р.), Галанинъ „Письма къ матерямъ“, сборникъ „Въ помощь семьѣ и школѣ“ Изд. Антикъ (1 р. 60 к.) и „Дѣтскія игры“, изд. подъ ред. Душечкина, затѣмъ цѣлый рядъ превосходныхъ брошюръ изъ серіи „Свободное воспитаніе“ изд. Горбунова-Посадова, на которыя нельзя не обратить особаго вниманія матерей и воспитательницъ, также какъ на журналъ подъ тѣмъ же названіемъ.

Изъ книгъ, трактующихъ о семейномъ строѣ и о современномъ положеніи женщины, прежде всего слѣдуетъ указать книгу Бебеля „Женщина и соціализмъ“ (лучш. пер. В. Поссе), затѣмъ Эллень Кей „Любовь и бракъ“ (1 р. 50 к.) и ея же „Женское движеніе“, Лилли Браунъ „Женскій вопросъ“ (2 р.) и труды С. Шашкова по исторіи женщины. (Въ соб. ч. соч. т. I,— „Истор. судьбы женщины“ и „Исторія рус. женщины“, хотя и нѣсколько устарѣвшія, но очень просто и интересно изложенныя). Изъ книгъ по половому вопросу, тѣсно связанному съ вопросомъ семейнымъ, все-таки приходится признать, по нашему мнѣнію, одною изъ лучшихъ книгу А. Фореля (лучш. и болѣе полн. пер. С. Фуксъ, изд. А. Суворина) (всѣ III).

Особенное значеніе для всякаго образованнаго человѣка имѣетъ знакомство съ политическимъ или государственнымъ строемъ, тѣснѣйшимъ образомъ связаннымъ со строемъ соціально-экономическимъ, и прежде всего особенно важно знакомство съ ихъ исторіей, которой впрочемъ не мало мѣста удѣляется въ вышесказанныхъ книгахъ по исторіи всеобщей. Общій обзоръ данной области дастъ XI т. Харьк. Энциклопедіи. Въ этотъ томъ вошли: общее ученіе о правѣ, уголовное право и уголовное судопроизводство, административное право (ученіе объ об-

ществ. благоустройствѣ) гражданское и торговое право и гражданское судопроизводство, общій очеркъ соціологіи, наконецъ, право международное. (Все это элементарно излож. на 328 стр.). Сущность этого строя, какъ уже было упомянуто въ предыдущей статьѣ, превосходно вскрываетъ Л. Толстой („Неужели такъ надо"). Онъ же выясняетъ и ту неразрывную связь, которая существуетъ между экономикой и политикой. Знаменитая статья Ф. Лассаля „Сущность конституціи" можетъ служить дополненіемъ предыдущей (См. его собр. соч.). Особенное значеніе, въ смыслѣ пониманія права, а, значитъ, и всего правового строя, имѣетъ не менѣе знаменитая брошюра Р. Іеринга „Борьба за право" (15 к.). О томъ же еще см. брошюру Штамлера „Сущность и задачи права и правовѣдѣнія" (65 к.) (Ш). Интересно сравнить съ идеями, изложенными въ этой и предыдущихъ брошюрахъ взгляды Л. Толстого („Царство божіе") и П. Кропоткина (въ сб. „Чер. Знамя"), разсматривающихъ самое государство какъ „организованное насиліе человѣка надъ человѣкомъ". Съ другой стороны, представители противоположныхъ крайнихъ мнѣній (Н. Карамзинъ, М. Катковъ, К. Побѣдоносцевъ въ его „Московскомъ сборникѣ", и т. п.) въ самыхъ насиліяхъ правительственной власти надъ личностью и цѣлымъ народомъ видятъ залогъ будущаго счастья этого послѣдняго, и даже главный факторъ его современнаго „благополучія". Интересно, что Катковъ подъ самимъ словомъ „политическая свобода" понималъ не что иное, какъ „право дѣлать то, что тебѣ велятъ". Во всѣхъ этихъ противоположныхъ мнѣніяхъ, правыхъ и лѣвыхъ, интересно разобраться. Къ сожалѣнію, огромное большинство книгъ, трактующихъ о правѣ, о государствѣ и т. д., представляетъ изъ себя не столько изложеніе фактовъ, сколько разсужденія, болѣе или менѣе отвлеченныя, а также критику чужихъ разсужденій, что крайне затрудняетъ знакомство съ областью права для читателя, неприспособившагося къ чтенію отвлеченныхъ книгъ. Такіе читатели, какъ мы уже упоминали, должны под-

ходить къ знакомству съ этой областью со стороны исторіи,—будь то исторія государственныхъ учрежденій, или исторія борьбы народа, трудящихся классовъ съ правительствомъ (т. е. представителями классовъ имущественно обезпеченныхъ) за передѣлку этихъ учрежденій въ интересахъ народа, будь это, наконецъ, исторія идей, выражающихъ въ однихъ случаяхъ — чаянія и интересы трудящихся, въ другихъ — интересы тѣхъ, кто строитъ свое матеріальное благополучіе на присвоеніи чужого, неоплаченнаго труда. Для пониманія исторіи самой сути той борьбы, которую вели разные народы противъ невыгодныхъ для нихъ учрежденій, интересно прочесть такія книги по исторіи Англіи, добившейся, какъ извѣстно, политической свободы съ наименьшими потрясеніями, каковы, напр.. книжки Н. Рожкова „Отъ самовластія къ народовластію (1 р.) (II). Быковой „Разсказы изъ исторіи Англіи“ 1 р. (I), Маколея, подъ тѣмъ же названіемъ (III), затѣмъ по исторіи Франціи (напр. „Исторію франц. революціи“ Блосса (II) или Линдова (I), а изложеніе событія—Е. Эфруси подъ тѣмъ же названіемъ (I), или Карно (II), или Рамбо (I). Очень яркій примѣръ взаимной борьбы разныхъ общественныхъ классовъ за опредѣленное общественное устройство и за государственную власть, какъ орудіе этого устройства, представляетъ собою исторія германской революціи (см. книгу того же Блосса „Ист. герм. революціи“, 1 р. 50 к. и Кампфмейера „Исторія обществ. классовъ въ Германіи“ 75 к. (II). Что касается до общаго истор. очерка госуд. учрежденій у главнѣйшихъ народовъ Европы и Америки, то его даетъ книжка Н. Сѣвернаго „Госуд. и обществ. строй въ Англіи, Франціи, Германіи и Соед. Штатахъ“ (1 р), впрочемъ не чуждая нѣкоторыхъ (незначительныхъ) ошибокъ.—Въ дополненіе къ ней нельзя не рекомендовать прекрасныхъ книжекъ П. Мижуева „Передовая демократія совр. міра“ (1 р. 25), его же „Счастливая Австралія“ (1 р.) и „Крестьянское царство“ (Канада) (75 к.).

Если среди нашихъ читателей найдутся такіе, которые сочтутъ своимъ долгомъ болѣе глубоко и разносторонне

познакомиться съ вопросомъ о политическ. и соціальномъ строѣ, о разныхъ формахъ его, и съ эволюціей этихъ формъ, ихъ исторіей, позволимъ себѣ отослать ихъ къ превосходной серіи т. н. типологическихъ курсовъ проф. Карѣева, который въ исторической формѣ обстоятельно знакомитъ съ главнѣйшими типами политич. и соціальнаго строя, начиная съ древнихъ до новѣйшихъ временъ (1. Монархіи древняго Востока и греко-римскаго міра. 2. Государство-городъ античнаго міра. 3. Помѣстье-государство и сословныя монархіи среднихъ вѣковъ. 4. Западно-европейская абсолютная монархія. 5. Происхожденіе современнаго народно-правового государства) (III). О болѣе частныхъ вопросахъ права и политич. быта укажемъ классическій трудъ знаменитаго Д. С. Милля. „О свободѣ“ (75 к.) и его же „Представительное правленіе“, затѣмъ Фроме „Республика или монархія“ (1 р.), П. Берлина „Политич. партіи въ Зап. Европѣ“ (1 р. 25) (III). Что касается до рус. государств. права, то въ настоящее время наиболѣе новымъ и солиднымъ курсомъ его нельзя не признать лекціи проф. Лазаревскаго (3 р.). Въ дополненіе къ нимъ напомнимъ уже указанную выше ст. Н. Костомарова и книгу Александрова, а въ особенности „Очерки“ П. Милюкова (ч. I). Для начальнаго знакомства съ другими отдѣлами права можно взять VIII т. Харьковской „Нар. Энциклопедіи“. Книга эта представляетъ рядъ популярныхъ историко-юридическихъ очерковъ русскаго политическаго и экономическаго строя и удобна для начинающаго читателя. Въ дополненіе къ этой книгѣ полезно прочесть книжку Озерова „Куда идутъ народныя деньги“ (1 р.) и Фридмана „Наша финансовая система“ (50 к.).

Этимъ мы и закончимъ отдѣлъ о политическомъ строѣ, переходя, затѣмъ къ явленіямъ экономической или народно-хозяйственной жизни. Какъ извѣстно, въ ихъ основѣ лежитъ вопросъ о хлѣбѣ и вообще о производствѣ, о достачѣ или недостачѣ хлѣба и другихъ средствъ существованія „дѣйствительно для всѣхъ людей“. Цѣлымъ рядомъ интереснѣйшихъ фактовъ отвѣ-

чаетъ на этотъ вопросъ превосходная книга П. Кропоткина „Поля, фабрики и мастерскія“, а также упомянутая выше книга Бебеля. Чрезвычайный интересъ представляетъ книга Гарвуда „Обѣтованная земля“. (Сказаніе о современныхъ побѣдахъ земледѣлія въ Америкѣ“ (75 к.). Изъ приводимыхъ здѣсь фактовъ до чрезвычайности ясно слѣдуетъ, что главной отрицательной стороной совр. жизни является не недостатокъ средствъ въ жизни, а неправильное распредѣленіе ихъ между классами трудящимися и собственниками земли, машинъ и другихъ орудій производства, а также капиталовъ. Эту сторону совр. строя чрезвычайно наглядно и просто выясняетъ А. Бахъ въ I ч. своихъ „Экономическихъ очерковъ“, написанныхъ по К. Марксу (I). Ученіе этого послѣдняго, въ связи съ исторіей его времени, очень популярно изложено въ книгѣ П. Берлина „К. Марксъ и его время“ и въ книгѣ Андлера „Истор. комментаріи къ коммунистич. манифесту“. Общую картину исторіи экономич. строя съ древн. временъ даетъ Кулишеръ въ своихъ „Лекціяхъ по исторіи экономич. быта въ З. Европѣ“ (2 р.), также упомянутыя выше книги проф. Карѣева. О совр. строѣ см. проф. Иванюковъ „Экономич. жизнь совр. народовъ“ (сост. по Зомбарту) и Зомбартъ „Совр. пролетаріатъ“, еще упомянутый выше Кампфмейера „Исторія общ. классовъ въ Германіи“ (II). Послѣдняя изъ этихъ книгъ очень увлекательно и просто написана. Чупровъ въ „Исторіи политич. экономіи“ знакомитъ съ тѣми экономич. теоріями, которыя появлялись при господствѣ того или иного строя, представляя собою не что иное, какъ его формулу, обобщеніе, оправданіе, но отнюдь не идеалъ; пригодный для всякихъ условій, для всѣхъ народовъ и временъ. Для начальнаго знакомства съ современными экономич. понятіями представляютъ много удобствъ небольшіе курсы политич. экономіи Борового (1 р. 60 к.) или Кулишера (2 р.) (II). Болѣе подробные и довольно популярные учебники политич. экономіи Желѣзнова (2 р. 50) или Туганъ-Барановскаго (3 р.), впрочемъ, быть можетъ, слишкомъ обширные (III). Для начальнаго

знакомства съ другими отдѣлами экономич. науки представляютъ большія удобства, XII, XIII, XIV тт. Харьк. „Нар. Энциклопедіи“ (т. XIII—Сельскохозяйственная политика и аграрный вопросъ. Кустарные промыслы. Фабрично-заводская промышленность и законодательство. Горная промышленность. Рабочій вопросъ. Т. XIV—Борьба съ бѣдностью. Вопросы кооперацій, колонизаціи и переселенія. Пути сообщенія и средства сношеній. Торговля. Т. XII—Политич. экономія. Сельско-хозяйств. экономія. Финансовая наука. Статистика) (II). Эти три книги, популярно написанныя, даютъ систематическій обзоръ всей области экономическихъ явленій. Болѣе подробно объ отдѣльныхъ вопросахъ: О соціальномъ движеніи XIX в., кромѣ упомянутыхъ книгъ Виппера (ч. III), Блосса, Бебеля, 14-15 лекціи въ книгѣ Желѣзнова, см. въ книгѣ В. Зомбарта „Соціализмъ и соц. движеніе“ (1 р. 30 к.). О профессіональныхъ союзахъ см. Дмитріева „Проф. движеніе“ (1 р. 50), Гриневича „Профес. движеніе рабочихъ въ Россіи“ (1 р. 20 к.), Тотоміанца „Сельскохоз. кооперація“ (2 р.), его же „Потребительныя общества“ (2 р.). О сущности соціализма см. вышеуказан. соч. Бебеля, затѣмъ Туганъ-Барановскаго „Соціализмъ“ (75 к.) (III), и Беллами „Черезъ сто лѣтъ“ (I). Для начальнаго знакомства съ русской экономич. жизнью укажемъ К. Курдова „Отечествовѣдѣніе“ (1 р. 25 к.) (II), Кедрова „Учеб. сравнительной географіи Россіи“ (75 к.) (II). „Коммерч. географію“ Д. Морева (2 р.), а въ дополненіе къ ней Карышева „Трудъ“ (1 р. 25), Каблукова „Объ условіяхъ развитія рус. крестьянскаго хозяйства“ (III), Пѣшехонова „Законъ 9 Ноября“ (въ ж. „Рус. Бог.“) и интереснѣйшія пренія въ III Гос. Думѣ объ этомъ законѣ при его проведеніи. По исторіи крестьянъ см. сб. „Освобожденіе крестьянъ“, изд. „Рус. Быль“. О рус. рабочемъ вопросѣ: см. Прокоповича „Рабочій вопросъ въ Россіи“ (80 к.) и пренія въ III Гос. Думѣ по закону „О страхованіи рабочихъ“. О другихъ обществ. классахъ въ Россіи см. Н. Рубакина „Много ли въ Россіи чиновниковъ?“ (въ ж. „Вѣстникъ Европы“

1910 г. № I) и его же „Статистику тайныхъ и дѣйствительныхъ тайныхъ совѣтниковъ“ (въ газетѣ „Сынъ Отечества“ 1905 г. 30 апрѣля), его же о дворянствѣ въ ж. „Трудовой путь„ 1907 г. 10—12. О военныхъ см. его же „Военная бюрократія въ цифрахъ“ въ ж. „Рус. Мысль“ 1907 г. 1, 2, 5. О духовенствѣ: Кильчевскаго „Свѣдѣнія о духовенствѣ“ (15 к.). Общей сводной работы о русскомъ соціальномъ строѣ и обществ. классахъ въ Россіи, къ сожалѣнію, не существуетъ. Справочная книжка по этому вопросу см. Н. Рубакина „Россія въ цифрахъ“ изд. „Вѣстн. Знан.“ 1912 г. (III).

Что касается до строя матеріальной культуры, то для его общей характеристики интересно прочесть прекрасную книгу Уоллеса „Чудесный вѣкъ“ (2 р.), затѣмъ Энгельмейера „Успѣхи техники“ (50 к.) и его же „Экономич. значеніе техники“ (III). О древнѣйшемъ періодѣ исторіи матеріальной культуры см. вышеупомянутую „Антропологію“ Тайлора.

Этимъ мы и заканчиваемъ отдѣлъ „Общественной жизни“. Его заключительной главой является соціологія, т. е. наука о закономѣрности соціальныхъ явленій. Понятіе о нихъ вкратцѣ даетъ Шершеневичъ „Соціологія“ (50 к.) (III), болѣе подробно Карѣевъ „Введеніе въ соціологію“ 2 р. 50 к. (III). Изъ представителей главнѣйш. теченій русской соціологической мысли укажемъ: П. Лаврова (его „Историческія письма“ (1 р.) Н. Михайловскаго „Что такое счастье? „Что такое прогрессъ“? (въ собр. соч.), Г. Плеханова („За двадцать лѣтъ“). Объ экономическомъ матеріализмѣ популярно трактуетъ Зелигманъ „Экон. матеріализмъ“ (25 к.) (III).

На границѣ отдѣловъ соціальной и космической жизни стоятъ географія, изучающая человѣчество въ его отношеніи къ окружающей природѣ, этнографія и антропологія. Основныя понятія обо всѣхъ этихъ наукахъ можно получить изъ VI т. (ч. I—II) Харьк. „Народной энциклопедіи“. О Россіи см. „Географію Россійской имперіи“ К. Курдова (1 р. 10 к.) (II).

Переходимъ теперь къ отдѣлу космической жизни и прежде всего жизни органической, — человѣка и другихъ животныхъ, растеній, микробовъ, во первыхъ, психической, во 2-хъ, біологической. О психической жизни живыхъ существъ даютъ начальное понятіе слѣд. книги: Тархановъ „Духъ и тѣло“ (75 к.), Сикорскій „Начатки психологіи“ (1 р. 35 к.), Нечаева „Учебникъ психологіи“ (1 р.) Джемсъ „Бесѣды съ учителями по психологіи“ (50 к.). Всѣ эти книжки дополняютъ одна другую. Въ дополненіе къ нимъ см. вышеупомянутую книгу Лая. Превосходнымъ введеніемъ въ психологію можетъ служить блестяще изложенное произведеніе Тэна „Объ умѣ и познаніи“ (3 р.) (II). Очень легко читается отчасти устарѣвшая книга Карпентера „Физіологія ума“ (3 р.) (II). Болѣе подробныя руководства по психологіи: Джемса (2 р.), Гефдинга (2 р.), Нечаева „Оч. психологіи“ (2 р.) (III).

О явленіяхъ біологическихъ, о строеніи и жизни человѣч. тѣла см. увлекательно написанную книгу Лункевича „Наука о жизни“ (75 к.) или П. Бэра „Анатомія и физіологія“ (2 р.) (II). Общій обзоръ животнаго царства (сравнительно съ человѣкомъ) даетъ превосходная книжка А. Гетте „Зоологія“ (I) (40 к.). Болѣе подробные обзоры животнаго міра см. Беклей: „Побѣдители въ жизненной борьбѣ“ (животныя высшія) и „Жизнь и ея дѣти“ (животныя низшія). О растеніяхъ и ихъ жизни см. И. Бородина „Краткій учебникъ ботаники“ (Изд. Девріена) (1 р. 50 к.) и Тимирязева „Жизнь растеній“ (1 р 75 к.). Объ органической жизни вообще, о ея основныхъ явленіяхъ, о появленіи и развитіи животныхъ и растительныхъ формъ даетъ отчетливое представленіе обширный трудъ В. Лункевича „Основы жизни“ (2 т. 5 р.) (II), о томъ же очень кратко см. брошюру Гибсона „Начатки біологіи“ (изд. „Міръ“, 40 к. (I), а нѣсколько подробнѣе — книгу Крепелина „Біологія“ (2 р.). Для начинающихъ: В. Лункевича „Исторія происхожденія растеній и животныхъ“ 18 к. (I), „Законъ жизни среди животныхъ и растеній (24 к.) (I) Н. Рубакина „Когда, какъ и

почему появились люди на землѣ“ 40 к. (I). О мірѣ микробовъ, — книгу Ньюмана „Бактеріи“ (2 р.) (III).

О жизни земного шара какъ единаго цѣлаго, органической и неорганической, даетъ яркую картину замѣчательный трудъ Э. Реклю „Земля“, 6 ч. (Изд. Поповой 5 р. 60 к.). Новое изд. выходитъ у К. Тихомирова, удешевленное, съ примѣчаніями, дополненіями, указателями книгъ и предназначаемое для болѣе широкаго круга читателей. Болѣе кратко о физич. жизни земли см. — Агафоновъ „Настоящее и прошлое земли“ (2 р.), еще короче „Автобіографія земли“ Гетчинсона (75 к.). Въ эти двѣ послѣднія книги не вошла наука о погодѣ,—метеорологія. См. о ней Арчибальдъ „Метеорологія“, ц. 40 к. (II).

О минералогическомъ составѣ земного шара см. Петерсъ „Какъ живутъ камни“. Изд. Девріена (2 р.) и Нечаева „Почва“ (1 р.) (II).

Переходимъ теперь къ знакомству съ явленіями химическими, — съ превращеніями вещества, матеріальной основы мірозданія. Отмѣтимъ здѣсь прежде всего очень популярное введеніе въ этотъ отдѣлъ Лассара Кона „Химія обыденной жизни“ (Изд. Девріена, 1 р.) (II), за нею,—болѣе подробныя, очень популярныя и живо написанныя руководства — Д. Коченовскаго („Кратк. курсъ химіи неорганической и органической“, изд. Девріена, 1 р. 20 к.) или К. Дементьева „Начальный курсъ химіи“, изд. Пирогов. тов. (1 р. 80 к.) (III).

Введеніемъ въ физику, т. е. науку, изучающую превращеніе энергіи, можетъ служить книга Пфаундлера „Физика обыденной жизни“ (3 р.) (II), а въ дополненіе къ ней— прекрасное изданіе И. Сытина „Основные вопросы физики въ элементарномъ изложеніи“ (2 ч. 4 р.), о новыхъ открытіяхъ въ физикѣ см. Ветгэмъ „Совр. развитіе физики“ (2 р.) (III).

Съ устройствомъ неба можно познакомиться изъ книгъ: Клейна „Астрономическіе вечера“ (2 р.), его же „Прошлое, настоящее и будущее вселенной“ (2 р.). Фламмаріона „Общедоступная астрономія“, изд. Павленкова, 75 к.

Его же „Разсказы о небѣ“ (50 к.) или „Начатки астрономіи“ (80 к.) (I).

О Вселенной какъ о единомъ цѣломъ даютъ яркое представленіе книги Л. Бюхнера „Сила и матерія“ (II) или Э. Геккеля „Міровыя загадки“ (III). Общую картину развитія Вселенной подробно излагаетъ К. Штерне „Эволюція міра“, а короче — Гюйаръ „Исторія міра“ (1 р.). Философское резюме общей картины міровой эволюціи далъ Г Спенсеръ въ своихъ „Основныхъ началахъ“ и (кратко) въ статьѣ „Прогрессъ, его законы и причины“ (въ собр, соч, изд. подъ ред. Н. Рубакина). Эта послѣцняя статья Спенсера, а также книги Бюхнера, Штерне, Гюйара удобны для начинающихъ читателей тѣмъ, что позволяютъ имъ систематизировать свои знанія объ органической и неорганической, а, отчасти, и соціальной жизни. Знаменитая книга Дрэпера „Исторія умств. развитія Европы“ раскрываетъ передъ читателемъ потрясающую картину борьбы стараго и новаго міросозерцаній. Разбираться въ этомъ послѣднемъ помогаютъ извѣстныя книжки Н. Карѣева „Бесѣды о выработкѣ міросозерцанія“ (50 к.), „Письма къ учащейся молодежи“ (50 к.), „Мысли объ обществ. дѣятельности“ (50 к.).

Но выработка общаго и разносторонняго міросозерцанія этимъ еще не кончается. Необходимо отвѣтить еще на основной философскій вопросъ „что есть истина“? И какъ; какими способами итти къ ней и доходить до нея, какими методами при этомъ пользоваться? Какъ отличать, наконецъ, истину отъ заблужденія? Отвѣты на эти вопросы надо искать въ книгахъ по логикѣ, теоріи познанія, наконецъ, философіи, которая представляетъ изъ себя общую связь всѣхъ вышеперечисленныхъ отдѣловъ. Для начальнаго знакомства съ логикой см. „Учебникъ логики“ Джевонса (2 р.) или Минто (1 р. 75 к.); по теоріи познанія — брошюры Кронеберга „Кантъ“ (Изд. О. Поповой) и Шарвина „Какъ создается наука“ (популярное изложеніе идей несогласнаго съ Кантомъ Э. Маха, 50 к.) (всѣ II). Наиболѣе популярной кни-

гой по исторіи философіи до сихъ поръ приходится считать „Исторію философіи въ біографіяхъ“ Д. Льюиса, впрочемъ, во многомъ устарѣвшую и нѣсколько одностороннюю. Изъ новыхъ можно рекомендовать начинающимъ читателямъ: Арнима „Исторію античной философіи“ (1 р. 50 к.) и Гефдинга „Учебникъ новой философіи“ [1]) (1 р. 75 к.) и, болѣе полно,—его же „Исторія новѣйшей философіи“ (2 р.) (III). Всѣ эти книги написаны не достаточно популярно. Быть можетъ для начала знакомства съ философскими книгами, не мѣшаетъ прочитать П. Лаврова „Три бесѣды по философіи“ и Куно Фишера „Фр. Бэконъ. Реальная философія и ея вѣкъ“ (II) и блестяще написанное „Введеніе въ философію“ Паульсена (III).

Но и этимъ еще не кончается работа. Мыслящій человѣкъ долженъ не только понимать то, что есть, то, что существуетъ, но и выработать себѣ опредѣленные идеалы,— личные и общественные. Списокъ, нами составленный, не преслѣдуетъ цѣли навязывать или подсказывать ихъ. Его цѣль — помочь ихъ выработкѣ. А вырабатывать свои идеалы — это дѣло самого читателя, это вопросъ его интересовъ, нуждъ, потребностей, чаяній и мечтаній.

Здѣсь мы говорить объ этомъ не намѣрены, это въ другой разъ и въ другомъ мѣстѣ.

* * *

Этимъ мы и закончимъ нашъ списокъ, и безъ того довольно длинный. Книгъ по математикѣ мы не вводили въ него. Другія книги, нами указанныя, отвѣчаютъ, въ своей совокупности, на всѣ вопросы намѣченной нами программы. Въ приложеніи къ этой книгѣ мы даемъ о рекомендуемыхъ нами книгахъ болѣе подробныя указанія и увеличиваемъ число ихъ, вводя въ нашъ списокъ книги, подходящія для читателей разныхъ типовъ. Тамъ же мы

---

[1]) Довольно живо и относительно популярно написана его же „Исторія новѣйшей философіи“ (XIX в.). „Учебникъ“ тоже доведенъ до послѣдняго времени.

дѣлаемъ попытку распредѣленія рекомендуемыхъ книгъ по типамъ согласно основной идеѣ этой нашей книжки.

При чтеніи нашего списка у многихъ читателей, навѣрное, возникнетъ вопросъ: да мыслимо ли среднему русскому читателю одолѣть такую уйму книгъ? Вѣдь на это потребуется масса времени и труда. Но не бойтесь, читатель, — книги указаны въ нашемъ спискѣ не для того, чтобы вы прочитали ихъ непремѣнно всѣ, хотя, разумѣется, „могій вмѣстити да вмѣститъ“. Мы даемъ нашъ списокъ для того, чтобы изъ него вы сами могли выбирать подходящія, а главное — нужныя для васъ книги по тѣмъ именно вопросамъ, которые васъ наиболѣе интересуютъ, при этомъ не упуская изъ виду общей системы знанія, общей схемы міроздания и міросозерцанія, — отраженія его въ человѣческомъ умѣ. Идите же по дорогѣ къ знанію по мѣрѣ вашихъ силъ и возможностей. Идите, не боясь ни количества книгъ, ни трудностей, сопряженныхъ съ вашей самообразовательной работой. Передъ вами и теперь ясно видна цѣль вашей работы, и планъ ея, и способы для его осуществленія. Ваше дѣло, насколько именно вы сумѣете воспользоваться указанными вамъ средствами. Вамъ никто не поможетъ, пока вы сами себѣ не приметесь помогать, и пока сами не станете руководить чужою помощью. Но во всякомъ случаѣ никогда и нигдѣ не унывайте, даже передъ самыми тяжелыми неудачами, буде таковыя и случатся. Да если и случатся онѣ, то все-таки вѣрьте, что навѣрно есть гдѣ-нибудь на свѣтѣ люди, которые навѣрно не откажутся вамъ помочь въ вашихъ свѣтлыхъ стремленіяхъ и свою бодрость прибавятъ къ вашей. И не забывайте еще, что однимъ изъ нихъ, — навсегда останется пишущій эти строки, который искренне и отъ всей души былъ-бы радъ чѣмъ-нибудь помочь, и вамъ, какъ и другимъ, въ вашей работѣ, если вы будете и впредь писать ему, заказными письмами, по его постоянному адресу [1]),

---

[1]) Suisse, Clarens, N. Roubakine.

къ которому приковала его, надо полагать, еще на многіе годы тяжелая болѣзнь...

Этими словами мы закончили наши „Письма къ читателямъ“ въ „Нов. Журналѣ для всѣхъ“, который, не смотря на свой небольшой объемъ, открылъ свои страницы для начатаго нами дѣла. Продолженіемъ ихъ, для читателей болѣе подготовленныхъ, служитъ нашъ большой трудъ „Среди книгъ“, къ которому и отсылаемъ всѣхъ желающихъ.

Но и на этомъ наше дѣло не окончится, и, приступая къ его продолженію, мы, прощаясь съ читателями, заканчиваемъ наши „Письма“, адресованныя ко всѣмъ имъ, нашей прежней просьбой: о всѣхъ трудностяхъ самообразованія, о всѣхъ обстоятельствахъ и условіяхъ, съ нимъ связанныхъ,—пишите, не стѣсняясь отнимать у насъ времени. Каждое письмо, нами получаемое отъ читателя, дождется отъ насъ отвѣта, а намъ тоже поможетъ разбираться во всѣхъ трудностяхъ, связанныхъ съ самообразованіемъ, а значитъ, и въ свою очередь облегчитъ наше общее дѣло,—дѣло служенія богу свѣта и добра Ормузду въ его борьбѣ съ богомъ тьмы и зла Ариманомъ.

Итакъ, до свиданія, дорогіе читатели...

ДОПОЛНЕНІЕ I.

Гдѣ и какъ началась работа надъ распространеніемъ высшаго образованія въ народныхъ массахъ.

Одна изъ самыхъ существенныхъ и чисто практическихъ задачъ современности заключается въ томъ, чтобы поднять уровень умственнаго развитія и научныхъ знаній въ самыхъ широкихъ кругахъ населенія на наибольшую высоту, какая только мыслима при данномъ экономическомъ положеніи массы, независимо отъ ея положенія политическаго.

Какъ же это сдѣлать? Какъ осуществить на практикѣ? Какая форма его осуществленія примѣнима при данныхъ условіяхъ и ведетъ къ наибольшимъ результатамъ?

Отвѣтъ на это даетъ исторія распространенія высшаго образованія въ т. наз. „низшихъ“ классахъ населенія. Общій ходъ этой исторіи мы и намѣрены изложить здѣсь въ немногихъ словахъ,—напомнить о немъ нашимъ читателямъ.

Систематическія школы для рабочаго люда, занятаго день-деньской на фабрикахъ и въ мастерскихъ, появились нѣсколько вѣковъ тому назадъ. Появились онѣ въ скромномъ видѣ воскресныхъ школъ, которыя устраивались духовенствомъ при церквахъ и монастыряхъ. Ихъ устраивали и католики и протестанты. Это были очень скромныя школы: обучались въ нихъ преимущественно дѣти, преподавались въ нихъ законъ Божій, чтеніе и письмо. Со временъ Лю-

тера, послѣ того, какъ знаніе катихизиса и умѣнье читать и писать сдѣлались необходимыми для конфирмаціи, воскресныя школы въ протестантскихъ странахъ быстро размножились. Это были преимущественно школы религіознаго типа, и одною изъ самыхъ существенныхъ цѣлей ихъ было насажденіе въ новыхъ поколѣніяхъ опредѣленнаго вѣроученія, догматовъ, авторитета. Въ концѣ прошлаго вѣка, подъ вліяніемъ экономическихъ и политическихъ перемѣнъ, происшедшихъ въ общественной жизни, и непреоборимаго развитія общественной, научной и философской мысли, въ воскресныхъ школахъ стала замѣтна глубокая перемѣна: онѣ пріобрѣли свѣтскій характеръ. Въ нихъ появились свѣтскіе учителя, а курсъ преподаваемыхъ наукъ мало-по-малу расширялся. Появились (сначала въ Вюртембергѣ, а потомъ и въ другихъ странахъ) воскресныя школы ремесленныя, для обученія ремесламъ или для усовершенствованія ихъ. Стремленіе къ пріобрѣтенію образованія, быстро возраставшее въ народной массѣ отъ тѣхъ же самыхъ причинъ, о которыхъ только что было упомянуто, скоро повело къ дальнѣйшему расширенію программы воскресныхъ школъ. Стали основываться такъ называемыя „школы для усовершенствованія“ (Ergänzungsschulen), школы для продолженія образованія (Fortbildungsschulen) и т. д. Воскресныхъ часовъ для преподаванія уже съ самаго начала оказалось недостаточно: пришлось прибавить къ нимъ вечерніе часы по буднямъ. Можно было ожидать, что рабочій, занятой людъ, проработавъ гдѣ-нибудь на фабрикѣ или въ мастерской 12—16 часовъ, несмотря на все свое желаніе учиться, откажется итти въ школу послѣ такой тяжелой и утомительной работы. Ожиданія эти не сбылись: нашлись многочисленные посѣтители и для вечернихъ занятій... Тогда, подъ напоромъ этихъ неустанныхъ требованій снизу, еще болѣе разрослись программы воскресныхъ и вечернихъ школъ. Появились такія школы всевозможныхъ типовъ: ремесленныя, техническія, земледѣльческія, рисовальныя, школы для продолженія образованія какъ по отдѣльнымъ наукамъ,

такъ и по болѣе или менѣе широкому кругу наукъ. Въ этомъ отношеніи интересны такъ называемые вечерніе „курсы“, устраиваемые въ англійскихъ Mechanics instituts.

Мы сказали, что голоса, требующіе того, чтобы и рабочимъ людямъ была дана возможность получать образованіе, шли снизу. Это было требованіе жизни, а не только выводъ изъ теорій, выдвинувшихъ на первый планъ человѣческую личность, ея право на жизнь, на гражданскую свободу, на образованіе и развитіе,—изъ идеи соціальнаго равенства и равноцѣнности всѣхъ людей. Интеллигенція, можно сказать, всѣхъ странъ Западной Европы, услышавъ эти требованія жизни, пошла къ нимъ навстрѣчу и формулировала ихъ въ научно-философскихъ и соціальныхъ теоріяхъ. Въ дѣлѣ преподаванія въ воскресныхъ и вечернихъ школахъ и въ чтеніи лекцій приняли участіе еще въ началѣ нынѣшняго столѣтія профессора высшихъ учебныхъ заведеній, писатели, врачи, педагоги, старые и молодые люди всѣхъ званій и положеній, чуткіе сердцемъ и не желавшіе сидѣть сложа руки. По мѣрѣ того, какъ въ сознаніи массъ укрѣплялась мысль о необходимости для нихъ возможно широкаго образованія, возрасталъ и успѣхъ воскресныхъ школъ. Массы желающихъ, преимущественно изъ низшихъ классовъ населенія, устремлялись толпами и въ этотъ узкій выходъ, все-таки ведущій къ свѣту. И вотъ что еще замѣчательно: тѣхъ немногихъ часовъ, которые проводили взрослые ученики въ школѣ, — тѣхъ 5—6 часовъ въ недѣлю, — было уже достаточно, чтобы осмыслить и освѣтить всю работу самоученія, какую каждый велъ на дому. Благодаря даже тѣмъ, въ сущности ничтожнымъ, но разумно-практическимъ указаніямъ, какія получались въ школахъ рабочимъ народомъ, стремившимся къ самовооруженію знаніемъ и пониманіемъ, уже меньше тратилось силъ; занимающіеся знали, куда и зачѣмъ они идутъ. Такимъ образомъ, несмотря на то, что занятія въ воскресныхъ и вечернихъ школахъ ведутся далеко не каждый день, несмотря на то, что школы эти держатъ учениковъ или учениць въ

своихъ стѣнахъ относительно ничтожное количество часовъ, — несмотря на все это, воскресныя и вечернія школы дали возможность сотнямъ тысячъ людей и въ относительно короткое время подвинуться къ свѣту. Воскресныя школы охватили всѣ области образованія. Въ однѣхъ школахъ курсъ былъ одинаковъ съ курсомъ начальной школы, въ другихъ шире, въ третьихъ еще шире. Въ нѣкоторыхъ школахъ (а въ настоящее время ихъ насчитываютъ сотнями тысячъ), тоже подъ напоромъ жизни, т. е. въ удовлетвореніе все болѣе и болѣе назрѣвающихъ стремленій къ свѣту, къ самообразованію въ широкихъ массахъ, стали преподаваться тѣ предметы, которые до того времени преподавались лишь въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, и даже въ томъ же размѣрѣ, какъ въ этихъ послѣднихъ, но только въ упрощенномъ изложеніи, приспособленномъ для даннаго соціальнаго типа читателя: слушатели, такъ сказать, вводились въ область данной науки; лекторъ знакомилъ ихъ съ извѣстнымъ кругомъ фактовъ и понятій, входящихъ въ данную науку, объяснялъ законы явленій, приводилъ извѣстное количество фактовъ главнѣйшихъ, основныхъ, на которыхъ опираются данныя обобщенія, знакомилъ съ методами изслѣдованія. Кто хотѣлъ знакомиться съ такой-то наукой болѣе подробно, тотъ уже зналъ, что для этого нужно дѣлать: онъ получалъ въ школѣ и эти знанія. Ихъ давали ему дѣльные, опытные, свѣдущіе учителя. А среди нихъ стали появляться и профессора высшихъ учебныхъ заведеній. Такимъ образомъ, въ нѣкоторыхъ воскресныхъ и вечернихъ школахъ, переполненныхъ людьми изъ народа, появились не только педагоги, т. е. профессіональные распространители знаній, но и настоящіе люди науки, появились и самыя науки въ такомъ же одѣяніи и въ такомъ же почти объемѣ, какими онѣ до того времени являлись лишь въ университетахъ или въ аристократическихъ Colleges, куда имѣютъ возможность попадать лишь достаточные люди (т. е. изъ командующихъ классовъ, которымъ и безъ того живется не худо при нынѣшнемъ укладѣ обще-

ственной жизни). Этого факта сначала никто не замѣтилъ, и никто не подумалъ еще возвести его въ систему, но это былъ фактъ глубочайшей важности, что и не замедлило обнаружиться съ ходомъ исторіи.

Произошло это въ семидесятыхъ годахъ XIX столѣтія. Тогда именно началось въ Англіи такъ называемое „движеніе въ пользу расширенія университетовъ“ (University Extension Movement) [1]). Движеніе это началось на этотъ разъ не снизу, не со стороны рабочихъ, а сверху, со стороны образованнѣйшихъ людей Англіи, среди которыхъ уже въ достаточной степени выработалось сознаніе того, до какой степени необходимо, въ цѣляхъ общаго блага, справедливости, повышеніе умственнаго уровня рабочихъ массъ до возможной высоты. Народная масса показала лишь свою готовность и свое горячее желаніе пріобрѣсть образованіе; организація же дѣла, постановка и осуществленіе его были созданы усиліями университетскихъ людей.

Началось глубокое и широкое движеніе, ставящее цѣлью „привести университетъ къ народу, если народъ не имѣетъ возможности притти къ университету“.

Въ этомъ явленіи нельзя не видѣть замѣчательнаго знаменія времени, — а именно въ томъ обстоятельствѣ, что это движеніе, направленное къ созданію общедоступныхъ и народныхъ университетскихъ курсовъ, исходитъ изъ университетовъ старыхъ. Эти почтенныя учрежденія, ветхія денми (нѣкоторыя, напр. Оксфордскій университетъ, существуютъ уже по полтысячи лѣтъ), поняли, что вокругъ нихъ многое уже измѣнилось: наступили новыя времена, прилетѣли новыя птицы, запѣли новыя пѣсни... Университеты англійскіе какъ бы вспомнили, что, кромѣ этихъ богатыхъ студентовъ, носящихъ знаменитыя фамиліи и платящихъ за свое обученіе тысячи рублей, существуютъ и

---

[1]) Очеркъ этого движенія написанъ по статьямъ Янжула („В. Е.“ 1890 г., 2—3), Окольскаго („Р. М“. 1892 г., 1—3). Также см. Revue nternationale de l'enseignement, Revue scientifique. 1890 г. и др.

другіе люди, не менѣе, если не болѣе даровитые, но не имѣющіе возможности столько платить... Не народъ вошелъ въ университетъ, а университетская наука выступила, въ лицѣ своихъ профессоровъ, лекторовъ, тьюторовъ и т. д., изъ мрачныхъ, носящихъ слѣды средневѣковья зданій и двинулась въ провинцію: въ города, мѣстечки, деревни. Произошло это слѣдующимъ образомъ.

Еще въ 1850 году нѣкто Маркъ Патиссонъ доказывалъ, что университетъ долженъ распространить свое вліяніе на весь народъ и быть общимъ источникомъ знаній для всего народа, что онъ долженъ „пустить корни въ самые глубокіе народные слои и извлечь оттуда новые элементы жизни, нравственной и умственной силы“. Но эта въ высшей степени справедливая мысль не получила въ то время своего осуществленія. Она еще была чужда широкимъ массамъ англійской ителлигенціи. Семнадцать лѣтъ понадобилось на то, чтобы она распространилась въ обществѣ и назрѣла. Но когда въ 1867 году профессоръ Оксфордскаго университета Джемсъ Стюартъ взялся за ея осуществленіе, онъ нашелъ почву уже готовой.

Движеніе началось какъ-то само собой. Въ Англіи до сего времени существуютъ такъ называемыя „дамскія образовательныя общества“ (Ladies Educational Associations). Одно изъ такихъ обществъ [1]) обратилось въ 1867 г. къ профессору Стюарту и просило его прочесть для членовъ общества лекцію по астрономіи. Стюартъ отвѣчалъ, что читать одну лекцію онъ считаетъ безполезнымъ, но готовъ прочесть цѣлый рядъ лекцій, которыя въ своей совокупности представятъ общій очеркъ науки. Условія Стюарта были приняты, и его лекціи имѣли большой успѣхъ. Онъ читалъ ихъ такъ же научно и въ томъ же размѣрѣ, какъ и студентамъ университета. Онъ только старался говорить сколь возможно яснѣе и проще, избѣгалъ употреблять не-

---

[1]) Впослѣдствіи получившее названіе North of England Counsil or the Education of Women (Сѣверо-англійскій комитетъ для образованія женщинъ).

понятныя, отвлеченныя слова, не предполагая въ своихъ слушателяхъ большой научной подготовки. Въ томъ же году, осенью, профессоръ читалъ свои лекціи и въ Манчестерѣ, и въ Лидсѣ, Шеффильдѣ, Ливерпулѣ. Всѣ эти лекціи устраивались пока исключительно для лицъ женскаго пола. Уже въ это время профессоръ Стюартъ выработалъ замѣчательно практическую постановку лекцій, каковая въ сущности и объясняетъ, въ значительной степени, ихъ успѣхъ. Эта-то постановка и облегчила изученіе и усвоеніе различныхъ наукъ людямъ, сравнительно мало подготовленнымъ къ нимъ. На этой сторонѣ дѣла нельзя не остановить вниманія нашихъ читателей.

Профессоръ Стюартъ прежде всего задался цѣлью чтобы лекціи, которыя онъ читалъ, дѣйствительно *усваивались его слушателями*. Но для того, чтобы усвоить знанія, еще не достаточно просидѣть часъ-другой въ школѣ, да тѣмъ и удовольствоваться, а нужно еще дѣйствительное желаніе познакомиться съ предметомъ, нужна самодѣятельность. Стюартъ именно и обратилъ главное свое вниманіе на развитіе этой самодѣятельности, не только не подавляя ея, но на нее-то и опираясь. Прежде всего, передъ каждой своей лекціей онъ составлялъ подробный конспектъ того, о чемъ онъ былъ намѣренъ читать; конспектъ этотъ представлялъ собой какъ-бы скелетъ лекціи. Имѣя его передъ глазами во время лекціи, каждый слушатель могъ безъ труда слѣдить за изложеніемъ профессора и не терять нити разсужденія. Такимъ образомъ, составленіе записокъ упразднялось само собой. Свои конспекты, или „силлабусы“, Стюартъ раздавалъ слушателямъ передъ лекціями, но этого было мало. Желая провѣрить, что выносятъ слушатели изъ его лекцій, профессоръ послѣ каждой лекціи предлагалъ желающимъ нѣсколько темъ, непосредственно затрогивающихъ ту или иную сторону вопроса, котораго онъ только-что касался на лекціи. Желающимъ онъ предлагалъ написать на эти темы краткія разсужденія, которыя и должны были показать, насколько лекція усвоена

Успѣхъ этого пріема превзошелъ всѣ ожиданія: послѣ первой же лекціи триста слушательницъ прислали профессору свои работы. Очевидно, пріемъ Стюарта всѣмъ понравился и внесъ еще большее оживленіе въ это живое дѣло.

Результаты его не замедлили сказаться еще въ томъ, что возросло и число читателей въ мѣстныхъ библіотекахъ. Это явленіе понятно само собой: подъ вліяніемъ лекціи, въ умахъ слушательницъ возникли новые вопросы, отвѣты на которые, разумѣется, онѣ стали искать въ книгахъ.

Еще больше оживилось дѣло, когда проф. Стюартъ послѣ каждой лекціи сталъ устраивать такъ называемый „классъ“. Этотъ классъ — не что иное какъ оживленная бесѣда профессора со своими слушателями по поводу только-что прочитанной или же предшествующей ей лекціи. Слушатели предлагаютъ вопросы, требуютъ разъясненій нѣкоторыхъ темныхъ мѣстъ; профессоръ даетъ эти разъясненія; на почвѣ общаго обмѣна мыслей завязывается споръ, сопровождающійся нерѣдко большими экскурсіями въ область другихъ наукъ; кругозоръ расширяется, уясняется связь наукъ; непосредственное общеніе слушателей съ человѣкомъ, стоящимъ гораздо выше по умственному развитію и преданнымъ общеполезному дѣлу, дѣйствуетъ на всѣхъ самымъ обаятельнымъ и ободряющимъ образомъ...

Услышавъ объ успѣхѣ лекцій Стюарта, желѣзнодорожные рабочіе въ Крью (Krewe) предложили ему прочесть лекцію и среди нихъ.

Тамъ лекціи тоже имѣли успѣхъ.

Затѣмъ Стюартъ читалъ ихъ въ Рёчделѣ. Вскорѣ его примѣръ вызвалъ подражаніе. Наконецъ, на дѣятельность Стюарта обратили вниманіе университеты, и съ начала семидесятыхъ годовъ дѣло университетскихъ курсовъ для народа прочно становится на ноги. Съ дальнѣйшимъ развитіемъ дѣла тоже связано почтенное имя Джемса Стюарта.

Желая развить устройство университетскихъ курсовъ для народа, Стюартъ уже на первыхъ шагахъ встрѣтилъ весьма важныя затрудненія. Главное затрудненіе состояло въ томъ, что для такихъ курсовъ не находилось достаточно опытныхъ и компетентныхъ руководителей. И вотъ, чтобы обойти это затрудненіе, Стюартъ обратился въ 1871 г. съ письмомъ къ Кембриджскому университету. Въ письмѣ своемъ Стюартъ требовалъ, чтобы такое важное и глубоко полезное дѣло взялъ въ свое вѣдѣніе университетъ. „Университеты, — писалъ Стюартъ, — составляютъ учрежденіе національное, слѣдовательно, и должны заботиться о развитіи системы образованія, обѣщающей столько пользы народу. Образованіе не можетъ заканчиваться начальнымъ училищемъ, оно не можетъ быть достигнуто также посредствомъ отдѣльныхъ публичныхъ лекцій, не стоящихъ въ связи между собою. Университеты должны руководить ими на пользу народа“ [1]).

Письмо Стюарта сразу обратило на себя вниманіе общества. До какой степени вопросъ о высшемъ образованіи народа въ это время уже назрѣлъ, видно изъ того, какъ горячо отозвалось общество на мысль Стюарта. Изъ разныхъ мѣстъ во всѣ англійскіе университеты посылались заявленія различныхъ обществъ, клубовъ, ассоціацій, частныхъ лицъ, поддерживающихъ „требованіе“ Стюарта. Появилось множество статей и брошюръ съ тѣмъ же содержаніемъ. Городское управленіе Ноттингема оффиціально обратилось къ Кембриджскому университету съ просьбой доставить ему лекторовъ и выработать по разнымъ наукамъ планъ высшаго образованія для народа. Подъ такимъ давленіемъ общественнаго мнѣнія Кембриджскій университетъ въ 1872 году назначилъ особую комиссію, которая и разсмотрѣла во всѣхъ подробностяхъ вопросъ объ устройствѣ систематическихъ курсовъ въ провинціальныхъ городахъ.

---

[1]) Проф. Окольскій. „Р. М.“ 1892 г., № 2, стр. 8.

Прошелъ годъ — и мы видимъ Кембриджскій университетъ уже стоящимъ во главѣ движенія, получившаго названіе „расширеніе университета“. Дѣйствительно, теперь, по прошествія почти 50 лѣтъ, съ полнымъ правомъ можно сказать, что университетъ дѣйствительно расширился и увлекъ въ общій потокъ просвѣтительнаго движенія десятки тысячъ людей всѣхъ слоевъ и положеній и далъ имъ доступъ къ высшимъ областямъ мысли и знанія. Нѣсколько лѣтъ спустя, къ движенію University Extension присоединились университеты Лондонскій и Оксфордскій, а затѣмъ и Дургемскій. Четыре университета вскорѣ вошли въ сношенія одинъ съ другимъ. Въ Лондонѣ было устроено „Союзное бюро“ (Joint Board), въ которомъ состоятъ делегаты (выборные) университетовъ.

Организація университетскаго образованія для народа, выработанная практикой и теоріей, въ общемъ очень несложна. Если въ какомъ-либо городѣ или мѣстечкѣ найдутся желающіе устроить у себя „университетскіе курсы“, они заявляютъ объ этомъ бургомистру, тотъ собираетъ митингъ (сходку), на которой и обсуждается проектъ устройства такихъ курсовъ. Въ обсужденіи участвуютъ всѣ присутствующіе горожане, все общество. Оно утверждаетъ проектъ, оно выбираетъ комитетъ, который долженъ завѣдывать курсами, оно же выбираетъ и секретаря, на обязанность котораго ложится вся канцелярская сторона дѣла. Въ комитетъ выбираются по возможности представители всѣхъ классовъ населенія какъ города, такъ и его окрестностей: члены городского совѣта, духовныя лица, учителя, учительницы, рабочіе, крестьяне и т. д. Словомъ, и починъ въ этомъ дѣлѣ и участіе въ немъ широко предоставлено всему обществу. Университетъ отъ себя даетъ только лекторовъ, за компетентность которыхъ, за ихъ знанія и умѣнье онъ ручается. Даже тѣ науки, по которымъ предполагаются лекціи, избираются слушателями, а не университетомъ.

На первый взглядъ такая система образованія, весьма возможно, покажется очень странной. И дѣйствительно,

она очень своеобразна. Но ей нельзя отказать ни въ разумности ни въ практичности. Не слѣдуетъ забывать, что на курсы записываются лишь лица взрослыя, съ достаточно опредѣленными и сознательными запросами. Знанія, которыя они желаютъ получить, не прихоть, а потребность, глубокая и назрѣвшая потребность, вытекающая изъ всей совокупности жизненныхъ условій, въ какихъ этимъ людямъ приходится существовать и отстаивать не только свое нравственное право на лучшее существованіе, но и права на существованіе вообще. Кто же лучше самихъ этихъ людей знаетъ ихъ потребности? Безспорно, было бы очень хорошо, да и сами они, вѣроятно, пожелали бы познакомиться съ законченнымъ цикломъ наукъ, если бы это было для нихъ только возможно. Но это возможно лишь для немногихъ обезпеченныхъ счастливцевъ, изъ которыхъ, къ сожалѣнію, далеко не всѣ этою возможностью пользуются. Народъ, рабочая масса, требуетъ тѣхъ знаній, которыя, во-первыхъ, нужны, во-вторыхъ — интересны, а въ этотъ кругъ входятъ далеко не всѣ науки. Университеты давая своихъ лекторовъ, идутъ навстрѣчу запросамъ народа.

Впрочемъ, съ какихъ бы наукъ ни начиналось образованіе, оно, какъ мы это видѣли, ими ограничиться не можетъ: изученіе одной науки необходимо возбуждаетъ влеченіе къ другой; науки втягиваютъ въ свой кругъ человѣка, изучающаго ихъ, и область тѣхъ вопросовъ, которые кажутся интересными и важными, чрезвычайно быстро расширяется. Ниже мы увидимъ, что во многихъ мѣстахъ университетскіе курсы существуютъ подъ-рядъ по нѣскольку лѣтъ; циклъ наукъ, какія на нихъ читаются, мѣняется съ каждымъ годомъ, и очень многіе слушатели посѣщаютъ курсы изъ года въ годъ, все пополняя и пополняя свои знанія. Такимъ образомъ, нельзя не признать, что и въ этомъ отношеніи постановка дѣла весьма разумна. Университеты ничего не навязываютъ, но даютъ все, чего отъ нихъ просятъ, въ полной увѣренности, что умственные

потребности и запросы расширяются быстрѣе всякихъ другихъ, и это совершается неизбѣжнымъ образомъ.

Впрочемъ, программа курсовъ довольно обширна и захватываетъ всѣ главныя области жизни, мысли, даже практики, вплоть до техники. Курсы раздѣляются на три группы: курсы по исторіи, словесности и общественнымъ наукамъ, курсы по естествознанію и математическимъ наукамъ и, наконецъ, курсы изящныхъ искусствъ. Въ группу естественно-математическихъ наукъ входятъ: астрономія, физика, химія, физическая географія, минералогія и геологія, ботаника и зоологія, физіологія и анатомія растеній и животныхъ. Изъ этого сухого перечисленія можно уже видѣть, что слушателямъ курсовъ предоставлена возможность познакомиться съ разныхъ сторонъ съ дивнымъ устройствомъ міроздания. Вторая группа наукъ (исторія и общественныя науки) охватываетъ такія науки, какъ логику и психологію, исторію (исторію литературы, философіи, науки, общественныхъ учрежденій, права, религіи, искусства и т. д.), политическую экономію, законовѣдѣніе, философію, и, кромѣ того, въ нее же входятъ нѣкоторые иностранные языки. Словомъ,—человѣкъ, семья, общество, племя, народъ, государство и человѣчество — освѣщаются этой группой наукъ съ разныхъ сторонъ. Полный курсъ установился самъ собой, изъ опыта, и включаетъ 6 семестровъ, или три года. Но это для людей относительно свободныхъ. Люди же, имѣющіе возможность посвящать нѣкоторое время занятіямъ лишь по вечерамъ, остаются слушателями курсовъ, гдѣ есть возможность, и шесть и даже восемь лѣтъ. Изъ всего предыдущаго видно, что посѣтители курсовъ не только находятъ для себя пріятнымъ и важнымъ находиться въ постоянномъ личномъ сношеніи съ людьми науки и знанія, но и стремятся получить именно общее образованіе, о которомъ мы говорили выше. Объ этомъ же свидѣтельствуютъ отчеты университетовъ. Такъ, отчетъ Оксфордскаго университета, между прочимъ, говоритъ: „Помимо элементарнаго образованія и спеціальныхъ видовъ техническаго и

профессіональнаго, существуетъ еще потребность высшаго образованія, которое развиваетъ духъ до высшихъ предѣловъ его возможной дѣятельности, расширяетъ разумъ и даетъ возможность одинаково, какъ мужчинамъ, такъ и женщинамъ, наилучшимъ и плодотворнѣйшимъ образомъ пользоваться ихъ досугомъ".

Система, впервые введенная Стюартомъ, удерживается на университетскихъ курсахъ до сего времени. Лекторы заранѣе составляютъ для каждой лекціи конспектъ, или силлабусъ. На немъ не только помѣщены основныя положенія или планъ лекціи, но и указаны книги и статьи, которыя помогутъ лучше усвоить предметъ данной лекціи, — словомъ, указана литература предмета. Кромѣ того, нѣкоторые лекторы выставляютъ на силлабусѣ рядъ вопросовъ, давая отвѣтъ на которые слушатель можетъ провѣрить свои знанія. Отъ времени до времени лекторы предлагаютъ темы для письменныхъ работъ. Послѣ лекціи они устраиваютъ такъ называемый „классъ".

Мы уже сказали, что во главѣ движенія University Extension („расширенія университета") стали четыре университета. Каждый городъ, каждое мѣстечко можетъ обращаться къ любому изъ нихъ, не стѣсняясь разстояніемъ. Бываетъ иногда такъ, что какой-либо мѣстный комитетъ въ этомъ году обращается къ Кембриджскому, въ слѣдующемъ году къ Лондонскому, и т. д. Университетамъ вполнѣ чуждъ духъ соперничества, хотя и не чуждо благородное соревнованіе. Всѣ они идутъ къ общей цѣли рука объ руку, имѣя въ виду прежде всего образованіе народа. Главная ихъ задача — рекомендовать мѣстнымъ комитетамъ дѣятельныхъ и способныхъ лекторовъ, людей знающихъ и умѣлыхъ. Каждый университетъ, прежде чѣмъ рекомендовать какого-либо лектора, производитъ краткое испытаніе ему, изслѣдуетъ, такъ сказать, его научную и педагогическую подготовку. Университетъ преимущественно выбираетъ людей молодыхъ, полныхъ жизни, и это вполнѣ понятно. Лекторъ вліяетъ на слушателей не только тѣми

знаніями, которыя сообщаетъ, но и своей личностью: огонекъ профессора передается студентамъ. Дѣятельность лекторовъ отвѣтственна и не легка. Нужно много силъ и чувства, чтобы въ короткое время сдѣлать многое, чтобы въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ сряду странствовать по желѣзнымъ дорогамъ изъ города въ городъ, дѣлая по тысячѣ миль въ теченіе полугода, читать въ недѣлю 3—4 лекціи днемъ и лекцій 5 вечеромъ, причемъ каждую лекцію сопровождать „классомъ“, т. е. бесѣдой съ учениками.

Университетскіе курсы для народа начинаются въ концѣ сентября, продолжаются до конца апрѣля. Рождественскіе праздники раздѣляютъ ихъ на 2 семестра; каждый изъ семестровъ продолжается 13 недѣль. На каждый семестръ приходится отъ 6—13 лекцій (по каждому предмету). Лекціи бываютъ не каждый день, чаще по вечерамъ. Цѣль лекторовъ — не столько обученіе, сколько пріученіе слушателей къ самостоятельному мышленію, къ самостоятельнымъ умственнымъ занятіямъ и къ пониманію научнаго метода. Лекторы прежде всего помогаютъ самодѣятельности, стараясь предупредить напрасную трату силъ, что, какъ извѣстно, столь печально отражается на всѣхъ самоучкахъ. Лекторъ даетъ лишь общій планъ и общее руководство въ занятіяхъ; отъ способностей и желанія и, вообще, индивидуальныхъ особенностей слушателей зависитъ, что и сколько они изучатъ. „Задача курсовъ и лекцій, а также всей организаціи, — читаемъ въ отчетѣ Лондонскаго общества, — заключается въ томъ, чтобы направить учащихся къ чтенію наилучшихъ книгъ по каждому предмету, усваивать привычки и развивать методы систематическаго изученія, а для этого помогать также студентамъ въ наилучшемъ пользованіи библіотеками и вообще руководить и содѣйствовать домашнему чтенію и саморазвитію“.

По окончаніи семестра устраиваются экзамены, которымъ подвергаются всѣ желающіе. Эти экзамены прекрасно доказали, что очень многіе слушатели находятъ воз-

можность широко и основательно знакомиться съ изучаемыми предметами. Отчеты свидѣтельствуютъ и объ обширности программъ лекцій, и о прекрасныхъ успѣхахъ экзаменующихся. Такимъ образомъ, и того небольшого числа лекцій бываетъ достаточно, чтобы руководить занятіями учащихся. Оксфордскій университетъ нашелъ даже возможнымъ, въ видахъ удешевленія платы за слушаніе лекцій, устроить курсы, состоящіе всего лишь изъ 6 лекцій. Эта мѣра хотя и вызвала возраженія со стороны Кембриджскаго и Лондонскаго университетовъ, но имѣла замѣчательно плодотворныя послѣдствія. Дѣло въ томъ, что вознагражденіе лекторовъ и всѣ прочіе расходы по устройству курсовъ лежатъ на ихъ устроителяхъ; со студентовъ не взимается платы. Благодаря удешевленію обученія почти вдвое, курсы по системѣ Оксфордскаго университета стали устраиваться даже въ маленькихъ городахъ и мѣстечкахъ. Но это нисколько не помѣшало и существованію курсовъ въ 12 лекцій, такъ какъ потребность въ высшемъ образованіи настолько велика, что разъ только есть хоть малѣйшая возможность, то непремѣнно устраиваются „полные“ курсы. Экзамены бываютъ и на курсахъ изъ 12 лекцій, и на курсахъ изъ шести лекцій. Къ экзаменамъ допускаются всѣ желающіе, и мужчины, и женщины, — словомъ, всѣ слушатели курсовъ безъ различія пола, возраста, національностей, сословій, классовъ, по основному правилу: наука, созданная трудами всего человѣчества, ему же нераздѣльно и принадлежитъ. Ко времени экзамена изъ того университета, откуда приглашенъ лекторъ, пріѣзжаетъ особый уполномоченный. Онъ и производитъ экзаменъ. Что касается до лектора, то права экзаменовать онъ не имѣетъ. Экзамены бываютъ только письменные. Экзаменаторъ ставитъ вопросы, а экзаменующіеся должны въ теченіе трехъ часовъ дать отвѣтъ на нихъ. Затѣмъ экзаменаціонныя работы, а также работы, сдѣланныя въ теченіе года, просматриваются, и на ихъ основаніи составляется рѣшеніе. Глубоко ошибается тотъ, кто думаетъ, что немного нахо-

дится охотниковъ держать экзаменъ. Ихъ находится множество. Экзамены держитъ не только молодежь, но и пожилые люди, отцы и матери семействъ. Странное и вмѣстѣ съ тѣмъ глубокое впечатлѣніе производитъ въ особенности на русскаго человѣка такое невиданное зрѣлище: закоптѣлый рудокопъ, пропитанный до глубины легкихъ угольной пылью, подаетъ письменную работу о значеніи Бэкона въ исторіи человѣческой мысли; слесарь пишетъ о строеніи атомовъ или объ исторіи англійскаго парламента, фабричная работница о Шекспирѣ... Какъ непохожа эта аудиторія на средневѣковую или даже на современную аудиторію германскихъ университетовъ или англійскихъ колледжей, съ ихъ „фешенебельными“ студентами, принадлежащими къ избраннымъ классамъ, — представителямъ буржуазіи и аристократіи. Дѣйствительно, между этими двумя аудиторіями большая разница: одна изъ нихъ открыта лишь для немногихъ избранныхъ, аудиторія же University Extension вмѣщаетъ теперь цѣлыя арміи студентовъ.

Интересныя свѣдѣнія сообщаютъ объ этихъ послѣднихъ университетскіе отчеты. Студенты эти — люди всѣхъ классовъ и состояній, — дворяне, духовные, торговцы, ремесленники, рабочіе, крестьяне и т. д. и т. д. Это лица обоего пола и всѣхъ возрастовъ. Всѣхъ ихъ соединяетъ въ дружную семью стремленіе къ высшему образованію, къ „просвѣтлѣнію очей“, какъ выразился одинъ изъ нихъ, „къ такому просвѣтлѣнію, чтобы видѣть и понимать и атомы, и міры, и клѣточки тѣла, и жизнь человѣчества“. Значительную часть слушателей курсовъ составляютъ женщины и дѣвушки. Болѣе трети общаго числа студентовъ — рабочіе.

Въ Кемборнѣ въ числѣ студентовъ былъ одинъ рудокопъ, который прямо съ лекціи отправлялся въ шахту, на работу подъ землею. Онъ работалъ всю ночь, чтобы быть свободнымъ и посѣщать лекціи днемъ. Въ Беркли одна ткачиха хлопчато-бумажной фабрики такъ заинтересовалась посѣщеніемъ лекцій и такъ успѣшно занималась, что рѣшилась участвовать въ конкурсѣ на полученіе сти-

пендіи въ Оксфордъ[1]). Ради лекціи ткачиха пожертвовала своимъ обѣденнымъ часомъ. Въ будніе дни, работая на фабрикѣ, она ухитрялась читать въ промежутки между смѣнами...

Отчеты университетовъ приводятъ замѣчательно трогательныя доказательства, до какой степени сильно стремленіе къ пріобрѣтенію образованія въ тѣхъ самыхъ слояхъ общества, которые такъ безсмысленно до сихъ поръ еще нѣкоторые лорды (сами, въ сущности, представляющіе изъ себя нерѣдко, по своей узости и корыстности, не что иное какъ чернь изъ чистой публики) называютъ „чернью непросвѣщенной“. Время такой черни непросвѣщенной въ Англіи уже миновало.

Объ успѣхѣ университетскихъ курсовъ для народа въ первые годы ихъ существованія можно еще судить по слѣдующимъ цифрамъ. Въ 1880 году читалось 37 курсовъ въ 13 пунктахъ; посѣтителей на курсахъ было 4.369 человѣкъ. Прошло пять лѣтъ — и въ 1886 — 1887 гг. число курсовъ достигло уже 100, т. е. увеличилось почти втрое; читались они въ 45 пунктахъ, число слушателей достигло $10^1/_2$ тысячъ человѣкъ. Въ настоящее же время эти курсы насчитываютъ сотни тысячъ студентовъ. Разумѣется, и эта послѣдняя цифра не велика сравнительно съ общимъ количествомъ населенія Англіи. Но, во-первыхъ, она быстро возрастаетъ, во-вторыхъ, наконецъ, найдена и открыта рабочему и вообще трудящемуся люду удобопроходимая дверь, ведущая къ высшему образованію... Врядъ ли можно сомнѣваться, что мы скоро доживемъ и до того момента, когда слушатели университетскихъ курсовъ будутъ считаться на землѣ милліонами... Во всякомъ случаѣ, всякій, кто мало-мальски вдумается во внутренній, глубокій смыслъ движенія, направленнаго къ „расширенію университета“,

---

[1]) Оксфордскій университетъ открываетъ въ августѣ мѣсяцѣ свои аудиторіи, музеи и библіотеки для посѣтителей курсовъ University Extension. Для поѣздки въ Оксфордъ и для прожитія тамъ наиболѣе успѣвающіе слушатели получаютъ стипендіи.

тотъ пойметъ, что въ области высшаго образованія въ настоящее время происходитъ въ Англіи глубокій переломъ, и что отношеніе авангарда человѣчества, передовыхъ бойцовъ мысли и знанія, къ арьергарду его кореннымъ образомъ измѣнилось... Недаромъ лѣтъ двадцать пять—тридцать тому назадъ одинъ изъ лучшихъ представителей англійской интеллигенціи, Тойнби, сказалъ, обращаясь къ многочисленной аудиторіи, наполненной рабочимъ людомъ, слѣдующія знаменательныя слова:

— Мы, представители средняго класса Англіи, мы до сихъ поръ пренебрегали вами. Вмѣсто справедливости мы предлагали вамъ подачки благотворенія, а вмѣсто симпатіи мы давали вамъ часто одни лишь жестокіе и неосуществимые совѣты. Но я думаю, что мы теперь начинаемъ измѣняться къ лучшему... Многіе изъ насъ готовы посвятить жизнь свою на служеніе вамъ. Вы должны, говорю я смѣло, оказать снисхожденіе и простить намъ наши несправедливости. Мы пагубно грѣшили противъ васъ, — правда, не всегда сознательно, но все-таки грѣшили, и въ этомъ намъ приходится сознаться. Но если вы насъ простите, — нѣтъ, даже независимо отъ того, простите ли вы или нѣтъ, — мы обѣщаемъ служить вамъ. Мы посвятимъ всю нашу жизнь на вашу пользу. Большаго, конечно, мы сдѣлать не можемъ. Мы, люди науки, желаемъ помочь вамъ. И мы сдѣлаемъ это [1]).

Изъ предыдущаго читатель познакомился въ общихъ чертахъ съ основными принципами и характернѣйшими чертами внутренней организаціи англійской University Extension.

Но на это движеніе можно также смотрѣть, какъ на весьма удачную попытку упорядоченія нѣкоторыхъ сторонъ внѣшкольнаго образованія.

Отдѣльныя лекціи и курсы, до сего дня существующіе во многихъ-многихъ тысячахъ мѣстъ, организуются, систематизируются, пріобрѣтаютъ болѣе или менѣе опредѣленную, если такъ можно выразиться, физіономію. Десятки

[1]) Янжулъ. „Практическая философія въ Англіи“ Вѣстн. Евр., 1890 г. № 3.

тысячъ людей, которые до того времени стремились къ образованію кто какъ зналъ и кто какъ умѣлъ, благодаря движенію University Extension, получаютъ опытныхъ и умѣлыхъ руководителей, безкорыстно преданныхъ интересамъ трудящихся классовъ. Разумѣется, дѣло ихъ личнаго общенія—дѣло въ высшей степени важное. Но предѣлы его развитія, говоря относительно, все-таки ограничены. За ними остается еще болѣе широкій кругъ, который, по тѣмъ или инымъ обстоятельствамъ жизни, лишенъ возможности пользоваться и такой формой общенія. Жизнь требуетъ такимъ образомъ еще какой-то другой формы. Но какой именно? Она же сама и подсказала ее устами тѣхъ же въ ней нуждающихся. И вотъ предъ нами вопросъ о правильной организаціи т. наз. „домашняго чтенія".

То, что наблюдается по отношенію къ курсамъ и лекціямъ, наблюдается и по отношенію къ домашнему чтенію. Систематическая организація его возникла несомнѣнно на почвѣ University Extension. Это самое движеніе старалось охватить по возможности всю область внѣшкольнаго образованія и способствовать болѣе правильной и разумной постановкѣ различныхъ его сторонъ. Во-первыхъ, устроители университетскихъ курсовъ заботятся, насколько только возможно, снабжать своихъ студентовъ всевозможными книгами, рекомендуемыми съ большимъ разборомъ. Каждый лекторъ имѣетъ въ своемъ распоряженіи небольшую библіотечку изъ избранныхъ сочиненій, которую и возитъ съ собой въ своихъ странствованіяхъ. Такія подвижныя библіотеки были впервые устроены въ 1885 году. Кромѣ такихъ странствующихъ библіотекъ устраиваются библіотеки постоянныя. Дѣло въ томъ, что въ нѣкоторыхъ городахъ университетскіе курсы, возобновляясь изъ года въ годъ, упрочиваются. Находятся нерѣдко частные жертвователи, которые выстраиваютъ для нихъ особыя зданія, снабжаютъ ихъ всѣмъ необходимымъ, наконецъ обезпечиваютъ ихъ существованіе. Напр., въ 1874 г. городской совѣтъ Ноттингема получилъ отъ неизвѣстнаго жертво-

вателя 10.000 фунтовъ стерлинговъ (около 100.000 р.) спеціально для постройки зданія для курсовъ. Въ Шеффильдѣ съ тою же цѣлью пожертвовано 20.000 фунтовъ стерлинговъ и т. д. На это дѣло жертвуютъ милліоны. Даже при маленькихъ университетахъ устраиваются библіотеки. Но этого еще мало: нужно эти книги еще пустить въ публику. Съ этою цѣлью руководители University Extension устраиваютъ такъ называемые Home reading circles, т. е. кружки для домашняго и совмѣстнаго чтенія книгъ. Члены такихъ кружковъ — слушатели и слушательницы университетскихъ курсовъ. Подъ руководствомъ болѣе опытнаго и знающаго человѣка, они совмѣстно читаютъ вслухъ избранныя сочиненія лучшихъ авторовъ, обсуждаютъ ихъ, составляютъ ихъ конспекты, пишутъ небольшія разсужденія по поводу этихъ сочиненій. Такія „разсужденія“ они доставляютъ на просмотръ своему руководителю [1]). Такіе кружки значительно способствуютъ быстротѣ обращенія хорошихъ книгъ и содѣйствуютъ успѣху курсовъ, объединяя слушателей, возбуждая въ нихъ соревнованіе, вызывая споры и обсужденіе различныхъ научныхъ вопросовъ. Съ этою же цѣлью устраиваются такъ называемыя Students Associations. Такія ассоціаціи сталъ устраивать еще въ 1889 г. Кембриджскій университетъ. Онъ приглашаетъ лекторовъ и другихъ членовъ университета быть руководителями въ такихъ ассоціаціяхъ. Руководители эти обязаны давать студентамъ, за небольшую плату, всякія указанія о наиболѣе цѣлесообразномъ выборѣ книгъ, о лучшихъ способахъ чтенія. Кромѣ того, если при чтеніи какой-либо книги въ кружкѣ возникнетъ какой-либо вопросъ, который не можетъ быть разрѣшенъ самими участниками, то и въ этомъ отношеніи долженъ помочь имъ руководитель. Впрочемъ, во многихъ случаяхъ, помощью этого послѣдняго пользуются лица и не принадлежащія къ

---

[1]) Кромѣ кружковъ, имѣющихъ отношеніе къ University Extension, въ Англіи существуетъ National Home Reading Union (національное общество домашняго чтенія), насчитывающее нынѣ многіе десятки тысячъ членовъ, и др.

студенческой „ассоціаціи". Еще лучше придумалъ поставить дѣло домашняго чтенія университетъ Оксфордскій. Этотъ университетъ сталъ ежегодно печатать списки тѣхъ лицъ, которыя изъявили свое согласіе помогать развитію и упорядоченію домашняго чтенія. Въ спискахъ обозначались адреса этихъ лицъ и ихъ спеціальности. Списки эти разсылались во всѣ центры, гдѣ существуютъ университетскіе курсы. Руководитель доставлялъ каждому кружку списокъ книгъ. Въ этомъ спискѣ указывается обыкновенно и послѣдовательность чтенія. Распредѣленіе чтенія дается обыкновенно на три мѣсяца впередъ. Каждый участникъ кружка имѣетъ право обращаться къ руководителю лишь заранѣе опредѣленное число разъ. Смотря по этому, каждому выдается извѣстное число билетовъ, дающихъ такое право.

Что Оксфордскій университетъ больше другихъ обратилъ вниманіе на лучшую постановку домашняго чтенія, въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго, если припомнить курсы изъ шести лекцій, устраиваемые университетомъ. Хорошо организованное чтеніе хотя до нѣкоторой степени замѣняетъ недостаточное число лекцій.

Такимъ образомъ, на чтеніе книгъ устроители University Extension уже давно обращаютъ самое серьезное вниманіе. „Больше читать, лучше читать и читать со строгимъ выборомъ, чтобы такимъ путемъ развить въ себѣ силу мысли и силу знанія, и силу воли и любви „къ своему народу и всему человѣчеству"—вотъ чему стремятся содѣйствовать устроители курсовъ.

Американцы тоже давнымъ-давно поняли, что сознательное и разумное чтеніе до извѣстной степени можетъ замѣнить даже университетское образованіе и, во всякомъ случаѣ, приблизить къ нему. На этомъ началѣ былъ основанъ еще въ 80-хъ гг. извѣстный Чаутокскій литературно-научный кружокъ (Chautauqua Litterary and Scientific Circle), или, какъ его можно было бы иначе назвать, „университетъ для студентовъ, которые не имѣютъ возможности ходить на лекціи", а которые живутъ какъ угодно далеко

отъ него. Такое названіе не покажется страннымъ тому, кто знакомъ съ организаціей этого своеобразнаго университета [1]).

Чаутокскій университетъ находится въ семистахъ миляхъ отъ Нью-Йорка, на берегу чрезвычайно живописнаго озера. Здѣсь, въ началѣ 80-хъ гг. стали устраиваться (да, вѣроятно, устраиваются и теперь) съѣзды учителей воскресныхъ школъ секты методистовъ. Сюда стали съѣзжаться, какъ на отдыхъ, эти учителя, которые подновляли свои знанія, знакомились съ лучшими пріемами преподаванія и т. п. Въ 1878 году одному изъ методистскихъ проповѣдниковъ, доктору Винценту, пришла счастливая мысль создать учрежденіе, которое содѣйствовало бы распространенію знаній среди взрослыхъ, притомъ, главнымъ образомъ, путемъ наиболѣе цѣлесообразнаго чтенія, но отнюдь не возлагая на плечи учащихся непосильнаго бремени, т. е. не требуя, чтобы они отрывали отъ своихъ обыденныхъ занятій большое количество времени. Мысль эта быстро нашла себѣ приверженцевъ, принявшихся за ея осуществленіе. Мы не станемъ описывать, какъ возникъ Чаутокскій кружокъ. Онъ возникъ какъ-то самъ собою, потому что и въ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ, далеко обогнавшихъ по образованію свою метрополію — Европу, все-таки масса людей страдаетъ отъ безпорядочнаго чтенія.

Чаутокскій кружокъ возникъ и выросъ на почвѣ потребности, сознанной уже всѣми. Кружокъ разросся чрезвычайно быстро, и при этомъ осуществленіе идеи превзошло всѣ ожиданія ея творца, даже самыя смѣлыя. До какой степени Чаутокскій „университетъ“ имѣлъ успѣхъ съ самаго же начала своего существованія, можно судить изъ того, что въ концѣ 80-хъ гг. онъ уже насчитывалъ болѣе ста шестидесяти тысячъ „студентовъ“, разбросанныхъ въ разныхъ странахъ, — въ Америкѣ, Австраліи, Азіи, Европѣ.

---

[1]) Хорошій очеркъ возникновенія Чаутокскаго университета данъ по статьѣ Макъ-Гаханъ въ журн. „Новь“ за 1885 г.: „Университетъ не въ европейскомъ смыслѣ“.

Его члены-„студенты“ оказались даже въ Сіамѣ, Японіи Китаѣ, даже въ глухой Сибири.

Цѣль Чаутокскаго кружка заключается въ томъ, чтобы „доставить взрослымъ людямъ возможность восполнить недостатки неполнаго и отрывочнаго школьнаго образованія и дѣлать это безъ ущерба ихъ повседневнымъ занятіямъ“. Членами этого кружка могутъ быть рѣшительно всѣ желающіе, безъ различія пола, возраста, вѣроисповѣданія, національности, сословія, степеней образованія. Чтобы поступить въ этотъ университетъ, единственно требуется, во-первыхъ, серьезное желаніе совершенствовать свои знанія, расширять кругозоръ, пріобрѣтая новыя знанія, подновляя старыя; во-вторыхъ — твердая рѣшимость работать въ этомъ направленіи, отнюдь не оставаясь въ одной сферѣ сентиментальныхъ стремленій. Если человѣкъ чувствуетъ въ себѣ то и другое, — онъ смѣло можетъ поступать въ члены кружка.

Чаутокскій кружокъ старается развить въ своихъ членахъ „привычку къ чтенію и изученію природы, искусства, науки и литературы, какъ духовной, такъ и свѣтской, въ связи съ теченіемъ обыденной жизни“. Далѣе его задача состоитъ въ томъ, чтобы „помочь выработать общій взглядъ образованнаго человѣка на свѣтъ и на жизнь и развить способность связнаго и правильнаго мышленія“. Для достиженія этой широкой и въ высшей степени важной для каждаго человѣка цѣли Чаутокскій кружокъ указываетъ два пути: первый, важнѣйшій и для большинства членовъ чуть ли не единственный, — домашнее чтеніе и усвоеніе соотвѣтствующихъ научныхъ сочиненій по указанію и программѣ. Эти указанія и программу даютъ руководители Чаутокскаго „университета“. Второй путь — краткіе лѣтніе курсы наукъ, читаемые каждый годъ въ теченіе 6 — 8 недѣль на берегу озера Чаутоки. Курсы эти стали читаться извѣстнѣйшими американскими профессорами. Чтобы слушать ихъ, стали съѣзжаться въ Чаутоку десятки тысячъ людей. Многіе ѣдутъ въ Чаутоку на все лѣто какъ на дачу,

другіе ѣдутъ сдавать экзамены. Наплывъ народа бываетъ такъ великъ, что небольшой процентъ, взимаемый въ пользу университета съ торговцевъ, содержателей базаровъ, магазиновъ, гостиницъ и т. п., окупаетъ все содержаніе этого университета. Впрочемъ, его содержаніе не требуетъ большихъ суммъ. Душа всего учрежденія, докторъ Винцентъ, за свои труды не получалъ никакого вознагражденія; со студентовъ, пользующихся программами и указаніями, Чаутокскій университетъ не взимаетъ никакой платы, если не считать небольшой взносъ (около 1 рубля); весь этотъ взносъ съ избыткомъ поглощается расходами по перепискѣ, которая ведется въ огромныхъ размѣрахъ. Всѣ сношенія студентовъ съ кружкомъ идутъ путемъ писемъ. Вышеуказанный сборъ и пожертвованія частныхъ лицъ до сихъ поръ позволяютъ Чаутокскому университету существовать вполнѣ безбѣдно.

Организація этого своеобразнаго учрежденія крайне интересна. Каждому, кто заявилъ о своемъ желаніи вступить въ число студентовъ и кто сдѣлалъ установленный взносъ, университетъ высылаетъ программу для чтенія, выработанную опытнымъ и свѣдущимъ лицомъ.

Въ программѣ этой не только указано, какія книги слѣдуетъ прочесть, но и гдѣ ихъ купить. Желая сдѣлать книги доступными сколь возможно большему числу людей, чаутокскіе руководители входятъ въ соглашеніе съ книгопродавцами и издателями и, гарантируя огромный сбытъ, добиваются отъ нихъ значительнаго пониженія цѣны на книги. Выборъ рекомендуемыхъ книгъ дѣлается весьма строго и сознательно. При этомъ принимается въ расчетъ не только образованіе того лица, которое заявляетъ о своемъ желаніи читать книги, но и его полъ, возрастъ, общественное и семейное положеніе и т. д. Обо всемъ этомъ собираются свѣдѣнія отъ каждаго поступающаго въ число членовъ Чаутокскаго кружка. Однимъ рекомендуется читать книги спеціальныя, другимъ популярныя, третьихъ просто-на-просто желаютъ только пріохотить къ чтенію,

заинтересовать имъ. „Студентъ“ долженъ прочесть и усвоить всѣ указанныя книги. Такъ какъ всѣ „стуленты“ — народъ занятой, то рекомендуемыя книги указываются въ такихъ размѣрахъ и такомъ количествѣ, чтобы на чтеніе ихъ не выходило больше часу или 40 минутъ въ день. Но въ книгахъ, рекомендуемыхъ для прочтенія, можетъ встрѣтиться что-либо неясное; тогда студентъ обращается письменно въ Чаутоку за разъясненіями, которыя и даются ему такимъ же путемъ [1]).

Такія занятія систематическимъ чтеніемъ и изученіемъ различныхъ наукъ подъ руководствомъ опытныхъ людей, душою преданныхъ своему дѣлу, идутъ изъ года въ годъ. Каждый годъ предметы изученія мѣняются, постепенно усложняясь. Въ ихъ распредѣленіи соблюдается извѣстная постепенность, такъ что въ Чаутокскомъ университетѣ, „расширившемся“ на сотни тысячъ квадратныхъ миль, есть свои курсы. Студенты, переходя съ курса на курсъ, получаютъ не только общее, но и спеціальное образованіе. Полный курсъ продолжается три года; но если кто желаетъ, тотъ можетъ оставаться и дольше. Вы можете даже оставаться и „вѣчнымъ студентомъ“ Чаутокскаго университета, по послѣвицѣ: „вѣкъ живи, вѣкъ учись“, и докторъ Винцентъ и его сотрудники и помощники съ удовольствіемъ, съ радостію и самоотверженіемъ неустанно несутъ на себѣ тяжелый и хлопотливый трудъ руководить вашимъ чтеніемъ и указывать вамъ книги изъ всѣхъ областей знанія.

Чаутокскій университетъ имѣетъ и свои экзамены, — такіе же своеобразные, какъ самый университетъ. Если

---

[1]) Принципы, здѣсь изложенные, положены въ основу особаго отдѣла въ помощь самообразованію, который, по приглашенію И. Д. Сытина, былъ организованъ въ 1912 г. при газетѣ „Русское слово“ подъ назв. „Среди книгъ и читателей“ и велся въ ней ежемѣсячно пишущимъ эти строки и Н. А. Ульяновымъ и который служилъ, какъ мы уже упомянули, непосредственнымъ продолженіемъ и дальнѣйшимъ развитіемъ „Писемъ о самообразованіи“, печатавшихся нами въ 1911 г. въ „Нов. журналѣ для всѣхъ“. Въ маѣ этотъ отдѣлъ прекратился.

случается, что студентъ пожелаетъ провѣрить свои знанія, къ его услугамъ во всякое время заочная экзаменаціонная комиссія. Бываетъ такъ, что экзаменаторъ находится въ Чаутокѣ (въ Штатѣ Нью-Йоркъ), а экзаменующійся — въ Австраліи. Тѣмъ не менѣе такой экзаменъ можно выдержать, но можно на немъ и провалиться. Происходитъ экзаменъ слѣдующимъ образомъ. Желающему экзаменоваться Чаутокскій университетъ высылаетъ свои экзаменаціонныя правила и цѣлый рядъ вопросовъ по данной наукѣ (до сотни вопросовъ). На всѣ эти вопросы студентъ долженъ дать точный и обстоятельный отвѣтъ и переслать его по почтѣ въ Чаутоку. Вопросы ставятся такимъ образомъ, что только тотъ можетъ отвѣтить на нихъ, кто размышлялъ надъ даннымъ предметомъ, кто усвоилъ его. Въ предыдущихъ главахъ мы видѣли, что книги можно читать пассивно или активно. Кто читаетъ ихъ пассивно, тотъ лишь воспринимаетъ ихъ содержаніе, запоминаетъ изъ нихъ, что можетъ. Къ чтенію книги такой читатель приступаетъ безъ всякихъ вопросовъ; что ему книга дастъ, то онъ и возьметъ. Другіе читаютъ книги активно. Уже прежде, чѣмъ они приступаютъ къ чтенію книги, ихъ интересуетъ тотъ или иной вопросъ, отвѣтъ на который они и надѣются получить въ этой книгѣ. По мѣрѣ того, какъ подвигается впередъ чтеніе, въ умѣ ихъ тоже возникаютъ вопросы, и нерѣдко для того, чтобы найти отвѣтъ на нихъ, приходится брать другую, третью и многія книги. Такимъ образомъ, чтеніе превращается въ сознательное исканіе истины и пріобрѣтаетъ захватывающій интересъ; предметъ усваивается полнѣе и глубже. Вотъ такому-то усвоенію и способствуетъ система, принятая въ Чаутокскомъ университетѣ. Экзаменаторы замѣчательно умѣло ставятъ вопросы своихъ экзаменаціонныхъ программъ, касаясь ими, такъ сказать, внутренней, духовной работы,—работы мысли, совершаемой читателемъ во время чтенія. Экзаменующимся разрѣшается при составленіи отвѣтовъ заглядывать и въ книги, но непремѣнно излагать отвѣтъ своими словами. Чаутокскіе руководители не боятся обмана со стороны слу-

шателей: вѣдь тѣмъ пришлось бы обмануть не кого иного какъ самого себя... Тотъ студентъ, который далъ 85 удовлетворительныхъ отвѣтовъ изъ ста, считается выдержавшимъ экзаменъ. До какой степени такой способъ экзаменовъ привился, видно изъ того, что ежегодно держатъ и выдерживаютъ ихъ до пяти и даже семи тысячъ человѣкъ. Вся эта масса выдерживаетъ экзамены, не видавъ ни одного учителя, не отрываясь отъ своихъ обычныхъ занятій и не тратя на чтеніе болѣе 40 минутъ въ день. Это лучше всего показываетъ, до какой степени путь къ высшему образованію сдѣлался въ настоящее время доступнымъ. Съ другой стороны, отсюда же видно, сколько людей не получаетъ образованія путемъ саморазвитія лишь потому, что не умѣетъ распредѣлять свое время и не имѣетъ руководителей.

Выдержавшіе испытаніе получаютъ особое „удостовѣреніе“, которое не слѣдуетъ, впрочемъ, смѣшивать съ какимъ-либо дипломомъ: удостовѣреніе это не даетъ никакихъ „правъ“, но за то и не вноситъ никакихъ корыстныхъ соображеній въ душу учащагося.

Разумѣется, вліяніе книги никогда не можетъ равняться вліянію живой, мыслящей личности. Чтобы хоть отчасти восполнить этотъ важный пробѣлъ чаутокской системы, руководители ея стараются всѣми силами способствовать устройству мѣстныхъ кружковъ (Local Circles). Кружки эти быстро появились во всѣхъ странахъ. Они составляются изъ „студентовъ“ Чаутокскаго университета, которые сходятся для совмѣстнаго чтенія, обсужденія книгъ и для бесѣдъ и дебатовъ по интересующимъ ихъ вопросамъ. Такихъ кружковъ насчитывается нѣсколько тысячъ. Людямъ, извѣстнымъ своею ученостью, изучившимъ ту или другую спеціальность (инженеры, профессора, доктора, пасторы) и находившимся въ сношеніяхъ съ руководителями Чаутокскаго университета, докторъ Винцентъ поручилъ давать даровые совѣты и объясненія тѣмъ изъ „студентовъ“, которые изучаютъ какую-либо спеціальность. Макъ-Гаханъ

разсказываетъ, что въ томъ городѣ, гдѣ она провела нѣсколько мѣсяцевъ, въ 80-хъ гг. два студента Чаутокскаго университета изучали химію и пользовались безплатными совѣтами мѣстнаго инженера, — человѣка ученаго, который довѣрялъ имъ нерѣдко даже свои химическіе приборы. Тотъ же авторъ разсказываетъ, что „студенты" Чаутоки встрѣчаются во всѣхъ слояхъ населенія, — и среди рабочихъ, и среди лицъ, занимающихъ высокое положеніе, мужчинъ и женщинъ, взрослыхъ и стариковъ. Только лица моложе 18 лѣтъ не принимаются въ Чаутокскій университетъ. Г-жа Макъ-Гаханъ встрѣчала такихъ „студентовъ": одинъ былъ кузнецъ, другой — первоклассное свѣтило изъ юридическихъ и судебныхъ сферъ, третья — сторожиха купаленъ. Въ 1882 году получилъ „удостовѣреніе" 87-лѣтній старикъ и его жена 83 лѣтъ, исправно сдавшіе всѣ экзамены. Ученый докторъ богословія тоже записался въ студенты Чаутокскаго университета и вступилъ въ мѣстный кружокъ (Local Circles) съ той цѣлью, какъ онъ объснилъ, чтобы „освѣжиться отъ соприкосновенія съ юнымъ энтузіазмомъ членовъ, впервые входящихъ въ храмъ науки". „Для меня слушать ихъ диспуты, видѣть ихъ молодой задоръ — чистая отрада, — говорилъ докторъ. — Я отдыхаю умомъ, не впадая въ скуку, и нерѣдко самъ увлекаюсь до того, что начинаю спорить и отстаивать свою точку зрѣнія на предметъ. И скажу вамъ по правдѣ, — это не всегда бываетъ для меня легко. У молодежи такая логика, такіе аргументы, до которыхъ мы не додумаемся и въ десять лѣтъ, сидя поодиночкѣ въ своихъ кабинетахъ и библіотекахъ. Нѣтъ, этотъ кружокъ — чистая благодать!.." Макъ-Гаханъ разсказываетъ еще объ одной горничной въ провинціальномъ семействѣ, которая, начавъ заниматься, проявила такія способности и такую любовь къ дѣлу, что черезъ нѣсколько лѣтъ присоединилась къ числу тѣхъ, кто помогаетъ веденію самаго дѣла въ Чаутокѣ.

Всѣ вышеизложенные факты прекрасно характеризуютъ сущность американской системы: дорога къ свѣту открыта

въ равной степени всѣмъ желающимъ; итти по ней всѣ желающіе имѣютъ не только право, но и возможность; дорога эта не только ведетъ къ знаніямъ, входящимъ въ кругъ современной средней школы, но и въ кругъ знаній школы высшей... Препятствія итти по ней уменьшены до крайнихъ предѣловъ; идутъ по ней люди разныхъ классовъ и состояній рука объ руку, рядомъ, поддерживая другъ друга. Замѣтимъ кстати, что любовь къ людямъ, проявленная Д. Стюартомъ, д-ромъ Винцентомъ и ихъ сотрудниками и помощниками, а также и другими членами Чаутокскаго и другихъ университетовъ, куда какъ не гармонируетъ съ общераспространеннымъ мнѣніемъ о жестокости и матеріализмѣ американцевъ и англичанъ. Мы уже упомянули, что Чаутокскій университетъ основанъ методистами, которые положили въ основу своей дѣятельности истинно христіанскій духъ равенства, общительности, взаимной поддержки и совмѣстнаго труда, а главное — равноправности всякаго человѣческаго существа, гдѣ бы и отъ кого бы и какимъ бы оно ни родилось. Широкая терпимость къ чужимъ мнѣніямъ доведена была въ Чаутокскомъ университетѣ до того, что самъ докторъ Винцентъ приглашалъ читать лекціи въ Чаутоку пасторовъ всѣхъ другихъ исповѣданій. Каждый проповѣдникъ строго велъ свою линію, но всѣ они предоставляли совѣсти своихъ слушателей рѣшать, кто изъ нихъ самихъ правъ.

Успѣхъ англійскихъ и Чаутокскаго университетовъ породилъ цѣлый рядъ подобныхъ учрежденій, которыя возникли, напр., въ Monterey (штатъ Калифорнія), Fromingham (Масачусетсъ), Lakeside (Огайо) и т. д. Въ настоящее время движеніе къ распространенію образованія вплоть до высшаго его уровня охватило всѣ мало-мальски культурныя страны и уже успѣло сдѣлаться обыденнымъ бытовымъ явленіемъ, подобно тому, какъ въ Россіи... аресты и высылки за чтеніе легально изданныхъ книгъ въ годы кому-то непріятные. Говорить о распространеніи этого движенія на другія страны мы здѣсь не будемъ. Это не входитъ въ нашу задачу.

Не будемъ говорить и о его, правда, очень скромныхъ успѣхахъ въ Россіи. Задача этой главы состоитъ въ томъ, чтобы познакомить читателя съ возникновеніемъ самой идеи и съ ея первымъ осуществленіемъ, первыми шагами, которые всегда особенно трудны, съ принципіальной стороной тѣхъ учрежденій, которыя сумѣли укорениться въ жизни. Она теперь воплощена, эта идея, и милліонамъ людей, преимущественно изъ трудящихся классовъ, остается лишь благодарить тѣхъ идеалистовъ, друзей человѣчества, которые не только подарили имъ эту идею, но и на дѣлѣ доказали ея значеніе.

И у насъ въ Россіи въ 90-хъ гг. была сдѣлана первая попытка упорядочить дѣло самообразовательнаго чтенія: почти одновременно возникли сначала въ Москвѣ, затѣмъ въ Петербургѣ двѣ „комиссіи“, поставившія своею цѣлью помогать распространенію образованія путемъ чтенія лучшихъ и строго выбираемыхъ книгъ. Прежде всего возникла въ Москвѣ „Комиссія по организаціи домашняго чтенія“ при учебномъ отдѣлѣ Общества распространенія техническихъ знаній. Комиссія эта ставитъ своею цѣлью помогать всѣмъ тѣмъ людямъ, которые „желаютъ посредствомъ домашняго чтенія пополнить пробѣлы своего образованія“ и желаютъ серьезно и основательно ознакомиться съ тѣмъ или другимъ научнымъ отдѣломъ, но не имѣютъ возможности изучить этотъ отдѣлъ въ высшей школѣ. Комиссія, въ которой приняли съ самаго же ея возникновенія дѣятельное участіе извѣстные профессора, ученые и писатели [1]), стали составлять особыя программы чтенія по разнымъ наукамъ, указывать списки лучшихъ книгъ по нимъ, указывать темы для самостоятельныхъ работъ, служащихъ для провѣрки пріобрѣтенныхъ знаній, издавать, черезъ тов. И. Д. Сытина,

---

[1]) Въ этой комиссіи принимаютъ или принимали участіе: проф. Анучинъ, Вернадскій, Веселовскій, Герценштейнъ, Ив. Ивановъ, Каблуковъ, Кизеветтеръ, Мануиловъ, Миклашевскій, Миллеръ, Муратовъ, П. Милюковъ, А. Павловъ, Соколовъ, Стебутъ, Сторожевъ, Фортунатовъ, Харузинъ, К. Тимирязевъ, Эрисманъ, Янжулъ и др.

особую „библіотеку для самообразованія“ и пр.[1]). Въ комиссію эту могутъ обращаться всѣ желающіе, на какой бы ступени образованія они ни стояли, — низшей, средней или высшей. И въ нашемъ отечествѣ потребность въ такомъ учрежденіи, какъ эта комиссія, до такой степени назрѣла, что уже въ теченіе перваго года потребовалось 3 изданія „программъ“, составленныхъ ею и разошедшихся тогда же болѣе чѣмъ въ 15 тысячахъ экземпляровъ. Теперь эти книжки выдержали уже много изданій и до сихъ поръ имѣютъ крупный и заслуженный успѣхъ, какъ превосходный списокъ для лицъ, желающихъ получить высшее образованіе. Теперь комиссія издаетъ программы для лицъ, желающихъ получить образованіе среднее.

Въ 1894 году въ С.-Петербургѣ, при Соляномъ городкѣ, при Педагогическомъ музеѣ военно-учебныхъ заведеній возникла другая комиссія. Въ составъ этой комиссіи вошли петербургскіе профессора, писатели и ученые [2]). Программа, составленная этой комиссіей, имѣетъ въ виду болѣе широкій кругъ лицъ, чѣмъ московская. Она предъявляетъ къ читателямъ меньшія требованія и указываетъ по разнымъ отраслямъ знанія наименьшее число книгъ, основательное знакомство съ которыми необходимо для выработки общаго міросозерцанія [3]).

Обѣ комиссіи — московская и петербургская — идутъ

---

[1]) Адресъ комиссіи: Москва, Арбатъ, Спасо-Песковская площадь, д. Расцвѣтова, кв. 14. „Программы домашнихъ чтеній“, издаваемыхъ комиссіей, продаются по 25 к. — 40 к.

[2]) При ея возникновеніи вошли въ ея составъ: Предсѣдатель А. Макаровъ, товарищъ предсѣдателя проф. Н. И. Карѣевъ, члены: М. Антоновичъ, Фанъ-деръ Флитъ, П. Меншуткинъ, Боргманъ, Мушкетовъ, В. Семевскій, В. Беренштамъ, Н. Рубакинъ, В. Яроцкій, В. Мякотинъ, А. Скабичевскій, П. Котляревскій, И. Павловъ, Н. Соколовскій, П. Каптеревъ, Н. Карышевъ, С. Венгеровъ и др.

[3]) Въ ноябрѣ 1895 г. вышли „Программы чтенія для самообразованія“, ц. 40 к., изд. этой комиссіей. Въ книжку вошли кромѣ того статьи В. Семевскаго, М. Карелина, И. Сѣченова и др. Въ 1911 г. вышло ея 6-е изданіе.

къ той же цѣли, какъ и ихъ заграничные собраты и существуютъ до сихъ поръ.

Обѣ комиссіи имѣютъ въ виду читателей болѣе подготовленныхъ, чѣмъ тѣ, о которыхъ идетъ рѣчь въ этой нашей книжкѣ.

Всѣмъ нашимъ читателямъ мы горячо рекомендуемъ „Программы“ обѣихъ комиссій, въ надеждѣ, что многіе изъ нихъ найдутъ для себя возможность систематически ими пользоваться. Исторія постановки домашняго чтенія за границей показываетъ съ достаточной ясностью, до какихъ размѣровъ можетъ дойти это дѣло даже въ странѣ болѣе культурной, чѣмъ Россія. Но нужно же дѣлать все возможное и въ нашей многострадальной родинѣ... Блага духовныя, какъ и матеріальныя, должны во всѣхъ странахъ распредѣляться возможно равномѣрнѣе, т. е. справедливѣе.

Ради этой святой и великой цѣли прежде всего не нужно бояться труда и борьбы.

ДОПОЛНЕНІЕ II.

Основныя задачи библіотечнаго дѣла [1]).

Милостивыя Государыни и Милостивые Государи!

На нашу долю выпало великое счастье: намъ пришлось пережить моментъ такого общественнаго и духовнаго подъема русской жизни, какого никогда еще не видала вся Русская

---

[1]) Докладъ, читанный 25 марта 1907 г., при пожертвованіи авторомъ этой книги принадлежавшей ему библіотеки Л. Т. Рубакиной въ собственность Петербургскаго отдѣла Всероссійской Лиги образованія (отдѣла Московской части г. Петербурга). Библіотека эта (ок. 100.000 томовъ) существуетъ и въ настоящее время (Спб., Б. Подъяческая, д. 24). Въ виду тѣснѣйшей связи вопроса о самообразованіи съ вопросомъ объ организаціи библіотекъ, помѣщаемъ здѣсь этотъ докладъ полностью, безъ всякихъ измѣненій. Принципы, изложенные въ его началѣ, находятся въ тѣснѣйшей же связи съ тѣми, которые изложены были на предыдущихъ страницахъ этой книги.

исторія. Прошли времена историческаго затишья, робкаго „культурничества“, времена мѣщанскихъ теорій „малыхъ дѣлъ“, времена политическаго мрака и соціальнаго унынія, безъ отзвука и просвѣта. Какъ ни тяжело приходится теперь нашей родинѣ и многимъ изъ насъ, тѣмъ не менѣе для всякаго теперь ясно, что историческая ночь прошла. Новая политическая жизнь началась, хотя, пока что, она идетъ еще явочнымъ порядкомъ. Но мы присутствуемъ не только при политическомъ возрожденіи нашей родины. Предъ нами стоитъ, во всемъ его грозномъ величіи, вопросъ соціальный. Вокругъ насъ кипитъ борьба труда и трудящихся во имя перестройки всего общественнаго зданія на новыхъ, справедливыхъ началахъ, т.-е. во имя того принципа, что всѣ блага, созданныя природой или обществомъ, всѣ богатства, созданныя коллективнымъ трудомъ всѣхъ, по самому существу своему представляютъ общественное достояніе, которое лишь при современномъ соціальномъ строѣ превращается въ частную собственность и, слѣдовательно, для возстановленія справедливости, рано ли, поздно ли должно сдѣлаться собственностью общественной, собственностью всѣхъ, должно перейти въ общественное владѣніе. Эта основная идея, этотъ великій принципъ будущаго строя жизни и новыхъ соціальныхъ отношеній уже дѣлается достояніемъ широкихъ народныхъ массъ, съ каждымъ днемъ, съ каждымъ часомъ, съ каждой секундой завладѣвая все большимъ и большимъ числомъ душъ. Кто-же сможетъ остановить этотъ потокъ сознанія, который находится въ тѣсной и неразрывной связи, если можно такъ выразиться, съ потокомъ самыхъ насущныхъ народныхъ интересовъ? Кто въ силахъ положить ему предѣлъ? Ужъ не ничтожная-ли кучка жалкихъ остатковъ отжившаго величія, выродившихся нахлѣбниковъ исторической несправедливости? Умы мало-мальски непредубѣжденные ясно понимаютъ, души мало-мальски отзывчивыя и искреннія ясно чувствуютъ, что началась заря новой не только политической, но и соціальной жизни. Уже растутъ во всѣхъ отношеніяхъ и,

разумѣется, въ концѣ концовъ побѣдятъ тѣ, кто еще такъ недавно считался, а нѣкоторыми и теперь считается „безотвѣтнымъ рабомъ“, „рабочими руками“. Даже и теперь уже можно сказать, что истинный побѣдитель—это народъ, трудящійся народъ, пролетаріатъ, трудовое крестьянство, трудовая интеллигенція, идущая рука объ руку съ народомъ. Въ умы широкихъ массъ все больше и больше входитъ сознаніе, что весь народъ есть и долженъ быть истиннымъ собственникомъ, распорядителемъ и потребителемъ всего культурнаго, — матеріальнаго и духовнаго, богатства. Онъ, а не тѣ, что нынѣ живутъ присвоеніемъ неоплаченнаго труда и считаютъ себя еще хозяевами положенія. И вотъ, исходя изъ этихъ соображеній, и стоя передъ лицомъ величайшаго историческаго періода, и дѣлая неизбѣжный логическій выводъ изъ основныхъ посылокъ того міросозерцанія, которое я имѣю честь раздѣлять со студенческой скамьи, я, скромный работникъ въ области народнаго просвѣщенія, считая дѣломъ своей чести и совѣсти служить побѣдѣ этого міросозерцанія не только перомъ, передаю мою частную собственность въ нераздѣльное общественное владѣніе Московской части Петербургскаго Отдѣла Всероссійской Лиги образованія, а въ ея лицѣ всему петербургскому населенію и прежде всего — петербургскому пролетаріату и трудовой интеллигенціи.

Мои друзья знаютъ, что мысль о такомъ превращеніи принадлежавшей мнѣ библіотеки возникла у меня еще въ началѣ 90-хъ годовъ. Я никогда не смотрѣлъ на эту библіотеку, какъ на мое личное достояніе, и если я не передавалъ ее обществу раньше, то, во-первыхъ, потому, что сначала необходимо было сдѣлать такъ, чтобы было что давать; во-вторыхъ, всѣ 90-е годы прошли въ безпросвѣтной реакціи и передавать библіотеку тогда было некому, гарантій существованія не было, — даже такихъ слабыхъ, какія существуютъ въ настоящее время, по крайней мѣрѣ, въ области просвѣщенія. Наконецъ, въ 1903 году я уже дѣлалъ попытки передать свою библіотеку С.-Петербургскому Го-

родскому Управленію, но эта попытка, не по моей винѣ, окончилась неудачно. Лига Образованія въ моихъ глазахъ является возрожденіемъ и продолженіемъ С.-Петербургскаго Комитета Грамотности, безвременно погибшаго подъ слизкой и холодной лапой великаго инквизитора. Я вижу въ спискѣ членовъ Лиги многихъ моихъ друзей и соработниковъ по Комитету. Въ моей душѣ оживаютъ воспоминанія о Комитетѣ. Я искренно радуюсь, что одно изъ дѣлъ моей жизни будетъ находиться въ завѣдываніи друзей, посвятившихъ всю свою жизнь великому дѣлу самаго широкаго просвѣщенія народныхъ массъ и на борьбу за права и счастье трудящагося народа. Я вѣрю, что эти работники и борцы поведутъ дѣло лучше меня и въ немъ всегда будутъ давать отчетъ всему населенію, которому, какъ я сказалъ, отнынѣ и принадлежитъ библіотека, основанная моей покойной матерью.

* * *

Библіотека, принадлежащая всему населенію, разумѣется, должна быть организована такъ, чтобы хозяиномъ ея было дѣйствительно все населеніе. Иначе говоря, библіотека эта должна быть организована на самыхъ широкихъ демократическихъ, общественныхъ началахъ. Это и имѣлось въ виду при выработкѣ проекта библіотечнаго устава, подлежащаго нынѣ вашему разсмотрѣнію и утвержденію.

Но уставъ — это, такъ сказать, лишь формальная сторона дѣла. Кромѣ демократизаціи устава, должна быть осуществлена демократизація книжнаго обращенія, т.-е. тѣхъ книжныхъ богатствъ, которыя и составляютъ библіотеку. Иначе говоря, библіотекѣ долженъ быть приданъ такой характеръ, чтобы всѣ эти книжныя богатства дѣйствительно стали обслуживать именно тѣхъ гражданъ, которые въ этихъ богатствахъ наиболѣе нуждаются, т.-е. тѣхъ, которые наиболѣе обдѣлены благами жизни при современномъ капиталистическомъ строѣ. Но что означаютъ

эти слова? Онѣ означаютъ, что долженъ быть демократизированъ, такъ сказать, самый каталогъ библіотеки, самый каталогъ библіотечныхъ книгъ. Такая демократизація — это вопросъ сближенія книги съ читателемъ, съ толпой, это вопросъ общественнаго служенія всякой книги, вошедшей въ составъ библіотеки, ея служенія прежде всего трудящемуся народу; это вопросъ книжнаго распространенія, книжныхъ завоеваній человѣческихъ душъ; это вопросъ наступательнаго дѣйствія книги на читателя; это вопросъ общественной психологіи и соціологіи. Библіотека — и общественная психологія! Библіотека — и переживаемый историческій моментъ! Эти понятія совсѣмъ не такъ далеки одно отъ другого, какъ это кажется съ перваго взгляда. Они тѣсно связаны между собой. Библіотека — орудіе общества въ борьбѣ за лучшее будущее, орудіе для распространенія не только научныхъ знаній, не только пониманія, т.-е. критическаго отношенія къ окружающей дѣйствительности, но и общественнаго настроенія. Если такимъ орудіемъ является книга, то какъ же не быть имъ цѣлой библіотекѣ, т.-е. ассоціаціи книгъ? Девизъ всей моей жизни былъ таковъ: „Да здравствуетъ книга, могущественнѣйшее орудіе борьбы за истину и справедливость“. Позволяю себѣ думать, что это не только мой девизъ, но и девизъ многихъ другихъ работниковъ книжнаго дѣла, преслѣдующихъ просвѣтительныя и общественныя задачи. Онъ же долженъ стать девизомъ общественной библіотеки, организуемой на широкихъ началахъ. Въ этомъ девизѣ — самая суть библіотечнаго дѣла, потому что въ немъ самая суть книжнаго дѣла вообще. Но что такое книжное дѣло? Это дѣло — та же жизнь, это дѣло идетъ вовсе не въ тишинѣ ученаго кабинета, а также и въ борьбѣ. Это дѣло — не бюхервурмство и не книгоѣдство, и не психопатическое коллекціонированіе, оно вовсе не сводится къ глотанію книжной пыли и смакованію книжнаго хлама; это дѣло — кипѣніе, оно должно быть полно горячаго общественнаго настроенія, настроенія борьбы. Вѣдь вопросъ и идетъ о томъ, чтобы вооружить

наиболѣе обездоленные классы такими мощными орудіями борьбы, каковы знаніе, пониманіе и настроеніе. Но вѣдь это вопросъ всего современнаго строя. Развѣ можно сводить, въ такомъ случаѣ, книжное дѣло къ уровню какой-то мертвечины? Потому я и говорю: это дѣло — сама жизнь и борьба. Такъ къ нему и должно относиться. Такъ его и слѣдуетъ понимать. Да такъ его и понимаютъ въ настоящее время многіе десятки тысячъ работниковъ и борцовъ, усиліями которыхъ теперь, можно сказать, вся Россія вооружилась честной книгой, — такой самой книгой, за какую еще вчера тысячи самоотверженныхъ людей несли неслыханныя страданія, напоминающія средневѣковье [1]). Сообразно съ этой основной задачей книжнаго распространенія должно быть организовано и библіотечное дѣло. Вѣдь библіотека есть и должна быть именно органомъ распространенія книги. Объ этой внутренней идейной организаціи библіотечнаго дѣла я и намѣренъ сегодня сказать нѣсколько словъ. Но позвольте сначала сдѣлать еще одно маленькое замѣчаніе pro domo sua. Не безъ нѣкотораго смущенія приступаю я къ своей задачѣ. Вѣдь мнѣ придется говорить о томъ, чего я самъ не въ силахъ былъ выполнить. Мнѣ придется рисовать такія перспективы, какихъ я самъ и всѣ мои сотрудники по библіотекѣ не смогли выполнить въ жизнь. Да, и они не смогли, и я не смогъ, потому что библіотечное дѣло — это вовсе не маленькое культурное дѣло, это дѣло широкое и общественное, а чтобы поднять его на должную высоту, не достаточно силъ и средствъ одного человѣка. Настоящее общественное дѣло можетъ быть сдѣлано только общественными усиліями и общественными средствами. Но для него нужны не только средства. Еще нужнѣе то, чего не можетъ ему дать никакой капиталъ, если бы онъ и находился въ распоряженіи даннаго просвѣтительнаго учрежденія. Для развитія этого послѣдняго необходимо прежде всего общественное настроеніе многихъ

---

[1]) Писано было въ 1907 г.

отдѣльныхъ работниковъ. Только такое настроеніе, только ихъ единеніе, ихъ трудъ, ихъ пониманіе всей жизненности и жизненнаго значенія этого учрежденія можетъ поднять его на должную высоту. На нашемъ примѣрѣ, какъ въ каплѣ воды солнце, отражается старая истина, что частная собственность — плохое условіе для подъема общественнаго настроенія, а значитъ и для производительнаго труда работника. Да, я не могъ поднять бывшую мою библіотеку на ту высоту, которой я для нея желалъ и которой, по мѣрѣ силъ, добивался. Я не могъ осуществить тѣ перспективы, которыя выяснились для меня многолѣтнимъ изученіемъ книжнаго и библіотечнаго дѣла. Но вы, вы — общество, вы — часть народа, вы — трудовая интеллигенція, — вы это навѣрно сможете. Будемъ же теперь говорить о такихъ перспективахъ библіотечнаго дѣла, которыя для всѣхъ насъ одинаково желательны, и будемъ говорить о нихъ именно для того, чтобы осуществлять ихъ общими силами. Вѣдь теперь между нами нѣтъ собственника. Мы всѣ — совладѣльцы и всѣ сотрудники. Насъ всѣхъ должно соединить это самое совладѣніе, трудъ и общая, основная цѣль.

Настоящая общественная библіотека, во всѣхъ своихъ деталяхъ, въ самой мелкой, какъ и въ самой крупной, должна быть организована такъ, чтобы возможно большее число возможно лучшихъ книгъ могло проникать въ возможно широкій кругъ читателей. Это наша цѣль, это наша задача. Къ ней долженъ быть особымъ образомъ приспособленъ и составъ библіотеки, подборъ книгъ въ ней, и размѣщеніе книгъ въ каталогѣ, и самый каталогъ, и даже его внѣшность. Съ тою же цѣлью должно быть организовано изученіе читающей публики, т. е. подписчиковъ. На эту сторону дѣла необходимо даже обратить особенное вниманіе. Вѣдь изучать читающую публику, присматриваться къ жизни этой самой публики, ея нуждамъ, интересамъ, потребностямъ и стремленіямъ, я не говорю о самой послѣдней и самой грубой

сторонѣ библіотечнаго дѣла (т. е. о спросѣ на книгу),— присматриваться къ читающей публикѣ, говорю я,—да вѣдь это же и значитъ изучать ту среду, въ которой и для которой существуетъ библіотека. Вѣдь это и значитъ искать ту точку опоры, съ которой и можно по-немножку сдвигать шаръ земной. Труизмъ, что всякая библіотека должна служить своимъ подписчикамъ. Но въ этотъ труизмъ необходимо вложить новый, настоящій смыслъ. Мы должны разсмотрѣть, какъ именно и чѣмъ должна служить имъ библіотека. Мы должны поставить на очередь слѣдующій вопросъ и дать точный отвѣтъ на него: какъ приблизить библіотеку къ читателю? Какимъ способомъ внѣдрить хорошую, честную книгу въ толпу, какъ заинтересовать книгой, какъ облегчить читателямъ возможно разумный выборъ возможно хорошихъ книгъ? Какъ облегчить доступъ къ книгѣ? Какъ подчинить вліянію библіотеки возможно широкій раіонъ? Какъ на дѣлѣ осуществить систему библіотечнаго расширенія (Bibliothekextension)? Вотъ въ чемъ заключается внутренняя, идейная демократизація библіотеки. Мы должны сдѣлать библіотеку живымъ организмомъ. Мы должны сдѣлать этотъ организмъ своего рода питомникомъ самыхъ полезныхъ общественныхъ микробовъ. Каждая книга должна быть такимъ микробомъ; эти микробы должны летѣть во всѣ стороны изъ этого нашего организма, съ нашею, господа, именно нашею планомѣрною и сознательною помощью. И не туда летѣть, куда ихъ понесетъ вѣтеръ, а туда, куда намъ самимъ нужно, чтобы они летѣли.

И такъ, прежде всего о составѣ библіотеки. Какъ ее подобрать? Одно дѣло—библіотеку подобрать, и совсѣмъ другое дѣло—библіотеку собирать. Собирать,—это значитъ принимать въ составъ библіотеки всякую книгу. Это значитъ,—попросту копить всякія книги, т. е. организовывать книгохранилище. Но совсѣмъ другое дѣло библіотеку подбирать. Правда, во всякой библіотекѣ должна встрѣчать радушный пріемъ та книга, которая придетъ туда сама,

т. е. безъ напряженія нашихъ матеріальныхъ и духовныхъ силъ. Зачѣмъ ставить какой-либо предѣлъ росту библіотеки? Пусть она растетъ хотя бы до размѣровъ Императорской Публичной, подобно тому, какъ это имѣло мѣсто въ Соединенныхъ Штатахъ, гдѣ частныя библіотеки, перешедшія въ общую собственность, достигли въ иныхъ городахъ громадныхъ размѣровъ. Но сдѣлаться книгохранилищемъ,—этого одного еще мало. Для насъ важенъ не только наборъ, но прежде всего подборъ книгъ. Въ каждомъ книгохранилищѣ должно находиться, такъ сказать, библіотечное ядро. Въ этомъ самомъ ядрѣ и лежитъ центръ тяжести собственно идейнаго значенія библіотеки. Это ядро само должно представлять изъ себя библіотеку,—такъ сказать, библіотеку въ библіотекѣ,—организованное книжное государство въ книжномъ государствѣ неорганизованномъ,—представительное собраніе молчаливыхъ мудрецовъ, лучшихъ людей человѣчества всѣхъ временъ и народовъ, мудрецовъ, которые обыкновенно молчатъ, сами ни къ кому не идутъ, но пускаются тотчасъ-же въ разговоръ со всякимъ желающимъ, кто бы ни пришелъ къ нимъ. Какъ извѣстно, организація—сила. Библіотечное ядро—тоже сила. Оно представляетъ изъ себя тоже особую библіотечку. На его-то организацію больше всего и слѣдуетъ обращать вниманіе, такъ какъ оно, подобно клѣточному ядру живой организованной клѣтки, и придаетъ жизнь этой послѣдней. Какъ же должно быть организовано библіотечное ядро? Оно должно представлять изъ себя дѣйствительно настоящую энциклопедію всѣхъ наукъ, но только не простую энциклопедію, а составленную изъ разныхъ книгъ по всѣмъ главнѣйшимъ отраслямъ знанія. Книги эти должны быть, разумѣется, классифицированы, но не такъ классифицированы, какъ это дѣлается обыкновенно въ библіотечныхъ каталогахъ, планируемыхъ по общепринятому шаблону. Нѣтъ, эта энциклопедическая библіотека должна осуществить въ самой себѣ опредѣленный общій планъ, и не случайный планъ, а именно тотъ, который осуществленъ и

давнымъ давно уже существуетъ, но только не въ библіотекѣ, а во Вселенной. Планъ библіотеки — это планъ Вселенной. Вѣдь всякая книга есть отраженіе и выраженіе какого-либо ряда явленій. Совокупность книгъ—какъ я уже имѣлъ честь говорить въ докладѣ, читанномъ въ Спб. Комитетѣ Грамотности еще въ 1893 году,—совокупность книгъ, т. е. библіотека, это есть совокупность книжныхъ отраженій всѣхъ явленій міровой жизни, какія только подмѣчены человѣчествомъ. Иначе говоря, библіотека-энциклопедія — это прежде всего книжное отраженіе Вселенной.

Но, быть можетъ, и книгохранилище, въ этомъ смыслѣ, такое же отраженіе ея? Нѣтъ, отъ энциклопедической библіотеки, и именно отъ научнаго отдѣла ея, требуется нѣчто большее: въ его основѣ, въ его планѣ должна лежать законченная научная схема, а именно — научная классификація явленій, всѣхъ явленій,—и космическихъ, и неорганическихъ, и явленій органической и психической жизни, и явленій общественныхъ, во всей ихъ сложности, т. е. всѣхъ сторонъ этой жизни, какъ духовной, такъ и политической, такъ и экономической, лежащей въ основѣ всѣхъ прочихъ ея сторонъ, какъ жизни общества, такъ и жизни отдѣльной личности, и стремленій этой личности къ такому или иному ея идеалу. Вѣдь всѣ явленія представляютъ собою, въ своей совокупности, единое цѣлое. Всѣ они перепутаны въ гигантскій и сложнѣйшій клубокъ, который и называется Вселенной. На основаніи же классификаціи явленій могутъ быть классифицированы науки, а на основаніи этихъ послѣднихъ могутъ быть классифицированы и книги. Весьма удовлетворительную классификацію наукъ, какъ извѣстно, далъ Огюстъ Контъ. Эта его классификація, расширенная и дополненная Джономъ Стюартомъ Миллемъ, Гобло и др. мыслителями, стоитъ въ сущности непоколебимо, въ своихъ основныхъ чертахъ, и по настоящее время. По нашему мнѣнію, она чрезвычайно удобна для планированія раціональнаго каталога энциклопедической библіотеки. Эту самую схему я и положилъ въ основу

своего труда, носящаго названіе „Среди книгъ“ и представляющаго попытку примѣрнаго каталога для общеобразовательной энциклопедической библіотеки. Сущность этой схемы заключается вотъ въ чемъ. Огюстъ Контъ даетъ слѣдующій рядъ наукъ: во-первыхъ, науки математическія, затѣмъ астрономія, физика, химія, біологія и соціологія. Иначе говоря: міръ отношеній математическихъ и космическихъ, міръ явленій природы неорганической, затѣмъ міръ явленій жизни, какъ органической, такъ и психической, и, наконецъ, міръ явленій жизни соціальной. Науки, перечисленныя выше, изучаютъ ту или иную область жизни. Всѣ эти науки находятся въ прямомъ соотвѣтствіи съ тѣми областями жизни, которыя изучаются ими, и всѣ стороны жизни находятся въ опредѣленныхъ и постоянныхъ отношеніяхъ одна къ другой, какъ въ смыслѣ ихъ сосуществованія, такъ и исторической (эволюціонной) послѣдовательности. Каждая наука соотвѣтствуетъ опредѣленной сторонѣ вселенной. Это и значитъ, что въ основѣ классификаціи наукъ лежитъ классификація явленій. Но вѣдь каждая наука представляетъ собою, въ свою очередь, цѣлую совокупность подчиненныхъ наукъ. Всѣ существующія науки можно распредѣлить въ видѣ таблицы—одновременно въ горизонтальный и вертикальный столбцы. Вертикальный столбецъ представляетъ слѣдующія рубрики Контовской схемы, дополненной другими авторами: гносеологія, логика, математика, астрономія, физика, химія, біологія съ психологіей, соціологія, этика. Горизонтальное дѣленіе таково: науки теоретическія, науки описательныя (конкретныя), науки прикладныя. Получается такимъ образомъ таблица наукъ, причемъ всѣ науки распредѣлены по клѣточкамъ этой таблицы, и расположеніе ихъ въ этихъ клѣточкахъ сразу раскрываетъ передъ читателемъ естественныя, внутреннія соотношенія не только всѣхъ наукъ, но и явленій Вселенной, ими изучаемой. Переходя по вертикальному столбцу отъ математики къ соціологіи, мы переходимъ отъ наукъ болѣе общихъ, но зато и менѣе сложныхъ — къ

наукамъ менѣе общимъ, но болѣе сложнымъ. А переходя по горизонтали отъ наукъ теоретическихъ къ прикладнымъ—мы переходимъ отъ философскихъ обобщеній данной области человѣческаго знанія къ конкретнымъ примѣненіямъ человѣческихъ знаній. Это лучше всего видно на примѣрѣ: каждой группѣ прикладныхъ наукъ соотвѣтствуетъ непремѣнно какая-нибудь группа наукъ описательныхъ, а этой послѣдней непремѣнно соотвѣтствуетъ какая-нибудь наука теоретическая. Теоретическая наука—это та же философія данной отрасли знанія, прикладная наука—это не что иное, какъ ея техника, искусство. Напримѣръ, садоводству, медицинѣ соотвѣтствуютъ въ таблицѣ описательныя науки ботаника и зоологія, а этимъ послѣднимъ—теоретическая наука біологія. Въ такомъ же отношеніи находится химическая технологія къ минералогіи и химіи, или практическая юриспруденція къ государственному праву отдѣльныхъ государствъ, а затѣмъ къ общей теоріи права, и т. д., и т. д. Далѣе, опредѣленное мѣсто въ такой схемѣ находитъ себѣ и логика, и гносеологія (т.-е. теорія познанія). Опредѣленное мѣсто занимаетъ въ каждой наукѣ философія и исторія этой науки. Наконецъ, во всей такой схемѣ раціональнаго каталога опредѣленное мѣсто занимаетъ и философія собственно, понимая подъ этимъ словомъ обобщеніе обобщеній, т.-е. общую сводку воедино всѣхъ отдѣльныхъ теоретическихъ наукъ, такъ сказать, философію отдѣльныхъ научныхъ философій. Я не буду затруднять вашего вниманія, вдаваясь въ детальное изложеніе раціональной схемы энциклопедическаго каталога. Это сдѣлано мною въ первой части моего труда „Среди книгъ“, къ которому и позвольте отослать всѣхъ интересующихся даннымъ вопросомъ. Полагаю, что основной принципъ раціональной схемы научнаго отдѣла энциклопедической библіотеки ясенъ и изъ вышеизложеннаго. Но вѣдь ни одна библіотека, и ужъ разумѣется библіотека энциклопедическая, не можетъ ограничиться однимъ отдѣломъ научнымъ, хотя этотъ послѣдній въ такой библіотекѣ и долженъ стоять на

первомъ мѣстѣ. Въ каждой такой библіотекѣ, кромѣ того, долженъ быть тщательно организованъ и литературный отдѣлъ, беллетристическій, а также, если можно такъ выразиться, отдѣлъ злободневный, въ который должны входить періодическія изданія и злободневныя брошюры и сборники. Этимъ послѣднимъ отдѣламъ, по вышеизложенной схемѣ, тоже имѣется опредѣленное мѣсто. Эти отдѣлы—не только необходимое дополненіе, но и не менѣе важная составная часть правильно организованной библіотеки. Научный отдѣлъ, какъ уже было сказано, есть книжное отраженіе явленій. Наука изучаетъ то, что есть, т. е. все существующее. Она изучаетъ его такимъ, въ какомъ видѣ все существуетъ. Но вѣдь человѣческій умъ не можетъ довольствоваться лишь изученіемъ того, что есть. Человѣкъ стремится выяснить передъ самимъ собою то, что, по его мнѣнію, должно быть, какъ объектъ его стремленій, чаяній, желаній и т. д. Читатель желаетъ знать не только самое человѣчество, но и идеалы человѣчества. То, что есть,—это дополненіе того, что должно быть. Это послѣднее находитъ себѣ самое полное отраженіе въ этикѣ и въ искусствѣ, а значитъ и въ художественной литературѣ. Этика стоитъ на границѣ двухъ отдѣловъ—научнаго и беллетристическаго. „Въ этотъ послѣдній отдѣлъ,—писали мы въ „Этюдахъ о русской читающей публикѣ“,—входятъ произведенія лучшихъ поэтовъ и мастеровъ прозы, успѣвшихъ занять опредѣленное мѣсто въ исторіи всемірной литературы прошлаго и настоящаго времени, а также произведенія публицистовъ и критиковъ. Составъ этого отдѣла долженъ быть особенно обширенъ и богатъ. Выразители общественныхъ теченій, художники, критики и публицисты должны занимать въ этомъ отдѣлѣ такое же мѣсто, какое они занимали въ исторіи общественныхъ теченій. При такой постановкѣ, отдѣлъ беллетристики сливается съ отдѣломъ критики, публицистики и этики и вообще отдѣломъ искусствъ и является отраженіемъ исторіи человѣческихъ стремленій и человѣческихъ идеаловъ. Критики и публицисты сопрово-

ждаютъ, при такой постановкѣ, поэтовъ и беллетристовъ въ библіотекѣ, подобно тому, какъ они сопровождаютъ ихъ въ исторіи". Изъ предыдущаго видно, что беллетристика занимаетъ мѣсто послѣ этики, которою начинается второй отдѣлъ библіотеки, и та же самая этика заканчиваетъ собою первый ея отдѣлъ. Оба отдѣла представляютъ не два разрозненныхъ отрѣзка, а двѣ, такъ сказать, равноправныхъ и равноцѣнныхъ половины единаго органическаго цѣлаго. Беллетристика — это отраженіе жизни, это, такъ сказать, нижнее звено цѣпи, за нею слѣдуютъ, органически съ нею связанные и все болѣе и болѣе углубляющіеся въ „пучины міроздания", и захватывающіе все болѣе и болѣе широкій кругъ явленій, и уходящіе въ сферы все болѣе и болѣе отвлеченныя, слѣдующіе отдѣлы литературы и науки, а значитъ и отдѣлы каталога; беллетристика и вообще искусство углубляется критикой, которая находитъ свое углубленіе въ публицистикѣ, а черезъ нее въ этикѣ. За нею слѣдуетъ рядъ общественныхъ наукъ, изучающихъ человѣческое общество въ его цѣломъ и отдѣльно—ту или иную сторону современнаго строя жизни, опять-таки все болѣе и болѣе идя въ глубину чрезвычайно сложнаго комплекса общественныхъ явленій: строй жизни духовной (строй религіозно-церковный, строй просвѣщенія), затѣмъ строй жизни правовой (политическій и юридическій), затѣмъ строй жизни экономической, которая является связующимъ звеномъ съ органической жизнью природы. Такъ, отъ человѣческой личности, какъ таковой, мы переходимъ къ человѣческой личности какъ къ организму. Далѣе мы разсматриваемъ этотъ организмъ сравнительно и въ связи съ изученіемъ другихъ организмовъ, животныхъ и растительныхъ, иначе говоря, изъ отдѣла соціологіи мы углубляемся въ отдѣлъ психологіи, антропологіи, зоологіи, ботаники и другихъ біологическихъ наукъ. Идя въ глубину явленій біологическихъ, мы находимъ тамъ явленія химическія, а въ ихъ глубинѣ—явленія физическія, представляющія изъ себя частный случай движенія массъ, частицъ,

атомовъ и эфира,—т. е. частный случай явленій механическихъ, явленій астрономическихъ (космическихъ); иначе говоря, мы переходимъ изъ отдѣла физики и химіи въ отдѣлъ астрономіи и математики. Но мы идемъ еще глубже. Мы ищемъ обоснованія самой математики, и такимъ обоснованіемъ является логика, указывающая индуктивные и дедуктивные пути, ведущіе къ истинѣ. Но и эти пути, въ свою очередь, требуютъ обоснованія и оцѣнки, и такую оцѣнку даетъ намъ теорія познанія. Такимъ образомъ, отъ теоріи познанія до беллетристики, какъ мы видѣли, черезъ всю цѣпь явленій, а значитъ и черезъ всю цѣпь наукъ, а значитъ и черезъ всѣ отдѣлы каталога, тянется одна единая и общая цѣпь, и всѣ звенья этой цѣпи неразрывно связаны одно съ другимъ. Даже болѣе того — они наложены одно на другое, они сложены, соединены, слиты. Это только человѣческій разумъ, для удобства изученія, растягиваетъ ихъ въ длинную цѣпь, а вѣдь въ насъ и вокругъ насъ — явленія соціальныя, психическія, физіологическія, химическія, космическія и т. д. происходятъ одновременно. Читатель, вникающій въ жизнь все глубже и глубже при помощи книгъ, будетъ переходить и изъ отдѣла въ отдѣлъ каталога общеобразовательной энциклопедической библіотеки, организованной такимъ образомъ. По таблицѣ каталога онъ будетъ взбираться къ высотамъ философіи, какъ по лѣстницѣ. Злоба дня на одномъ концѣ, отвлеченнѣйшая философія — на другомъ, и между ними тѣсная органическая связь, — такова схема каталога, подробно разработанная въ I части „Среди книгъ“. Таковъ планъ общеобразовательнаго каталога. И этотъ планъ не только есть возможность выработать теоретически — его можно и осуществить, заполнивъ всѣ, рѣшительно всѣ клѣтушки таблицы болѣе или менѣе хорошими книгами на русскомъ языкѣ, не говоря уже объ иностранныхъ книгахъ.

Это нами и сдѣлано въ 1904—5 гг., хотя и послѣ двухъ попытокъ (въ 1895 — 1897 г.), окончившихся тогда неудачей, за недостаткомъ книгъ. Лишь благодаря небыва-

лому оживленію издательскаго дѣла въ Россіи, имѣвшему мѣсто въ промежуткѣ 1894—1901 гг., явилась возможность составить примѣрный каталогъ большой общеобразовательной энциклопедической библіотеки по вышеизложенной схемѣ, что и было сдѣлано нами въ 1905 г. Этотъ каталогъ вошелъ во 2-ю часть I-го изд. „Среди книгъ“ Въ настоящее же время, послѣ книжнаго оживленія 1905—6 гг. осуществленіе вышенамѣченнаго возможно тѣмъ болѣе [1])...

Но составить по такому плану каталогъ еще недостаточно для того, чтобы энциклопедическая общеобразовательная библіотека, т.-е. библіотечное ядро каждаго книгохранилища, могла считаться библіотекой дѣйствительно демократизированной. Вѣдь науки-то могутъ существовать, вѣдь хорошія книги по каждой наукѣ тоже могутъ находиться на лицо, но книги-то эти могутъ оказаться недоступными именно тѣмъ кругамъ читателей, которые особенно въ нихъ и нуждаются. Эта сторона дѣла имѣетъ громадное значеніе для всякой страны и всякаго народа, а тѣмъ болѣе для народа русскаго, образовательный уровень котораго низводится „просвѣщеннымъ правительствомъ“ до минимума. Нѣтъ, схема каталога должна еще имѣть въ виду неподготовленность читателей. Она должна быть такова, чтобы подвигаться вверхъ могли по ней всякіе, даже всѣ читатели, даже самые неподготовленные, самые непросвѣщенные. Каждая клѣтушка таблицы, т. е. каждый отдѣлъ каталога, въ свою очередь, долженъ представлять изъ себя лѣстницу, и въ этой клѣтушкѣ книги должны быть распредѣлены по степенямъ трудности ихъ пониманія. Въ правильно организованной библіотекѣ, желающей служить всему трудящемуся народу, по каждой наукѣ долженъ быть подборъ такихъ книгъ, которыя могли бы вводить въ область знанія людей всѣхъ ступеней образованія, начиная отъ самыхъ низшихъ. На этомъ основаніи хорошая библіотека должна имѣть по каждой наукѣ, во-первыхъ, книги, сооб-

---

[1]) См. изд. 2-е 1911 г.

щающія знанія элементарныя, изложенныя вполнѣ доступно для людей, получившихъ образованіе ниже средняго, т.-е. такъ называемыя книги „народныя“; во-вторыхъ, книги, доступныя людямъ со среднимъ образованіемъ, т.-е. такъ называемыя популярныя, и, наконецъ, въ-третьихъ, книги, требующія отъ читателя солидной и даже спеціальной подготовки. При такой постановкѣ дѣйствительно демократичная библіотека развернетъ передъ читателями не только систему наукъ, и не только покажетъ, самымъ расположеніемъ отдѣловъ въ каталогѣ, ихъ связь и соотношеніе, — она развернетъ практическую возможность для каждаго читателя по любой наукѣ итти впередъ и вверхъ, съ любой ступени лѣстницы, куда угодно самому читателю.

А изъ предыдущаго слѣдуетъ: настоящая демократизированная библіотека должна включать въ себѣ и такъ называемую народную литературу, народную библіотеку, т.-е. комплектъ самыхъ элементарныхъ книжекъ по каждой наукѣ, и литературу популярную, т.-е. комплектъ научно-популярныхъ книжекъ, и, наконецъ, тяжелую артиллерію самыхъ капитальныхъ и обширныхъ произведеній, и для всѣхъ этихъ трехъ библіотекъ, входящихъ въ составъ единой общеобразовательной библіотеки, схема каталога одна и та же. Всѣ эти соображенія изложены и обоснованы въ вышеупомянутой моей работѣ.

* *

Итакъ, здѣсь было выяснено понятіе о книгохранилищѣ и объ энциклопедической общеобразовательной библіотекѣ. Но этимъ демократизація библіотечнаго состава еще не исчерпывается; надо итти по тому же пути еще дальше и еще глубже. Вѣдь общее образованіе должно быть лишь подкладкой спеціальному образованію. Современное общество, при современномъ раздѣленіи труда, — вѣдь это—совокупность спеціалистовъ въ той или иной области жизни и мысли, въ той или иной профессіи,

ремеслѣ, и т. д., и т. д. Организуя библіотеку, нельзя не думать и о спеціальныхъ отдѣлахъ ея, а именно о тѣхъ, которые соотвѣтствуютъ если ужъ не всѣмъ спеціальностямъ, то, по крайней мѣрѣ, главнѣйшимъ и наиболѣе распространеннымъ въ данной мѣстности. Такъ напр. для библіотеки, дѣйствующей въ раіонѣ опредѣленныхъ учебныхъ заведеній, возникаетъ вопросъ объ организаціи отдѣловъ, особенно необходимыхъ для учащихъ и учащихся въ этихъ учебныхъ заведеніяхъ. Таковы отдѣлы: техническій, педагогическій и т. д. Далѣе, читающую публику можно изучать и съ географической точки зрѣнія: библіотека, находящаяся въ рабочемъ районѣ, должна быть особенно приспособлена къ служенію интересамъ рабочаго населенія этого района. Особенности данной мѣстности должны найти свое отраженіе и въ библіотечномъ каталогѣ. И не только особенности мѣста, а и особенности даннаго времени. Такъ напримѣръ, въ переживаемый нами историческій моментъ было бы особенно желательно организовать при библіотекѣ возможно обширный отдѣлъ, посвященный спеціально исторіи русскихъ общественныхъ движеній, затѣмъ отдѣлъ по исторіи студенчества, отдѣлъ по земскому и городскому самоуправленію, отдѣлъ газетный и т. д. и т. д. Вѣдь теперь всѣ газеты на другой же день по ихъ выходѣ превращаются, благодаря „свободѣ“ печати, въ библіографическія рѣдкости. Какъ-же ихъ не собирать? Впрочемъ о спеціальныхъ отдѣлахъ библіотеки можно сказать очень многое, чего я не имѣю возможности сдѣлать за недостаткомъ времени, но нельзя не сказать двухъ словъ еще о двухъ спеціальныхъ отдѣлахъ, которые желательны для широко поставленной демократической библіотеки. Я говорю, во-первыхъ, объ отдѣлѣ справочномъ, въ который должна войти возможно обширная коллекція энциклопедій, словарей по разнымъ наукамъ, справочниковъ и т. д. и вообще книгъ, дающихъ возможность быстро получать тѣ научныя свѣдѣнія и справки, которыя невозможно получать быстро безъ помощи такихъ словарей, во-вторыхъ, я го-

ворю объ отдѣлѣ библіографіи и библіотековѣдѣнія. Этотъ послѣдній отдѣлъ представляетъ собою, такъ сказать, опору для самой библіотеки. Работа въ библіотекѣ сама требуетъ для себя множество всевозможныхъ справокъ, и для такой работы необходимы извѣстныя пособія. Списокъ этихъ пособій данъ мною въ приложеніи къ вышеупомянутому моему труду. Такимъ образомъ получается болѣе или менѣе полная картина, такъ сказать, анатомической структуры большой, правильно поставленной библіотеки.

Но вѣдь намѣтить структуру еще мало, — необходимо ее осуществлять, необходимо строить и строить наше зданіе по выше намѣченному плану. Какъ извѣстно, не очень-то легко найти средства для организаціи общественной библіотеки въ большихъ размѣрахъ. Это показываетъ намъ исторія провинціальныхъ общественныхъ библіотекъ. Но есть возможность иной разъ и съ маленькими средствами и экономно строить большое зданіе. Я говорю не о собираніи пожертвованій книгами, которыя начинаютъ понемногу притекать въ каждую библіотеку, если только она общественная собственность; я говорю и не о соглашеніи съ издателями и авторами, которые обыкновенно соглашаются присылать всѣ свои изданія въ библіотеку, если не безплатно, то по пониженной цѣнѣ, какъ и редакціи многихъ періодическихъ изданій; я не говорю и о букинистахъ, которые за послѣдніе годы непомѣрно подняли цѣны на свой товаръ и продаютъ подержанныя книги по той же цѣнѣ и съ тою же десятипроцентной скидкой, какую охотно дѣлаетъ для библіотеки любой книгопродавецъ. Нѣтъ, есть еще два способа пополненія библіотеки. Первый способъ состоитъ въ борьбѣ съ букинистами. Всѣ мы, члены Лиги, должны стараться недопускать до букинистовъ тѣхъ домашнихъ библіотекъ, которыя нерѣдко попадаютъ къ нимъ въ руки и покупаются ими по непомѣрно низкой цѣнѣ, напримѣръ отъ тѣхъ частныхъ лицъ, которыя спѣшатъ сбыть свои книги, по случаю-ли спѣшнаго отъѣзда, по случаю-ли смерти родственника и т. д. Букинисты главнымъ

образомъ питаются именно такими покупками. Любая библіотека, тѣмъ болѣе общественная, за тѣ же самыя книги, можетъ заплатить больше, чѣмъ даютъ букинисты. Говорю это на основаніи своего личнаго опыта, такъ какъ бывшая моя библіотека составилась именно благодаря гуртовымъ покупкамъ многихъ домашнихъ библіотекъ. Но есть еще одинъ способъ пріобрѣтенія книгъ: каждый годъ въ Императорской Публичной библіотекѣ копились до послѣдняго времени, а отчасти и теперь копятся, дубликаты, представляемые туда, на основаніи закона, изъ Главнаго Управленія по дѣламъ печати. Часть этихъ дубликатовъ остается въ Имп. Публичн. библіотекѣ и идетъ на пополненіе ея состава. Куда же идутъ дубликаты книгъ, уже имѣющихся въ публичной библіотекѣ? Императорская Публичная библіотека продаетъ ихъ букинистамъ по дешевой цѣнѣ, поддерживаетъ букинистовъ-торгашей, а тѣ перепродаютъ книги иной разъ и общественнымъ библіотекамъ. Этотъ фактъ говоритъ самъ за себя и въ комментаріяхъ не нуждается. Широко поставленная демократическая библіотека должна объединить свое собственное пополненіе съ содѣйствіемъ пополненію другихъ общественныхъ библіотекъ. Она должна организовать пріобрѣтеніе домашнихъ библіотекъ помимо букинистовъ, и вмѣстѣ съ этимъ организовать разсылку дубликатовъ по провинціальнымъ общественнымъ библіотекамъ. Она должна не только строить свое собственное зданіе по энциклопедическому плану, но и помогать постройкѣ другихъ такихъ же зданій, и помогать общими силами по извѣстному демократическому принципу: „всѣ за одного и одинъ за всѣхъ“. Такимъ способомъ сдѣлается возможнымъ организація и книгохранилища, и общеобразовательной энциклопедической библіотеки, и спеціальныхъ отдѣловъ.

Но идемъ дальше. Накопить книги и правильно распредѣлить ихъ по отдѣламъ, — это только еще начало демократизаціи. Необходимо еще пустить ихъ въ ходъ. Необходимо сдѣлать такъ, чтобы книги ежедневно вылетали

изъ библіотеки, какъ искорки изъ фабричной трубы, и неслись бы во всѣ стороны, отыскивая для себя подходящій матеріалъ. Распространеніе библіотечныхъ книгъ — это слѣдующій шагъ по пути демократизаціи. Онъ начинается, если можно такъ выразиться, съ составленія каталоговъ, и именно цѣлой системы каталоговъ, которые всѣ имѣли бы одну общую цѣль — облегчать пользованіе накопленными книжными богатствами, — дѣлать извѣстнымъ всѣ детали книжнаго состава. Здѣсь мы подходимъ къ одному изъ труднѣйшихъ техническихъ вопросовъ библіотечнаго дѣла, о которомъ существуетъ обширная литература на иностранныхъ языкахъ. Необходимы такіе каталоги, благодаря которымъ библіотекарь о каждомъ, и даже очень мелкомъ вопросѣ могъ бы навести и дать подробнѣйшія библіографическія справки съ затратой для этого наименьшаго количества времени. Это достигается не однимъ какимъ-либо каталогомъ, а цѣлой системой, цѣлой библіотечкой ихъ. Въ составъ ея входятъ и инвентарный каталогъ, и общіе каталоги, и спеціальные — каталоги по именамъ авторовъ, каталоги по названіямъ книгъ, каталоги по наукамъ, по вопросамъ, каталоги брошюръ, каталоги журнальныхъ статей, каталоги карточные, каталоги для читателей наименѣе подготовленныхъ, каталоги книгъ изъ всѣхъ отдѣловъ, но книгъ, доступныхъ дѣтямъ до 15-лѣтняго возраста, каталоги книгохранилища, спеціальныхъ отдѣловъ, каталоги энциклопедической библіотеки, и проч. и проч. Наконецъ, долженъ существовать еще одинъ типъ каталоговъ, на составленіе котораго навела меня моя работа въ библіотекѣ и жизнь среди книгъ. Я говорю о каталогѣ книжнаго содержанія. Представьте себѣ словарь, обширный словарь, въ который включено, въ алфавитномъ порядкѣ множество всевозможныхъ вопросовъ по всѣмъ отраслямъ знанія, жизни и мысли, вопросовъ, самыхъ разнообразныхъ, въ томъ числѣ и вопросовъ „проклятыхъ“, такъ волнующихъ человѣчество, вопросовъ партійныхъ, даже злободневныхъ, и т. д., и т. д. Далѣе, представьте себѣ, что при

каждомъ вопросѣ, внесенномъ въ такой словарь, вамъ будетъ указана лучшая литература по этому самому вопросу, — и беллетристическая, и публицистическая, и научная, и для читателей самой разнообразной подготовки. Благодаря такому расположенію матеріала, вы въ любое время и по любому вопросу можете получить обстоятельную библіографическую справку, что читать вамъ въ цѣляхъ полученія отвѣта на него, — стоитъ вамъ только отыскать въ словарѣ этотъ интересующій васъ вопросъ. Планъ такой работы изложенъ мною въ предисловіи къ „Среди книгъ“, и въ настоящее время я уже два года работаю надъ составленіемъ такого словаря-справочника. При помощи такого словаря, если мнѣ удастся его составить, всякій работникъ, стоящій около книгъ, получитъ въ руки орудіе для распространенія знаній. На всякій вопросъ любого читателя, „что мнѣ читать по такому-то вопросу“? — такой словарь можетъ дать опредѣленный отвѣтъ. Онъ укажетъ не только заглавія книгъ, какъ это дѣлается обыкновенно, а именно ихъ содержаніе, независимо отъ заглавія, которое иной разъ ничего не говоритъ читателю, — укажетъ даже главы и страницы книгъ, и укажетъ не печатный хламъ, а произведенія дѣйствительно цѣнныя, содержательныя и соотвѣтствующія опредѣленному міросозерцанію. Надѣюсь въ концѣ 1907 года приступить къ печатанію такого указателя книжнаго содержанія [1]). Пусть онъ будетъ дальнѣйшимъ этапомъ въ дѣлѣ распространенія знаній и идей. Пусть онъ вооружитъ знаніемъ книжнаго содержанія всѣхъ работниковъ, ведущихъ борьбу при помощи книги и стоящихъ около книгъ. Разумѣется, не моя работа это сдѣлаетъ. Но лиха бѣда начало. Другіе сдѣлаютъ ее лучше меня. Но она будетъ сдѣлана. Вѣдь, если

---

[1]) Работа эта нынѣ уже сдѣлана. Такой указатель вошелъ во 2-е изд. „Среди книгъ“. Ко II тому этого изданія приложенъ подробный указатель вопросовъ, съ указаніемъ страницъ этого труда, гдѣ даются отвѣты на эти вопросы, причемъ составителемъ использовано болѣе 20.000 томовъ для составленія такого справочника.

бы въ читающую толпу перешла хоть одна милліонная часть того, что содержится въ лучшихъ произведеніяхъ человѣческаго генія, такъ и тогда міръ сдѣлался бы неузнаваемымъ. Даже очень книжные люди знаютъ книги лишь по заголовкамъ и вовсе не знаютъ ихъ содержанія. Въ настоящее время книжныя знанія растворены въ толпѣ по гомеопатическому рецепту, — ихъ необходимо пустить въ оборотъ en masse.

Но сдѣлать это, разумѣется, можно не только при помощи цѣлаго ряда всевозможныхъ каталоговъ, служащихъ для знакомства съ названіями книгъ, такъ сказать, формальной наличностью данной библіотеки. Эти каталоги — лишь одинъ изъ способовъ для распространенія книгъ.

Переходимъ теперь къ слѣдующимъ:

Книга дѣлаетъ свое дѣло, разумѣется, не тогда, когда стоитъ на полкѣ. Вся суть въ томъ, чтобы она тамъ не стояла. Умѣніе пускать книги въ читающую публику, — и пускать ихъ планомѣрно, упорно и по всѣмъ направленіямъ, во всѣ слои читающей публики, — это своего рода практическое искусство, это прикладная наука библіотековѣдѣнія. И прежде всего — это одна изъ отраслей той новой науки, которую Геннекенъ когда-то назвалъ эстопсихологіей. Эта наука основана на слѣдующемъ: чтобы при помощи книги дѣйствовать на читателя, бороться съ его незнаніемъ и непониманіемъ, необходимо изучить этого самаго читателя. Необходимо изучать его, подобно тому, какъ профессоръ П. Ф. Лесгафтъ изучалъ школьные типы, изучать психологически, соціологически, изучать въ той обстановкѣ, въ которой читателю приходится жить, изучать, выражаясь языкомъ физики, тотъ коэффиціентъ преломленія человѣческой души, какимъ характеризуется психика даннаго читателя. Я говорю „коэффиціентъ преломленія“ вотъ почему: вѣдь психика писателя, его мысль, его настроеніе, испытываютъ всегда и всюду нѣкоторое преломленіе, переходя, при посредствѣ книги, въ психику читателя. Разные типы читателей проявляютъ разное от-

ношеніе къ одной и той же книгѣ, и наоборотъ — разныя книги дѣйствуютъ на одного и того же читателя неодинаково, въ зависимости отъ психики этого послѣдняго, которая, въ свою очередь, есть функція многихъ перемѣнныхъ, т.-е. находится подъ вліяніемъ безконечнаго числа всевозможныхъ обстоятельствъ и личной и общественной жизни или, какъ выражается Тэнъ, подъ вліяніемъ расы даннаго читателя, его среды и даннаго историческаго момента. Какъ и какая книга дѣйствуетъ на какого читателя при разныхъ обстоятельствахъ? Вотъ чрезвычайно сложный вопросъ, на который отвѣтъ можетъ дать лишь особый отдѣлъ науки психологіи—эстопсихологія и отдѣлъ этой послѣдней — психологія читательская. Научное изученіе этого вопроса имѣетъ, разумѣется, громадный интересъ и теоретическій и практическій. Искать на него точный и опредѣленный отвѣтъ путемъ изученія читающей публики — это значитъ изучать распредѣленіе и распространеніе въ различныхъ слояхъ народа и общества — различныхъ общественныхъ теченій, настроеній, міросозерцаній, теорій, стремленій; это значитъ изучать и классовое сознаніе, и ростъ и упадокъ этого сознанія, и его подъемъ и пониженіе, его модификаціи, и т. д., и т. д. Такое изученіе имѣетъ громадный интересъ, во-первыхъ, въ научномъ отношеніи. Это своего рода экспериментальная общественная психологія. Если бы дѣло изученія читающей публики было широко поставлено во всей странѣ на психологическихъ и соціологическихъ основаніяхъ, это дало бы возможность наукѣ такъ выяснить современный историческій моментъ, какъ не можетъ его выяснить никакой историкъ, никакой экономистъ. Но до идеала такого изученія еще очень далеко. Въ настоящее время намъ приходится только доказывать возможность и необходимость его существованія, между прочимъ, и для развитія библіотечнаго дѣла. Намъ приходится всячески настаивать на томъ, чтобы въ каждой общественной библіотекѣ дѣло изученія читающей публики велось возможно раціональнѣе, чтобы составители библіотечныхъ отчетовъ

помѣщали въ нихъ не только свѣдѣнія о числѣ выданныхъ книгъ и числѣ посѣтителей, — свѣдѣнія, имѣющія третьестепенный интересъ. Нѣтъ, мы должны твердить и твердить: каждая библіотека должна изучать ту общественную среду, которую она обслуживаетъ. Каждая библіотека должна собирать и давать матеріалъ для отвѣта на слѣдующіе вопросы: какія именно книги, какія именно общественныя теченія, какія міросозерцанія находятъ наиболѣе благопріятный пріемъ въ какихъ именно общественныхъ группахъ читающей публики? Вотъ основная задача библіотечной статистики. Она заключается въ томъ, чтобы, на основаніи точныхъ данныхъ, выяснить и почву для воздѣйствія, и результаты своего собственнаго воздѣйствія на читающую публику въ дѣлѣ распространенія въ ней опредѣленнаго цикла идей. Какъ уже сказано, въ этомъ-то и заключается практическая задача каждой библіотеки служить сознательно и планомѣрно распространенію знаній, пониманія и настроенія. А это только и можно сдѣлать лишь при помощи правильно организованной библіотечной статистики. Именно эта наука покажетъ, на какую почву какія сѣмена нужно сѣять, для того, чтобы получить наилучшій урожай. Отвѣтъ на этотъ вопросъ необходимъ для самой библіотеки, для ея собственнаго процвѣтанія. Это не только вопросъ научный, теоретическій, но и практическій: такъ какъ въ библіотекѣ наблюдается наибольшій приливъ подписчиковъ только тогда, когда библіотека дѣйствительно ихъ удовлетворяетъ. Вдумаемся въ эти самыя слова: „Библіотека удовлетворяетъ подписчиковъ“. Что они означаютъ? Они обозначаютъ вовсе не то, что библіотека приспособляется къ подписчику и удовлетворяетъ какой угодно спросъ на какія угодно книги. Спросъ остается спросомъ. Спросъ — это первая ступень лѣстницы, съ которой данный читатель начинаетъ свое собственное чтеніе и образованіе. Но вѣдь за первой ступенью должны слѣдовать вторая, третья и т. д., цѣлая лѣстница ступеней, ведущая на самые верхи человѣческаго

знанія, пониманія и настроенія, или, выражаясь терминами Гюйо, за началомъ жизни каждой отдѣльной личности слѣдуетъ расширеніе этой жизни, углубленіе, возвышеніе, интенсификація ея. Пусть читатель спрашиваетъ для своего чтенія что угодно. Первое дѣло библіотеки — не отгонять читателя. Второе ея дѣло — показать ему ту лѣстницу, по которой онъ, именно онъ, — такой, какой онъ есть, — можетъ итти впередъ и вверхъ. Третье дѣло — показать ему значеніе этой лѣстницы въ дѣлѣ его личнаго общаго образованія — и значеніе ея, какъ теоретическое, такъ и практическое, для многихъ и многихъ людей, такихъ же какъ онъ и уже идущихъ по ней. Четвертое дѣло библіотеки — это дать возможность итти по этой лѣстницѣ впередъ и впередъ, все выше и выше — и итти съ неослабнымъ интересомъ и ни на минуту не теряя изъ виду значенія этого восхожденія для практической жизни. Разумѣется, чтобы выполнить все это, и сама библіотека должна приспособиться къ читателю, но приспособиться не для того, чтобы ему потакать въ его иногда низменныхъ вкусахъ и стремленіяхъ, а для того, чтобы вести его впередъ и вверхъ. Цѣль библіотечной работы — всегда и вездѣ служить возвышенію читателя. Отсюда правило для нея: приспособляйся, но лишь настолько, чтобы приспособлять. Но тутъ необходимо имѣть въ виду еще одну сторону: библіотека должна въ высшей степени бережно относиться къ личности каждаго читателя. Она вѣдь должна раскрывать передъ читателемъ кругозоръ, развертывать передъ нимъ широкія перспективы, указывать ему длинные ряды лучшихъ книгъ. Дѣло самаго читателя рѣшать — пользоваться ему или не пользоваться этими указателями, читать или не читать рекомендуемыхъ книгъ. Да иначе и невозможно ставить вопросъ, по крайней мѣрѣ, для взрослыхъ читателей. Объ учащихся и малолѣтнихъ я скажу нѣсколько словъ ниже. На библіотеку нельзя, конечно, смотрѣть какъ на спеціальное учрежденіе для тренировки читателя. Вся суть не въ тренировкѣ, а въ организаціи самостоятельнаго выбора книгъ самимъ читателемъ. Въ боль-

шой, правильно организованной библіотекѣ найдутъ себѣ мѣсто представители всѣхъ мало-мальски крупныхъ общественныхъ теченій, начиная отъ ультра-реакціоннаго и кончая крайнимъ лѣвымъ, начиная съ Каткова и Побѣдоносцева, Греча, Булгарина и Суворина и кончая Жаномъ Гравомъ и Себастіаномъ Форомъ. Но въ правильно организованной библіотекѣ всякій представитель всякаго общественнаго теченія окажется окруженнымъ литературными возраженіями представителей всѣхъ прочихъ общественныхъ теченій, такъ сказать, подъ перекрестнымъ огнемъ ихъ. Библіотека, организованная такимъ способомъ, и въ этомъ случаѣ опять-таки оказывается не чѣмъ инымъ, какъ отраженіемъ жизни. Она ничего не замалчиваетъ. Она ничего никому не навязываетъ. Она только доводитъ до свѣдѣнія всѣхъ и каждаго, что „не только свѣта, что въ его узенькомъ окошкѣ“. Библіотека покажетъ каждому читателю, что и на свое собственное міросозерцаніе онъ долженъ взглянуть критически, что держаться какого-либо міросозерцанія — это значитъ вмѣстѣ съ тѣмъ искать и искать истину, что истина и справедливость выше всякой партійной программы и всякаго, хотя бы и классового, интереса. Трудно исчерпать немногими общими словами этотъ щекотливый вопросъ о руководительствѣ читателя библіотекой. Чтобы положить конецъ хоть нѣкоторымъ недоразумѣніямъ, скажемъ слѣдующее: библіотека можетъ и должна руководить читателемъ н и с к о л ь к о н е б о л ь ш е, чѣмъ имъ руководитъ любое просвѣтительное учрежденіе, съ нѣкоторыми чисто техническими отличіями, о которыхъ мы скажемъ ниже.

Но прежде чѣмъ перейти къ краткому обзору этихъ отличій, скажемъ еще нѣсколько словъ о постановкѣ изученія читающей публики въ выше намѣченныхъ теоретическихъ и практическихъ цѣляхъ. Это изученіе должно вестись въ двухъ направленіяхъ: изученіе отдѣльныхъ читателей и изученіе читающей массы. Изученіе отдѣльныхъ читателей, ихъ психологіи, должно вестись при помощи собиранія свѣдѣній о каждомъ читателѣ отдѣльно, какъ

это уже и дѣлается въ настоящее время во всѣхъ большихъ библіотекахъ, которыя собираютъ свѣдѣнія объ образованіи читателя, объ его общественномъ положеніи, родѣ занятій и т. д. Библіотека отводитъ для этого каждому подписчику особый бланкъ, на который заносятся названіе всякой выданной книги, обозначается срокъ выдачи и возвращеніе ея и т. д. Эти бланки затѣмъ можно подвергать всевозможной психологической и статистической разработкѣ, распредѣляя матеріалъ по какой угодно схемѣ. Изслѣдуя названія прочитанныхъ книгъ, можно составить себѣ болѣе или менѣе ясное представленіе о томъ вліяніи, которое оказываетъ библіотека на отдѣльныхъ читателей, о прогрессѣ въ ихъ чтеніи и просвѣщеніи. Въ моемъ распоряженіи имѣется нѣсколько тысячъ такихъ бланковъ. На многихъ изъ нихъ библіотекарями сдѣланы добавочныя записи, характеризующія въ томъ или иномъ отношеніи даннаго читателя. Далѣе весьма интересно собирать читательскія замѣчанія о прочитанныхъ книгахъ, его рукописные и даже устные отзывы о нихъ, вдумываться въ каждаго читателя, какъ въ нѣкоторый опредѣленный психологическій типъ. Такого рода матеріалъ, въ связи съ личными наблюденіями читающей публики, имѣетъ громадный психологическій интересъ и заслуживаетъ серьезной разработки. Далѣе, тотъ же матеріалъ можно подвергать и массовой статистической обработкѣ, подсчитывая подписчиковъ и читателей (оба эти понятія не всегда совпадаютъ) по опредѣленнымъ рубрикамъ. Главная задача такой статистики уже была нами формулирована выше. Она состоитъ въ томъ, чтобы опредѣлить, какія книги находятъ наибольшее распространеніе въ какихъ общественныхъ группахъ. Такая статистика, въ сущности, сводится къ одной единственной, общей, но основной таблицѣ. Въ этой таблицѣ въ вертикальномъ столбцѣ указываются подробно, во-первыхъ, отдѣлы библіотечнаго каталога, во-вторыхъ, имена авторовъ и названія книгъ, наиболѣе характерныхъ для того или другого общественнаго

теченія (напримѣръ, группа авторовъ реакціонныхъ, группа авторовъ с.-р., группа авторовъ с.-д. и т. д.). Такимъ же способомъ распредѣляются по группамъ и періодическія изданія. Въ горизонтальномъ направленіи такая таблица даетъ перечисленіе различныхъ общественныхъ группъ, изъ которыхъ слагается читающая публика данной общественной библіотеки. Размѣщая статистическій матеріалъ по такой табличкѣ изо дня въ день и изъ мѣсяца въ мѣсяцъ, мы получаемъ именно то, что мы ищемъ, — распредѣленіе разныхъ книгъ по разнымъ группамъ читателей. Каждая библіотека должна давать въ своемъ отчетѣ такого рода статистическія свѣдѣнія. Ихъ и даютъ нѣкоторыя общественныя библіотеки, напримѣръ, библіотека въ г. Орловѣ (Вятской губерніи), Челябинскѣ и т. д. Но этимъ еще не ограничивается задача читательской статистики. Она, статистика, должна намъ выяснить читаемость, въ данной общественной средѣ, напримѣръ, сочиненій опредѣленнаго автора, книгъ опредѣленнаго направленія, книгъ такого-то научнаго отдѣла. Читаемость — это опредѣленная математическая величина и можетъ быть выражена математической формулой. Возьмемъ, напримѣръ, отчетъ какой-нибудь библіотеки и посмотримъ, сколько разъ были выданы изъ нея сочиненія Льва Толстого и сочиненія Леонида Андреева. Положимъ, соч. Льва Толстого были выданы 1.000 разъ, а Леонида Андреева — 300 разъ. Но въ этой самой библіотекѣ число томовъ сочиненій Льва Толстого, имѣющихся тамъ въ нѣсколькихъ экземплярахъ, равняется напримѣръ 50 — значитъ, 1.000 выдачъ приходится на 50 томовъ, т. е. каждый томъ сочиненій графа Л. Н. Толстого обернулся въ этой библіотекѣ 20 разъ. А число экземпляровъ-томовъ Андреева равняется напримѣръ 15-ти. Въ такомъ случаѣ, и каждый томъ сочиненій Андреева обернулся въ этой библіотекѣ тоже 20 разъ. Значитъ, несмотря на то, что цифры выдачъ у Андреева и у Толстого весьма различны, но читаемость ихъ, оборотъ ихъ, одинаковы. Но идемъ дальше. Для насъ интересно прослѣдить читаемость разныхъ авто-

ровъ въ разные моменты существованія библіотеки. Въ такомъ случаѣ необходимо привести читаемость ихъ въ разные моменты къ какой-нибудь опредѣленной единицѣ. Вѣдь въ одной и той же библіотекѣ въ разные годы или мѣсяцы можетъ быть разное число подписчиковъ и разное число томовъ. Чтобы имѣть точныя основанія для сравненія, необходимо читаемость данныхъ авторовъ привести къ единицѣ подписчика, т. е. раздѣлить читаемость, полученную вышеизложеннымъ способомъ, еще на число подписчиковъ. Такимъ образомъ оказывается, что читаемость даннаго автора въ данной библіотекѣ въ данное время равняется числу выдачъ даннаго автора, дѣленному на произведеніе числа его томовъ на число подписчиковъ. Это математическая формула. Теперь, если въ отчетахъ разныхъ библіотекъ будутъ даваться цифры, характеризующія такимъ способомъ читаемость разныхъ книгъ, разныхъ авторовъ, теченій и направленій, то является возможность сравнивать читаемость разныхъ авторовъ въ разныхъ городахъ или въ разныхъ районахъ одного и того же города. При полной наличности такого рода данныхъ для всей страны, является возможность выразить цифрами вліяніе библіотекъ на населеніе даже цѣлой страны путемъ распространенія произведеній даннаго автора. Но идемъ дальше. Вѣдь такимъ же способомъ можно выразить не только число выданныхъ томовъ, но и число даже неисполненныхъ требованій на нихъ. Такимъ же способомъ можно выразить и покупаемость произведеній даннаго автора въ книжныхъ магазинахъ. Далѣе, — можно сопоставить данныя о покупаемости съ данными о читаемости, расширяя изслѣдованіе все болѣе и болѣе и въ ширину и въ глубину, въ пространствѣ и во времени. На этомъ я и кончаю краткій набросокъ вопроса о правильной организаціи библіотечной статистики и перехожу къ слѣдующему вопросу.

Положимъ, библіотекѣ извѣстна та общественная среда, на которую она должна воздѣйствовать. Но какимъ же способомъ можетъ библіотека на нее воздѣйствовать? Ея за-

дача — приближать книгу къ читателю, указывать читателю, изъ чего и какъ ему выбирать матеріалъ для чтенія. Эта задача библіотеки сводится къ тому, чтобы читатель пользовался ея помощью, сохраняя за собою полную свободу выбора. Не можемъ не привести здѣсь прекрасныхъ словъ Де-Амичиса: библіотека должна говорить каждому подписчику: „не принимайте того отвѣта на ваши запросы, который вамъ подсказываютъ, а сами его ищите. Я же (въ данномъ случаѣ библіотека) намѣрена выступить на борьбу съ доводами тѣхъ, кто хочетъ именно помѣшать вашимъ поискамъ и кто добивается того, чтобы вы съ закрытыми глазами приняли ихъ готовый отвѣтъ“. Этими словами, въ сущности говоря, выражена самая суть вопроса. Задача библіотеки, — раскрывать глаза тѣмъ, кто, по независящимъ обстоятельствамъ, до сихъ поръ еще живетъ съ закрытыми глазами. А разъ у человѣка глаза уже открылись, разумѣется, онъ ими и будетъ самъ смотрѣть на Божій свѣтъ. Не вина библіотеки, что политическій и соціальный строй русской жизни въ теченіе столѣтій и даже тысячелѣтій ставилъ и ставитъ своей главной задачей слѣдовать мудрому завѣту премудрой государыни Екатерины II-й, которая, въ кокетливомъ увлеченіи идеалами просвѣщеннаго абсолютизма, написала въ одномъ изъ своихъ частныхъ писемъ нижеслѣдующія знаменательныя слова: „черни не должно давать образованія, поелику если она будетъ знать столько же, сколько вы да я, то не станетъ повиноваться намъ въ такой мѣрѣ, какъ повинуется теперь“. Просвѣщенный демократизмъ, какъ извѣстно, разсуждаетъ нѣсколько иначе. А потому будемъ говорить о томъ, какими способами правильно поставленная и организованная на широкихъ демократическихъ началахъ общественная библіотека можетъ помогать подписчику выбирать книги. Такихъ способовъ очень много. Перечислимъ нѣкоторые изъ нихъ вкратцѣ.

Первый способъ — особая форма библіотечнаго каталога, предназначеннаго для пользованія подписчиковъ. Этотъ

каталогъ долженъ представлять изъ себя каталогъ не простой, а рекомендательный. Книги, въ него включенныя, уже этимъ самымъ должны быть книгами рекомендуемыми.

Въ огромномъ большинствѣ библіотекъ каталоги составляются по совершенно другому типу. Въ нихъ заносится вся наличность книжныхъ богатствъ, имѣющихся въ данной библіотекѣ, а книги, даже рекомендуемыя, вовсе ничѣмъ не отдѣляются отъ книгъ, которыя, въ сущности, должны бы быть забракованы. Значитъ, читатель самъ долженъ умѣть отличить хорошую книгу отъ дурной. Библіотека должна немножко побольше позаботиться о неподготовленномъ читателѣ и употребить какой-либо особый пріемъ для того, чтобы читатель уже по каталогу смогъ отличить хорошую книгу отъ дурной. Сдѣлать это весьма легко. Стоитъ только у лучшихъ, т. е. рекомендуемыхъ книгъ помѣчать и указывать рецензіи, данныя объ этихъ книгахъ лучшими періодическими изданіями, программами домашняго чтенія и другими рекомендательными указателями: есть указаніе на рецензію — значитъ, книга достойна вниманія.

Но идемъ дальше. Для удобства выбора, книги, внесенныя въ такой рекомендательный каталогъ, должны не только перечисляться, но и описываться. Такого рода описаніе уже практикуется нѣкоторыми библіотеками, напримѣръ, Спб. библіотекой О. Н. Поповой, Херсонской общественной, Харьковской и т. д. При каждой книгѣ въ ихъ каталогѣ выписаны оглавленія, которыя, разумѣется, даютъ читателю гораздо больше, чѣмъ одно мало говорящее заглавіе книги. Каталогъ Рязанскаго Благороднаго Собранія идетъ еще дальше. Чтобы отмѣтить классическихъ авторовъ среди всѣхъ прочихъ, онъ даетъ при каждомъ классическомъ авторѣ его біографію и краткую характеристику, заимствуемую изъ болѣе или менѣе хорошаго словаря по исторіи литературы. Далѣе, въ библіографическихъ указателяхъ, изданныхъ библіотекой Л. Т. Рубакиной, практикуется слѣдующій пріемъ: у всѣхъ русскихъ книгъ по бел-

летристикѣ указываются критическія статьи о нихъ, библіографическія указанія біографій даннаго автора, лучшія сочиненія по исторіи литературы, характеризующія ту эпоху, когда жилъ и дѣйствовалъ данный авторъ, и т. д. [1]).

А вотъ другой способъ: для ознакомленія читателей съ книгами, всякая общественная библіотека безъ особеннаго труда можетъ завести особую настольную книгу рецензій. Эта книга постоянно должна лежать въ той же комнатѣ, гдѣ и каталоги, по которымъ подписчики выбираютъ себѣ книги для чтенія. Въ эту книгу вклеиваются рецензіи на книги, вырѣзанныя изъ лучшихъ газетъ и періодическихъ изданій. Такъ какъ каждая библіотека, широко поставленная, выписываетъ не мало экземпляровъ разныхъ періодическихъ изданій, то пожертвовать двумя экземплярами ихъ для такихъ вырѣзокъ всегда является возможнымъ. Но иной разъ изъ иного періодическаго изданія нельзя сдѣлать такой вырѣзки. Въ такомъ случаѣ необходимо прибѣгнуть къ другому пріему. Необходимо завести особый каталогъ рецензій на всѣ лучшія книги [2]). Этотъ каталогъ долженъ находиться тамъ же, гдѣ и другіе каталоги. Онъ можетъ представлять изъ себя или собраніе карточекъ на металлическихъ дугахъ или особую алфавитную книгу. Во всякомъ случаѣ библіотека должна всячески постараться, чтобы использовать ту массу рецензій и критическихъ статей, которыя въ настоящее время почти неизвѣстны и потому не имѣютъ воспитательнаго значенія.

Третій способъ. Въ настоящее время русская литература очень богата всякаго рода библіографическими указателями, „что и какъ читать“. Библіотека должна широко организовать особый отдѣлъ, состоящій изъ такихъ ука-

---

[1]) То же дѣлается и во второмъ изданіи „Среди книгъ“; кромѣ того, здѣсь всѣ выдающіеся авторы распредѣлены, во 1-хъ, хронологически, во 2-хъ, по направленіямъ научно-философской и литературно-общественной мысли, и краткимъ изложеніемъ теоріи.

[2]) Имѣется въ приложеніи къ 2-му изд. „Среди книгъ“ т. II и въ каталогѣ К. Дерунова.

зателей, помѣстить этотъ отдѣлъ тамъ же, гдѣ находятся и библіотечные каталоги, такъ чтобы онъ всегда былъ открытъ всякому подписчику. Очень многіе читатели сами спрашиваютъ въ библіотекѣ книги по какому-нибудь рекомендательному указателю. Считаться съ такими указателями (разумѣется, лучшими изъ нихъ) должна и библіотека. Они должны быть необходимой составной частью особаго библіографическаго отдѣла, о которомъ уже шла рѣчь. Списокъ такихъ рекомендательныхъ каталоговъ долженъ всегда висѣть на стѣнѣ библіотеки. Печатные списки ихъ должны продаваться или раздаваться библіотекой. Такъ напр. библіотека Л. Т. Рубакиной въ 1900 г. издала такой списокъ который довольно успѣшно расходился.

Четвертый способъ. Библіотека должна обратить особенное вниманіе на стѣнные рекомендательные каталоги. Представьте себѣ витрину, въ которой висятъ систематическіе списки книгъ по схемѣ наукъ или по вопросамъ. Въ настоящее время есть возможность составить очень недурной минимальный каталогъ изъ 40—50 книгъ и брошюръ, дающихъ читателю болѣе или менѣе закругленное міросозерцаніе, начиная отъ теоріи познанія и кончая программами разныхъ партій. Далѣе, можно составлять и выставлять систематическіе списки книгъ (и даже журнальныхъ статей) по разнымъ вопросамъ, напримѣръ, по исторіи общественныхъ движеній, по вопросу аграрному, бюджетному и т. п., наиболѣе интересующимъ общество въ данный моментъ и отвѣчающимъ на злобу даннаго дня. Далѣе, особыя витрины должны быть отведены спискамъ всѣхъ новыхъ книгъ, поступающихъ въ библіотеку. Словомъ сказать, иниціатива по составленію такихъ списковъ можетъ быть чрезвычайно широкой, и съ ихъ помощью библіотека можетъ работать всегда, такъ сказать, въ унисонъ со злобой дня. Но можно нѣсколько видоизмѣнить тотъ же самый пріемъ и вмѣсто списковъ выставлять обложки новыхъ книгъ, которыя больше бросаются въ глаза, чѣмъ книжные заголовки.

Пятый способъ. Уже давно жизнь выдвинула еще одну задачу. Въ Петербургѣ и въ Москвѣ появились особыя комиссіи, напримѣръ—комиссія домашняго чтенія при Московскомъ Обществѣ распространенія техническихъ знаній, Отдѣлъ для содѣйствія самообразованію при Педагогическомъ музеѣ Военно-Учебныхъ заведеній въ С.-Петербургѣ и т. п. Задачи такихъ комиссій всѣмъ извѣстны. Для возможно цѣлесообразной работы, правильно и широко поставленная библіотека должна завести свой собственный рекомендательный отдѣлъ или особое бюро изъ свѣдущихъ людей для содѣйствія систематическому чтенію, такъ чтобы въ опредѣленные дни и часы всякій желающій могъ придти въ такое бюро и получить тамъ всѣ необходимыя для себя справки. Такое бюро имѣетъ особенно большое значеніе для читателей изъ учащихся въ среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Руководство ихъ чтеніемъ — такова задача библіотеки, выдвигаемая самой жизнью. Какъ извѣстно, въ каждой библіотекѣ наблюдается изрядный процентъ читателей-дѣтей и подростковъ. Что и какъ они читаютъ,— объ этомъ я уже имѣлъ случай говорить въ моей статьѣ „Частныя библіотеки и внѣклассное чтеніе учащихся“ [1]). Ни одинъ библіотекарь не можетъ устранить отъ себя обязанности помогать дѣтворѣ въ ея чтеніи. Устранять себя отъ этого — не только безсмысленно, но и преступно. Необходимо, напротивъ того, воспользоваться даннымъ обстоятельствомъ и поставить дѣло педагогически. Поэтому организація такого педагогическаго бюро при библіотекѣ должна быть отнесена къ числу самыхъ неотложныхъ задачъ библіотечнаго дѣла.

До сихъ поръ мы говорили о содѣйствіи читателямъ-дѣтямъ. Но врядъ ли нужно доказывать, что въ указаніяхъ по вопросу чтенія нуждаются не только дѣти. Вышеупомянутое бюро должно содѣйствовать всѣмъ нуждающимся въ такой помощи. И даже болѣе того. При каждой боль-

---

[1]) „Женское образованіе“ 1889 г.

шой библіотекѣ должно существовать особое библіографическое бюро, гдѣ можно было бы получать справки о всѣхъ книжныхъ богатствахъ библіотеки, не только о книгахъ, но и журнальныхъ статьяхъ, хотя бы по самому спеціальному вопросу. Такое бюро особенно необходимо при такой большой библіотекѣ, какъ напр. библіотека Лиги Образованія, находящаяся въ центрѣ умственной жизни страны и обслуживающая изъ своего книгохранилища не только учащуюся молодежь, но и ученыхъ спеціалистовъ.

Шестой способъ. Но жизнь выдвигаетъ еще одну задачу для такой библіотеки. При ней необходимо должна находиться комната или комнаты, въ которыхъ всѣ желающіе могли бы предаваться чтенію. Я говорю не только объ обыкновенной читальнѣ,—я говорю объ особой комнатѣ для занятій, и не только занятій отдѣльныхъ читателей, но и групповыхъ, которые тоже должны вестись при содѣйствіи педагогически образованныхъ и просвѣщенныхъ людей.

Изъ предыдущаго видно, что содѣйствовать выбору книгъ библіотека можетъ очень многими способами. Но это еще не все. Библіотека можетъ и должна демократизировать самое себя, облегчая сколько возможно и доступъ къ книгамъ. Въ этомъ отношеніи передъ нами цѣлый рядъ очень разнообразныхъ пріемовъ. Таковы напримѣръ: уменьшеніе платы за пользованіе книгами вплоть до полной отмѣны ея, освобожденіе отъ платы цѣлаго ряда подписчиковъ по рекомендаціи лицъ и учрежденій, извѣстныхъ библіотекѣ, уменьшеніе и замѣна залоговъ поручительствами лицъ и учрежденій, пріемъ платы и залоговъ книгами, и т. д. Далѣе выступаетъ весьма важный вопросъ объ увеличеніи числа подписчиковъ. Въ этомъ отношеніи большую пользу могутъ оказать соглашенія съ преподавателями и начальствомъ различныхъ учебныхъ заведеній, съ разными частными учрежденіями и конторами, министерствами, профессіональными землячествами и другими союзами, и т. д., и т. д., причемъ библіотека можетъ взять на себя пріі-

обрѣтеніе книгъ, особенно желательныхъ для данныхъ читателей, при условіи, если этихъ читателей явится опредѣленное количество. О соглашеніи съ начальствомъ учебныхъ заведеній мною подробно говорено въ той же статьѣ „Частныя библіотеки и внѣклассное чтеніе учащихся“. Далѣе, библіотека привлекаетъ къ себѣ подписчиковъ тогда, когда она удовлетворяетъ ихъ запросамъ и заинтересовываетъ своими книжными богатствами и вообще составомъ. О первомъ уже было сказано достаточно, а что касается до того, чтобы заинтересовать читателей составомъ библіотеки, то это представляется вполнѣ возможнымъ и необходимымъ. Такъ, напримѣръ, въ высшей степени желательно, чтобы время отъ времени совѣтъ большой общественной библіотеки устраивалъ для подписчиковъ, да и для всѣхъ желающихъ, лекціи о различныхъ вопросахъ книжнаго дѣла, стараясь при этомъ знакомить и съ книжнымъ богатствомъ библіотеки, — напримѣръ, въ связи съ исторіей литературы — по отдѣлу литературы, въ связи съ исторіей философіи — по отдѣлу философіи и т. д. Бюро для содѣйствія чтенію и библіографическое бюро, разумѣется, тоже очень помогутъ той же цѣли, т. е. возбужденію интереса подписчиковъ къ библіотекѣ. Весьма желательны бесѣды по вопросамъ библіографіи, а также организація библіографическихъ кружковъ для составленія всякихъ рекомендательныхъ каталоговъ и т. п. Есть кромѣ того еще особая форма библіотечнаго кружка, который мы назвали „Книжной комиссіей“. Опытъ устройства такой комиссіи былъ сдѣланъ въ Ялтѣ въ 1898 году. Объ организаціи такой комиссіи говорится вкратцѣ въ моей работѣ „Среди книгъ“ [1]). Книжная комиссія представляетъ изъ себя не только органъ данной библіотеки, но и коллективный органъ многихъ библіотекъ, существующихъ въ данной мѣстности и въ данномъ городѣ. Членами такой комиссіи являются представители разныхъ библіотекъ, а также представители нѣ-

---

[1]) Изд. 1-е.

которыхъ учрежденій, имѣющихъ отношеніе къ дѣятельности библіотеки, напримѣръ представители союзовъ, редакцій педагогическихъ и другихъ журналовъ и газетъ, книгоиздательствъ, книжныхъ складовъ и магазиновъ и т. д. Главная задача такого рода книжной комиссіи — объединеніе работниковъ, стоящихъ около книгъ съ одной стороны и ихъ единеніе съ читателями, главнымъ образомъ изъ трудящагося народа, пролетаріата — съ другой. Практическія задачи комиссіи и ихъ работа заключается въ слѣдующемъ: 1) изученіе идейной и технической стороны библіотечнаго и вообще книжнаго дѣла въ связи съ дѣломъ народнаго образованія и общественнаго развитія. 2) Выборъ книгъ для пополненія библіотекъ и для совмѣстной закупки. 3) Сношеніе съ иногородними библіотеками и другими заведеніями, союзами, кружками въ цѣляхъ объединенія общей работы и т. д. 4) Изученіе читающей публики и общественныхъ теченій, наблюдаемыхъ въ ней.

Быть можетъ, организація такой книжной комиссіи вовсе не окажется необходимой для такого просвѣтительнаго учрежденія, какъ библіотека Лиги Образованія. Учрежденіе, подобное книжной комиссіи, но только болѣе широко задуманное и поставленное, должно возникнуть не при библіотекѣ, а при центральномъ Совѣтѣ Лиги. Но въ моемъ сегодняшнемъ докладѣ я говорю не только о томъ, что считаю полезнымъ для нашей библіотеки — я увѣренъ, что въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ до сихъ поръ крайне желательно и необходимо устройство именно книжныхъ комиссій, подобныхъ Ялтинской. Я придаю особенное значеніе слѣдующимъ функціямъ книжной комиссіи.

1) Соглашеніе ея съ другими библіотеками, обмѣнъ услугами между библіотеками, обмѣнъ дубликатами, и т. д. Въ числѣ такого рода соглашеній одно изъ первыхъ мѣстъ долженъ занять абонементъ однѣхъ библіотекъ въ другихъ, разумѣется, на возможно льготныхъ условіяхъ. Благодаря такой подпискѣ, библіотека, не имѣющая у себя нѣкоторыхъ книгъ, сможетъ доставать ихъ, съ выгодой для себя,

въ другой библіотекѣ, а та, въ свою очередь, пріобрѣтаетъ такимъ образомъ подписчиковъ, которые инымъ способомъ, напр., по дальности разстоянія, и не записались бы въ ней. Такого рода соглашенія — это своеобразная обоюдная страховка противъ неимѣнія той или иной книги. При нынѣшней постановкѣ библіотечнаго дѣла, она поможетъ прежде всего распространенію книгъ научныхъ и дорого стоющихъ, такъ какъ беллетристическія ходовыя книги каждая библіотека и безъ того старается пріобрѣсти во что бы то ни стало.

2) Далѣе мы придаемъ большое значеніе сношеніямъ библіотекъ, находящихся въ разныхъ городахъ. Эти сношенія могутъ выразиться весьма различно, не только обмѣномъ каталогами, отчетами, правилами подписки, но также и обмѣномъ дубликатами. Громадное значеніе такой обмѣнъ имѣетъ для правильной постановки того способа пріобрѣтенія книгъ, о которомъ я уже имѣлъ случай говорить именно для гуртовой покупки домашнихъ библіотечекъ изъ частныхъ рукъ. Покупать такія библіотечки можно только тогда, когда надѣешься переуступить всѣ ненужныя книги въ другія руки. При гуртовой покупкѣ книга такъ удешевляется, что любая библіотека съ удовольствіемъ пріобрѣтаетъ ее за-дешево, чего она не сдѣлала бы, если бы ту же книгу ей пришлось выписать черезъ букиниста или черезъ книжный магазинъ.

Сношенія съ другими библіотеками въ томъ же городѣ и съ библіотеками, находящимися въ другихъ городахъ, это уже своего рода расширеніе библіотеки. Такое ея расширеніе должно войти въ систему. Какимъ же способомъ это сдѣлать? И для этого есть очень много способовъ. Библіотека должна завести свои отдѣленія въ разныхъ пунктахъ своей мѣстности, гдѣ можно ожидать наибольшій спросъ на книгу, напримѣръ, въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, на большихъ заводахъ, въ нѣкоторыхъ частныхъ учрежденіяхъ, конторахъ и т. д. Въ опредѣленные дни недѣли артельщикъ библіотеки можетъ являться въ

опредѣленный пунктъ и привозить туда библіотечныя книжки для обмѣна. На большихъ заводахъ это весьма удобно устраивать черезъ потребительныя общества, существующія при нѣкоторыхъ заводахъ. Напримѣръ, библіотека Л. Т. Рубакиной нѣсколько лѣтъ обслуживала Путиловскій заводъ въ концѣ 90-хъ годовъ при посредствѣ мѣстнаго потребительнаго общества. Весьма удобнымъ пунктомъ для обмѣна книгъ могутъ служить книжные склады, существующіе на окраинахъ. Далѣе, библіотека, богатая дубликатами, можетъ отпускать ихъ на прокатъ въ небольшія частныя библіотеки, существующія въ болѣе или менѣе глухихъ мѣстностяхъ и не имѣющія возможности пріобрѣтать книгъ. Разумѣется, всѣ такія комбинаціи не сулятъ библіотекѣ матеріальныхъ выгодъ, но вѣдь библіотека, демократически организованная, и не должна преслѣдовать коммерческихъ цѣлей. Ея дѣло — посылать лучи знанія, пониманія и настроенія во всѣ точки пространства, подобно тому, какъ посылаетъ свои лучи гигантская статуя Свободы въ Америкѣ.

На этомъ я и закончу поневолѣ краткій свой докладъ объ основныхъ задачахъ библіотечнаго дѣла. Изъ него можно видѣть, что всѣ онѣ могутъ раскрыть и раскрываютъ всѣмъ работникамъ книжнаго дѣла самыя широкія и свѣтлыя перспективы. Остается теперь лишь осуществлять ихъ общими силами, ни на минуту не забывая выше приведеннаго уже девиза всякаго книжнаго дѣла: „Да здравствуетъ книга, могущественнѣйшее орудіе борьбы за истину и справедливость!“.

Изъ изданій Н. П. КАРБАСНИКОВА

Пуанкаре, А. Членъ Французской Академіи Наукъ. **НАУКА И МЕТОДЪ.** Авторизов. переводъ Бориса Кореня, подъ ред. проф. Н. А. Гезехуса. 1910 г. 238 стр. Цѣна 1 р. 50 к.

Содержаніе: Введеніе. **Ч. I.** Ученый и наука: 1) Выборъ фактовъ, 2) Будущее математики, 3) Математическое творчество, 4) Случай. **Ч. II.** Математическое разсужденіе: 1) Относительность пространства, 2) Математическое опредѣленіе и преподаваніе, 3) Математика и логика, 4) Новыя логики, 5) Послѣднія усилія логистовъ. **Ч. III.** Новая механика: 1) Механика и радій, 2) Механика и оптика, 3) Новая механика и астрономія. **Ч. IV.** Астрономія: 1) Млечный Путь и теорія газовъ, 2) Французская геодезія. Общее заключеніе.

Изъ рецензій:

„Авторъ, выдающійся аналитикъ, избравшій своей задачей подвергнуть тщательному критическому просмотру наши самыя основныя понятія въ т. наз. „точной" наукѣ. Этой темѣ Пуанкаре посвятилъ уже ранѣе одну свою работу („Наука и Гипотеза"), которая чрезвычайно сочувственно встрѣчена была въ кругахъ нынѣшнихъ ученыхъ-позитивистовъ школы Маха и др. Настоящая книга развиваетъ далѣе воззрѣнія Пуанкаре и обставляетъ ихъ еще новымъ богатствомъ аргументаціи.

„Размышлять о томъ, какимъ образомъ лучше всего внѣдрить новыя понятія въ дѣтственный умъ ребенка, значитъ въ то же время размышлять о томъ, какимъ образомъ эти понятія были пріобрѣтены нашими предками, значитъ, слѣдов., размышлять объ ихъ истинномъ происхожденіи, а это по существу значитъ размышлять объ ихъ истинной природѣ". Изъ этихъ словъ можно видѣть, что характеръ изысканій Пуанкаре можетъ быть опредѣленъ, какъ своего рода введеніе въ научное мышленіе, какъ попытка дать тому, что мы называемъ наукой, точнымъ знаніемъ, истинное освѣщеніе, выяснить его дѣйствительное для насъ значеніе. Педагогика научнаго мышленія явится, такъ сказать, прикладной частью этого анализа".

„Русскія Вѣдомости".

„Чрезвычайно интересно выслушать мнѣніе такого крупнаго авторитета, какъ Пуанкаре, по новымъ вопросамъ, задѣвающимъ самыя основы математики и естествовѣдѣнія, по вопросамъ, съ которыми еще очень немногіе успѣли не только освоиться, но и просто познакомиться. Первая половина его книги отведена чистой математикѣ — какъ должно мыслить безконечность: какъ становящуюся или какъ существующую (канторизмъ), взгляды интуистовъ и логистовъ на основныя проблемы математики, пасиграфія (символическій языкъ, созданный Пеано) и т. д. Боюсь, что многое изъ этого отдѣла будетъ не подъ силу среднему читателю; но во всякомъ случаѣ онъ узнаетъ о новѣйшихъ теченіяхъ въ математикѣ и о постановкѣ различныхъ вопросовъ.

Болѣе доступна вторая половина книги, гдѣ идетъ рѣчь о механикѣ, физикѣ, астрономіи, геодезіи. Какъ часто приходится слышать, будто уже произошелъ полный переворотъ въ механикѣ, прежнія положенія опровергнуты, матерія упразднена и замѣнена электронами. Иного мнѣнія держится Пуанкаре. Если бы даже были слѣланы новыя открытія въ пользу электронной теоріи, говоритъ Пуанкаре, и она дѣйствительно восторжествовала, то все-таки механику слѣдовало бы излагать въ той же системѣ, какъ и теперь, ибо мы имѣемъ дѣло какъ въ житейской практикѣ, такъ и въ астрономіи, лишь со скоростями до нѣсколькихъ сотъ километровъ въ секунду, а въ этихъ предѣлахъ положенія теперешней механики и электронной сходятся, и разница получается лишь для громадныхъ скоростей въ десятки тысячъ километровъ въ секунду. Но пока еще далеко до упраздненія матеріи, „эти теоріи, говоритъ Пуанкаре, еще не доказаны; для серьезнаго обоснованія ихъ еще многаго недостаетъ; онѣ опираются лишь на довольно важную по своему значенію совокупность вѣроятностей, вслѣдствіе чего къ нимъ и не слѣдуетъ относиться пренебрежительно" (стр. 207). Конечно, новыя теоріи достойны живѣйшаго вниманія, но слѣдуетъ точно знать, что онѣ даютъ и чего не въ состояніи пока сдѣлать.

Книга Пуанкаре не только интересна, она возбуждаетъ мысль. Авторъ ведетъ съ собою читателя на огромныя высоты, откуда открываются необозримые горизонты...

„Современникъ", Апрѣль, 1911 г.

Изъ изданій Н. П. КАРБАСНИКОВА

Авторъ этой книги — знаменитый французскій ученый, членъ парижской академіи наукъ.

Пуанкаре въ своемъ сочиненіи разсматриваетъ различные вопросы математики, физики, механики и астрономіи съ точки зрѣнія научной методологіи. Книга богата оригинальными мыслями. Изложеніе чрезвычайно простое, несмотря на трудность и сложность разсматриваемыхъ вопросовъ.

Благодаря интересу затронутыхъ темъ и художественности языка, „Наука и методъ“ Пуанкаре читается съ захватывающимъ вниманіемъ.

„Утро Россіи“, 1911, 296.

Абель Рей. **СОВРЕМЕННАЯ ФИЛОСОФІЯ.** Переводъ съ французскаго Д. Л. Вайса, подъ ред. В. Базарова. 1911 г. 256 стр. Цѣна **1** руб. **60** коп.

Содержаніе: Гл. I. Центральный пунктъ философскихъ разногласій нашего времени. Гл. II. Проблема числа и пространства. Количественныя свойства матеріи. Гл. III. Проблема матеріи. Гл. IV. Проблема жизни. Гл. V. Проблема духа. Гл. VI. Моральная проблема. Гл. VII. Проблема познанія и истины. Гл. VIII. Общее заключеніе: философія опыта.

Изъ рецензій:

Въ этой интересной книгѣ съ нѣсколько громкимъ названіемъ А. Рей разсматриваетъ не всю современную философію въ ея цѣломъ, и даже не всѣ крупнѣйшія философскія теченія современности, а сопоставляетъ между собой позитивную—или, какъ онъ предпочелъ бы выражаться, „сціентистскую“ — точку зрѣнія съ прагматической. Рей указываетъ на огромное значеніе происходящей теперь философской дискуссіи. Если правъ прагматизмъ, то это обозначаетъ банкротство науки, какъ реальной формы знанія, а, слѣдовательно, и закономѣрность другихъ формъ познанія, въ родѣ мистическаго чувства и т. п. Въ этомъ случаѣ религіозный догматъ и научный принципъ оказываются равноцѣннымъ каждый въ своей области. И даже болѣе того, наука низводится въ низшую плоскость.

Прагматизмъ, утверждаетъ Рей, представляетъ собой реабилитацію религіи, онъ означаетъ метафизическій и моральный догматизъ, являясь по существу соціальнымъ авторитаризмомъ.

Для „сціентизма“ если и нѣтъ неподвижной истины (прагматизмъ, какъ извѣстно, направляетъ свои главные удары противъ теоріи абсолютной, неизмѣнной истины), то есть приближеніе къ ней, и только съ помощью его методовъ и можетъ быть удовлетворенъ умъ. Основной философскій антагонизмъ вообще — это антагонизмъ между духомъ авторитета и духомъ свободнаго изслѣдованія, это борьба партіи традиціи и партіи эмансипаціи. То же самое можно сказать и о теперешней философской дискуссіи.

Такова общая точка зрѣнія, которой руководится Рей при анализѣ пяти основныхъ проблемъ: 1) проблемы числа и протяженія (математика); 2) проблемы матеріи (физика); 3) проблемы жизни (біологія); 4) проблемы духа (психологія) и 5) моральной проблемы.

...Мысль очной ставки между позитивизмомъ и повсюду проникающимъ теперь прагматизмомъ очень удачна. Написанная просто и понятно книга о „Современной философіи“ безусловно заслуживаетъ вниманія читателя. Переводъ — хорошій.

П. Юшкевичъ *„Запросы Жизни“*, 1911 г.—6.

..Главная идея автора: идеаломъ знанія и научности является математическое мышленіе; роль философіи сводится къ объединенію данныхъ всѣхъ наукъ и къ построенію новыхъ гипотезъ. Въ двухъ послѣднихъ главахъ, трактующихъ „проблему познанія и истины“ и „философію опыта“, эта идея получаетъ свою гносеологическую формулировку. Познаніе есть стремленіе, отправляясь отъ воспріятія и всегда себя имъ контролируя, уразумѣть данное, факты. Истина, постепенная цѣль всякаго познанія, не обрѣтена, а обрѣтается, вырабатывается. Процессъ научнаго познанія, процессъ математизированія, есть постепенный и безконечный переходъ отъ субъективности къ объективности, доступной мышленію человѣка. Абсолютной истины нѣтъ; единственно возможной истиной является истина человѣческая, опытно-данная, экспериментально-эмпирически верифицированная.

Русскія Вѣдомости“, 1911 г.

Абель Рей — одна изъ любопытнѣйшихъ фигуръ среди современныхъ французскихъ мыслителей... Авторъ — сціентистъ, т. е. ярый сторонникъ того напра-

вленія современной мысли, которое исходитъ изъ признанія науки единственнымъ источникомъ знанія вообще... Абсолютный позитивизмъ или реализмъ какъ характеризуетъ свою философскую точку зрѣнія А. Рей, покоится на опытѣ, но „въ отличіе отъ стараго эмпиризма, на опытѣ провѣренномъ, плодѣ научныхъ изслѣдованій“... Подъ ощущеніями „раскрываются нѣкоторыя изъ отношеній, которыя опытъ въ себѣ заключаетъ и которыя составляютъ истинную основу его. Задачу дальнѣйшаго проведенія этого анализа, который все глубже и глубже проникаетъ въ природу даннаго, беретъ на себя наука“... „Абсолютный позитивизмъ“ Рея тѣмъ отличается отъ обычнаго позитивизма, что онъ преодолѣваетъ ограниченность послѣдняго...

Мы позволяемъ себѣ рекомендовать читателю эту интересную книгу французскаго „сціентиста“.

„*Современный Міръ*“, іюнь, 1912 г.

Цѣль автора — дать „общее представленіе о той формѣ, въ какой въ настоящее время возникаютъ передъ человѣкомъ великія проблемы философіи“ и „показать, какъ подъ вліяніемъ нашихъ непосредственныхъ интересовъ стремится возобновляться способъ постановки философскихъ проблемъ“. Главное свое вниманіе авторъ обращаетъ на ходъ развитія современныхъ идей. Книга можетъ служить хорошимъ введеніемъ въ пониманіе современныхъ философскихъ теченій.

„*Природа*“. Іюнь, 1912 г. Н. Рубакинъ.

Феликсъ Ле-Дантекъ.

ПОЗНАНІЕ и СОЗНАНІЕ. Философія XX вѣка. Перев. съ франц. В. Базарова. 1911 г. 234 стр. Цѣна 1 р. 50 к.

Содержаніе: Книга I. Гл. I. Традиція и методъ измѣреній. Кн. II. Физіологія и психологія. Гл. II. Сознаніе связи. Гл. III. Непрерывность протоплазмы въ пространствѣ и времени. Гл. IV. Представленіе: образы. Гл. V. Образы и подражаніе. Гл. VI. Языкъ измѣренія и языкъ метафизики. Кн. III. Наука и мораль. Гл. VII. Истина научная и истина соціологическая. Гл. VIII. Искусство.

Изъ рецензій:

...Книга Ле-Дантека есть показатель времени, показатель того броженія, какое происходитъ въ настоящее время въ области біологіи. Ле-Дантекъ одинъ изъ ищущихъ новыхъ путей... Въ его книгѣ содержится очень важная мысль, на которой слѣдуетъ остановить вниманіе читателя. Это попытка объяснить одну изъ основныхъ проблемъ біологіи — ассимиляцію. Аналогія между резонансомъ и ассимиляціей цѣнная мысль и было бы жаль, если бы она оказалась погребенной.

„*Современникъ*“, Апрѣль, 1911 г.

П. Юшкевичъ.

МІРОВОЗЗРѢНІЕ и МІРОВОЗЗРѢНІЯ. (Очерки и характеристики). Спб. 1912 годъ. 194 стр. Ц. 1 р. 25 к

Содержаніе: I. Философія, какъ міросозерцаніе. II. Къ современному возрожденію метафизики (Анри Бергсонъ и его философія антиинтеллектуализма). III. В. Джемсъ, какъ религіозный мыслитель. IV. І. Дицгенъ (очеркъ философіи). V. Религіозныя исканія Л. Н. Толстого. VI. Философія иллюзіи (къ вопросу о міровоззрѣніи Фр. Ницше). VII. Еще разъ о философіи, какъ міросозерцаніи.

Изъ рецензій:

Книга содержитъ семь очерковъ. При кажущемся разнообразіи затронутыхъ вопросовъ, книга отличается внутреннимъ единствомъ и оставляетъ цѣльное впечатлѣніе. Отдѣльные очерки связаны между собою общей основной проблемой — „объ отношеніи между разумомъ и чувствомъ“ и руководящей точкой зрѣнія, каковой является „мысль о необходимости такого міровоззрѣнія, которое сумѣло бы преодолѣть какъ ограниченность „логизма“ (раціонализма), не замѣчающаго вовсе запросовъ аффективной жизни, такъ и ограниченность „миѳологизма“ (религіи, метафизики и пр.), овеществляющаго отвѣты на эти запросы и превращающаго ихъ въ какія-то надміровыя существа или сущности. Основной тезисъ автора — объ эмоціональномъ характерѣ философскаго творчества, о философіи,

какъ „міровозрѣнія, міросозерцанія, мироощущенія“, какъ „видѣнія, яркой интенсивной интуиціи бытія въ цѣломъ — доказывается путемъ сопоставленія взглядовъ выдающихся современныхъ мыслителей на задачи, методъ и сущность философіи.

Наиболѣе удачными, въ смыслѣ законченности, кажутся намъ очерки, посвященные отдѣльнымъ философамъ, въ особенности Бергсону и Дицгену. Но и менѣе законченные очерки, касающіеся общаго вопроса о философіи, какъ міросозерцаніи, также носятъ печать серьезной работы интимнаго отношенія автора къ изслѣдуемымъ проблемамъ. Въ общемъ, живо и талантливо написанная книга, отвѣчающая до нѣкоторой степени на глубоко интересный вопросъ о томъ, „что такое философія“, читается съ большимъ интересомъ.

„Запросы Жизни“, № 26, 1912 г.

Работа П. Юшкевича посвящена старой проблемѣ объ отношеніяхъ между разумомъ и чувствомъ. Точка зрѣнія, съ какой авторъ къ ней подходитъ—это, по его словамъ, „мысль о необходимости такого міровоззрѣнія, которое сумѣло бы преодолѣть, какъ ограниченность „логизма“ (раціонализма), не замѣчающаго вовсе запросовъ аффективной жизни, такъ и ограниченность „миѳологизма“ (религіи, метафизики и пр.), овеществляющаго отвѣты на эти запросы и превращающаго ихъ въ какія-то подміровыя существа или сущности“. Но одно дѣло — мысль о необходимости такого міровоззрѣнія, другое — самое это міровоззрѣніе. Въ прежней своей книгѣ „Новыя вѣянія“ авторъ сдѣлалъ попытку намѣтить основы этого главнаго ихъ міровоззрѣнія. Попытка эта имѣла большую цѣнность по своей художественно-психологической законченности, но это не было какой-либо общезначимой конструкціей — это было просто новой мелодіей, его мелодіей неизбывной человѣческой тоски по міру, не разодранному между братьями-врагами: „логизмомъ“ и „миѳологизмомъ“. И авторъ какъ бы вернулся вспять. Онъ сталъ прислушиваться къ мелодіямъ, раздававшимися до него, и такъ появился родъ объединенныхъ единствомъ проблемы очерковъ о выдающихся искателяхъ этого сліяннаго міра. Бергсонъ, Джемсъ, Дицгенъ, Толстой, Ницше — всѣ эти великіе образы мятущихся искателей приносили въ міръ свои пѣсни о единствѣ. И прислушиваясь къ нимъ, можетъ быть, уловишь тѣ аккорды, которые могутъ войти въ разрѣшающую симфонію единенія раціональнаго и эмоціональнаго въ высшемъ синтезѣ человѣческаго міровоззрѣнія. Итакъ, получилось, что нѣтъ еще міровоззрѣнія, но есть міровоззрѣніе большей или меньшей степени общезначимости. Нѣтъ повѣсти о мірѣ, но есть міровыя повѣсти. И только творя все новыя и новыя міровыя повѣсти, пусть другъ друга чуждыя, человѣчество придетъ къ единой повѣсти о мірѣ. Указанные выше мыслители дали такой рядъ, большой философски-художественной цѣнности, повѣстей. Для оцѣнки ихъ значенія въ процессѣ образованія міровоззрѣнія, очерки П. Юшкевича даютъ очень много. Почти всѣ эти очерки построены по одному типу. Сначала дается общая характеристика ученія, излагаемаго авторомъ, затѣмъ подробный ихъ анализъ съ точки зрѣнія державныхъ правъ того же „логизма“, т. е., иначе говоря, верховной инстанціей для сужденія о цѣнности той или иной конструкціи міровоззрѣнія, является тотъ изъ братьевъ, который говоритъ: „я знаю“. И каждый разъ другому брату, твердящему: „я чувствую“, приходится склонить голову.

„Утро Сибири“, 7 іюля 1912 г.

Еще 15—20 лѣтъ тому назадъ вопросъ этотъ казался яснымъ для большинства нашихъ передовыхъ интеллигентовъ. „Міросозерцаніе“ должно дать стройную и притомъ научно обоснованную картину міра. Въ этомъ всѣ — или почти всѣ — были согласны. Споры не выходили обыкновенно изъ рамокъ „научнаго міросозерцанія“, какъ общепризнаннаго постулата, и затрагивали лишь частныя проблемы внутри этого послѣдняго.

Иное видимъ мы въ настоящее время. Не только „идеалисты“, „мистики“, вѣховцы“ и другіе отщепенцы, объявившіе открытую войну „интеллигентщинѣ“, но и многіе сторонники и продолжатели интеллигентской традиціи начинаютъ видѣть въ „научномъ міросозерцаніи“ неправильно заданную проблему, пытаются свести къ ненаучнымъ и, вообще, неинтеллектуальнымъ мотивамъ самую нашу потребность въ міровоззрѣніи.

Очень поучителенъ въ этомъ отношеніи только что вышедшій сборникъ статей П. Юшкевича: „Міровоззрѣніе и міровоззрѣнія“. Въ двухъ очеркахъ этой изящно написанной книжки авторъ устанавливаетъ свою собственную точку зрѣ-

нія на „Философію, какъ міросозерцаніе“; остальныя пять статей характеризуютъ въ свѣтѣ этой точки зрѣнія проблему міросозерцанія въ постановкѣ Бергсона, Джемса, Дицгена, Толстого, Ницше.

„Новая Жизнь“, № 8, 1912 г. ст. В. Базарова „Чего ищемъ мы въ „міросозерцаніи“?

Э. Дюркгеймъ.

САМОУБІЙСТВО. Соціологическій этюдъ. Переводъ съ французскаго А. Н. Ильинскаго, подъ редакц. В. А. Базарова; съ предисл. и библіографическ. указателемъ русской литературы о самоубійствѣ д-ра Г. И. Гордона. 1912 г. XXXII + 541 стр. Цѣна 3 р. 50 к.

Содержаніе: Введеніе Кн. I. Факторы внѣсоціальные. Гл. I. Самоубійство и психопатическія состоянія. Гл. II. Самоубійство и нормальныя психологическія состоянія; раса, наслѣдственность. Гл. III. Самоубійство и космическіе факторы. Гл. IV. Подражаніе. **Кн. II. Соціальныя причины и соціальные типы.** Гл. I. Методы ихъ опредѣленія. Гл. II. Эгоистическое самоубійство. Гл. III. Эгоистическое самоубійство (*продолженіе*). Гл. IV. Альтруистическое самоубійство. Гл. V. Аномичное самоубійство. Гл. VI. Индивидуальныя формы различныхъ типовъ самоубійства. **Кн. III. Самоубійство, какъ соціальное явленіе вообще.** Гл. I. Соціальный элементъ самоубійства. Гл. II. Соотношенія между самоубійствомъ и другими соціальными явленіями. Гл. III. Практическіе выводы.

Отзывы печати:

„Невозможно просто перечислить всѣ тѣ проблемы, которыя тщательно разсмотрѣны въ этой книгѣ, одинаково богатой образчиками тонкаго психологическаго анализа и мастерскими приложеніями объективно-статистическаго метода“.

„Запросы Жизни“, № 19, 1912 г. „Самоубійство, какъ соціальное явленіе“.

Появилось въ русскомъ переводѣ капитальное сочиненіе французскаго профессора Дюркгейма о самоубійствѣ. Это сочиненіе даетъ во многихъ отношеніяхъ ключъ для пониманія того сложнаго общественнаго явленія, которое называется самоубійствомъ. **Съ рѣдкими тонкостью и остроуміемъ разработалъ авторъ огромный статистическій матеріалъ, относящійся къ самоубійству.**

„Современный міръ“, № 6, 1912 г. статья В. Вольскаго „Траурный прогрессъ“.

Дюркгеймъ — выдающійся французскій соціологъ. Его изслѣдованіе о самоубійствѣ — одно изъ самыхъ глубокихъ изслѣдованій по этому вопросу, представляющее для насъ, русскихъ, нынѣ переживающихъ небывалую эпидемію самоубійствъ, уносящую не только многія силы, но, быть-можетъ, и лучшія силы нашей многострадальной родины, особенный интересъ. Дюркгеймъ изучаетъ самоубійство въ зависимости отъ причинъ общественныхъ. Самоубійство, по его мнѣнію, является, результатомъ разрыва связи, естественно существующей между личностью и обществами, благодоря чему нарушается вѣчный законъ подчиненности отдѣльныхъ единицъ общей массѣ, часть которой онѣ составляютъ“. Изученію личныхъ особенностей, свойствъ и качествъ человѣческой души, авторъ, поставивъ себѣ опредѣленную задачу, удѣляетъ очень мало вниманія; не входитъ въ нее и выясненіе той роли, которую играетъ во многихъ случаяхъ самоубійствъ физическая организація человѣка. Что касается общественнаго значенія самоубійствъ, ихъ типовъ, ихъ причинъ и результатовъ, — **все это изучено и анализировано авторомъ съ его обычнымъ талантомъ и эрудиціей. Книга Дюркгейма заслуживаетъ самаго серьезнаго вниманія всѣхъ тѣхъ, кто интересуется судьбами русской общественности.** Быть-можетъ, она заставитъ многихъ раскисшихъ отцовъ подумать о лучшей судьбѣ для своихъ несчастныхъ дѣтей, главная вина которыхъ — ихъ чуткость къ страданіямъ родины.

„Русское Слово“, № 110, 15 мая 1912 г. Н. Рубакинъ.

„Настоящій обширный трудъ проф. Э. Дюркгейма посвященъ самому острому и самому больному явленію нашихъ дней — самоубійству.

По вопросу объ общихъ причинахъ этого грустнаго явленія въ наукѣ въ наше время царитъ пестрота взглядовъ. Эта неопредѣленность и разнообразіе взглядовъ на причины самоубійства находятся въ тѣсной зависимости отъ спо-

соба изученія этого явленія. Одни ученые изучаютъ самоубійство въ зависимости отъ біологическихъ, другіе — отъ космическихъ законовъ, третьи отъ соціальныхъ факторовъ и т. д. Къ числу послѣднихъ принадлежитъ и Дюркгеймъ. Онъ смотритъ на индивидъ, какъ на частицу общаго коллектива, и потому и самоубійство онъ изучаетъ, главнымъ образомъ, въ зависимости отъ факторовъ, управляющихъ человѣческимъ общежитіемъ. Самоубійство, по мнѣнію проф. Э. Дюркгейма, является результатомъ „разрыва связи, естественно существующей между индивидомъ и коллективомъ", благодаря чему нарушаются вѣчные законы подчиненности отдѣльной единицы общей массѣ.

Книга Дюркгейма основна на большомъ количествѣ строго провѣренныхъ данныхъ, глубоко интересна, и появленіе ея на русскомъ языкѣ можно только привѣтствовать.

„Голосъ Москвы" 1912 № 81.

Какъ нельзя кстати, изслѣдованіе профессора соціологіи Дюркгейма появляется въ наши дни — дни всеобщей нравственной растерянности и кризиса въ умственной жизни, когда самоубійства учащаются не съ часу на часъ, а съ минуты на минуту. Авторъ едва ли не впервые ставитъ вопросъ на строго научную точку зрѣнія и обстоятельно разъясняетъ факторы этого пагубнаго съ общественной точки зрѣнія явленія. Авторъ разсматриваетъ всевозможныя условія его, и прежде всего факторы внѣсоціальные; въ особенности—психическія индивидуальныя состоянія и физическую среду. При этомъ онъ отвергаетъ взглядъ на самоубійства, какъ на проявленіе въ той или иной степени сумасшествія, констатируя наличность огромнаго количества вполнѣ разумныхъ самоубійствъ. Мало вліяетъ здѣсь, вопреки ожиданіямъ, и алкоголизмъ. Ничѣмъ не доказано и вліяніе той или иной расы, какъ фактора самоубійства. Не оказываетъ на него вліянія ни климатъ, ни температура, за исключеніемъ крайне рѣдкостныхъ единичныхъ случаевъ. Ошибочна въ данномъ случаѣ и теорія подражанія: на соціальный процентъ самоубійства оно не оказываетъ существеннаго вліянія, а потому пора перестать жаловаться на опасныя стороны гласности судебныхъ процессовъ и газетныхъ отчетовъ.

Основная мысль проф. Дюркгейма: причины самоубійства надо искать въ явленіяхъ чисто соціальнаго порядка, которыя онъ и **разсматриваетъ съ большой обстоятельностью и съ характеризующей его глубиной анализа.**

„Утро Россіи", 28 мая 1912 г.

Эмиль Дюркгеймъ—одинъ изъ видныхъ современныхъ французскихъ соціологовъ, обратившій на себя особенное вниманіе своимъ сочиненіемъ о раздѣленіи общественнаго труда. Какъ соціологъ, онъ мало интересуется субъективной стороной общественнаго процесса, драматическими переживаніями личности и т. п. Для него предметомъ изслѣдованія является общество, какъ таковое. И въ этомъ отношеніи авторъ остается неизмѣннымъ, какъ въ своемъ теоретическомъ анализѣ, такъ и въ практическихъ заключеніяхъ.

Спасеніе отъ эгоистическихъ самоубійствъ авторъ видитъ въ необходимости повысить общественную связанность...

Русскій переводъ, исполненный подъ редакціей столь компетентнаго лица, какъ г. В. Базаровъ, снабженъ небольшимъ введеніемъ, написаннымъ д-ромъ Гордономъ, энергично работающимъ въ послѣднее время надъ изученіемъ поразившей насъ эпидеміи самоубійствъ и составившимъ для настоящаго изданія перечень русской литературы даннаго предмета.

„Совр. Сл." 1912 г. № 1519.

Французская — геніальная! — дисциплина ума. Еще бы двухъ-трехъ такихъ Дюркгеймовъ — и соціологія дѣйствительно стала бы похожа на науку... Сколько вдохновенія въ этихъ цифрахъ, въ этой изощренной діалектикѣ.

„Рѣчь", № 352, 1912 г. ст. К. Чуковскаго „Самоубійцы".

На первой ступени самообразованія полезна и интересна:

ЭНЦИКЛОПЕДІЯ для ЮНОШЕСТВА,

изданная **А. Л. Соколовскимъ.**

Систематическое изложеніе наукъ въ доступныхъ для каждаго предѣлахъ.

(СПБ., 1899 г.).

ВЫПУСКЪ I.

АСТРОНОМІЯ.

Составилъ **А. Л. Соколовскій.**

СОДЕРЖАНІЕ: Отъ издателя.—Введеніе.—I. Общій видъ неба при наблюденіи его простыми глазами. — II. Что мы видимъ на небѣ помощью зрительныхъ трубъ.—III. Что такое земля и какой она имѣетъ видъ.—IV. Измѣреніе небесныхъ пространствъ и величины небесныхъ тѣлъ. — V. Движеніе небесныхъ тѣлъ и законы, которыми оно управляется.—VI. О силѣ, заставляющей небесныя тѣла двигаться. Ихъ плотность и сравнительный вѣсъ.—VII. Какъ образовалась наша планетная система и небесныя свѣтила вообще.—VIII. Солнце.—IX. Земля.—X. Луна.—XI. Прочія планеты и тѣла солнечной системы.—XII. Кометы.—XIII. Неподвижныя звѣзды.—Заключеніе.

Цѣна 2 руб.

(СПБ., 1900 г.).

ВЫПУСКЪ II.

ГЕОЛОГІЯ.

СОДЕРЖАНІЕ: I. Общій взглядъ на ходъ образованія и развитія земли.—II. Геологическая сила огня: вулканизмъ; землетрясенія; процессы горообразованія; вѣковыя колебанія почвы. — III. Геологическая сила воды: движеніе воды: разрушительная сила воды; созидательная сила воды. — IV. Геологическая сила атмосферы. — V. Геологическая сила льда. — VI. Геологическая сила организмовъ: каменный уголь; органическія породы, состоящія изъ веществъ минеральныхъ; кораллы.—VII. Архитектура земной коры (стратиграфія).—VIII. Изъ какихъ земная кора состоитъ веществъ (петрографія).—IX. Историческая геологія и палеонтологія: архейскій періодъ; палеозойскій періодъ; мезозойскій періодъ; кайнозойскій періодъ.—Заключеніе.

Цѣна 2 руб.

СКЛАДЪ ИЗДАНІЯ

ВЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ

Т-ВА „Н. П. КАРБАСНИКОВЪ“

С.-ПЕТЕРБУРГЪ,	МОСКВА,	ВАРШАВА,
Гостиный Дв., № 19.	Моховая, № 24.	Новый Свѣтъ, № 69.

Акц. Общ. Типогр. Дѣла въ СПб. (Герольдъ).